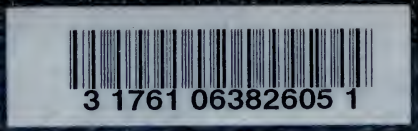

3 1761 06382605 1

Bashkirtseva, Mariia Konstantinovna
III
Dnevnik

Дневникъ
Маріи Башкирцевой.

Кн. I

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“

CT
1218
B3A319
19--
Kn.1

LIBRARY
754816
UNIVERSITY OF TORONTO

кн. 1.

BOOK AGENCY & LIBRARY
THE NEW BOOK
CASILLA DE CORREO 1143
BUENOS AIRES ARGENTINA

BIBLIOTECA M. T. [illegible]

ДНЕВНИКЪ МАРІИ БАШКИРЦЕВОЙ.

Статья У. Э. Гладстона.

(Изъ журнала „Nineteenth Century", 1889. October, № 152).

Какъ бы ни суживали мы опредѣленіе словъ — «замѣчательныя книги», мы должны признать замѣчательною каждую книгу, которая прибавляетъ новую главу въ изслѣдованіяхъ человѣческой природы или хоть одну страницу къ написанной уже главѣ. Дневникъ Маріи Башкирцевой какъ разъ удовлетворяетъ этому условію. Его можно даже назвать книгою, не имѣющею себѣ подобной. Однако же едва ли возможно представить ея содержаніе вкратцѣ, потому что ни въ одной части ея нѣтъ ничего такого, что не опровергалось бы въ другой. Но сочинительница дневника съ **наивностью**, которая никогда не оставляетъ ее, въ короткомъ предисловіи, написанномъ только за пять мѣсяцевъ до ея смерти, говоритъ о немъ: „C'est très intéressant comme document humain".

Читателю приходится приступать къ этой книгѣ при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ. О ней, какъ о пѣсняхъ Гомера, слѣдуетъ выводить заключеніе изъ внутренней очевидности. Намъ неизвѣстно, кто отдалъ ее въ печать, и она, подобно ребенку, является на свѣтъ совершенно нагая. Трудъ издателя ограничивается въ настоящемъ случаѣ маленькимъ некрологомъ въ концѣ и составленіемъ оглавленія, въ которомъ ни одна часть не занимаетъ полныхъ двухъ страницъ. Дневнику предпослано хвалебное стихотвореніе Теріе и тамъ же помѣщенъ фотографическій портретъ, представляющій энергичную преждевременно развившуюся физіономію, а далѣе говорится о томъ, какъ ея обладательница, въ двѣнадца-

тилѣтнемъ возрастѣ, обожала свои руки за ихъ красоту *). Въ дневникѣ указанія на личную интимную обстановку рѣдки и кратки, и такіе важные факты, какъ семейныя отношенія, оставлены, повидимому, съ намѣреніемъ въ темнотѣ; ни на одинъ изъ нихъ не пролито ни малѣйшаго мерцанія свѣта. Къ счастію, въ «Женскомъ мірѣ» (Woman's World) за іюнь и августъ помѣщена живая и энергичная статья, подписанная именемъ Матильды Блайндъ, дающая много свѣдѣній на этотъ счетъ.

Книга Башкирцевой не можетъ удовлетворить тѣхъ читателей, которые ищутъ въ чтеніи только удовольствія. Въ ней нѣтъ того интереса, который итальянцы характеризуютъ словомъ avvenente или занимательный. Она возбудитъ удивленіе, но не довѣріе, восторгъ, но далеко не проникнутый симпатіею. Башкирцева то привлекаетъ, то отталкиваетъ читателя и, можетъ быть, отталкиваетъ болѣе, чѣмъ привлекаетъ. Только тогда, когда въ возрастѣ, не достигшемъ еще полныхъ двадцати четырехъ лѣтъ, и смерть обрываетъ нить ея напряженнаго и переутомленнаго существованія, и гробовой покровъ падаетъ на ея прахъ, глубокая симпатія овладѣваетъ читателемъ, созерцающимъ печальное прекращеніе дѣятельности этихъ разнообразныхъ способностей, угасаніе этого энергичнаго и блистательнаго свѣта. Но при обозрѣніи содержанія всего разсказа въ цѣломъ, даже этотъ трагическій интересъ блѣднѣетъ въ сравненіи съ преобладающею странностью повѣствованія, въ качествѣ психологическаго этюда. Въ предисловіи, которое въ сущности слѣдовало бы назвать послѣсловіемъ, Башкирцева говоритъ, что во все время она неослабно старалась обнажать истинное существо своей натуры передъ людьми, разсказывая о себѣ **все, все, все.** Она выставляетъ предъ нами великолѣпную ткань, вывороченную наизнанку. Будучи личностью феноменальною и подстрекаемая отважною искренностью, она безпрестанно роется въ глубинѣ своей души и вытаскиваетъ на поверхность все, что находитъ на днѣ, испещренномъ холмами и долинами, подобно дну океана. Часто она не досказываетъ фразы, но большею частью это происходитъ, повидимому, потому, что даже ея великое умѣніе владѣть языкомъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ силѣ и энергіи ея

*) Все это говорится о французскомъ изданіи.

ысли. Она представила не столько портретъ себя самой, колько анатомическое демонстрированіе своей натуры. Глубокія линіи этого образа вырѣзаны съ такою настойчивостью, ъ такою неослабѣвающею силой, что онѣ выдаются надъ всею его поверхностью. Тенденція и характеръ ея сочиненія видны повсюду и хотя въ дневникѣ насчитывается до тысячи страницъ, представляющихъ, притомъ, множество кажущихся противорѣчій, но почти каждая страница представляетъ собою моральное сокращеніе всей книги. Слово «психологія» слишкомъ холодно и технично для обозначенія дѣятельности этой анормально возбужденной и глубоко взволнованной души. Эта дѣятельность представляетъ собою наглядный урокъ въ изученіи человѣческой природы и показываетъ намъ новыя и странныя вещи относительно существующихъ въ послѣдней величайшихъ и самыхъ дикихъ контрастовъ.

Внѣшняя исторія жизни Башкирцевой можетъ быть набросана въ краткихъ словахъ. Она русская, и притомъ интенсивно русская, потому что она интенсивна во всемъ. Ея жизнь прошла почти цѣликомъ внѣ ея родины, сперва по семейнымъ обстоятельствамъ, а потомъ — также и ради здоровья. Главныя части ея упадаютъ на Ниццу, гдѣ она впервые почувствовала великолѣпіе природы, и на Парижъ, гдѣ она подвергается дисциплинѣ и со страстью предается изученію искусства. Съ десятилѣтняго возраста, когда начинается дневникъ, ея жизнь есть постоянное напряженіе; это не только усиліе, но усиліе, поднятое анормальной энергіей.

Въ пятилѣтнемъ возрастѣ — танцы, какъ идеалъ пріятнаго движенія; затѣмъ — пѣніе, какъ высшее примѣненіе звука; и, наконецъ, искусство живописи и ваянія, какъ изображеніе жизни въ доступныхъ творчеству предѣлахъ. Каждое изъ этихъ занятій поочередно опутываетъ ее своими могущественными чарами. Въ то же самое время ея умъ непрестанно работаетъ во всѣхъ другихъ направленіяхъ, внутри и внѣ, — направленіяхъ соціальномъ, пріобрѣтательномъ, рефлективномъ. Со всѣмъ этимъ она соединяетъ постоянное преслѣдованіе цѣли своего самоописанія, и ея дневникъ, уже самъ по себѣ, представляетъ немаловажный памятникъ труда для такой кратковременной жизни. Неудивительно, что при такой дѣятельности и при такомъ непрерывномъ треніи «мечъ истерся прежде своихъ ноженъ». Въ Ниццѣ, имѣя всего четырнадцать

лѣтъ отъ роду, она почувствовала какую-то боль въ правомъ легкомъ, черезъ два года послѣ того въ какомъ-то курортѣ, въ Германіи, докторъ объявилъ, что легкое повреждено. Въ девятнадцать лѣтъ она оплакиваетъ потерю своего голоса, который, какъ она думала одно время, сдѣлалъ бы ее властительницею міра, что засвидѣтельствовано какъ ею самою, такъ и другими. Она болѣе чѣмъ подозрѣваетъ существованіе смертельнаго недуга и желаетъ только того, чтобы онъ поскорѣе покончилъ съ нею. До этого времени она начала тяготиться своею почти постоянною, хотя далеко не полною глухотою, повидимому, случайно присоединившеюся къ легочному страданію. И ее гораздо болѣе волновало это неудобство, чѣмъ ея смертельная болѣзнь, очевидно потому, что первое мѣшало ея общественнымъ сношеніямъ, между тѣмъ какъ она смѣло пренебрегала предостереженіемъ и совѣтами другихъ относительно второй. Въ шестнадцать лѣтъ она начинаетъ систематически заниматься искусствомъ atelier (мастерской). Въ сентябрѣ 1884 года, когда ей исполнилось уже двадцать три года, она все еще продолжаетъ работать, 9-го октября она жалуется на свою чрезмѣрную слабость, хотя, по ея мнѣнію, состояніе ея легкихъ не ухудшилось, 20-го дневникъ прекращается, а 31-го она умираетъ.

Такимъ образомъ мы простились съ однимъ изъ тѣхъ анормальныхъ существъ, — чаще женщинъ, чѣмъ мужчинъ, — которыя въ той или другой странѣ, повидимому, появляются одинъ или два раза въ одно поколѣніе и которыя обыкновенно предаются напряженной жизненной дѣятельности ранѣе естественнаго срока. Онѣ, повидимому, служатъ для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, предостереженіемъ — не относиться къ нимъ сурово или пренебрежительно на томъ основаніи, что они выше насъ и находятся внѣ нашей сферы: мы не можемъ уловить ихъ. И такъ какъ они, между прочимъ, предназначены для того, чтобы преподать намъ уроки, а мы не можемъ учиться, не стараясь понять, что мы по необходимости должны составить нѣчто въ родѣ приговора о нихъ, хотя съ возможною сдержанностью и снисходительностью. И дѣйствительно, слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство, относящееся ко всему характеру этой необыкновенной личности. Она была истинно геніальна, хотя нѣкоторыя изъ ея сужденій относительно литературы и искусства кажутся эксцентричными.

Но между тѣмъ, какъ ея способности во всѣхъ направленіяхъ развивались съ крайнею и преждевременною быстротою, великое качество, которое мы называемъ характеромъ, росло медленно и отличалось незрѣлостью. Мы видимъ вокругъ себя множество двѣнадцатилѣтнихъ и даже болѣе юныхъ дѣвочекъ, которыя въ этомъ главномъ отношеніи зрѣлѣе, чѣмъ была Марія Башкирцева въ день ея смерти. Нужно отдать ей справедливость: она видѣла аномаліи своей собственной натуры. Подымая глаза къ небу, она восклицаетъ:

Pourquoi dans ton oeuvre céleste
Tant d'élements si peu d'accord?

А передъ этимъ она говорила: «Я не могу жить; я создана неправильно; во мнѣ множество лишняго и множества вещей мнѣ недостаетъ, и я обладаю неустойчивымъ характеромъ».

Обладала ли она настоящею красотою — это вопросъ. Она сама часто обсуждаетъ его и обыкновенно, хотя и не однообразно, рѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ. Она несомнѣнно обладала энергіей, обаятельностью и эффектностью. Женственною она была во многихъ женскихъ слабостяхъ; но она не имѣла болѣе утонченныхъ прелестей, которыя мы обозначаемъ эпитетомъ «женственный». Она достаточно сознавала это. «О, если бы только я была мужчиной»! «Но смерть была бы еще лучше». Она дѣлаетъ и болѣе категоричное заявленіе: «Я женщина только по внѣшней оболочкѣ». Волновавшія ее чувства были чудовищны по силѣ и дѣятельности, но ея привязанности не отличались особенною энергіей. По поводу смерти домашняго врача, котораго она любила, она спрашиваетъ себя: «Неужели это въ первый разъ въ жизни я проливала слезы не единственно изъ самолюбія или гнѣва?» Члены ея семейства были ея рабами; но такъ какъ они во всемъ были ниже ея, то она не чувствовала къ нимъ симпатіи и даже со своимъ больнымъ дѣдомъ она обыкновенно вела войну на словахъ. Она не была съ нимъ груба, но только обращалась съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ. Повидимому, величайшимъ ея недостаткомъ было отсутствіе чувства почтенія. Ея дарованія были блистательны и всесторонни. Въ дѣтствѣ она была чудомъ танцовальнаго искусства и танцовала только

для того, чтобы ее видѣли. Ея голосъ, не только по ея собственнымъ словамъ, но и по отзыву другихъ, былъ великолѣпенъ. Она усвоивала языки съ такою легкостью, что, повидимому, не встрѣчала въ ихъ изученіи ни малѣйшихъ трудностей. Она сама удивляется, найдя себя такъ хорошо говорящею по-итальянски. Древніе языки она изучала, повидимому, безъ помощи учителя; и она читала Гомера серьезно, такъ какъ ни одно новѣйшее сочиненіе, сенсаціонное или чѣмъ-либо выдающееся, не производитъ на нее впечатлѣнія въ большей степени, чѣмъ описаніе разрушенія Трои. Страсть ея къ чтенію была ненасытна, способность работать — громадна. Всѣ предметы были пищею для ея ума; изъ-за политики она могла лишиться сна. Послѣ развитія, котораго она достигла къ шестнадцатилѣтнему возрасту, ея днивникъ повсюду свидѣтельствуетъ о ея способностяхъ наблюдать и размышлять.

Искусство было ея преобладающею страстью. Она привязалась къ нему и сохранила къ нему фанатическую вѣрность до конца. Она имѣла вѣрное представленіе о своемъ трудѣ, какъ о такомъ трудѣ, который достигаетъ, стремясь, къ недостижимому. «Никогда не слѣдуетъ быть довольнымъ самимъ собою», говоритъ она въ одномъ мѣстѣ. При началѣ своихъ занятій она изумила своихъ учителей, которые даже спрашивали ее — дѣйствительно ли ей самой принадлежатъ ея работы, такъ какъ они не могли понять, какимъ образомъ начинающая можетъ быть способна создать такія произведенія. Однако же и здѣсь, какъ и въ другихъ такъ называемыхъ accomplissements, которыя могутъ быть выставлены на показъ, она любила свои работы въ виду дальнѣйшей окончательной ихъ цѣли. На всѣ эти вещи она смотрѣла со своей особенной точки зрѣнія. Правда, она старалась достигнуть въ нихъ совершенства, но совершенства, ради славы, и притомъ не такой славы, которою она могла бы просто наслаждаться въ неопредѣленномъ будущемъ, а славы осязательной, знаменитости, выражающейся въ видимомъ и ощутительномъ поклоненіи, во взглядахъ толпы. Она съ неутомимою жаждой добивалась того, чтобы на нее указывали пальцами и говорили: вотъ она!

Digito monstrari, et dicier Haec est.

Она торговала на рынкѣ славы, но торговала только на наличныя деньги.

И поэтому довольно существенно, что были нѣкоторыя странности и, можетъ быть, даже несообразности въ ея идеалѣ. Она питала глубокое восторженное удивленіе къ Ватто и Грезу, но критиковала и отвергала Рафаэля, хотя обожала его страну. Ея энтузіазмъ къ прогрессу былъ безграниченъ, но ея цѣлью была реальность, а не красота. Относительно ультра-реализма ея, какъ художницы, есть одно маленькое, но знаменательное указаніе въ одномъ изъ ея двухъ произведеній, хранящихся въ Люксембургѣ. Въ группѣ **гамэновъ** оживленный разговоръ ведется возлѣ строенія, на бѣлой стѣнѣ котораго нацарапано изображеніе висѣлицы. Вѣроятно, это казалось ей самою подходящею темою для первоначальнаго опыта мальчишки. Если въ корнѣ всѣхъ ея стремленій была какая-нибудь идея, то это была идея властвованія. Этимъ усиленнымъ реализмомъ были проникнуты также ея литературные вкусы и, можетъ быть, имъ объясняется ея восторженное поклоненіе Золя, хотя ей, повидимому, были извѣстны нѣкоторыя изъ наиболѣе исключительныхъ произведеній этого автора, доводящаго реализмъ просто-напросто до грубости. Съ ея страстью къ искусству могла бы соперничать, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, только ея любовь къ явному поклоненію. Вечеръ въ театрѣ, хотя она смѣялась безпрестанно, былъ для нея потеряннымъ вечеромъ, потому что въ этотъ вечеръ она не занималась и ее не видѣли. Относительно одного большого собранія, гдѣ она присутствовала, она говоритъ: «я не произвела того эффекта, который намѣревалась произвести».

Любовь, какъ и можно было ожидать, проходитъ по сценѣ въ своихъ различныхъ формахъ: вначалѣ — въ видѣ дѣтской и мимолетной, но страстной привязанности; по временамъ — въ видѣ кокетства; иногда, какъ, напр., относительно Лепажа, живописца-реалиста, какъ и она, — въ формѣ восторженнаго удивленія, которое, повидимому, могло бы превратиться въ любовь. Однако же, когда появляется мысль о замужествѣ, ея взглядъ внезапно дѣлается практичнымъ и даже меркантильнымъ. Ей хотѣлось бы быть женою посла. Но такъ какъ въ цѣломъ брачныя узы были бы тягостнымъ и скучнымъ инцидентомъ, то она держитъ ихъ на почтительномъ отдаленіи.

Тамъ, гдѣ источники воспріимчивости такъ обильны, религія не могла не имѣть своей доли участія въ чувствахъ. Такъ

и было дѣйствительно съ Башкирцевой, — однако же болѣе въ ранніе періоды ея жизни, чѣмъ въ послѣдній. Въ 1878 году, когда она, повидимому, предусматривала свою печальную судьбу, она съ полною серьезностью говоритъ: «да исполнится воля Божія». Начиная курсъ ученія въ atelier, она торжественно посвящаетъ себя и свои труды «Отцу, Сыну и Святому Духу».

Послѣ этого ея идея о божествѣ, повидимому, потерпѣла искаженіе. Счастлива была бы она, если бы ея родители и учители руководили ее къ познанію того, «что есть добро, что слѣдуетъ принять, что есть совершенная воля Божія», и если бы въ этомъ изученіи она нашла руководящій принципъ характера и тайну душевнаго спокойствія. Она склонна относиться къ Всемогущему, какъ она относилась къ своему дѣду, en égal. Это было отношеніе, которое можно выразить словами: do ut des (даю, чтобы ты далъ) или даже словами: da, ut dem (дай, чтобы получить отъ меня). Если дѣла не устраиваются по ея желанію, она грозитъ, что перестанетъ вѣрить. «До сихъ поръ, — говоритъ она, — я всегда обращалась къ Богу; но такъ какъ Онъ совсѣмъ не слушаетъ меня, то я не вѣрю въ Него... почти». Но затѣмъ она высказываетъ, что чувствуетъ безусловную необходимость вѣры въ Бога для всѣхъ, за исключеніемъ развѣ людей очень счастливыхъ, и со свойственною ей чудовищною наивностью прибавляетъ: «Это не обязываетъ ни къ чему». Однако, читая эту книгу, мы повсюду и въ особенности здѣсь, должны помнить, что дневникъ Башкирцевой есть столько же актъ самообвиненія, какъ и самообожанія, и что она облекаетъ въ слова, и притомъ въ яркія слова, то, что мелькаетъ въ умѣ другихъ, но лежитъ тамъ въ видѣ зародыша или неформулированной мысли.

Въ числѣ назиданій, представляемыхъ этою книгой, мы должны по прочтеніи ея вынести чувство благодарности за то, что мы не поставлены судьями ближняго. Правда, нашъ приговоръ долженъ существовать, потому что безъ него мы не можемъ учиться; но онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть условнымъ, предположительнымъ, но никоимъ образомъ рѣшительнымъ и окончательнымъ. Чтобы быть понятыми, приведемъ слова Теннисона, которыя напоминаетъ намъ чтеніе дневника:

Не ладно что-то въ этомъ мірѣ,
Что будущность намъ разъяснитъ.

Марія Башкирцева напоминаетъ мнѣ развалины Селинунти, не похожія ни на какія другія развалины, которыя я когда-нибудь видѣлъ. Храмъ разрушенъ до такой степени, что можно сказать, что онъ превратился въ массу отдѣльныхъ камней; но каждый камень величественъ самъ по себѣ. Здѣсь были великія силы, нагроможденныя въ изобиліи, подобно матеріаламъ для возведенія храма Соломона. Онѣ погибли въ двойномъ разочарованіи, — такъ какъ, конечно, есть другое разочарованіе, помимо слишкомъ ранней смерти. Эта смерть — не подходящій предметъ для дѣланныхъ, изысканныхъ сѣтованій.

Пусть ни художникъ, ни поэтъ,
Съ ихъ сожалѣніемъ безплоднымъ,
Не тронутъ творчествомъ холоднымъ
Того, чего ужъ больше нѣтъ *).

Это такой урокъ, который слѣдуетъ изучить молча, и мы должны закрыть книгу съ горестною, но почтительною симпатіею къ той, которая, по яркому выраженію Терье, была „faite pour beaucoup souffrir et pour beaucoup faire souffrir".

*) Изъ Alastor'a Шелли.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ КАТАЛОГУ КАРТИНЪ МАРІИ БАШКИРЦЕВОЙ.

Лѣтомъ 1883 г. я пошелъ повидать одну мою русскую знакомую, остановившуюся у m-me Башкирцевой, въ Парижѣ, въ улицѣ Амперъ. Общество, которое я тамъ нашелъ, состояло исключительно изъ дамъ и молодыхъ дѣвушекъ, прекрасно говорящихъ по-французски съ тѣмъ особеннымъ акцентомъ, который придаетъ нашему языку въ устахъ русскихъ какую-то нѣжность и мягкость. Самый радушный пріемъ встрѣтилъ меня въ этой симпатичной средѣ, гдѣ все дышало счастьемъ.

Но едва я сѣлъ подлѣ самовара съ чашкой чая въ рукахъ, какъ вниманіе мое было поражено большимъ портретомъ одной изъ присутствующихъ дѣвушекъ, портретомъ поразительнаго сходства, написаннымъ широкою и свободною кистью истиннаго мастера.

— Это моя дочь Мари написала портретъ своей кузины, — сказала m-me Башкирцева.

Я началъ хвалебную фразу и не успѣлъ ее кончить: другой холстъ, потомъ третій, потомъ еще и еще привлекали мое вниманіе, обличая изъ ряда выходящаго художника. Я переходилъ отъ одной картины къ другой — стѣны гостиной были сплошь увѣшаны ими — и при каждомъ восклицаніи, вырывавшемся у меня отъ какого-то радостнаго изумленія, m-me Башкирцева повторяла мнѣ голосомъ, въ которомъ слышалось столько же нѣжности, сколько и гордости:

— Это моя дочь Мари!.. Это все моя дочь!..

Въ эту минуту вошла m-lle Башкирцева. Я видѣлъ ее только разъ, — я видѣлъ ее въ теченіе какого-нибудь одного часа — и никогда не забуду ее. Въ свои двадцать три года

она казалась гораздо моложе: небольшого роста, при изящномъ сложеніи, лицо круглое безупречной правильности: золотистые волосы, темные глаза, свѣтящіеся мыслью, горящіе желаніемъ все видѣть и все знать, губы, выражающія одновременно твердость, доброту и мечтательность, вздрагивающія ноздри дикой лошади. M-lle Марія Башкирцева производила съ перваго же взгляда необычайное впечатлѣніе: воли, прячущейся за нѣжностью, энергіи, скрытой въ граціи. Все обличало въ этой очаровательной дѣвушкѣ высшій умъ. Подъ этой женскою прелестью чувствовалась желѣзная, чисто мужская сила, и невольно приходилъ на память подарокъ Улисса юному Ахиллу: мечъ, скрытый между женскими уборами.

На мои поздравленія она отвѣчала мнѣ пріятнымъ мелодичнымъ голосомъ, безъ всякой ложной скромности, признаваясь въ своихъ горделивыхъ замыслахъ и — бѣдное дитя, уже отмѣченное смертью! — въ своемъ нетерпѣливомъ ожиданіи славы.

Чтобы осмотрѣть другія ея работы, мы поднялись въ ея мастерскую. Большая комната была раздѣлена на двѣ части: собственно мастерскую, освѣщаемую широкимъ окномъ сверху, и болѣе темное отдѣленіе, загроможденное бумагами и книгами. Тамъ она работала, здѣсь читала.

Инстинктивно я направился прямо къ этому chef d'oeuvr'у —Митингу, привлекшему всеобщее вниманіе на послѣдней выставкѣ: группѣ уличныхъ мальчугановъ, серьезно разсуждающихъ между собою — вѣроятно о затѣваемой шалости — передъ досчатымъ заборомъ въ какой-нибудь глухой улицѣ парижскаго предмѣстья. Повторяю — это истинный chef d'oeuvre: физіономіи, позы дѣтей полны жизненной правды, уголокъ тоскливаго пейзажа замѣчательно передаетъ уныніе, разлитое въ этихъ затерянныхъ кварталахъ. На выставкѣ публика, толпившаяся передъ картиной, единогласно присуждала медаль Башкирцевой, уже удостоенной почетнаго отзыва въ прошломъ году. Почему этотъ приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе въ жюри? Потому, что художница иностранка? Кто знаетъ! Или потому, что она принадлежала къ богатой семьѣ? Она страдала отъ этой несправедливости и хотѣла отомстить за себя, удвоивая усилія. Въ одинъ часъ я пересмотрѣлъ здѣсь двадцать начатыхъ холстовъ, сто проектовъ, рисунки, этюды, эскизъ статуи, портреты, вызывавшіе

на уста имя Франца Гальса, сцены, подмѣченныя и схваченныя среди улицъ, полныя жизни, большой пейзажъ: октябрьскій туманъ на берегу рѣки, полуобнаженныя деревья, большіе желтые листья, усыпающіе землю, — словомъ, цѣлый рядъ твореній, гдѣ на каждомъ шагу обнаруживалось чувство самаго правдиваго и искренняго художника, самый своеобразный талантъ.

Между тѣмъ любопытство влекло меня въ другую болѣе темную часть мастерской, гдѣ я видѣлъ многочисленные томы на полкахъ, на рабочемъ столѣ. Я приблизился и посмотрѣлъ заглавія: тутъ были всѣ высокія творенія человѣческаго духа. Они были здѣсь всѣ на своихъ родныхъ языкахъ: французы, нѣмцы, русскіе, англичане, итальянцы, римляне и даже греки. И это вовсе не были книги «библіотечныя», выставленныя на показъ, но настоящія потрепанныя книги, читанныя, перечитанныя, изученныя. Платонъ лежалъ на столѣ, раскрытый на чудной страницѣ.

При видѣ моего изумленія, m-lle Башкирцева смущенно опустила глаза, между тѣмъ какъ мать ея, полная радости, говорила мнѣ о всестороннемъ образованіи своей дочери, показывала мнѣ толстыя тетради, испещренныя ея замѣтками, и открытый рояль, на которомъ ея прекрасныя руки передавали всѣхъ музыкальныхъ авторовъ.

Окончательно сконфуженная изліяніями материнской гордости, молодая художница прервала нашъ разговоръ шуткой.

Мнѣ уже пора было удалиться. И странно, я испытывалъ въ эти минуты какую-то внутреннюю тревогу, какой-то страхъ — я не рѣшаюсь сказать предчувствіе. При видѣ этой блѣдной, страстной дѣвушки, мнѣ представлялся необыкновенный тепличный цвѣтокъ прекрасный и ароматный до головокруженія, и тайный голосъ шепталъ въ глубинѣ моей души: слишкомъ много заразъ. Увы, это было дѣйствительно слишкомъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ моего единственнаго визита въ улицу Амперъ, находясь вдалекѣ отъ Парижа, я получилъ письмо съ зловѣщимъ чернымъ ободкомъ, извѣщавшее меня, что Маріи Башкирцевой уже не было въ живыхъ. Она умерла двадцати трехъ лѣтъ отъ роду 31 октября 1884 года.

Я вновь увидѣлъ осиротѣлый домъ. Несчастная мать, оцѣпенѣвшая въ своей сухой, давящей скорби, не облегчае-

мой даже слезами, еще разъ показала мнѣ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ тѣ же картины и книги. Она долго говорила мнѣ о покойной. Она разсказывала о сокровищахъ этого сердца, доброта котораго ничего не потеряла съ развитіемъ ума. Задыхаясь отъ сухихъ рыданій, она провела меня въ дѣвическую спальню къ маленькой желѣзной кровати — простой солдатской кровати, гдѣ заснула вѣчнымъ сномъ юная героиня... Наконецъ, сообщивъ мнѣ, что всѣ произведенія ея дочери будутъ выставлены, она попросила меня сдѣлать для каталога предисловіе въ нѣсколько страницъ, которыя я хотѣлъ бы написать словами жгучими, какъ слезы.

Но что можно сказать о ней для публики? Передъ произведеніями Маріи Башкирцевой, передъ этой жатвой надеждъ, сраженныхъ вихремъ смерти, всякій самъ почувствуетъ хватающее за душу волненіе, ту глубокую грусть, которая сжимаетъ сердце при видѣ обрушившагося зданія, при видѣ свѣжихъ развалинъ, приникшихъ къ землѣ и еще не заросшихъ плющомъ и дикими цвѣтами.

Франсуа Коппе.

Парижъ, 9 февраля 1885.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ чему лгать и рисоваться! Да, несомнѣнно, что мое желаніе, хотя и не надежда, **остаться** на землѣ во что бы то ни стало. Если я не умру молодой, я надѣюсь остаться въ памяти людей, какъ великая художница, но если я умру молодой, я хотѣла бы издать свой дневникъ, который не можетъ не быть интереснымъ. Но такъ какъ я сама говорю объ изданіи, легко подумать, что мысль предстать на судъ публики испортила, т. е. лишила эту книгу ея единственнаго достоинства; это навѣрное! Во-первыхъ, я очень долго писала, совершенно объ этомъ не думая; а потомъ — я писала и пишу безусловно искренно именно потому, что надѣюсь быть изданной и прочитанной. Если бы эта книга не представляла **точной, абсолютной, строгой правды,** она не имѣла бы никакого смысла. И я не только все время говорю то, что думаю, но могу сказать, что никогда, ни на одну минуту не хотѣла смягчать того, что могло бы выставить меня въ смѣшномъ или невыгодномъ свѣтѣ. Да и, наконецъ, я для этого слишкомъ высоко ставлю себя. Итакъ, вы можете быть вполнѣ увѣрены, благосклонный читатель, что я **вся** въ этихъ страницахъ. Быть можетъ, я не могу представить достаточнаго интереса для **васъ,** но не думайте, что это **я,** думайте, что это просто **человѣкъ,** разсказывающій вамъ всѣ свои впечатлѣнія съ самаго дѣтства. Это очень интересный человѣческій документъ. Спросите у Зола, или Гонкура, или Мопассана. Мой дневникъ начинается съ 12 лѣтъ, хотя представляетъ интересъ только съ 15—16 лѣтъ. Такимъ образомъ остается пополнить недостающее, и я намѣрена написать нѣчто въ родѣ предисловія, которое дастъ возможность лучше понять этотъ литературный и человѣческій памятникъ.

Итакъ, предположите, что я знаменита, и начнемъ.

Я родилась 11 ноября 1860 г. Отецъ мой былъ сынъ генерала Павла Григорьевича Башкирцева, столбового дворянина, человѣка храбраго, суроваго, жесткаго и даже жестокаго. Онъ былъ произведенъ въ генералы послѣ Крымской войны, если не ошибаюсь. Онъ женился на пріемной дочери одного очень знатнаго лица, которая умерла тридцати восьми лѣтъ, оставивъ ему пять человѣкъ дѣтей — моего отца и его четырехъ сестеръ.

Мать моя вышла замужъ двадцати одного года, отвергнувъ сначала нѣсколько прекрасныхъ партій. Она—урожденная Бабанина.

Со стороны Бабаниныхъ мы принадлежимъ къ старому дворянскому роду: дѣдушка всегда похвалялся тѣмъ, что происходитъ отъ татаръ временъ перваго нашествія. Бобá, Нинá — татарскія слова, изволите видѣть; — я могу только смѣяться надъ этимъ... Дѣдушка былъ современникомъ Пушкина, Лермонтова и др. Онъ былъ поклонникъ Байрона, человѣкъ образованный, поэтъ. Онъ былъ военный и жилъ на Кавказѣ... Еще очень молодымъ онъ женился на m-lle Жюли Корнеліусъ, кроткой и хорошенькой дѣвушкѣ, 15-ти лѣтъ. У нихъ было девять человѣкъ дѣтей.

Послѣ двухъ лѣтъ супружества мать моя переѣхала со своими двумя дѣтьми къ своимъ родителямъ. Я оставалась всегда съ бабушкой, которая обожала меня, и съ тетей, которая, впрочемъ, иногда уѣзжала вмѣстѣ съ моей матерью. Тетя — младшая сестра моей матери — женщина некрасивая, готовая жертвовать и дѣйствительно жертвующая собой для всѣхъ и каждаго.

Въ Ахтыркѣ, гдѣ поселилось все семейство, мы встрѣтили Р—ва. У него была тамъ сестра, съ которой онъ не видѣлся въ теченіе 20-ти лѣтъ и которая была гораздо богаче его. Здѣсь-то и явилась впервые идея женить его на моей тетѣ. Въ Одессѣ мы жили съ Р—вымъ въ одномъ отелѣ. Въ одинъ прекрасный день было рѣшено, что дѣло нужно покончить, потому что тетя моя никогда не найдетъ лучшей партіи.

Ихъ женили, и всѣ вернулись въ Ахтырку, а черезъ 3 дня по возвращеніи бабушка скончалась.

Въ 1870 г., въ маѣ мѣсяцѣ, мы отправились за границу.

Мечта, такъ долго лелѣемая матерью, исполнилась. Около мѣсяца провели мы въ Вѣнѣ, упиваясь новостями, прекрасными магазинами и театрами. Въ іюнѣ мы пріѣхали въ Баденъ-Баденъ, въ самый разгаръ сезона роскоши, свѣтской жизни. Вотъ члены нашей семьи: дѣдушка, мама, мужъ и жена Р—вы, Дина (моя двоюродная сестра), Поль и я; кромѣ того съ нами былъ милѣйшій, несравненный докторъ Валицкій. Онъ былъ по происхожденію полякъ, но безъ излишняго патріотизма, — прекрасная, но очень лѣнивая натура, не переносившая усидчиваго труда. Въ Ахтыркѣ онъ служилъ окружнымъ врачемъ. Онъ былъ въ университетѣ вмѣстѣ съ братомъ моей матери и не переставалъ бывать у насъ въ домѣ. При отъѣздѣ за границу понадобился докторъ для дѣдушки, и Валицкій отправился вмѣстѣ съ нами.

Въ Баденѣ я впервые познала, что такое свѣтъ и манеры, и испытала всѣ муки тщеславія. У казино собирались группы дѣтей, группы державшіяся отдѣльно. Я тотчасъ же отличила группу шикарныхъ, и моей единственной мечтой стало — примкнуть къ нимъ. Эти ребятишки, обезъянничавшіе со взрослыхъ, обратили на насъ вниманіе и одна маленькая дѣвочка, по имени Берта, подошла и заговорила со мной. Я пришла въ такой восторгъ, что замолола чепуху, и вся группа подняла меня на смѣхъ обиднѣйшимъ образомъ...

Но я еще недостаточно сказала о Россіи и о себѣ самой, это главное. По обычаю дворянскихъ семей, живущихъ въ деревнѣ, у меня были двѣ гувернантки: одна русская, другая француженка. Первая (русская), о которой я сохранила воспоминаніе, была нѣкто m-me Мельникова, свѣтская женщина, образованная, романтичная, разъѣхавшаяся съ мужемъ и сдѣлавшаяся гувернанткой скорѣе всего по безразсудству, подъ вліяніемъ чтенія безчисленныхъ романовъ. Она была другомъ дома, и съ ней обходились, какъ съ равной. Всѣ мужчины за ней ухаживали, и въ одно прекрасное утро она бѣжала послѣ какой-то удивительно романической исторіи. У насъ въ Россіи романтизмъ въ модѣ. Она могла бы преспокойно проститься и уѣхать, но славянская натура, приправленная французской цивилизаціей и чтеніемъ романовъ, — странная вещь! Въ качествѣ несчастной женщины, эта дама должна была обожать малютку, порученную ея попеченіямъ; я же, — од-

ной своей склонностью къ рисовкѣ уже отплачивала ей, въ ея глазахъ, за это обожаніе... И семья моя, жадная до всякихъ приключеній, вообразила, что ея отъѣздъ долженъ былъ пагубно отозваться на моемъ здоровьѣ; весь этотъ день на меня смотрѣли не иначе, какъ съ состраданіемъ, и я даже подозрѣваю, что бабушка заказала для меня, въ качествѣ больной, особенный супъ. Я чувствовала, что, дѣйствительно, блѣднѣю отъ этого изливавшагося на меня потока чувствительности...

Я была вообще худа, хила и некрасива, что не мѣшало всѣмъ видѣть во мнѣ существо, которое несомнѣнно, неизбѣжно должно было сдѣлаться со временемъ всѣмъ, что только можетъ быть наиболѣе красиваго, блестящаго и прекраснаго. Однажды мама отправилась къ гадальщику-еврею.

«У тебя двое дѣтей, сказалъ онъ ей, сынъ будетъ — какъ всѣ люди, но дочь твоя будетъ звѣздою...»

Одинъ разъ, когда мы были въ театрѣ, какой-то господинъ сказалъ мнѣ смѣясь:

— Покажите-ка вашу ручку, барышня! О! судя по перчаткѣ, можно съ увѣренностью сказать, что вы будете ужаснѣйшей кокеткой!

Я была въ полномъ восторгѣ!

Съ тѣхъ поръ какъ я сознаю себя — съ трехлѣтняго возраста (меня не отнимали отъ груди до трехъ съ половиною лѣтъ), всѣ мои мысли и стремленія были направлены къ какому-то величію. Мои куклы были всегда королями и королевами, все, о чемъ я сама думала, и все, что говорилось вокругъ моей матери — все это, казалось, имѣло какое-то отношеніе къ этому величію, которое должно было неизбѣжно придти.

Въ пять лѣтъ я одѣвалась въ кружева моей матери, украшала цвѣтами голову и отправлялась танцовать въ залу. Я изображала знаменитую танцовщицу Петипа, и весь домъ собирался смотрѣть на меня. Поль не былъ ничѣмъ выдающимся, да и Дина не заставляла предполагать въ себѣ ничего особеннаго, хотя была дочерью любимаго дяди Жоржа.

Еще одинъ эпизодъ: какъ только Дина появилась на свѣтъ Божій, бабушка безъ всякихъ церемоній отняла ее у ея матери и оставила у себя. Это было еще до моего рожденья.

Послѣ m-me Мельниковой моей гувернанткой была m-lle Софи Д... барышня 16 лѣтъ — о, святая Русь!!! — и другая, француженка, по имени m-me Брэнъ. Она носила прическу

временъ реставраціи, имѣла блѣдно-голубые глаза и выглядѣла весьма томной съ своими пятьюдесятью годами и со своею чахоткой. Я очень любила ее. Она заставляла меня рисовать. Помню, я нарисовала съ ней маленькую церковь—черточками. Вообще, я часто рисовала; когда взрослые садились за карты, я присаживалась рисовать на зеленомъ сукнѣ.

M-me Брэнъ умерла въ 1868 г. въ Крыму. Что до молоденькой русской, считавшейся членомъ семьи, то она чуть было не вышла замужъ за одного молодого человѣка, котораго привелъ докторъ и который былъ извѣстенъ своими неудачными попытками жениться. На этотъ разъ дѣло, казалось, шло прекрасно, какъ вдругъ, однажды вечеромъ, войдя зачѣмъ-то въ ея комнату, я увидѣла m-lle Софи, которая рыдала, какъ безумная, уткнувшись лицомъ въ подушки.

Собралась вся семья:

— Что такое? что случилось?..

Наконецъ, послѣ долгихъ слезъ и рыданій, бѣдняжка говоритъ, что она никогда не могла бы... нѣтъ, никогда!.. — И снова слезы! Но что такое? отчего?..

— Оттого что... оттого что я никакъ не могу привыкнуть къ его лицу!..

Женихъ слышалъ это изъ сосѣдней залы. Черезъ часъ онъ уже упаковывалъ свой сундукъ, обливая его слезами, и уѣзжалъ. Это была семнадцатая неудачная попытка вступить въ бракъ!..

Я такъ хорошо помню это — «я не могу привыкнуть къ его лицу», это до такой степени исходило изъ души, что я тогда же поняла, до какой степени должно быть ужасно выйти замужъ за человѣка, къ лицу котораго не можешь привыкнуть.

Когда была объявлена война, мы перебрались изъ Баденъ-Бадена въ Женеву. Я уѣзжала съ сердцемъ, полнымъ горечи и проектовъ мщенія. Каждый вечеръ, ложась спать, я читала про себя слѣдующую дополнительную молитву:

«Господи! сдѣлай такъ, чтобы у меня никогда не было оспы, чтобы я была хорошенькая, чтобы у меня былъ прекрасный голосъ, чтобы я была счастлива въ семейной жизни, и чтобы мама жила какъ можно дольше!»

Въ Женевѣ мы жили въ «Hôtel de la Couronne» на берегу озера. Здѣсь мнѣ взяли учителя рисованія, который приносилъ мнѣ модели для срисовыванія: хижинки, гдѣ окна бы-

ли нарисованы въ видѣ какихъ-то палочекъ, и не имѣли ничего общаго съ настоящими окнами настоящихъ хижинъ. Мнѣ это не нравилось: я не могла допустить, чтобы окна были сдѣланы такимъ образомъ. Тогда добрѣйшій старикъ предложилъ мнѣ срисовать видъ изъ окна прямо съ натуры. Какъ разъ въ это время мы переѣхали изъ отеля въ одинъ семейный пансіонъ, откуда открывался видъ на Монбланъ, и я срисовала тщательнѣйшимъ образомъ все, что было видно изъ окна — часть Женевы и озера; но все это такъ и осталось тамъ, не помню ужъ хорошенько почему...

Въ Баденѣ успѣли снять съ насъ портреты, которые показались мнѣ просто безобразными, уродливыми въ ихъ усиліи казаться красивыми.

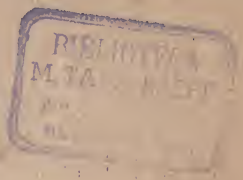
Когда я умру, прочтутъ мою жизнь, которую я нахожу очень замѣчательной (впрочемъ иначе и быть не можетъ). Но я ненавижу всякія предисловія (они помѣшали мнѣ прочесть много прекрасныхъ книгъ) и всякія предувѣдомленія этихъ изверговъ-издателей. Поэтому-то я и пишу сама мое предисловіе: безъ него можно было бы обойтись, если бы я издавала все, но я желала бы ограничиться тѣмъ, что начинается съ 18-лѣтняго возраста: все предшествующее слишкомъ длинно. Итакъ, я даю вамъ замѣтки, достаточныя для пониманія дальнѣйшаго: я часто возвращаюсь къ прошедшему по поводу того или другого.

Если я умру вдругъ, внезапно захваченная какой-нибудь болѣзнью!.. Быть можетъ, я даже не буду знать, что нахожусь въ опасности, — отъ меня скроютъ это. А послѣ моей смерти перероютъ мои ящики, найдутъ этотъ дневникъ, семья моя прочтетъ и потомъ уничтожитъ его, и скоро отъ меня ничего больше не останется, ничего, ничего! Вотъ что всегда ужасало меня! Жить, обладать такимъ честолюбіемъ, страдать плакать, бороться въ концѣ концовъ — забвеніе... забвеніе, какъ будто бы никогда и не существовалъ...

Если я не проживу достаточно, чтобы быть знаменитой, дневникъ этотъ все-таки заинтересуетъ натуралистовъ: это всегда интересно — жизнь женщины, записанныя изо дня въ день, безъ всякой описовки, какъ будто бы никто въ мірѣ не

долженъ былъ читать написаннаго, и въ то же время съ страстнымъ желаніемъ, чтобы оно было прочитано; потому что я вполнѣ увѣрена, что меня найдутъ симпатичной; и я говорю все, все, все. Не будь этого — зачѣмъ бы... Впрочемъ будетъ само собой видно, что я говорю все.

Парижъ, 1 мая 1884 г.



1873 Г. (ВЪ 12-ЛѢТНЕМЪ ВОЗРАСТѢ). ЯНВАРЬ.

Ницца, вилла Aqua-Viva.

Тетя Софи играетъ на роялѣ малороссійскія пѣсни, и это напоминаетъ мнѣ деревню; я совсѣмъ перенеслась туда мысленно и о чемъ же я могу прежде всего вспомнить изъ того времени, какъ не о бѣдной бабушкѣ. Слезы подступаютъ мнѣ къ глазамъ, онѣ уже на глазахъ и сейчасъ побѣгутъ; вотъ онѣ уже потекли и я счастлива.

Бѣдная бабушка! Мнѣ такъ грустно, что я больше уже не могу тебя видѣть. Какъ она любила меня, и какъ я ее любила. Но я была слишкомъ мала, чтобы любить тебя такъ, какъ ты этого заслуживала. Я такъ растрогана этимъ воспоминаніемъ! Воспоминаніе о бабушкѣ есть воспоминанье благоговѣйное, священное, дорогое, но оно не живо. Господи! Дай мнѣ счастья въ жизни, и я не буду неблагодарной! Но что я говорю? Мнѣ кажется, что я создана для счастья; сдѣлай меня счастливой, Боже мой!

Тетя Софи все играетъ. Звуки по временамъ доносятся до меня и проникаютъ мнѣ въ душу. Я не готовлю уроковъ, завтра праздникъ.

Господи! дай мнѣ герцога Г., я буду любить его и сдѣлаю его счастливымъ, и сама я буду счастлива и буду помогать бѣднымъ! Грѣшно думать, что можно купить милость Бога добрыми дѣлами, но я не знаю, какъ это выразить.

Я люблю герцога Г. Я не могу сказать ему, что я его люблю, да если бы я и сказала, онъ не обратилъ бы никакого вниманія. Боже мой, я молю тебя... Когда онъ былъ здѣсь, у меня была цѣль, чтобы выходить, наряжаться, а теперь!.. Я выходила на террасу въ надеждѣ увидѣть его издали хоть на одну секунду. Господи, помоги мнѣ въ моемъ горѣ, я не могу просить большаго, услышь же мою молитву. Твоя благость

такъ безконечна, Твое милосердіе такъ велико, Ты такъ много сдѣлалъ для меня!.. Мнѣ тяжело не видѣть его на прогулкахъ. Его лицо такъ выдѣлялось среди вульгарныхъ лицъ Ниццы.

Вчера m-me Говардъ пригласила насъ провести воскресенье съ ея дѣтьми. Мы были уже совсѣмъ готовы къ отъѣзду, когда m-me Говардъ вошла и сказала, что была у мамы и выпросила у нея позволенье оставить насъ у себя до вечера. Мы остались, а послѣ обѣда мы пошли въ большую залу, гдѣ было темно, и дѣвочки просили меня пѣть. Онѣ стали на колѣни, также и другія дѣти... Мы много смѣялись; потомъ я спѣла «Santa Lucia», «Солнце встало», «Я не больше какъ пастушка» и нѣсколько руладъ. Онѣ пришли всѣ въ такой восторгъ, что стали ужасно цѣловать меня — именно ужасно. Я спѣла недурно. Взрослые слушали меня изъ сосѣдней комнаты. Сначала я не знала этого, потомъ я и знала, но продолжала. Дѣти говорили со мной и смотрѣли на меня съ выраженіемъ удивленія и благоговѣнія къ моему голосу. Они предсказывали мнѣ блестящую будущность. Они были въ такомъ восторгѣ, что Лидія поцѣловала мнѣ плечо и даже руку; я не могу описать того фурора, который я произвела у нихъ. Мальчики также не отставали. Если бы я могла произвести такое же впечатлѣніе на публику, я не задумалась бы поступить на сцену сію же минуту.

Это такое великое чувство — сознавать, что тобой восхищаются за что-нибудь большее, чѣмъ туалетъ. Я такъ счастлива отъ этихъ восторженныхъ словъ дѣтей. Что же это было бы, если бы мною также восхищались **другіе**? Право я не ожидала, что такъ понравлюсь имъ.

Я создана для тріумфовъ и сильныхъ ощущеній, — поэтому лучше, что я могу сдѣлать, — это сдѣлаться пѣвицей. Если Богъ поможетъ мнѣ **сохранить, увеличить и укрѣпить** мой голосъ, — тогда я могу достигнуть тріумфа, котораго такъ жаждетъ душа моя. Итакъ, — я могу достигнуть счастья, быть знаменитой, извѣстной, обожаемой, и этимъ путемъ я могу пріобрѣсти того, кого люблю. Такою, какова я теперь, я имѣю мало надежды на его любовь, — онъ даже не знаетъ о моемъ существованіи. Но когда онъ увидитъ меня окружен-

ной славою!.. Мужчины честолюбивы... И я могу быть принята въ свѣтѣ, потому что я не буду знаменитостью, вышедшей изъ табачной лавки или грязной улицы. Я благороднаго происхожденія, я не имѣю необходимости что-нибудь дѣлать, мои средства позволяютъ мнѣ это, и слѣдовательно мнѣ будетъ еще легче возвыситься, и я достигну еще большей славы. Тогда жизнь моя будетъ совершенна. Слава, популярность, извѣстность повсюду — вотъ мои грезы, мои мечты.

Выходя на сцену — видѣть тысячу людей, которые съ замираніемъ сердца ждутъ минуты, когда раздастся ваше пѣніе. Сознавать, глядя на людей, что одна нота вашего голоса повергнетъ всѣхъ къ вашимъ ногамъ. Смотрѣть на нихъ гордымъ взглядомъ (я все могу!)—вотъ моя мечта, мое желанье, моя жизнь, мое счастье... И тогда герцогъ Г. придетъ вмѣстѣ съ другими повергнуться къ моимъ ногамъ, но онъ будетъ принятъ не такъ, какъ другіе.

Милый, ты будешь ослѣпленъ моимъ голосомъ и полюбишь меня, ты увидишь мое торжество, и ты, дѣйствительно, достоинъ только такой женщины, какой я надѣюсь быть. Я не дурна собой, я даже красива, — да, скорѣе красива; я очень хорошо сложена, какъ статуя, у меня прекрасные волосы, я хорошо кокетничаю, я умѣю держать себя съ мужчинами, я умѣю теперь очень хорошо позировать... Теперь я, конечно, не могу приложить этого на практикѣ, но потомъ... Словомъ— быть міровой знаменитостью.

Я честна, и никогда не дамъ ни одного поцѣлуя никому, кромѣ моего мужа, и я могу похвастаться тѣмъ, что не всегда могутъ сказать про себя дѣвочки 12—14 лѣтъ, тѣмъ, что еще никогда никто не цѣловалъ меня, и я сама никого не цѣловала. Тогда молодая дѣвушка, которую онъ увидитъ на высочайшей ступени славы, какая только доступна женщинѣ, дѣвушка, любящая его съ самого дѣтства, честная и чистая, удивитъ его, онъ захочетъ жениться на мнѣ во что бы то ни стало и женится на мнѣ — изъ гордости. Но что я говорю! Почему же я не могу предположить, что онъ можетъ полюбить меня! О, да, съ Божьей помощью... Богъ помогъ мнѣ найти средство привлечь того, кого я люблю... Благодарю Тебя, Господи, благодарю Тебя.

Пятница, 14-го марта 1873 г. Сегодня утромъ я слышу стукъ экипажа на улицѣ, гляжу и вижу герцога Г., ѣдущаго

на четверкѣ лошадей со стороны бульвара. Боже мой! Вѣдь если онъ здѣсь, онъ будетъ участвовать въ апрѣльской охотѣ на голубей, я непремѣнно поѣду.

Сегодня я еще разъ видѣла герцога Г. Никто не умѣетъ держать себя, какъ онъ; онъ имѣетъ видъ какого-то короля, когда онъ ѣдетъ въ своей каретѣ.

Сегодня утромъ я читала Swiss Times, я просматривала списокъ путешественниковъ не только въ Ниццѣ, но вездѣ. Я нашла герцога Г. въ Неаполѣ. Этотъ списокъ — отъ 10-го марта. Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты далъ мнѣ возможность узнать, гдѣ онъ былъ. Когда я прочла его имя, я не вѣрила глазамъ своимъ, — такъ оно для меня дорого.

На прогулкѣ я нѣсколько разъ видѣла Ж. всю въ черномъ.

Она очаровательна, впрочемъ не столько она, сколько ея волосы; ея туалетъ безупреченъ, нѣтъ ничего, что нарушало бы впечатлѣніе. Все благородно, богато, великолѣпно. Право ее можно было бы принять за даму высшаго круга. Вполнѣ естественно, что все это способствуетъ ея красотѣ, — ея домъ съ залами, маленькими уютными уголками, съ мягкимъ освѣщеніемъ, проходящимъ черезъ драпировку и зеленую листву. И она сама, причесаная, одѣтая, убранная какъ нельзя лучше, сидящая — какъ царица—въ прекрасномъ залѣ, гдѣ все приспособлено къ тому, чтобы выставить ее въ наилучшемъ свѣтѣ. Вполнѣ естественно, что она нравится, и что онъ любитъ ее. Если бы у меня была такая обстановка, я была бы еще лучше. Я была бы счастлива съ моимъ мужемъ, потому что я не стала бы распускаться, я заботилась бы о томъ, чтобы ему нравиться такъ же, какъ я заботилась объ этомъ, когда хотѣла понравиться ему въ первый разъ. Я вообще не понимаю, почему это мужчина и женщина — пока они еще не женаты — могутъ постоянно любоваться другъ другомъ и стараться другъ другу нравиться, а послѣ свадьбы распускаются и совершенно перестаютъ объ этомъ заботиться.

Почему это думаютъ, что съ словомъ бракъ все проходитъ и остается холодная, скучная дружба. Зачѣмъ опошлять понятіе о бракѣ, представляя себѣ при этомъ жену въ папильоткахъ, въ капотѣ, съ кольдъ-кремомъ на носу и постояннымъ желаніемъ раздобыть отъ мужа денегъ на туалетъ.

Почему женщина должна неглижировать собой передъ человѣкомъ, для котораго она должна была бы заботиться о своей внѣшности? Я не понимаю, какъ можно относиться къ мужу, какъ къ какому-то домашнему животному, а до свадьбы желать нравиться тому же самому человѣку. Почему бы не оставаться по отношенію къ мужу на столько же кокетливой и не относиться къ нему такъ же, какъ къ постороннему человѣку, который вамъ нравится, съ тѣмъ различіемъ, конечно, что постороннему человѣку нельзя позволить ничего лишняго? Неужели это потому, что можно любить другъ друга открыто, потому что это не считается предосудительнымъ и потому что бракъ благословленъ Богомъ? Неужели потому, что люди находятъ удовольствіе только въ томъ, что считается запрещеннымъ? Боже мой, это не должно быть такъ, я совсѣмъ иначе понимаю все это.

Я напрягаю свой голосъ, когда пою, и этимъ порчу его; я уже нѣсколько разъ давала себѣ слово не пѣть больше (слово, которое я уже сто разъ нарушала), — пока я не буду брать уроковъ, и я молила Бога усилить и укрѣпить мой голосъ. Чтобы запретить себѣ пѣть, я даю ужасный зарокъ, а именно, что я потеряю голосъ, если буду пѣть. Это ужасно, и я сдѣлаю все, чтобы выполнить этотъ зарокъ.

Пятница, 30 декабря 1873 г. Сегодня я въ моемъ допотопномъ платьицѣ, въ короткой юбочкѣ и бархатномъ казакѣ, въ тюникѣ и безрукавкѣ Дины; это очень мило. Я думаю это потому, что я умѣю носить платье и потому, что у меня хорошія манеры (я была похожа на маленькую старушку). Многіе на меня смотрѣли. Хотѣла бы я знать, почему на меня смотрѣли; потому что я смѣшна или потому, что красива. Я хотѣла бы спросить у кого-нибудь, — у какого-нибудь молодого человѣка, — красива ли я (самымъ наивнымъ тономъ). Я всегда предпочитаю вѣрить тому, что пріятнѣе, и потому предпочитаю вѣрить скорѣе, что я красива. Можетъ быть я и ошибаюсь, но если даже это иллюзія, я предпочитаю оставаться при ней, потому что это болѣе лестно. Что вы хотите? Въ этомъ мірѣ надо всегда стараться смотрѣть на вещи съ ихъ лучшей стороны. Жизнь такъ прекрасна и такъ коротка!

Я думаю о томъ, чѣмъ будетъ мой братъ Поль, когда онъ будетъ большой. Что онъ будетъ дѣлать? Онъ не можетъ проводить жизнь, какъ многіе другіе: сначала прогуливаться, по-

томъ броситься въ міръ игроковъ и кокотокъ, фи! Впрочемъ, онъ на это и не способенъ; я буду ему писать каждое воскресенье разсудительныя письма, не совѣты, а такъ — по-товарищески. Словомъ, я сумѣю взяться за дѣло, и съ Божьей помощью буду имѣть на него вліяніе, потому что онъ долженъ быть настоящимъ человѣкомъ.

Я была такъ занята, что почти забыла (какой стыдъ) объ отсутствіи герцога! Мнѣ кажется, что насъ раздѣляетъ такая громадная бездна, особенно, если мы поѣдемъ лѣтомъ въ Россію! У насъ серьзно объ этомъ поговариваютъ... Какъ могу я думать, что онъ будетъ моимъ! Онъ думаетъ обо мнѣ не больше, чѣмъ о прошлогоднемъ снѣгѣ, я для него не существую. Если мы останемся зимой въ Ниццѣ, я еще могу надѣяться, но мнѣ кажется, что съ отъѣздомъ въ Россію всѣ мои надежды разлетятся въ прахъ; все, что я считала возможнымъ, разрушается. Думая объ этомъ, я чувствую, что сердце мое — не то, что разбивается, но я чувствую какую-то тихую тупую боль, которая ужасна; я теряю все, что считала возможнымъ. Я достигла высшей ступени горя, это какое-то измѣненіе во всемъ моемъ существѣ. Какъ это странно, я только что думала объ удовольствіяхъ, о стрѣльбѣ въ цѣль, а теперь голова моя полна самыхъ грустныхъ мыслей.

Я совсѣмъ разбита этими мыслями. О, Боже мой! При мысли, что онъ никогда не полюбитъ меня, я просто умираю отъ тоски! У меня больше нѣтъ никакой надежды... Это было чистое безуміе — желать невозможнаго. Я хотѣла слишкомъ прекраснаго! Но, нѣтъ, я не должна такъ распускаться. Какъ я смѣю отчаиваться! Да развѣ нѣтъ Бога, который всемогущъ и который мнѣ покровительствуетъ! Какъ я смѣю думать такимъ образомъ! Развѣ Онъ не находится повсюду, заботясь о насъ. Онъ можетъ все, Онъ всемогущъ, для Него нѣтъ ни пространства, ни времени. Я могу быть въ Перу, а герцогъ въ Африкѣ, и если Онъ захочетъ, Онъ соединитъ насъ. Какъ я могла хоть на одну минуту допустить эти безнадежныя мысли, какъ я могла хоть на одну секунду забыть о Его божественной добротѣ! Неужели потому, что Онъ не даетъ мнѣ сейчасъ же того, что я желаю, я могу отрицать Его? Нѣтъ, нѣтъ. Онъ милосердъ и не допуститъ мою прекрасную душу терзаться преступными сомнѣніями.

О, Господи! Услышь мою молитву, поддержи меня.

Эти мысли сверкнули въ моей душѣ, какъ проблескъ свѣта, послѣ всѣхъ горестей, которыя наполняли мою голову. Я иду спать гораздо спокойнѣе, я вспомнила, что никакое разстояніе ничего не значитъ, если въ Его глазахъ я заслуживаю того, что прошу, и я молюсь. «Стучите и отворятъ вамъ» —эти святыя слова поддерживаютъ меня. Нѣтъ другого такого утѣшенія, какъ вѣра въ Бога! Какъ несчастны люди, которые ни во что не вѣрятъ.

Сегодня утромъ я показала m-lle Колиньонъ (моей гувернанткѣ) одного угольщика, говоря: посмотрите, какъ этотъ человѣкъ похожъ на герцога Г... Она сказала, улыбаясь: «Какой вздоръ!». Произнести его имя уже доставило мнѣ громадное удовольствіе. Но я вижу, что когда ни съ кѣмъ не говоришь о томъ, кого любишь, эта любовь какъ будто сильнѣе: это точно флаконъ съ эфиромъ, — если онъ закупоренъ, запахъ силенъ; если же оставить его открытымъ, онъ улетучивается. Потому-то любовь моя такъ сильна, что о ней никогда не говорятъ, ни сама я не говорю о ней и храню ее всю про себя.

Я въ такомъ грустномъ настроеніи, что не имѣю никакого опредѣленнаго представленія о моемъ будущемъ, т. е. я знаю, чего бы я хотѣла, но не знаю, что со мной будетъ въ дѣйствительности. Какъ я была весела прошлой зимой, все улыбалось мнѣ, я имѣла надежду. Я люблю какую-то тѣнь, которая, быть можетъ, никогда не будетъ моей. Я въ отчаяніи изъ-за платьевъ, я даже плакала. Мы были съ тетей у двухъ портнихъ, у нихъ все плохо. Надо будетъ написать въ Парижъ. Я не могу выносить здѣшнихъ платьевъ, они придаютъ мнѣ какой-то жалкій видъ.

Вечеромъ я была въ церкви, я говѣю: это первый день нашей страстной недѣли.

Я должна сказать, что мнѣ не нравится очень многое въ моей религіи, но не отъ меня зависитъ передѣлать это. Я вѣрю въ Бога, въ Христа, въ св. Дѣву Марію, я молюсь Богу каждый вечеръ, и мнѣ нѣтъ дѣла до нѣкоторыхъ бездѣлицъ, которыя не могутъ имѣть никакого значенія для истинной религіи, при истинной вѣрѣ. Я вѣрю въ Бога, и Онъ добръ ко мнѣ и даетъ мнѣ болѣе, чѣмъ необходимое. О, если бы Онъ далъ мнѣ то, чего я такъ желаю! Богъ сжалится надо мной, хотя я и могла бы обойтись безъ того, о чемъ прошу, но вѣдь

я была бы такъ счастлива, если бы герцогъ обратилъ на мен вниманіе, и я благословляла бы имя Божіе.

Я должна написать его имя, потому что если бы я оставалась долгое время, не говоря его никому и даже не написала бы его, я бы, кажется, не могла больше жить. Я бы треснула, честное слово. Это успокаиваетъ, когда, по крайней мѣрѣ, пишешь.

Сегодня на прогулкѣ я замѣчаю наемную карету и въ ней молодого человѣка — высокаго, худощаваго брюнета: мнѣ кажется, что я въ немъ узнаю кого-то. Я вскрикиваю отъ изумленія. Меня спрашиваютъ, что со мной, и я отвѣчаю, что m-lle Колиньонъ наступила мнѣ на ногу.

Между нимъ и его братомъ нѣтъ ничего общаго, но все-таки я довольна, что его встрѣтила. О, если бы хоть съ нимъ-то познакомились, тогда черезъ него можно было бы познакомиться и съ его братомъ. За обѣдомъ Валицкій вдругъ говоритъ: «Г.» Я покраснѣла, сконфузилась и пошла къ шкафу. Мама упрекнула меня за это, говоря, что моя репутація и т. д., что это нехорошо. Я думаю, что она нѣсколько догадывается, потому что каждый разъ, когда скажутъ «Г.», я краснѣю, или быстро выхожу изъ комнаты. Однако она не бранитъ меня.

Всѣ сидѣли въ столовой, преспокойно болтая, въ полной увѣренности, что я занята уроками. Они и не подозрѣвали, что со мной дѣлается и каковы теперь мои мысли.

Я должна быть или герцогиней Г. — этого я всего больше желаю (потому что Богъ видитъ, до какой степени я люблю его), или знаменитой актрисой; но эта будущность не улыбается мнѣ такъ, какъ первая. Это, конечно, лестно — видѣть благоговѣніе всего міра, начиная съ самыхъ малыхъ и кончая монархами, но другое...

Да, я буду обладать тѣмъ, кого люблю, это совсѣмъ въ другомъ родѣ, но я предпочитаю его.

Быть великосвѣтской женщиной, герцогиней — я предпочитаю быть въ этомъ обществѣ, чѣмъ считаться первой среди міровыхъ знаменитостей, потому что это — совсѣмъ другой міръ.

Нужно будетъ найти себѣ мужа со временемъ. Герцогъ... я больше не смѣю на это надѣяться, ни даже думать о немъ; сердце мое болитъ, я не смѣю больше любить его и нужно найти кого-нибудь другого, котораго я, быть можетъ, даже не

буду любить! Въ сотый разъ я поручаю себя Богу и умоляю Его дать мнѣ герцога. Онъ все можетъ, но, быть можетъ, Богъ не считаетъ меня достойной того, о чемъ я прошу. Кто позволилъ мнѣ думать, что онъ когда-нибудь будетъ моимъ. О, Боже мой, если я согрѣшила чѣмъ-нибудь, прости меня, прости маленькую безумницу! Господи, не наказывай меня! Жизнь кажется мнѣ такой прекрасной, улыбающейся, не разочаровывай меня! Я обѣщаю никогда не возгордиться отъ своего счастья, я буду помогать бѣднымъ... Прости, прости меня!

6 мая 1874 г. Мама встала и m-lle Колиньонъ тоже, она была больна. Послѣ дождя была такая чудесная погода, было такъ свѣжо, и деревья, освѣщенныя солнцемъ, были такъ прекрасны, что я не могла учиться, тѣмъ болѣе, что сегодня у меня есть время; я пошла въ садъ, поставила стулъ у ключа, и вокругъ меня была такая прекрасная картина: ключъ окруженъ деревьями, такъ что не видно ни земли, ни неба, видишь только струйку ручейка и камни, поросшіе мхомъ, и кругомъ деревья самыхъ разнообразныхъ породъ, освѣщенныя солнцемъ. Трава такая зеленая, зеленая и мягкая, такъ что хотѣлось бы просто поваляться на ней. Все вмѣстѣ образовало какъ бы лощинку, такую свѣжую мягкую, такую чудесную, что напрасно я бы старалась описать ее.

Если вилла и садъ не измѣнятся, я приведу его сюда, чтобы показать ему мѣсто, гдѣ я такъ много о немъ думала... Вчера вечеромъ я молилась Богу, и когда дошла до того мѣста, гдѣ прошу Его, чтобы мы познакомились и чтобы онъ былъ моимъ, я заплакала, стоя на колѣняхъ. Уже три раза Онъ внималъ моимъ молитвамъ: первый разъ я просила объ игрѣ въ крокетъ, и тетя привезла мнѣ его изъ Женевы. Другой разъ я просила Его помочь мнѣ научиться англійскому языку, я такъ молилась, такъ плакала, и мое воображеніе было такъ возбуждено, что мнѣ представился въ углу комнаты образъ Богородицы, Которая мнѣ обѣщала. Я могла бы даже узнать этотъ образъ.

Вчера Онъ опять услышалъ меня: я плакала; я уже два дня не могла плакать, а когда стала молиться, я заплакала. Онъ услышалъ меня; да святится имя Его.

Я ужъ полтора часа жду къ уроку m-lle Колиньонъ, и это вотъ каждый разъ такъ! А мама упрекаетъ меня и не знаетъ,

какъ это огорчаетъ меня самое. Досада, возмущеніе такъ и жжетъ меня. M-lle Колиньонъ пропускаетъ уроки, она заставляетъ меня терять время.

Мнѣ тринадцать лѣтъ; если я буду терять время, что же изъ меня выйдетъ!

Кровь моя кипитъ, я просто блѣднѣю, а минутами кровь ударяетъ мнѣ въ голову, сердце бьется, я не могу спокойно сидѣть на мѣстѣ, слезы душатъ мнѣ горло, я стараюсь ихъ удержать, но отъ этого я только еще болѣе чувствую себя несчастной; вѣдь все это разрушаетъ мое здоровье, портитъ мой характеръ, дѣлаетъ меня раздражительной, нетерпѣливой. У людей, которые проводятъ жизнь спокойно, это отражается и на лицѣ, а я то и дѣло возбуждена, слѣдовательно она крадетъ всю мою жизнь вмѣстѣ съ уроками.

Въ шестнадцать, семнадцать лѣтъ придутъ другія мысли, а теперь-то и время учиться. Какое счастье, что я не принадлежу къ тѣмъ дѣвочкамъ, которыя воспитываются въ монастырѣ и, выходя оттуда, бросаются, какъ сумасшедшія, въ круговоротъ удовольствій, вѣрятъ всему, что имъ говорятъ модные фаты, а черезъ два мѣсяца уже чувствуютъ себя разочарованными, обманутыми во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ.

Я не хочу, чтобы думали, что, окончивъ ученье, я только и буду дѣлать, что танцовать и наряжаться. Нѣтъ. Окончивъ дѣтское ученье, я буду серьезно заниматься музыкой, живописью, пѣніемъ. У меня есть талантъ ко всему этому, и даже большой! Какъ это облегчаетъ, когда пишешь! Теперь я нѣсколько успокоилась; но все это вліяетъ не только на мое здоровье, но и на мой характеръ и даже на лицо. Меня бросаетъ въ краску, щеки мои горятъ, какъ огнемъ, а когда я потомъ и успокоюсь, онѣ уже не выглядятъ свѣжо и розово. И я выгляжу всегда какой-то блѣдной и вялой, это по винѣ m-lle Колиньонъ, потому что причиной всему этому волненіе, которое она меня заставляетъ переживать. У меня даже нѣсколько болитъ голова послѣ того какъ я прокиплю такъ нѣсколько времени. Мама обвиняетъ меня; она говоритъ, что я сама виновата, что не говорю по-англійски; какъ это мнѣ обидно.

Я думаю, что когда-нибудь онъ прочтетъ этотъ дневникъ и найдетъ его глупымъ, особенно мои постоянныя изъясненія въ любви; я столько разъ повторяла ихъ, что они потеряли всякую силу.

M-me Савельева при смерти; мы отправляемся къ ней, вотъ уже два дня, какъ она въ безсознательномъ состояніи и ничего не говоритъ. Въ ея комнатѣ сидитъ старая m-me Патонъ. Я посмотрѣла на постель, но сначала не могла ничего различить и искала глазами больную; потомъ я увидѣла ея голову, но она такъ измѣнилась, что изъ женщины полной стала совсѣмъ худой; ротъ открытъ, глаза закрыты, дыханье сильное и тяжелое. Всѣ говорили шопотомъ, но она не подавала никакого признака жизни; доктора говорятъ, что она ничего не сознаетъ, но мнѣ кажется, что она слышитъ и понимаетъ все, что вокругъ нея дѣлается и только не можетъ ни крикнуть, ни даже ничего сказать. Когда мама прикоснулась къ ней, она тяжело вздохнула. Старикъ Савельевъ встрѣтилъ насъ на лѣстницѣ и, захлебываясь отъ слезъ и рыданій, взялъ мамину руку и сказалъ: «Вы сами больны, вы совсѣмъ не бережетесь, моя бѣдная». Я молча обняла его. Потомъ пришла ея дочь и бросилась къ постели, призывая мать свою. Бѣдная! Вотъ уже пять дней, какъ она въ этомъ состояніи. Видѣть свою мать со дня на день умирающей! Я вышла со старикомъ въ другую комнату. Какъ онъ постарѣлъ за эти нѣсколько дней! Всѣ имѣютъ какое-нибудь утѣшеніе, у его дочери свои дѣти, а онъ одинокъ, проживъ со своей женой тридцать лѣтъ, это что-нибудь да значитъ! Хорошо-ли, дурно-ли онъ съ ней жилъ, привычка имѣетъ громадное значеніе.

Я нѣсколько разъ возвращалась къ больной. Экономка ходитъ совсѣмъ заплаканная; отрадно видѣть въ прислугѣ такую привязанность къ своей госпожѣ. Бѣдный старикъ совсѣмъ превратился въ ребенка.

Ахъ, если только подумать, какъ жалокъ человѣкъ! Каждое животное можетъ имѣть, смотря по желанію, какую ему угодно физіономію; оно не обязано улыбаться, когда ему хочется плакать. Когда оно не хочетъ видѣть себѣ подобныхъ, оно ихъ не видитъ, а человѣкъ рабъ всего и всѣхъ. И между тѣмъ меня лично это, вообще говоря, не тяготитъ, я люблю и выѣзжать, и принимать.

Это первый разъ, что мнѣ приходится идти противъ своего желанія, а сколько еще разъ придется мнѣ заставлять себя улыбаться въ то время, какъ я буду готова плакать. Между тѣмъ я сама выбрала эту жизнь, эту свѣтскую жизнь!

Впрочемъ, когда я буду большая, у меня уже не будетъ непріятностей, я буду всегда весела...

M-me Савельева умерла вчера вечеромъ. Мама и я отправились къ ней; тамъ было много дамъ. Что сказать объ этой сценѣ? Скорбь направо, скорбь налѣво, скорбь написана на полу и на потолкѣ, скорбь въ пламени каждой свѣчи, скорбь даже въ воздухѣ. У ея дочери была истерика; всѣ плакали. Я цѣловала ея руки, повела ее и посадила рядомъ съ собой; я хотѣла сказать ей нѣсколько словъ утѣшенія и не могла. Да и какія утѣшенія? Одно время! Я вообще нахожу всякія утѣшенія банальными и глупыми. По-моему, больше всѣхъ жалко старика, который остался одинъ! Одинъ!! Одинъ!!! О, Боже, что дѣлать? По-моему, все должно кончиться. Я такъ думаю. Но если бы умеръ кто-нибудь изъ нашихъ, я бы не могла разсуждать такимъ образомъ.

Сегодня у меня былъ большой споръ съ учителемъ рисованія Бинза. Я ему сказала, что хочу учиться серьезно, начать сначала, что то, что я дѣлаю, ничему не научаетъ, что это пустая трата времени, что съ понедѣльника я хочу начать настоящее рисованіе. Впрочемъ, не его вина, что онъ училъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ думалъ, что до него я уже брала уроки и уже рисовала глаза, рты и т. д., и что рисунокъ, ему показанный, былъ мой первый рисунокъ въ жизни и притомъ сдѣланный **мною самою.**

Сегодняшній день нѣсколько отличается отъ другихъ дней, такихъ монотонныхъ и однообразныхъ. На урокѣ я попросила m-lle Колиньонъ дать мнѣ одно ариѳметическое объясненіе. На это она мнѣ сказала, что я должна понять сама. Я ей замѣтила, что вещи, для меня непонятныя, мнѣ должны объяснить. «Здѣсь нѣтъ никакихъ **должны**», сказала она. — «**Должны** умѣстно повсюду»! — отвѣчала я.—«Продолжайте». — «Подождите немного, я сначала пойму это, а потомъ уже перейду къ слѣдующему». Я отвѣчала наиспокойнѣйшимъ тономъ и она злилась, что не можетъ найти ничего грубаго въ моихъ словахъ. Она крадетъ мое время! Уже 4 мѣсяца моей жизни потеряны. Легко сказать! Положимъ, она больна, но зачѣмъ же вредить мнѣ? Заставляя меня терять время, она губитъ мое будущее счастье. Каждый разъ, когда я прошу ее что-нибудь объяснить мнѣ, она отвѣчаетъ мнѣ грубостями; я

не хочу, чтобы со мной говорили такимъ образомъ; она какая-то бѣшеная; особенно когда она больна, она невыносима. Однако я продолжаю. Она сдѣлала глаза вѣдьмы. «Дѣлайте то, что я вамъ говорю, вы привыкли грубить всѣмъ и каждому, но я этого не потерплю, слышите?»

— Зачѣмъ вы кричите? — сказала я ей такимъ спокойнымъ тономъ, что даже сама удивилась.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда я слишкомъ разсержена, или даже просто раздражена, я дѣлаюсь неестественно спокойна. Этотъ тонъ взбѣсилъ ее еще болѣе; она ожидала вспышки.

— Вамъ 13 лѣтъ, какъ вы смѣете!

— Именно, m-lle, мнѣ 13 лѣтъ, и я не хочу, чтобы со мной такъ говорили; прошу васъ не кричать.

Она вылетѣла, какъ бомба, крича и говоря разныя неблагопристойности. Я на все отвѣчала спокойно, отчего она приходила въ еще большее бѣшенство.

— «Это послѣдній урокъ, что я вамъ даю!»

— О, тѣмъ лучше! — сказала я.

Въ ту минуту, какъ она выходила изъ комнаты, я вздохнула такъ, какъ будто съ меня сняли сто пудовъ. Я вышла довольная и отправилась къ мамѣ. Она бѣжала по коридору и опять начала кричать, я продолжала свою тактику, дѣлая видъ, что ничего не слышу. Весь коридоръ мы прошли вмѣстѣ, она — какъ фурія, я — вполнѣ невозмутимо. Я пошла къ себѣ, а она просила позволенія переговорить съ мамой.

Сегодня ночью я видѣла ужасный сонъ. Мы были въ незнакомомъ мнѣ домѣ, какъ вдругъ, я и не знаю, кто еще, взглянули въ окно. Я вижу солнце, которое увеличивается и покрываетъ почти полнеба, но оно не блеститъ и не грѣетъ. Потомъ оно дѣлится, четверть исчезаетъ, остальное продолжаетъ дѣлиться, мѣняя цвѣта. Мы въ ужасѣ. Потомъ оно на половину покрывается облакомъ и всѣ вскрикиваютъ: «солнце остановилось!» Какъ будто обыкновенно оно вертится! Нѣсколько мгновеній оно оставалось неподвижнымъ и блѣднымъ, потомъ вся земля сдѣлалась странной: не то что она качалась, — я не могу выразить, что это было, такъ какъ этого совсѣмъ не существуетъ среди того, что мы видимъ

обыкновенно. Нѣтъ словъ для выраженія того, чего мы не понимаемъ. Потомъ оно опять начало вращаться, какъ два колеса, одно въ другомъ, т. е. свѣтлое солнце минутами покрывалось облакомъ, такимъ же круглымъ, какъ оно само. Волненіе было общее; я спрашивала себя, не конецъ-ли это свѣта и мнѣ хотѣлось вѣрить, что это только такъ, не на долго. Мамы не было съ нами, она пріѣхала въ чемъ-то въ родѣ омнибуса и не казалась испуганной. Все было странно, и этотъ омнибусъ былъ не такой, какъ обыкновенные. Потомъ я стала пересматривать мои платья; мы уложили наши вещи въ маленькій сакъ-вояжъ. Но вдругъ опять все началось сначала. Это былъ конецъ свѣта, и я спрашивала себя, какъ это Богъ не предупредилъ меня и неужели я достойна въ живыхъ присутствовать при этомъ днѣ. Всѣ были въ страхѣ, мы съ мамой сѣли въ карету и поѣхали, — не знаю куда.

Что означаетъ этотъ сонъ? Посланъ ли онъ отъ Бога, чтобы предупредить о какомъ-нибудь важномъ событіи, или это просто нервы?

Я такъ живо помню этотъ сонъ! Небо было то темное, со звѣздами, и тогда солнца не было видно, то свѣтлое, какъ въ пять часовъ утра. Кончилось тѣмъ, что солнце совсѣмъ исчезло. Какъ же быть безъ солнца? Значитъ это конецъ міра? Потомъ происходили странныя вещи, я не могу ихъ описать, такъ какъ не существуетъ ничего подобнаго. Я не знаю словъ для выраженія того,что я видѣла, потому что оно сверхъестественно.

M-lle Колиньонъ уѣзжаетъ завтра. Во всякомъ случаѣ, это грустно. Вѣдь жаль даже собаку, съ которой долго прожилъ и которую вдругъ увозятъ. Каковы бы ни были наши отношенія, какой-то червь гложетъ мнѣ сердце.

Проѣзжая мимо виллы Ж., я взглянула на маленькую террасу направо. Въ прошломъ году, отправляясь на скачки, я видѣла его, сидящимъ тамъ съ ней. Онъ сидѣлъ въ своей обычной благородной и непринужденной позѣ и ѣлъ пирожокъ. Я такъ хорошо помню всѣ эти мелочи. Проѣзжая, мы смотрѣли на него, а онъ на насъ. Онъ единственный, о которомъ мама говоритъ, что онъ ей очень нравится; я этому такъ рада. Она сказала: «посмотри: Г. ѣстъ здѣсь пирожки, но и это у него вполнѣ естественно, онъ точно у себя дома».

Я еще не давала себѣ отчета въ томъ волненіи, которое я испытывала при видѣ его. Только теперь я вспоминаю и понимаю всѣ маленькія подробности, касающіяся его, всѣ слова, имъ сказанныя.

Когда Реми сказалъ мнѣ на скачкахъ, что онъ говорилъ съ герцогомъ Г., у меня сердце забилось, хотя я и не понимала отчего. Потомъ, когда на тѣхъ же скачкахъ Ж. сидѣла около насъ и говорила о немъ, я почти не слушала. О, что бы дала я теперь, чтобы услышать вновь ея слова! Потомъ, когда я была въ англійскомъ магазинѣ, онъ былъ тамъ и насмѣшливо смотрѣлъ на меня, какъ бы говоря: «какая смѣшная дѣвочка, что она о себѣ воображаетъ!» Онъ былъ правъ: я была очень смѣшна въ моемъ шелковомъ платьицѣ, да, я была очень смѣшна! Я не смотрѣла на него. Потомъ при каждой встрѣчѣ мое сердце до боли ударяло въ груди. Не знаю, испытывалъ ли это кто-нибудь; но я боялась, что мое сердце бьется такъ сильно, что это услышатъ другіе. Прежде я думала, что сердце не что иное какъ кусокъ мяса, теперь же вижу, что оно связано съ душой.

Теперь мнѣ понятно, когда говорятъ «мое сердце билось». Прежде, когда это говорили въ театрѣ, я не обращала вниманія, теперь же я узнаю испытанныя мною чувства.

Время мчится, какъ стрѣла. Утромъ я немного учусь музыкѣ; до двухъ часовъ Аполлонъ Бельведерскій, котораго я срисовываю. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ герцогомъ, — особенно въ тѣ минуты, когда на него смотрятъ; выраженіе очень похоже. Та же манера держать голову и такой же носъ.

Мой учитель музыки Manote былъ очень доволенъ мною сегодня утромъ. Я сыграла часть концерта Мендельсона безъ единой ошибки. Вчера были въ русской церкви по случаю Троицы.

Церковь вся украшена цвѣтами и зеленью. Читали молитвы, гдѣ священникъ молился о прощеніи грѣховъ; онъ ихъ всѣ перечислилъ; потомъ онъ молился, стоя на колѣняхъ. Все, что онъ говорилъ, такъ подходило ко мнѣ, что я какъ бы застыла, слушая и повторяя его слова.

Это второй разъ, что я молилась такъ хорошо въ церкви; первый разъ это было въ первый день новаго года.

Общественная служба сдѣлалась такой банальной; произносимыя слова не имѣютъ отношенія къ обыденной жизни и къ чувствамъ большинства. Я хожу къ обѣднѣ и не молюсь: молитвы и гимны не отвѣчаютъ тому, что говорятъ мое сердце и моя душа; они даже мѣшаютъ мнѣ свободно молиться. А между тѣмъ молитвы, гдѣ священникъ молится за всѣхъ, гдѣ каждый находитъ что-нибудь относящееся къ нему, проникаютъ мнѣ прямо въ душу.

Парижъ. Наконецъ я нашла то, что искала, сама того не сознавая: жизнь — это Парижъ, Парижъ — это жизнь!.. Я мучилась, такъ какъ не знала, чего хочу. Теперь я прозрѣла, я знаю, чего хочу! Переселиться изъ Ниццы въ Парижъ, имѣть помѣщеніе, обстановку, лошадей, какъ въ Ниццѣ; войти въ общество черезъ русскаго посланника; вотъ, вотъ чего я хочу! Какъ счастливъ тотъ, кто знаетъ, чего желаетъ. Но вотъ мысль, которая терзаетъ меня; мнѣ кажется, что я безобразна! Это ужасно!

Сердце — это кусокъ мяса, соединенный тоненькой ниточкой съ мозгомъ, который въ свою очередь получаетъ новости отъ глазъ и ушей. Можно сказать, что сердце говоритъ вамъ, потому что ниточка двигается и заставляетъ его биться сильнѣе обыкновеннаго и оно гонитъ кровь къ лицу.

Мы были у фотографа Valery; тамъ я видѣла портретъ Ж. Какъ она хороша! Но черезъ 10 лѣтъ она будетъ стара, черезъ 10 лѣтъ я буду взрослая; я была бы лучше, если бы я была больше. Я позировала 8 разъ; фотографъ сказалъ: «если на этотъ разъ удастся, я буду доволенъ». Мы уѣхали, не узнавъ результата.

Разразилась гроза; молніи были просто страшны; иногда онѣ падали на землю, оставляя на небѣ серебристую черту, — тонкую, какъ римская свѣча.

Ницца. Я смотрю на Ниццу, какъ на мѣсто изгнанія. Однако я должна заняться распредѣленіемъ дней и часовъ для учителей. Съ понедѣльника я начну занятія, такъ ужасно прерванныя m-lle Колиньонъ.

Съ зимою появится общество, а съ обществомъ веселье; тогда будетъ уже не Ницца, а маленькій Парижъ. А скачки!

Ницца имѣетъ свою хорошую сторону. Тѣмъ не менѣе 6 или 7 мѣсяцевъ, которые надо здѣсь провести, кажутся мнѣ цѣлымъ моремъ, которое надо переплыть. Я не спускаю глазъ съ моего маяка. Я не надѣюсь пристать, я не надѣюсь видѣть эту землю, но одинъ видъ ея даетъ мнѣ силу и энергію дожить до будущаго года, а затѣмъ... А зачѣмъ? Право я ничего не знаю! Но я надѣюсь, я вѣрю въ Бога, въ Его безграничное милосердіе—вотъ почему я не теряю бодрости. «Тотъ, кто живетъ подъ Его покровительствомъ, найдет свое спокойствіе въ милосердіи Всемогущаго. Онъ осѣнитъ тебя Своими крылами, подъ ихъ охраною ты будешь въ безопасности, ты не будешь бояться ни вліянія ночныхъ созвѣздій, ни дневныхъ несчастій...» Я не могу выразить, какъ я умилена и насколько сознаю милость Бога ко мнѣ.

Мама лежала, а мы всѣ были около нея, когда докторъ, вернувшись отъ Патонъ, сказалъ, что умеръ Абрамовичъ. Это ужасно, невѣроятно, изумительно! Я не могу повѣрить, что онъ умеръ! Нельзя умереть, будучи такимъ милымъ и привлекательнымъ! Мнѣ все кажется, что онъ вернется зимою, со своей знаменитой шубой и со своимъ пледомъ. Это ужасно — смерть! Меня просто сердитъ его смерть! Такіе люди, какъ С. и Ж., живутъ, а молодой человѣкъ, какъ Абрамовичъ, умираетъ!

Всѣ пришли въ ужасъ, даже у Дины вырвалось какое-то восклицаніе. Я спѣшу написать Еленѣ Говардъ. Всѣ были въ моей комнатѣ, когда пришла эта печальная вѣсть.

9 іюня 1873 г. Я начала учиться рисовать. Я чувствую себя усталой, вялой, неспособной работать. Лѣто въ Ниццѣ меня убиваетъ; никого нѣтъ, я готова плакать. Словомъ, я страдаю. Вѣдь живутъ только однажды. Провести лѣто въ Ниццѣ значитъ потерять полжизни. Я плачу, одна слеза упала на бумагу. О, если бы мама и другіе знали, чего мнѣ стоитъ здѣсь оставаться, они не заставляли бы меня жить въ этой ужасной пустынѣ. Я не имѣю о немъ никакихъ извѣстій; уже такъ давно я не слышу даже его имени. Мнѣ кажется, что онъ умеръ. Я живу какъ въ туманѣ; прошедшее я едва помню, настоящее мнѣ кажется отвратительнымъ. Я совершенно измѣнилась; голосъ охрипъ, я стала некрасива: прежде, просыпаясь, я была розовая, свѣжая, а теперь! Что же это такое

меня гложетъ? Развѣ со мной что-нибудь случилось? или случится?

Наняли виллу Bacchi; говоря по правдѣ, жить въ ней будетъ страшно непріятно: для какихъ-нибудь буржуа это годится, но для насъ!.. Я аристократка и предпочитаю раззорившагося дворянина богатому буржуа, я вижу больше прелести въ старомъ шелкѣ, въ потерпѣвшей отъ времени позолотѣ, въ сломанныхъ колоннахъ и арабескахъ, чѣмъ въ богатомъ, но безвкусномъ, бьющемъ въ глаза убранствѣ. Самолюбіе настоящаго аристократа не удовлетворится блестящими, хорошо сшитыми сапогами и перчатками въ обтяжку. Нѣтъ, одежда должна быть до извѣстной степени небрежна... но между благородной небрежностью и небрежностью бѣдности такая большая разница.

Мы оставляемъ это помѣщеніе; мнѣ его жаль — не изъза его удобствъ и красоты, но потому, что это старый другъ, къ которому я привыкла. Какъ подумаешь, что я больше не увижу моей милой классной комнаты! Я здѣсь такъ много думала о немъ. Этотъ столъ, на который я теперь опираюсь и на которомъ я писала каждый день все, что было наиболѣе дорогого и священнаго въ моей душѣ! Эти стѣны, по которымъ столько разъ скользилъ мой взглядъ, желая проникнуть черезъ нихъ и устремиться въ безконечную даль... Въ каждомъ цвѣткѣ ихъ обой я видѣла его! Сколько воображала я себѣ въ этой комнатѣ сценъ, гдѣ онъ игралъ главную роль. Мнѣ кажется, нѣтъ въ мірѣ вещи, отъ наиболѣе обыкновенной, до самой фантастической, о которой я бы не передумала въ этой комнатѣ.

Вечеромъ Поль, Дина и я сидѣли вмѣстѣ. Потомъ я осталась совсѣмъ одна. Луна освѣщала мою комнату, и я не зажигала свѣчи. Я вышла на террасу и услышала вдали звуки скрипки, гитары и флейты. Я быстро вернулась и сѣла къ окну, чтобы лучше слышать. Это было чудесное тріо. Уже давно я не слушала музыки съ такимъ удовольствіемъ. Въ концертѣ болѣе занимаешься осмотромъ публики, — но въ этотъ вечеръ, совсѣмъ одна, при лунномъ сіяніи, я пожирала,

если можно такъ выразиться, эту серенаду. Молодые люди Ниццы давали намъ серенаду. Нельзя себѣ представить большей галантности. Къ несчастью свѣтскіе молодые люди не любятъ болѣе этого развлеченія; они предпочитаютъ кафе-шантаны; между тѣмъ какъ музыка... можетъ-ли быть что-нибудь благороднѣе серенады, какъ въ древней Испаніи? Честное слово, будь я на ихъ мѣстѣ — послѣ лошадей, я проводила бы жизнь подъ окнами моей красавицы, или въ концѣ концовъ — у ея ногъ.

Мнѣ такъ хочется имѣть лошадь; мама мнѣ обѣщаетъ, тетя тоже. Когда она была вечеромъ у себя, я вошла къ ней своей легкой и стремительной походкой и просила ее объ этомъ; она мнѣ серьезно обѣщала. Я ложусь совершенно счастливая. Всѣ мнѣ говорятъ, что я хорошенькая, но сама я право этому не вѣрю. Мое перо не можетъ писать, оно такъ и летаетъ! Я миленькая и только, иногда хорошенькая, но я счастлива.

У меня будетъ лошадь! Видано-ли, чтобы у такой маленькой, какъ я, была своя лошадь! Я прозведу фуроръ... А какіе цвѣта жокею? Сѣрый или ирисъ? Нѣтъ, зеленый и нѣжно розовый. Лошадь спеціально для меня! Какъ я счастлива и довольна! Какъ не отлить бѣднымъ отъ моей слишкомъ полной чаши. Мама даетъ мнѣ деньги, половину я буду отдавать бѣднымъ.

Я прибрала мою комнату; она красивѣе безъ стола посерединѣ; я поставила нѣсколько бездѣлушекъ, чернильницу, перо, два старыхъ дорожныхъ подсвѣчника, давно забытыхъ въ ящикѣ. Вотъ какъ я устроилась.

Свѣтъ — это моя жизнь; онъ меня зоветъ, онъ меня манитъ, мнѣ хочется бѣжать къ нему. Я еще слишкомъ молода для выѣздовъ, но я жду не дождусь этого времени; только если бы мама и тетя смогли стряхнуть свою лѣнь... Свѣтъ не Ниццы, а свѣтъ Петербурга, Лондона, Парижа. Только тамъ я могла дышать, такъ какъ стѣсненія свѣтской жизни для меня пріятны.

Поль еще не имѣетъ вкуса, онъ не понимаетъ женской красоты. Я слышала, какъ онъ называлъ красивыми страшныхъ уродовъ. Онъ еще думаетъ, что для того, чтобы быть

хорошо одѣтымъ, надо быть элегантнымъ; чтобы нравиться, надо быть внимательнымъ. Я должна сообщить ему манеры и вкусъ. Я еще не имѣю на него сильнаго вліянія, но надѣюсь имѣть его со временемъ. Уже теперь, едва замѣтнымъ образомъ, я сообщаю ему мои взгляды, даю ему уроки самой строгой нравственности, но въ легкой формѣ; это занимательно и въ то же время полезно. Если онъ женится, онъ долженъ любить свою жену, только свою жену; словомъ, я надѣюсь, если Богъ позволитъ, вложить ему хорошія мысли.

Вторникъ, 29 іюля. Мы на пути въ Вѣну. Въ общемъ отъѣздъ былъ очень веселый. По обыкновенію я была душой общества.

Начиная съ Милана, мѣстность восхитительна, такая зеленая, такая плоская, взглядъ простирается въ безконечность и никакая гора не встаетъ стѣною передъ глазами.

На австрійской границѣ, когда я поспѣшно одѣвалась, открылась дверь, и докторъ окурилъ насъ какимъ-то порошкомъ противъ болѣзни (которой я не рѣшаюсь назвать). Я опять уснула до 11 часовъ. Я не смѣла вновь открыть глаза. Какая зелень, какія деревья, какіе чистые дома, какія хорошенькія нѣмки, какъ обработаны поля! Прелестно, восхитительно, чудесно! Я совсѣмъ не безчувственна, какъ говорятъ, къ красотамъ природы; напротивъ. Конечно, я не могу восхищаться острыми скалами, тощими оливами, мертвыми пейзажами; но меня приводятъ въ восторгъ покрытыя деревьями поля, прекрасно обработанныя, или же покрытыя ковромъ зелени, съ работающими женщинами, крестьянами. Я не могла оторваться отъ окна. Ѣхали быстро, все летѣло мимо, все убѣгало и все было такъ прекрасно. Вотъ чѣмъ я любуюсь отъ всего сердца. Въ 8 часовъ я сѣла, такъ какъ была утомлена. На одной станціи маленькія нѣмки кричали какъ разъ надъ нашими ушами «Frisch Wasser! Frisch Wasser!» У Дины даже голова разболѣлась.

Я часто стараюсь понять, что это такое, что какъ будто стоитъ совсѣмъ передо мною и въ то же время скрыто отъ меня — словомъ, истину. Все, что я думаю, чувствую, это только внѣшнее. Ну, вотъ, — я не знаю, но мнѣ кажется, что ничего нѣтъ. Напримѣръ, когда я вижу герцога, я не знаю, ненавижу я его или боготворю; я хочу войти въ мою душу и не могу. Когда я рѣшаю трудную задачу, я думаю, начинаю,

мнѣ кажется, что я достигла, но въ ту минуту, когда я хочу все соединить, все исчезнетъ, все теряется, и моя мысль уходитъ такъ далеко, что я только удивляюсь и ничего не понимаю. Все, что я говорю, не есть еще моя сущность, мое существо; у меня ихъ еще нѣтъ. Я вижу только внѣшнимъ образомъ. Остаться или идти, имѣть или не имѣть — мнѣ безразлично; мои печали, мои радости — не существуютъ. Только тогда, когда я представляю себѣ маму или Г.., любовь наполняетъ мою душу. И вотъ это послѣднее тоже мнѣ кажется непонятнымъ; когда я размышляю объ этомъ, я какъ въ туманѣ; я ничего не понимаю.

Есть люди, которые говорятъ, что мужъ и жена могутъ позволять себѣ развлеченія и въ то же время очень любить другъ друга.

Это ложь; они не любятъ другъ друга, такъ какъ, разъ молодой человѣкъ и молодая дѣвушка любятъ другъ друга, развѣ они могутъ думать о другихъ? Они бюбятъ другъ друга и находятъ въ этомъ совершенно достаточно развлеченія. Одинъ взглядъ, одна мысль о другой женщинѣ показываютъ, что уже не любятъ болѣе ту, которую любили. Потому что, еще разъ, если вы любите и васъ любятъ, можете-ли вы думать о любви къ другой? Нѣтъ. Итакъ, къ чему ревность и упреки? Можно поплакать, но надо утѣшиться какъ о мертвомъ, сказавъ себѣ, что никто не можетъ помочь. Разъ сердце полно одной женщиной, въ немъ нѣтъ мѣста другой; но какъ только оно начинаетъ пустѣть, другая входитъ въ него — съ той самой минуты, какъ вложила туда хоть кончикъ мизинца.

[Приписано на поляхъ съ помѣткой — **Мартъ, 1875 г.**

Я разсуждала тогда довольно правильно, только видно, что я была еще дитя. Это слово: «любовь», повторяемое такъ часто... Бѣдняжка!.. Есть ошибки во французскомъ языкѣ, надо бы все исправить. Я думаю, что теперь я пишу лучше, но все еще не такъ, какъ бы я хотѣла. Въ какія-то руки попадетъ мой дневникъ? До сихъ поръ онъ можетъ интересовать только меня и моихъ близкихъ. Хотѣла бы я сдѣлаться такой личностью, чтобы мой дневникъ былъ интересенъ для всѣхъ. Пока буду продолжать для себя, вѣдь будетъ очень пріятно перечесть потомъ всю свою жизнь].

29 августа, Ницца. Я взялась за распредѣленіе часовъ своихъ учебныхъ занятій, завтра кончу. Девять часовъ работы ежедневно. О, Боже мой! дай мнѣ силы и настойчивости въ ученіи. У меня есть сила, но хотѣлось бы еще больше.

2 сентября. Приходилъ учитель рисованія; я ему дала списокъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ учителей изъ лицея. Наконецъ-то я примусь за работу! Изъ-за путешествія и изъ-за m-lle Колиньонъ я потеряла четыре мѣсяца. Это громадная потеря. Бинза обратился къ директору, тотъ попросилъ для отвѣта день. Видя мои замѣтки, онъ спросилъ: «Сколько лѣтъ молодой дѣвушкѣ, которая хочетъ учиться всему этому и которая сумѣла составить такую программу?» А этотъ дуракъ Бинза сказалъ: «Пятнадцать лѣтъ». Я его страшно бранила, я раздосадована, я просто взбѣшена. Зачѣмъ говорить, что мнѣ 15 лѣтъ, — это ложь. Онъ извинялся, говоря, что по моимъ разсужденіямъ мнѣ можно дать 20, что онъ думалъ сдѣлать лучше, прибавляя мнѣ два года, что онъ никакъ не думалъ, и проч. и проч. Я потребовала сегодня же, за обѣдомъ, чтобы онъ сказалъ директору мои настоящіе года, я **потребовала этого.**

Пятница, 19 сентября. Я все время сохраняю хорошее расположеніе духа; не слѣдуетъ мучиться сожалѣніями. Жизнь коротка, нужно смѣяться, сколько можешь. Слезъ не избѣжать, онѣ сами приходятъ. Есть горести, которыхъ нельзя отвратить: это смерть и разлука, хотя даже послѣдняя не лишена пріятности пока есть надежда на свиданіе. Но портить себѣ жизнь мелочами — никогда! Я не обращаю никакого вниманія на мелочи, и, относясь съ отвращеніемъ къ мелкимъ ежедневнымъ непріятностямъ, я съ улыбкой прохожу мимо нихъ.

Суббота, 20 сентября. Приходилъ С., и, не помню по какому поводу, сказалъ, что люди перерожденныя обезьяны. Это мальчуганъ съ идеями дяди Николая. «Въ такомъ случаѣ, сказала я ему, вы не вѣрите въ Бога?»—«Я могу вѣрить лишь въ то, что я понимаю», возразилъ онъ.

О скверное животное! Всѣ мальчишки, у которыхъ начинаютъ пробиваться усы, разсуждаютъ такимъ образомъ. Это молокососы, воображающіе, что женщины не могутъ ни размышлять, ни понимать ихъ. Они смотрятъ на нихъ, какъ на какихъ-то говорящихъ куколъ, которые сами не понимаютъ того, что говорятъ. Они покровительственно **позволяютъ** имъ

говорить. Я высказала ему все это, исключая только «скверное животное» и «молокососовъ». Онъ навѣрно прочелъ какую-нибудь книгу, не понялъ ее, и теперь цитируетъ изъ нея отдѣльныя мѣста. Онъ доказываетъ, что міръ созданъ не Богомъ, ссылкой на то, что на полюсѣ найдены оледенѣлые скелеты и растенія: слѣдовательно, они жили, а теперь ихъ нѣтъ!..

Я не говорю ничего противъ этого, но развѣ наша земля еще до сотворенія человѣка не подвергалась разнымъ измѣненіямъ? Нельзя же буквально принимать слова, что Богъ создалъ міръ въ шесть дней. Элементы образовывались вѣками, вѣками и вѣками. Но Богъ есть; можно ли отрицать это, видя солнце, деревья и самихъ людей. Какъ не признать, что есть рука, которая направляетъ, отнимаетъ и вознаграждаетъ, и что это рука Бога?..

Понедѣльникъ, 13 октября. Я отыскивала заданный урокъ, когда малютка Хедеръ, моя гувернантка, англичанка, сказала мнѣ: «Знаете, герцогъ женится на герцогинѣ М.». Я приблизила книгу къ лицу, почувствовавъ, что покраснѣла, какъ огонь. Я чувствовала, какъ будто острый ножъ вонзился мнѣ въ грудь. Я начала дрожать такъ сильно, что едва держала книгу. Я боялась потерять сознаніе; но книга спасла меня. Чтобы успокоиться, я нѣсколько минутъ дѣлала видъ, что ищу... Урокъ свой я отвѣчала прерывающимся отъ неровнаго дыханія голосомъ. Я собрала все свое мужество, какъ бывало бросаясь въ воду съ мостика купальни, и сказала себѣ, что надо преодолѣть себя. Я попросила диктовать мнѣ, чтобы хоть нѣсколько времени имѣть возможность не говорить.

Съ наслажденіемъ ушла я наконецъ къ роялю — попробовала играть, но пальцы были холодны и непослушны. Княгиня попросила меня научить ее играть въ крокетъ. «Съ удовольствіемъ», отвѣчала я весело, но голосъ мой еще дрожалъ. Подали карету, я побѣжала одѣваться. Въ зеленомъ платьѣ съ золотистыми волосами, бѣленькая и розовая — я хороша какъ ангелъ или какъ женщина. Мы ѣдемъ.

Все время я думаю: онъ женится! возможно-ли? Я несчастна, несчастна не по прежнему — изъ-за обой или мебели, но дѣйствительно несчастна.

Я не знаю, какъ сказать княгинѣ, что онъ женится (потому что вѣдь когда-нибудь они все равно узнаютъ это), и сознаю, что лучше сказать самой. Я выбираю моментъ, когда она садится на диванъ такъ, что свѣтъ падаетъ сзади меня. Моего лица не видно. «Княгиня, знаете новость (мы говоримъ по-русски): герцогъ Г. женится». Наконецъ! Сказано... Я не покраснѣла, я спокойна, но что дѣлается во мнѣ, въ глубинѣ моей!!!

Съ того несчастнаго момента, какъ эта болтушка сообщила мнѣ этотъ ужасъ, я все какъ будто запыхалась, точно я пробѣжала цѣлую версту, — то же ощущеніе: сердце бьется до боли.

Я играла на роялѣ съ какимъ-то бѣшенствомъ, но посреди фуги пальцы мои ослабѣли и я должна была прислониться къ спинкѣ стула. Я начинала снова, — та же исторія; въ теченіе пяти минутъ я начинала и бросала... У меня въ горлѣ образуется что-то такое, что мѣшаетъ дышать. Разъ десять я вскакивала изъ-за фортепіано; я выбѣгаю на балконъ. О, Господи, что за состояніе!

Вечеромъ я не могла писать. Я бросилась на колѣни и плакала. Вошла мама; чтобы она не увидала меня въ этомъ видѣ, я притворилась, что иду посмотрѣть не готовъ ли чай. И еще я должна брать латинскій урокъ! Какая мука! Какая пытка! Я не могу ничего дѣлать, не могу смириться! Нѣтъ въ мірѣ словъ для выраженія моихъ чувствъ! Но что меня волнуетъ, бѣситъ, убиваетъ — это зависть; она меня раздираетъ, злитъ, сводитъ съ ума! Если бы я могла ее высказать! но ее надо скрывать и быть спокойной; и отъ этого я еще болѣе **жалка себѣ**. Когда откупориваютъ шампанское, оно пѣнится и успокаивается, но когда лишь пріоткрываютъ пробку, оно шипитъ, но не успокаивается. Нѣтъ, это сравненіе невѣрно, я страдаю, я совсѣмъ разбита!!!....

Я забуду все это, конечно, со временемъ!.. Сказать, что мое горе вѣчно, было бы смѣшно; нѣтъ ничего вѣчнаго! Но дѣло въ томъ, что теперь я не могу думать ни о чемъ другомъ. Онъ не женится — его женятъ. Это дѣло рукъ его матери. [Приписка на поляхъ 1880. Все это изъ-за господина, котораго я видѣла разъ десять на улицѣ, котораго я не знала и который даже не подозрѣваетъ о моемъ су-

ществованіи]. О, я его ненавижу! Я не хочу, нѣтъ я хочу видѣть его съ ней! Она въ Баденѣ, въ Баденѣ, который я такъ любила! Эти прогулки, эти прогулки, эти магазины, гдѣ я его видѣла! [1880 г. Все это я вновь видѣла и все это ничего болѣе не пробудило во мнѣ...]

Сегодня я измѣнила въ моей молитвѣ все, что относилось къ нему; я болѣе не буду просить у Бога сдѣлаться его женой!..

Не молиться объ этомъ кажется мнѣ невозможнымъ, смертельнымъ! Я плачу, какъ дура! Ну, ну, дитя мое, будемъ же болѣе благоразумны!

Кончено! Ну, и прекрасно, — кончено! О, теперь я вижу, что не все дѣлается такъ, какъ хочется!

Приготовимся къ пыткѣ при перемѣнѣ молитвы. О, это самое ужасное на свѣтѣ, — это конецъ всего! Аминь!

Суббота, 18 октября. Странное я созданіе: никто не страдаетъ такъ, какъ я, а между тѣмъ я живу, пишу, пою. Какъ я измѣнилась съ этого рокового дня, 13 октября. Страданія постоянно выражаются на лицѣ моемъ. Его имя уже не составляетъ благотворнаго тепла; это огонь, это укоръ, пробужденіе зависти и скорби. Я извѣдала величайшее несчастье, какое только можетъ случиться съ женщиной!.. Горькая насмѣшка!

Начинаю серьезно думать о своемъ голосѣ; я такъ хотѣла бы хорошо пѣть!.. Но къ чему теперь?!.

Онъ былъ какъ бы свѣтильникомъ въ моей душѣ, и этотъ свѣтильникъ погасъ. Темно, мрачно, грустно, не знаешь, куда идти. Прежде въ моихъ маленькихъ непріятностяхъ я всегда имѣла точку опоры, свѣтъ, который указывалъ мнѣ дорогу и давалъ мнѣ силу, а теперь я ищу, смотрю, пробую, и нахожу только пустоту и мракъ. Ужасно, ужасно, когда нѣтъ ничего въ глубинѣ души...

Вторникъ, 21 октября. Мы возвращаемся, когда наши уже обѣдаютъ и вмѣсто предобѣденной закуски получаемъ маленькій выговоръ отъ мамы. Милая семейная жизнь входитъ въ свои права. Мама бранитъ Поля; дѣдушка перебиваетъ маму, онъ вмѣшивается не въ свое дѣло и подрываетъ въ Полѣ уваженіе къ мамѣ. Поль уходитъ, ворча, какъ лакей. Я выхожу въ коридоръ и прошу дѣдушку не вмѣшиваться въ дѣла «администраціи» и предоставить мамѣ

поступать по своему усмотрѣнію. Грѣшно возстановлять дѣтей противъ родителей, хотя бы по недостатку такта. Дѣдушка начинаетъ кричать; это меня смѣшитъ; всѣ эти бури всегда смѣшатъ меня, а затѣмъ возбуждаютъ жалость ко всѣмъ этимъ несчастнымъ, которые страдаютъ только отъ бездѣлья... Господи, если бы я была на 10 лѣтъ старше! Если бы я была свободна! Но что дѣлать, когда связанъ по рукамъ и по ногамъ всѣми этими тетушками, дѣдушкой, уроками, наставницами, семьей?.. Цѣлая свита, — въ тысячу трубачей!

Я говорю такимъ цвѣтистымъ слогомъ, что становится просто глупо... Чѣмъ больше я говорю, тѣмъ больше хочу сказать. А между тѣмъ я не могу вполнѣ выразить того, что чувствую! Я похожа на тѣхъ несчастныхъ живописцевъ, которые замышляютъ картину не по силамъ себѣ.

Вторникъ, 28 октября. Никогда не понравится мнѣ человѣкъ ниже меня по положенію; всѣ банальные люди мнѣ **противны,** раздражаютъ меня. Человѣкъ бѣдный теряетъ половину своего достоинства; онъ кажется маленькимъ, жалкимъ, имѣетъ видъ какой-то пѣшки. Тогда какъ человѣкъ богатый, независимый полонъ **гордаго покоя.** Увѣренность всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто побѣдоносное. И я люблю въ Г... этотъ видъ, — увѣренный, капризный, фатоватый и жестокій; въ немъ есть что-то Нероновское.

Суббота, 8 ноября. Никогда не нужно позволять заглядывать въ свою душу даже тѣмъ, кто насъ любитъ. Нужно держаться средины и, уходя, оставлять по себѣ сожалѣніе и иллюзіи. Такимъ образомъ будешь казаться лучше, оставишь лучшее впечатлѣніе. Люди всегда жалѣютъ о томъ, что прошло, и васъ захотятъ снова увидѣть; но не удовлетворяйте этого желанія немедленно, заставьте страдать, однако не слишкомъ. То, что стоитъ намъ слишкомъ многаго страданія, теряетъ свою цѣну, когда, наконецъ, пріобрѣтается послѣ столькихъ затрудненій: кажется, что можно было надѣяться на лучшее. Или ужъ заставьте слишкомъ страдать, болѣе, чѣмъ слишкомъ... тогда вы царица.

Я думаю, что у меня лихорадка; я необыкновенно болтлива, особенно тогда, когда внутренно плачу. Никто не заподозрилъ бы этого. Я пою, смѣюсь, шучу, и чѣмъ болѣе

я.. несчастна, тѣмъ болѣе весела. Сегодня я не въ состояніи шевельнуть языкомъ, я почти ничего не ѣла.

Только теперь, глядя на маму глазами посторонней, я открываю, что она очаровательна, прекрасна, какъ день, несмотря на усталость отъ всевозможныхъ непріятностей и болѣзней. Когда она говоритъ, у нея такой мягкій голосъ, не звонкій, но сильный и мягкій; прекрасныя манеры при полной естественности и простотѣ.

Я никогда въ жизни не видѣла человѣка, менѣе думающаго о себѣ, чѣмъ моя мать. Если бы только она побольше заботилась о своемъ туалетѣ, всѣ восхищались бы ею. Что ни говори, а туалетъ имѣетъ большое значеніе. Она одѣвается въ какія-то тряпки, я не знаю, во что. Сегодня на ней хорошенькое платье и, ей Богу, она очаровательна!

Суббота, 29 ноября. Я не могу успокоиться ни на одну минуту, я хотѣла бы куда-нибудь спрятаться, далеко, далеко, гдѣ никого нѣтъ. Можетъ быть тогда я пришла бы въ себя.

Я чувствую ревность, любовь, зависть, обманутую надежду, оскорбленное самолюбіе, все, что есть самаго ужаснаго въ этомъ мірѣ!.. Но больше всего я чувствую утрату **его!** Я люблю его! Зачѣмъ не могу я выбросить изъ души моей все, что наполняетъ ее. Но я не понимаю, что въ ней происходитъ, я знаю только, что я очень мучусь, что что-то гложетъ, душитъ меня, и все, что я говорю, не высказываетъ сотой доли того, что я чувствую.

Лицо мое закрыто одной рукой, другой я держу плащъ, который окутываетъ меня всю, даже съ головой, чтобы быть въ темнотѣ, чтобы собрать свои мысли, которыя разбѣгаются во всѣ стороны и производятъ во мнѣ какой-то хаосъ. Бѣдная голова!..

Одна вещь мучитъ меня, что черезъ нѣсколько лѣтъ я буду сама надъ собой смѣяться и забуду его (*Ps. 1875.* **Прошло уже два года, и я не смѣюсь надъ собой и не забыла!**). Всѣ эти горести будутъ казаться мнѣ ребячествомъ, аффектаціей. Но нѣтъ, заклинаю тебя, — не забывай! Когда ты будешь читать эти строки, возвратись мысленно къ прошлому, представь себѣ, что тебѣ тринадцать лѣтъ, что

ты въ Ниццѣ, что все это происходитъ въ эту минуту! Думай, что все это еще живетъ!.. Ты поймешь!.. Ты будешь счастлива!..

1874.

Пятница, 9 января. Возвращаясь съ прогулки, я говорила себѣ, что не буду похожа на другихъ, которыя сравнительно серьезны и сдержанны. Я не понимала, какимъ образомъ приходитъ эта серьезность? Какимъ образомъ совершается этотъ переходъ отъ дѣтства къ положенію молодой дѣвушки? Я спрашивала себя, какимъ образомъ совершается это? Постепенно или вдругъ? Что, дѣйствительно, заставляетъ созрѣвать, развиваетъ, измѣняетъ — такъ это несчастье или любовь. Если бы я гналась за остроуміемъ, я сказала бы, что это синонимъ; но я не скажу этого, потому что любовь — это самое лучшее, что только можетъ быть въ мірѣ.

Я могу сравнить себя съ водой, замерзшей въ глубинѣ и волнующейся только на самой поверхности, потому что ничто не интересуетъ и не занимаетъ меня въ моей глубинѣ.

Четвергъ, 24 іюня. Всю эту зиму я не могла взять ни одной ноты; я была въ отчаяніи, мнѣ казалось, что я потеряла голосъ, и я молчала и краснѣла, когда мнѣ говорили о немъ; теперь онъ возвращался, мой голосъ, мое сокровище, мое богатство! Я сознаю это впервые, со слезами на глазахъ и преклоняюсь передъ Богомъ!.. Я ничего не говорила, но я была ужасно огорчена, я не смѣла говоритъ объ этомъ и молилась Богу, и Онъ услышалъ меня!.. Какое счастье!.. Какое удовольствіе хорошо пѣть! Сознаешь себя всемогущей, сознаешь себя царицей! Чувствуешь себя счастливой, благодаря своему собственному достоинству. Это не та гордость, которую даетъ золото или титулъ. Становишься болѣе чѣмъ женщиной, чувствуешь себя безсмертной. Отрываешься отъ земли и несешься на небо! И всѣ эти люди, которые слѣдятъ за движеніемъ вашихъ губъ, которые слушаютъ ваше пѣніе, какъ божественный голосъ, которые наэлектризованы, взволнованы, восхищены!.. Вы владѣете всѣми ими! Послѣ настоящаго царства — это первое, что слѣдуетъ искать. Господство красоты слѣдуетъ уже за этимъ, потому что оно не всемогуще

по отношенію ко всѣмъ; но пѣніе поднимаетъ человѣка надъ землей; онъ царитъ въ облакахъ, подобно Венерѣ, явившейся Энею!

Ницца, 4 іюля. Мы отправляемся въ церковь св. Петра, однѣ барышни. Я усердно молилась, ставши на колѣни и облокотившись подбородкомъ на руку, очень бѣлую и тонкую. Потомъ, вспомнивъ, гдѣ я, я прятала руки и въ наказаніе себѣ старалась стать такъ, чтобы казаться некрасивой. Я въ такомъ же настроеніи, какъ вчера: я надѣла тетино платье и шляпу.

Въ такомъ состояніи духа я не могу возвратиться домой и веду всю компанію въ монастырь, который какъ разъ напротивъ церкви и сообщается задней дверью съ домомъ, гдѣ живетъ С. Мы входимъ въ монастырь и вносимъ съ собой столько шаловливости и веселья, что торжественный покой нарушенъ, и сестры — всегда тихія, всѣ въ бѣломъ, — оживились и высовываютъ изъ дверей свои любопытныя лица. Сквозь двойную рѣшетку мы видимъ мать игуменью; она уже сорокъ лѣтъ въ монастырѣ... Ужасъ! Оттуда мы идемъ въ пріемную пансіонерокъ, и я заставляю танцовать сестру Терезу. Она хочетъ завербовать меня и хвалитъ мнѣ монастырь, а я тоже хочу завербовать ее и хвалю ей міръ.

Мы — по горло въ католической религіи. Что-жъ! Я понимаю страсть къ церквамъ и монастырямъ.

Вторникъ, 6 іюля. Ничто не пропадаетъ въ этомъ мірѣ. Когда перестаютъ любить одного, привязанность немедленно переносятъ на другого, — даже не сознавая этого, а когда думаютъ, что никого не любятъ, — это просто ошибка. Если даже не любишь человѣка, — любишь собаку или мебель и съ такою же силою, — только въ иной формѣ. Если бы я любила, я хотѣла бы быть любимой такъ же сильно, какъ люблю сама; я не потерпѣла бы ничего, даже ни одного слова, сказаннаго кѣмъ-нибудь другимъ. Но такой любви нигдѣ не встрѣтишь. И я никогда не полюблю, потому что никто не полюбитъ меня такъ, какъ я умѣю любить.

14 іюля. Разговоръ зашелъ о латинскомъ языкѣ, лицеѣ, экзаменахъ; это возбуждаетъ во мнѣ ужасное желаніе учиться, и, когда приходитъ Брюне, я тотчасъ же забрасываю его вопросами относительно экзаменовъ. Онъ отвѣчаетъ, что черезъ годъ подготовки я буду въ состояніи держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Мы еще поговоримъ объ этомъ.

Я занимаюсь латынью съ февраля этого года; теперь іюль. Въ пять мѣсяцевъ я сдѣлала, по словамъ Брюне, столько, сколько проходятъ въ лицеѣ за три года. Это поразительно! Никогда не прощу я себѣ потери этого года, это всегда будетъ для меня ужаснымъ горемъ; никогда не забуду я этого!..

Я въ дурномъ настроеніи, ничто у меня не идетъ на ладъ, ничто мнѣ не удается. Я буду наказана за мою гордость и за мою глупую надменность. Читайте, добрые люди, и поучайтесь! Этотъ дневникъ — самое полезное и самое поучительное изъ всего, что было, есть и будетъ написано! Тутъ вся женщина, со всѣми своими мыслями и надеждами, разочарованіями, со всѣми своими скверными и хорошими сторонами, съ горестями и радостями. Я еще не вполнѣ женщина, но я буду ею. Можно будетъ прослѣдить за мной съ дѣтства до самой смерти. А жизнь человѣка, вся жизнь, какъ она есть, безъ всякой замаскировки и прикрасъ, — всегда великая и интересная вещь.

Пятница, 16 іюля. Соотвѣтственно моей теоріи о перенесеніи любви, вся сумма ея, которой я обладаю, сосредоточена въ настоящій моментъ на Викторѣ, одной изъ моихъ собакъ. Я завтракаю, а онъ напротивъ меня положилъ на столъ свою славную большую морду. Будетъ любить собакъ, однѣхъ только собакъ! Люди и кошки — недостойныя твари. А между тѣмъ, собака — грязна, она жадными глазами слѣдитъ за тѣмъ, какъ вы ѣдите, она привязывается за то, что ее кормятъ. Однако, я никогда не кормлю своихъ собакъ, а онѣ любятъ меня. А Пратеръ, который покинулъ меня изъ ревности къ Виктору и перешелъ къ мамѣ!.. А люди, развѣ они не такъ же ждутъ подачки, развѣ они не такъ же прожорливы и продажны.

Суббота, 17 іюля. Говорятъ, что въ Россіи есть шайка негодяевъ, которые добиваются коммуны; это ужасъ, что такое! Все отобрать и имѣть все сообща. И ихъ проклятая секта такъ распространена, что журналы дѣлаютъ отчаянныя воззванія къ обществу. Неужели отцы семействъ не положатъ конца этому безобразію? Они хотятъ все погубить. Чтобы не было больше цивилизаціи, искусства, прекрасныхъ и великихъ вещей: одни матеріальныя средства къ существованію! Работа также сообща, никто не будетъ имѣть право выдвинуться, благодаря какому-нибудь достоинству, выдѣляющему его изъ дру-

гихъ. Хотятъ уничтожить университеты, высшее образованіе, чтобы сдѣлать изъ Россіи какую-то карикатуру Спарты!

Д..., кажется, пораженъ всѣмъ, что я говорю, и удивляется, видя во мнѣ такую лихорадочную жизнь. Мы говоримъ о нашей мебели; онъ весь такъ и разсыпался при описаніи моей комнаты: «Да это храмъ! Сказка изъ **тысячи и одной ночи»!** восклицаетъ онъ; «да сюда надо входить на колѣняхъ. Чудно, поразительно, ни съ чѣмъ не сравнимо!» Онъ хочетъ разъяснить себѣ мой характеръ и спрашиваетъ, гадаю-ли я на маргариткахъ. — «Да, очень часто, — чтобы знать, хорошъ-ли будетъ обѣдъ!» — «Но какъ? Такая поэтическая, сказочная комната и вмѣстѣ съ тѣмъ гаданье на маргариткѣ, какъ удался повару обѣдъ? О, нѣтъ! Это невѣроятно!» — Его очень забавляетъ, что, по моему увѣренію, во мнѣ два сердца. Я дурачилась, заставляя его восклицать и удивляться множеству контрастовъ. Я поднималась на небо и потомъ безъ всякаго перехода спускалась на землю и такъ далѣе; я изображала изъ себя личность, которая хочетъ жить и забавляться и даже не подозрѣваетъ возможности любить. А онъ удивляется, говоритъ, что боится меня, что это изумительно, сверхъ-естественно, ужасно!..

Что я люблю больше всего — это когда нѣтъ никого, **для кого** хотѣлось бы существовать, т. е. уединеніе.

Волосы мои, завязанные узломъ на манеръ прически Психеи, рыжѣе, чѣмъ когда-либо. Платье шерстяное, особеннаго бѣлаго цвѣта, очень граціознаго и идущаго ко мнѣ; на шеѣ кружевная косынка. Я похожа на одинъ изъ портретовъ первой имперіи: для дополненія картины нужно было бы только, чтобы я сидѣла подъ деревомъ съ книгою въ рукахъ. Я люблю, уединившись передъ зеркаломъ, любоваться своими руками, такими бѣлыми, тонкими и только слегка розоватыми въ серединѣ.

Это, можетъ быть, глупо такъ хвастаться, но люди, которые пишутъ, всегда описываютъ свою героиню, а я сама своя героиня. Да и было бы странно унижать себя изъ ложной скромности. Вѣдь унижаютъ себя на словахъ только тогда, когда въ сущности вполнѣ увѣрены въ своей высотѣ. А въ моихъ писаніяхъ всякій увидитъ, что я говорю только правду, и еще подумаютъ, что я безобразна и глупа: это было бы нелѣпо.

Къ счастью или несчастью, но я вижу въ себѣ такое сокровище, котораго никто не достоинъ, и на тѣхъ, кто смѣетъ поднимать глаза на такое сокровище, я смотрю, какъ на людей едва достойныхъ жалости. Я вижу въ себѣ какое-то божество и не допускаю, чтобы такой человѣкъ, какъ Ж..., возымѣлъ идею мнѣ понравиться. Я едва, едва могла бы обращаться, какъ съ равнымъ, съ какимъ-нибудь королемъ. Я думаю, что это очень хорошо. Я смотрю на людей съ такой высоты, что кажусь имъ весьма милой, потому что нельзя даже презирать людей, которые находятся такъ низко. Я смотрю на нихъ, какъ заяцъ смотрѣлъ бы на мышей.

Понедѣльникъ, 2 августа. Послѣ цѣлаго дня бѣготни по магазинамъ, портнымъ и модисткамъ, прогулокъ и кокетства, я надѣваю пеньюаръ и читаю своего любезнаго друга Плутарха.

У меня гигантское воображеніе; я мечтаю о романическихъ приключеніяхъ прошедшихъ вѣковъ, не сомнѣваясь, притомъ, что я самая романтическая изъ женщинъ и что это очень вредно! Я очень легко прощаю себѣ мое обожаніе къ герцогу, потому что нахожу его достойнымъ меня во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторникъ, 17 августа. Я видѣла во снѣ Фронду. Я только что поступила на службу къ Аннѣ Австрійской, она остерегалась меня, и я проводила ее среди взбунтовавшагося народа, восклицая: «да здравствуетъ королева», а народъ кричалъ вокругъ меня: «да здравствуетъ королева!»

Среда, 18 августа. Мы проводимъ день въ восхищеніяхъ мною. Мама восхищается мной, княгиня Ж. восхищается мной; она постоянно говоритъ, что я похожа на маму или на ея дочь. Что же это самый большой комплиментъ, какой только могутъ сдѣлать! Ни о комъ не думаютъ лучше, чѣмъ о себѣ. Да и правда, — я красива. Въ Венеціи, въ большой залѣ герцогскаго палаццо живопись на потолкѣ Павла Веронезе изображаетъ Венеру въ образѣ высокой, свѣжей, бѣлокурой женщины; я напоминаю ее. Мои фотографическіе портреты никогда не передадутъ меня, въ нихъ недостаетъ красокъ, а моя свѣжесть, моя безподобная бѣлизна составляетъ мою главную красоту. Но стоитъ только привести меня въ дурное настроеніе, раздосадовать, чѣмъ-нибудь, стоитъ мнѣ устать, — прощай моя красота! Нельзя представить себѣ ничего бо-

лѣе непостояннаго. Но когда я счастлива, спокойна, — тогда только я очаровательна.

Когда я утомлена или разсержена, я вовсе не красавица, даже скорѣе безобразна. Я расцвѣтаю отъ счастья, какъ цвѣтокъ отъ солнца. Меня еще увидятъ, еще есть время — слава Богу! Я только начинаю дѣлаться тѣмъ, чѣмъ буду въ двадцать лѣтъ...

Я—какъ Агарь въ пустынѣ; я жду и жажду живой души.

Парижъ, вторникъ, 24 августа. Я надѣюсь вступить въ свѣтъ, въ свѣтъ, который я призываю къ себѣ всѣми фибрами души, стоя на колѣняхъ, потому что въ немъ моя жизнь, мое счастье. Я уже начинаю жить и стараюсь приводить въ исполненіе мои мечты — сдѣлаться знаменитой; меня знаютъ уже довольно многіе. Я смотрюсь въ зеркало и вижу, что я хорошенькая. Я — хорошенькая, чего мнѣ еще нужно! Развѣ я не могу сдѣлать все, обладая этимъ? Боже мой, давъ мнѣ эту бездѣлицу красоты (я говорю бездѣлицу — изъ скромности), Ты далъ мнѣ уже слишкомъ много! Я сознаю себя красивой, и мнѣ кажется, что все удастся мнѣ. Все улыбается мнѣ, и я чувствую себя счастливой, счастливой, счаливой!

Шумъ Парижа, этотъ громадный, какъ городъ, отель, со всѣмъ этимъ людомъ, вѣчно ходящимъ, говорящимъ, читающимъ, курящимъ, глазѣющимъ, — голова идетъ кругомъ! Я люблю Парижъ, и сердце мое бьется. Я хочу жить скорѣе, скорѣе, скорѣе... («Я никогда не видалъ такой лихорадочной жизни», сказалъ Д..., глядя на меня). Это правда, я боюсь только, что это желаніе жить на всѣхъ парахъ есть признакъ недолговѣчности. Кто знаетъ? Ну вотъ мнѣ становится грустно... Нѣтъ, не хочу грустить.

Воскресенье, 5 сентября. Въ Булонскомъ лѣсу встрѣчается столько жителей Ниццы, что на одинъ моментъ мнѣ показалось, что я въ Ниццѣ. Ницца такъ прекрасна въ сентябрѣ... Я вспоминаю о прошломъ годѣ: мои утреннія прогулки съ моими собаками. Небо такое ясное, серебристое море... Здѣсь нѣтъ ни утра, ни вечера. Утромъ—вездѣ выметаютъ, вечеромъ — эти безчисленные фонари просто раздражаютъ меня. Здѣсь я теряюсь, не умѣю различить утренней зари отъ вечерней. А

тамъ — такъ хорошо! Чувствуешь себя какъ въ гнѣздышкѣ, окруженномъ горами, — не слишкомъ высокими и не безплодными. Съ трехъ сторонъ — точно граціозная драпировка, а спереди—громадное окно, безконечный горизонтъ, вѣчно тотъ же и вѣчно новый. Я люблю Ниццу; Ницца — моя родина; въ Ниццѣ я выросла, Ницца дала мнѣ здоровье, свѣжія краски. Тамъ такъ хорошо! Просыпаешься съ зарей и видишь, какъ восходитъ солнце тамъ, налѣво, изъ-за горъ, которыя рѣзко выдѣляются на голубомъ серебристомъ небѣ, туманномъ и краткомъ, и задыхаешься отъ радости! Къ полудню солнце противъ меня. Становится жарко, но воздухъ не раскаленъ, тихій береговой вѣтерокъ всегда приноситъ прохладу. Все, кажется, заснуло. На бульварѣ ни души, развѣ какіе-нибудь два, три жителя Ниццы, задремавшіе на скамейкѣ. Тогда я дышу свободно и наслаждаюсь. Вечеромъ опять небо, море, горы. Но вечеромъ все кажется чернымъ или темно-синимъ. А когда свѣтитъ луна, по морю бѣжитъ точно громадная дорога или рыба съ алмазной чешуей; я остаюсь въ своей комнатѣ у окна, съ зеркаломъ и двумя свѣчами, — спокойно, одна, ничего мнѣ не нужно, и я благодарю Бога! О! нѣтъ! Никогда не поймутъ того, что я хочу высказать. Не поймутъ, потому что не испытали этого. Нѣтъ, это все не то: каждый разъ, когда я хочу выразить то, что чувствую, я прихожу въ отчаяніе!! Это точно кошмаръ, когда не хватитъ силъ вскрикнуть!

Впрочемъ, никакое описаніе не можетъ дать понятія о дѣйствительной жизни. Какъ передать эту свѣжесть, это благоуханіе воспоминанія? Можно выдумать то или другое, можно создать, но нельзя воспроизвести... Какъ бы живо ни чувствовалъ при описаніи, въ результатѣ получаются самыя обыкновенныя слова: лѣсъ, гора небо, луна; всѣ говорятъ то же самое. Да и къ чему все это? Какое до этого дѣло другимъ? Другіе никогда не поймутъ, потому что это они, а не я; я одна понимаю, потому что я вспоминаю. И потомъ люди не стоятъ того, чтобы мы старались передать имъ все это. Всякій чувствуетъ, какъ я, всякій за себя. Я хотѣла бы достигнуть того, чтобы другіе чувствовали то же, что я, за меня; но это невозможно: для этого нужно, чтобы они были **мной**.

Ахъ, дитя мое, оставь все это въ покоѣ, ты забираешься въ излишнія тонкости. Ты опять совсѣмъ обезумѣешь, какъ тогда съ своей «сущностью»... Вѣдь есть столько умныхъ лю-

дей... Ахъ, да нѣтъ! Я хотѣла сказать, что это ихъ дѣло разобраться въ этомъ... Нѣтъ, нѣтъ! Они могутъ создать что-нибудь, но разобрать, — нѣтъ, нѣтъ, сто тысячъ разъ нѣтъ! Во всемъ этомъ ясно только одно: что на меня нашла тоска по Ниццѣ.

Понедѣльникъ, 6 сентября. При всемъ моемъ изнеможеніи и ежеминутной ужасной тоскѣ, я не проклинаю жизни; напротивъ, я люблю ее и нахожу ее прекрасной. Повѣрятъ-ли мнѣ? Я нахожу **все** прекраснымъ и пріятнымъ, даже слезы, даже страданіе. Я люблю плакать, люблю приходить въ отчаяніе, люблю быть огорченной и печальной. Я смотрю на все это, какъ на развлеченіе, и люблю жизнь, несмотря ни на что. Я хочу жить. Было бы жестоко заставить меня умереть, когда я такъ нетребовательна. Я плачу, я жалуюсь, и въ то же время мнѣ это нравится... нѣтъ, не это... Я не знаю какъ выразить... Ну, словомъ, все въ жизни мнѣ нравится, все я нахожу пріятнымъ. И, желая счастья, я нахожу счастье даже въ несчастьѣ. То есть, собственно, это не я нахожу: тѣло мое плачетъ и кричитъ, но что-то, находящееся во мнѣ, но стоящее выше меня, радуется всему. Не то, чтобы я предпочитала слезы радости, нѣтъ, но я далека отъ того, чтобы проклинать жизнь въ минуты отчаянія, я благословляю ее и говорю: я несчастна, я жалуюсь, но я нахожу самую жизнь такой прекрасной, что все кажется мнѣ прекраснымъ и счастливымъ, и я хочу жить! Вѣроятно, этотъ «нѣкто», стоящій выше меня и радовавшійся даже слезамъ, покинулъ меня сегодня, потому что я чувствую себя очень несчастной.

Я еще никому не сдѣлала зла, а меня уже оскорбили, унизили, оклеветали! Какъ могу я любить людей! Я ненавижу ихъ, а Богъ запрещаетъ ненависть. Но Богъ покинулъ меня, Богъ испытываетъ меня. Но если Онъ спытываетъ меня, Онъ долженъ прекратить испытаніе. Онъ видитъ, какъ я принимаю это, Онъ видитъ, что я не скрываю скорби подъ подлымъ лицемѣріемъ, какъ этотъ плутъ Іовъ, который, разыгрывая комедію передъ Господомъ, хотѣлъ провести Его.

Одна вещь огорчаетъ меня больше всего. Это... не то, чтобы **разрушеніе** всѣхъ моихъ плановъ, нѣтъ, но **сожалѣніе о послѣдствіяхъ,** оставляемыхъ непріятностями. И не то, чтобы это было сожалѣніе за себя, но... я не знаю, поймутъ-ли меня: это сожалѣніе ощущается потому же, почему тяжело видѣть, какъ накопляются пятна на бѣломъ платьѣ, которое хотѣлось бы сохранить чистымъ.

При каждомъ маленькомъ огорченіи, сердце мое сжимается — не за меня, но отъ сожалѣнія, потому что каждое огорченіе — точно капля чернилъ, падающая въ стаканъ съ водой: оно никогда не изглаживается, а прибавляется ко всѣмъ предшествующимъ — дѣлаетъ стаканъ чистой воды сѣрой, черной, грязной. Сколько потомъ ни прибавляй воды, она все-таки останется грязной. Сердце мое сжимается, потому что это каждый разъ неизгладимое пятно на моей жизни, на моей душѣ. Не правда-ли? всегда ощущаешь глубокую грусть при видѣ непоправимой вещи, какъ бы незначительна она ни была.

Воскресенье, 12 сентября. (Путешествіе во Флоренцію). Вечеромъ мы уже во Флоренціи. Городъ кажется мнѣ посредственнымъ, но оживленіе большое. На всѣхъ углахъ продаютъ арбузы цѣлыми грудами. Эти арбузы, красные и свѣжіе, очень соблазняютъ меня. Окно наше выходитъ на площадь и на Арно. Я велю принести себѣ программу празднествъ: первый день уже былъ сегодня. Я думала, что мой двоюродный братецъ Викторъ-Эммануилъ сумѣетъ воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, представляющимся ему: столѣтіе Микель-Анджело Буанароти! Въ твое царствованіе! И ты не созываешь всѣхъ монарховъ, не задаешь имъ празднествъ, какихъ бы еще никто не видывалъ! Не поднимаешь никакого шума!!! О, король, твой сынъ, твой внукъ и твои правнуки будутъ царствовать и не будутъ имѣть этого случая, о, безчувственная душа! Король безъ честолюбія, безъ самолюбія! Предполагается много различныхъ собраній, концертовъ, иллюминація, былъ въ казино, прежнемъ дворцѣ Боргезе... но ни одного государя! Ничего, какъ я люблю! Ничего, какъ мнѣ хотѣлось бы!..

Понедѣльникъ, 13 сентября. Ну, я нѣсколько собираюсь съ мыслями. Чѣмъ больше у меня есть чего разсказать, тѣмъ

меньше я пишу... Это потому, что я нетерпѣлива, слишкомъ возбуждена, когда мнѣ надо много сказать.

Мы объѣзжаемъ городъ въ ландо, въ полномъ туалетѣ. Ахъ, какъ я люблю эти мрачныя дома, эти портики, эти колонны, эту массивную, величественную архитектуру! Стыдитесь архитекторы французскіе, русскіе, англійскіе, спрячьтесь отъ стыда подъ землю. Обратитесь, провалитесь сквозь землю парижскіе дворы! Не Лувръ, — онъ безукоризненъ, — но все остальное. Никогда больше не достигнуть этого чуднаго великолѣпія итальянцевъ. Я гляжу во всѣ глаза на громадные камни палаццо Питти! Городъ грязенъ, чуть не въ лохмотьяхъ, но сколько въ немъ красоты! О, страна Данте, Медичи, Савонаролы! Какъ ты полна чудныхъ воспоминаній для тѣхъ, кто думаетъ, чувствуетъ, понимаетъ! Сколько дивныхъ твореній! Сколько развалинъ! О, негодный король! О, если бы я была королевой!..

Я обожаю живопись, скульптуру, искусство, гдѣ бы оно ни проявлялось. Я могла бы проводить цѣлые дни въ этихъ галлереяхъ; но тетя нездорова, едва можетъ ходить со мной, и я жертвую этимъ. Впрочемъ, жизнь для меня еще впереди, еще будетъ время увидѣть.

Въ плаццо Питти я не нахожу ни одного костюма, достойнаго подражанія, но какая красота, какая живопись!..

Признаться ли? я не смѣю... Всѣ будутъ кричать: караулъ! караулъ! Ну-ка, признавайся!.. Дѣло въ томъ, что «сидящая Богородица» Рафаэля мнѣ не нравится. Лицо Богородицы блѣдно, цвѣтъ лица какой-то неестественный, выраженіе — подходящее скорѣе какой-нибудь горничной, чѣмъ Святой Дѣвѣ, матери Христа... Но зато тамъ есть «Магдалина» Тиціана, которая привела меня въ восторгъ. Только... всегда есть какое-нибудь «только» — у ней полныя, слишкомъ пухлыя руки: прекрасныя руки для пятидесятилѣтней женщины. Есть также нѣкоторыя вещи Рубенса, Ванъ-Дика, очаровательныя. «Ложь» Сальватора Розы очень хороша, очень правдива. Я сужу не въ качествѣ знатока; мнѣ нравится то, что всего правдивѣе, что ближе къ природѣ. Да и не состоитъ-ли въ этомъ подражаніи природѣ самая цѣль живописи.

Я очень люблю полную и свѣжую фигуру жены Павла

Веронезе, имъ написанную. Я люблю этотъ жанръ его живописи. Я обожаю Тиціана, Ванъ-Дика; но этотъ несчастный Рафаэль! Только не узналъ бы кто-нибудь, что я пишу! Меня приняли бы за дуру. Я не критикую Рафаэля, я не понимаю его; со временемъ я, конечно, пойму его красоты. Однако портретъ папы Льва — не помню котораго — X, кажется, — просто удивителенъ.

«Святая Дѣва съ младенцемъ Христомъ» Мурильо также привлекала мое вниманіе: это — свѣжо, естественно.

Къ моему великому удовольствію оказалось, что картинная галлерея меньше, чѣмъ я думала. Это убійственно, когда галлереи безконечны, какъ лабиринтъ, и при томъ иногда еще болѣе ужасные, чѣмъ на Критѣ.

Я провела во дворцѣ два часа, не садясь ни на минуту, и не устала!.. Вещи, которыя я люблю, не утомляютъ меня. Когда приходится смотрѣть картины и особенно статуи — я точно изъ желѣза. А если-бъ меня заставили ходить по магазинамъ Лувра или «Bon Marché», даже Ворта, — да я бы черезъ три четверти часа расплакалась.

Ни одно путешествіе еще не доставляло мнѣ такого удовлетворенія, какъ это; наконецъ-то я нахожу вещи, достойныя осмотра. Я обожаю эти мрачные дворцы Строцци. Я обожаю эти громадныя двери, эти великолѣпные дворы, галлереи, колонны. Это такъ величественно, мощно, прекрасно!.. Ахъ, міръ вырождается; хотѣлось бы сравнять съ землей современныя постройки, когда сравниваешь ихъ съ этими гигантскими камнями, нагроможденными другъ на друга и высящимися до небесъ. Приходится проходить подъ мостиками, соединяющими дворцы на страшной, невѣроятной высотѣ...

Ну, дитя мое, умѣрь свои выраженія; что же скажешь ты послѣ этого о Римѣ?

1875.

Ницца, четвергъ, 30 сентября. Я спускаюсь въ свою лабораторію и, — о ужасъ! — всѣ мои склянки, баллоны, всѣ мои соли, всѣ мои кристаллы, всѣ мои кислоты, всѣ мои трубочки откупорены и свалены въ грязный ящикъ въ ужаснѣй-

шемъ безпорядкѣ. Я прихожу въ такую ярость, что сажусь на полъ и начинаю окончательно разбивать вещи, попорченныя только на половину. То, что уцѣлѣло, я не трогаю, — я никогда не забываюсь.

— А! Вы думали, что Мари уѣхала, такъ ужъ она и умерла! Можно все перебить, все разбросать! кричала я, разбивая склянки.

Тетя сначала молчала, потомъ сказала:

— Что это? Развѣ это барышня! Это какое-то страшилище, ужасъ что такое!

И среди моей злобы я не могу удержаться отъ улыбки. Потому что въ сущности — все это дѣло внѣшнее, не затрогивающее глубины моей души, а въ эту минуту, къ счастью, я заглядываю въ эту глубину, и совершенно успокоиваюсь и смотрю на все это такъ, какъ будто бы это касалось не меня, а кого-нибудь другого.

Пятница, 1 октября. Богъ не исполняетъ того, о чемъ я молюсь, и я покоряюсь (нѣтъ, вовсе нѣтъ, я жду). Ахъ, какъ это скучно ждать и не быть въ состояніи сдѣлать что бы то ни было, какъ только ждать. Всѣ эти непріятности и затрудненія окружающей жизни губятъ женщину.

«Если бы человѣкъ тотчасъ же по рожденіи въ своихъ первыхъ движеніяхъ не встрѣчалъ затрудненій въ своемъ соприкосновеніи съ окружающей средой, онъ не могъ бы въ концѣ-концовъ отличить себя отъ внѣшняго міра, считалъ бы, что этотъ міръ — есть часть его самаго, его тѣла; и по мѣрѣ своего соприкосновенія со всѣмъ — жестомъ или шагами, онъ только убѣждался бы, что все находится отъ него въ зависимости и есть просто протяженіе его личнаго существа, и сказалъ бы: — Вселенная это я».

Вы, конечно, вполнѣ въ правѣ утверждать, что это слишкомъ хорошо сказано, чтобы принадлежать мнѣ; да я и не подумаю приписывать это себѣ. Это сказалъ философъ, а я только повторяю. Такъ вотъ — такъ я мечтала жить, но соприкосновеніе съ окружающими вещами надѣлало мнѣ синяковъ, и это ужасно сердитъ меня.

Безпорядокъ въ домѣ очень огорчаетъ меня; всѣ эти мелочи въ службѣ, комнаты безъ мебели, этотъ видъ какого-то запустѣнія, нищенства надрываетъ мнѣ сердце. Господи,

сжалься надо мной, помоги мнѣ устроить все это! Я одна. Для тети все равно: хоть домъ обрушься, хоть садъ весь высохни!.. Не говорю уже о мелочахъ... А я, — всѣ эти мелочи недосмотра раздражаютъ меня, портятъ мнѣ характеръ. Когда все кругомъ меня прекрасно, удобно и богато, я добра, весела, и все хорошо. Но это разореніе и запустѣніе заставляютъ меня отъ всего приходить въ отчаяніе, вездѣ видѣть эту пустоту. Ласточка вьетъ гнѣздо свое, левъ устраиваетъ свою нору, какъ же это человѣкъ, стоящій такъ высоко сравнительно съ животными, не хочетъ ничего дѣлать?

Если я говорю: «стоящій такъ высоко»..., это вовсе не означаетъ, что я его уважаю, нѣтъ. Я глубоко презираю родъ людской—и по убѣжденію. Я не жду отъ него ничего хорошаго. Я не нахожу того, чего ищу въ немъ, что надѣюсь встрѣтить — доброй, совершенной души. Добрые — глупы, умные — или хитры, или слишкомъ заняты своимъ умомъ, чтобы быть добрыми. И потомъ — всякое созданіе въ сущности эгоистично. А поищите-ка доброты у эгоиста. Выгода, хитрость, интрига, зависть!! Блаженны тѣ, у кого есть честолюбіе, — это благородная страсть; изъ самолюбія и честолюбія стараешься быть добрымъ передъ другими, хоть на минуту, и это все-таки лучше, чѣмъ не быть добрымъ никогда.

Ну-съ, дочь моя, исчерпали вы свою мудрость? Для настоящаго времени, да. По крайней мѣрѣ такъ у меня будетъ меньше разочарованій!.. Никакая подлость не огорчитъ меня, никакая низость не удивитъ меня. Конечно, настанетъ день, когда мнѣ покажется, что я нашла человѣка, но въ этотъ день я обману себя безобразнѣйшимъ образомъ. Я отлично предвижу этотъ день. Я буду ослѣплена, и говорю это теперь, когда вижу такъ ясно... Но тогда зачѣмъ жить, если **все** въ этомъ мірѣ низость и злодѣйство?.. Зачѣмъ? Потому что я **понимаю,** что это такъ. Потому что,—что ни говори,—жизнь прекрасна. И потому что, не слишкомъ углубляясь, можно жить счастливо. Не разсчитывать ни на дружбу, ни на благородство, ни на вѣрность, ни на честность; смѣло подняться выше человѣческаго ничтожества и занять положеніе между людьми и Богомъ. Брать отъ жизни все, что можно, не дѣлать зла своимъ ближнимъ; не упускать ни одной минуты удовольствія, обставить свою жизнь удобно, блестяще и великолѣпно; главное подняться какъ можно выше надъ другими; быть мо-

гущественнымъ! Да, могущественнымъ! могущественнымъ! Во что бы то ни стало!.. тогда тебя боятся и уважаютъ. Тогда чувствуешь себя сильнымъ, и это верхъ человѣческаго блаженства, потому что тогда люди обузданы или своей подлостью, или чѣмъ-то другимъ, и не кусаютъ тебя.

Не странно-ли видѣть меня, разсуждающей такимъ образомъ? Да, но эти разсужденія въ устахъ такого щенка, какъ я, — только лишнее доказательство, чего стоитъ міръ!.. Онъ долженъ быть хорошо пропитанъ грязью и злобой, чтобы въ такой короткій срокъ до такой степени озлобить меня. Мнѣ едва пятнадцать лѣтъ.

И это доказываетъ явное милосердіе Божіе, потому что, когда я вполнѣ постигну всѣ безобразія міра, я увижу, что только и есть **Онъ**, тамъ, на верху, на небѣ, я внизу, на землѣ. Это убѣжденіе дастъ мнѣ величайшую силу. Если я коснусь окружающей пошлости, то только для того, чтобы подняться, и я буду счастлива, когда не буду принимать къ сердцу всѣ эти мелочи, вокругъ которыхъ люди вертятся, борятся, грызутся, рвутъ другъ друга на части какъ голодныя собаки.

Но все это **слова!..** Куда же я поднимусь? И какъ? О пустыя бредни!..

Я все поднимаюсь, все поднимаюсь мысленно, душа моя расширяется, я чувствую себя способной на громадныя вещи, но къ чему все это служитъ? Я живу въ темномъ углу, и никто не знаетъ меня!

И вотъ я уже начинаю сожалѣть своихъ ближнихъ! Да я и никогда не пренебрегала ими, напротивъ, я ищу ихъ; безъ нихъ нѣтъ ничего въ этомъ мірѣ. Только, — только я цѣню ихъ на столько, на сколько они стоятъ, и хочу этимъ **воспользоваться**.

Толпа, — въ ней все. Что мнѣ нѣсколько выдающихся существъ, мнѣ нужны **всѣ**, мнѣ нужно блеска, шума.

Когда я думаю, что... Возвратимся къ этому вѣчному, скучному, но необходимому, слову: подождемъ!.. О, если-бъ кто-нибудь зналъ, чего мнѣ стоитъ ждать!

Но я люблю жизнь, люблю ея горести и радости. Люблю Бога, и весь его міръ, со всѣми его дурными сторонами, несмотря на всѣ эти дурныя стороны и можетъ быть даже вслѣдствіе нихъ.

Почему это никогда нельзя говорить безъ преувеличеній? Мои черныя размышленія были бы справедливы, если бы были нѣсколько спокойнѣе; ихъ неистовая форма лишаетъ ихъ естественности.

Есть черствыя души, но есть и прекрасные поступки и честныя души, но все это порывами и такъ рѣдко, что нельзя смѣшивать ихъ съ остальнымъ міромъ.

Скажутъ, пожалуй, что я говорю все это, потому что у меня какія-нибудь непріятности; нѣтъ, — у меня только мои обычныя непріятности и ничего особеннаго. Не ищите ничего такого, что не находилось бы въ этомъ журналѣ, я добросовѣстна и никогда не прохожу молчаніемъ ни какой-нибудь мысли, ни сомнѣнія. Я воспроизвожу себя такъ точно, какъ только позволяетъ мнѣ мой бѣдный умъ. А если мнѣ не вѣрятъ, если ищутъ чего-нибудь сверхъ того или подъ тѣмъ, что я говорю, тѣмъ хуже! Ничего не увидятъ, потому что ничего и нѣтъ.

Суббота, 9 октября. Если бы я родилась принцессой Бурбонской, какъ madame de Longueville, если бы мнѣ прислуживали графы, если бы родственниками и друзьями моими были короли, если бы съ самаго своего рожденія я только и встрѣчала, что преклоненныя головы заискивающихъ придворныхъ, если бы я ходила только по коврамъ, украшеннымъ гербами, и спала подъ королевскими балдахинами, если бы у меня былъ цѣлый рядъ предковъ одинъ славнѣе другого; — если бы у меня было все это, я не могла бы быть ни болѣе гордой, ни болѣе надменной, чѣмъ теперь, О, Боже мой, какъ я благодарю Тебя! Эти мысли, которыя Ты посылаешь мнѣ, помогутъ мнѣ устоять на вѣрномъ пути и не дозволятъ мнѣ ни на минуту упустить изъ глазъ блестящую звѣзду, къ которой я иду.

Мнѣ кажется, что въ эту минуту я вовсе не иду. Но я пойду — изъ-за такихъ пустяковъ не говорятъ такой прекрасной фразы...

О, какъ я устала отъ этой неизвѣстности. Я чахну отъ этого бездѣйствія, я покрываюсь плѣсенью въ этихъ потемкахъ! Солнца, солнца, солнца!..

Но съ какой стороны придетъ оно? Когда? Гдѣ? Какъ? Я ничего не хочу знать, только бы оно пришло!

Въ моментъ моей маніи величія всѣ предметы кажутся мнѣ недостойными прикосновенія, перо мое отказывается пи-

сать обыденныя имена. Я смотрю съ сверхъестественнымъ пренебреженіемъ на все, что окружаетъ меня, а потомъ говорю себѣ со вздохомъ: ну, подбодрись, — это время только переходъ, ведущій меня куда-то, гдѣ мнѣ будетъ хорошо.

Пятница, 15 октября. Тетя пошла купить фруктовъ около церкви Св. Репарата, я была съ ней.

Женщины тотчасъ же окружили меня. Я спѣла вполголоса Rossingno che volla. Это привело ихъ въ восторгъ, и даже самыя старыя принялись плясать; я сказала, что могла, на ниццарскомъ нарѣчіи. Словомъ — народное торжество. — Торговка яблоками сдѣлала мнѣ реверансъ, восклицая: Che bella regina!

Я не знаю, почему это простые люди любятъ меня, я и сама чувствую себя хорошо среди нихъ; я воображаю себя царицей, я говорю съ ними съ **благоволѣніемъ** и ухожу послѣ маленькой овацiи, какъ сегодня. Если бы я была королевой, народъ обожалъ бы меня.

Понедѣльникъ, 27 декабря. Я видѣла странный сонъ. Я летала высоко-высоко надъ землей. Въ рукѣ я держала лиру, струны которой ежеминутно обрывались, и я не могла извлечь изъ нея ни одного аккорда. Я поднималась все выше и выше, предо мной открывались громадные горизонты — какія-то облака—голубыя, желтыя, красныя, смѣшанныя, золотистыя, серебристыя, разорванныя, странныя; потомъ все становилось сѣрымъ, потомъ снова ослѣпительно сверкало; и я все поднималась, пока не достигла, наконецъ, такой высоты, что духъ захватывало. Но я не боялась. Облака казались внизу застывшими, сѣроватыми и блестящими какъ свинецъ. Все стало какъ-то неопредѣленно; я держала въ рукѣ свою лиру, съ слабо-натянутыми струнами, а вдали, подъ моими ногами, виднѣлся красноватый шаръ — земля.

Вся моя жизнь въ этомъ журналѣ; мои наиболѣе спокойныя минуты — когда я пишу. Это можетъ быть мои единственныя спокойныя минуты.

Если я умру скоро, я все сожгу, но если я не умру, доживъ до старости, всѣ прочтутъ этотъ журналъ. Я думаю, что еще не существуетъ такой фотографіи,—если можно такъ выразиться — цѣлой жизни женщины, всѣхъ ея мыслей, всего, всего. Это будетъ интересно. Если я умру молодой, скоро, и — по несчастью — не успѣю сжечь этого журнала, скажутъ про

меня: «бѣдное дитя! Она любила, и отсюда все ея отчаяніе!» Пусть говорятъ, я не буду доказывать противнаго, потому что чѣмъ больше я буду говорить, тѣмъ меньше мнѣ повѣрятъ.

Можетъ-ли быть что-нибудь болѣе плоское, болѣе подлое, болѣе презрѣнное, чѣмъ родъ людской? Ничего! Ничего! Родъ человѣческій былъ созданъ къ погибели... ну, да, я хотѣла сказать — къ погибели рода человѣческаго.

Уже три часа утра, а, какъ говоритъ тетя, я ничего не выиграю, проводя безсонныя ночи. О, какое нетерпѣніе. Мое время придетъ, я охотно вѣрю этому, — а что-то все шепчетъ мнѣ, что оно никогда не придетъ, что всю мою жизнь я буду только ждать... вѣчно ждать. Все ждать... ждать!

Я такъ сержусь; я не плакала, не ложилась на полъ. Я спокойна. Это плохой знакъ; ужъ лучше, когда приходишь въ бѣшенство...

Вторникъ, 28 декабря. Мнѣ холодно, губы мои горятъ. Я отлично знаю, что это недостойно сильнаго ума такъ предаваться мелочнымъ огорченіямъ, грызть себѣ пальцы изъ-за пренебреженія такого города, какъ Ницца *); но покачать головой, презрительно улыбнуться и больше не думать объ этомъ — это было бы слишкомъ. Плакать и бѣситься доставляетъ мнѣ больше удовольствія. Я дошла до такого нервнаго возбужденія, что любой отрывокъ музыкальной пьесы, если только это не галопъ, заставляетъ меня плакать. Въ каждой оперѣ я усматриваю себя, самыя обыкновенныя слова поражаютъ меня прямо въ сердце.

Подобное состояніе дѣлало бы честь женщинѣ въ тридцать лѣтъ. Но въ пятнадцать лѣтъ говорить о нервахъ, плакать, какъ дура, отъ каждой глупой сентиментальной фразы!

Только-что я опять упала на колѣни, рыдая и умоляя Бога, протянувъ руки и устремивъ глаза впередъ, какъ будто бы Богъ былъ здѣсь, въ моей комнатѣ.

Повидимому, Богъ и не слышитъ меня, а между тѣмъ я кричу довольно громко. Кажется я говорю дерзости Богу.

Въ эту минуту я въ такомъ отчаяніи, чувствую себя такой несчастной, что ничего не желаю! Если бы все враждебное об-

---

*) Намекъ на грязную сплетню, распространившуюся въ Ниццѣ о семействѣ Башкирцевыхъ. *Прим. пер.*

щество Ниццы пришло и стало передо мной на колѣни, я бы не двинулась!

Да, да, я бы дала ему пинка ногою!.. Потому что въ самомъ дѣлѣ, что мы ему сдѣлали?

Боже мой, неужели вся моя жизнь будетъ такова?

Я хотѣла бы обладать талантомъ всѣхъ авторовъ, вмѣстѣ взятыхъ, чтобы выразить всю бездну моего отчаянія, моего оскорбленнаго самолюбія, всѣхъ моихъ неудовлетворенныхъ желаній.

Стоитъ только мнѣ пожелать — чтобы ужъ ничто не исполнилось!..

Найду-ли я когда-нибудь какую-нибудь собачонку на улицѣ, голодную и избитую уличными мальчишками, какую-нибудь лошадь, которая съ утра до вечера возитъ невѣроятныя тяжести, какого-нибудь осла на мельницѣ, какую-нибудь церковную крысу, учителя математики безъ уроковъ, разстриженнаго священника, какого-нибудь дьявола, достаточно раздавленнаго, жалкаго, грустнаго, униженнаго, забитаго, — чтобъ сравнить его съ собой?

Что ужасно во мнѣ, такъ это то, что пережитыя униженія не скользятъ по моему сердцу, но оставляютъ въ немъ свой мерзкій слѣдъ!

Никогда вы не поймете моего положенія, никогда вы не составите понятія о моемъ существованіи. Вы засмѣетесь... смѣйтесь, смѣйтесь! Но можетъ быть найдется хоть кто-нибудь, кто будетъ плакать. Боже мой, сжалься надо мной, услышь мой голосъ; клянусь Тебѣ, что я вѣрую въ Тебя.

Такая жизнь, какъ моя, съ такимъ характеромъ, какъ мой характеръ!!!

1876.

Римъ, суббота, 1 января. О Ницца, Ницца, есть-ли въ мірѣ другой такой чудный городъ послѣ Парижа? Парижъ и Ницца, Ницца и Парижъ! Франція, одна только Франція! Жить только во Франціи...

Дѣло идетъ объ ученьѣ, потому что вѣдь для этого я и пріѣхала въ Римъ. Римъ вовсе не производитъ на меня впечатлѣнія Рима.

Да неужели это Римъ? Можетъ быть я ошиблась. Возможно-ли жить гдѣ-нибудь, кромѣ Ниццы? Объѣхать различные города, осмотрѣть ихъ — да, но поселиться здѣсь!..

Впрочемъ, я привыкну.

Здѣсь я — точно какое-нибудь бѣдное пересаженное растеніе. Я смотрю въ окно и, вмѣсто Средиземнаго моря, вижу какіе-то грязные дома; хочу посмотрѣть въ другое окно и, вмѣсто замка, вижу коридоръ гостиницы. Вмѣсто часовъ въ башнѣ бьютъ стѣнные часы гостиницы.

Это гадко — заводить привычки и ненавидѣть перемѣну.

Среда, 5 января. Я видѣла фасадъ собора святого Петра. Онъ чудно хорошъ; это привело въ восторгъ мое сердце, особенно лѣвая колоннада, потому что ни одинъ домъ ея не загораживаетъ, и эти колонны на фонѣ неба производятъ удивительное впечатлѣніе. Кажется, что переносишься въ древнюю Грецію.

Мостъ и крѣпость св. Ангела тоже въ моемъ вкусѣ.

Это величественно, прекрасно.

А Колизей?

Но что мнѣ сказать о немъ послѣ Байрона.

Понедѣльникъ, 10 января. Наконецъ мы идемъ въ Ватиканъ. Я еще никогда не видѣла вблизи «сильныхъ міра сего» и не имѣла никакого понятія, какъ къ нимъ приступаютъ, тѣмъ не менѣе мое чутье говорило мнѣ, что мы поступали не такъ, какъ было нужно. Подумайте, вѣдь кардиналъ Антонелли — папа на дѣлѣ, если не по имени, — пружина, заставлявшая двигаться всю папскую машину.

Мы подходимъ съ очаровательнѣйшимъ довѣріемъ подъ правую колоннаду, я проталкиваюсь, не безъ труда, сквозь окружающую насъ толпу проводниковъ и внизу, у лѣстницы, обращаюсь къ первопопавшемуся солдату и спрашиваю у него, гдѣ его преосвященство. Солдатъ этотъ отсылаетъ меня къ начальнику, который даетъ мнѣ довольно смѣшно одѣтаго солдата, и онъ ведетъ насъ черезъ четыре огромныхъ лѣстницы изъ разноцвѣтнаго мрамора, и мы выходимъ, наконецъ, на четыреугольный дворъ, который, вслѣдствіе неожиданности, сильно поражаетъ меня. Я не предполагала ничего подобнаго внутри какого бы то ни было дворца, хотя и знала по описаніямъ, что такое Ватиканъ.

Послѣ того, какъ я видѣла эту громаду, я не хотѣла бы уничтоженія папъ. Они велики уже тѣмъ, что создали нѣчто столь величественное, и достойны уваженія за то, что употребили свою жизнь, могущество и золото, чтобы оставить потомству этотъ могучій колоссъ, называемый Ватиканомъ.

Въ этомъ дворѣ мы находимъ обыкновенныхъ солдатъ, и солдата и двухъ сторожей, одѣтыхъ, какъ карточные валеты. Я еще разъ спрашиваю его преосвященство. Офицеръ вѣжливо проситъ меня дать свое имя, я пишу, карточку уносятъ, и мы ждемъ. Я жду, удивляясь нашей дикой выходкѣ.

Офицеръ говоритъ мнѣ, что мы дурно выбрали время, что кардиналъ обѣдаетъ, и, очень вѣроятно, не будетъ въ состояніи принять кого бы то ни было. Дѣйствительно, человѣкъ возвращается и говоритъ намъ, что его преосвященство только-что удалился въ свои покои и не можетъ принять, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ; но что, если мы будемъ такъ любезны и потрудимся оставить свою карточку внизу и придти «завтра утромъ», онъ, вѣроятно, приметъ насъ.

И мы уходимъ, посмѣиваясь надъ нашимъ маленькимъ визитомъ кардиналу Антонелли.

Пятница, 14 января. Въ одиннадцать часовъ пришелъ К..., молодой полякъ, мой учитель живописи, и привелъ съ собой натурщика, лицо котораго вполнѣ подходило бы для Христа, если нѣсколько смягчить линіи и оттѣнки. У этого несчастнаго только одна нога; онъ позируетъ только для головы. К... сказалъ мнѣ, что онъ бралъ его всегда для своихъ Христовъ.

Я должна признаться, что нѣсколько оробѣла, когда онъ сказалъ, чтобы я прямо рисовала съ натуры, такъ, вдругъ, безъ всякаго приготовленія; я взяла уголь и смѣло набросала контуры. «Хорошо, сказалъ учитель; теперь сдѣлайте то же самое кистью». Я взяла кисть и сдѣлала, что онъ сказалъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ еще разъ, — теперь пишите.

И я стала писать, и черезъ полтора часа все было готово. Мой несчастный натурщикъ не двигался, а я не вѣрила глазамъ своимъ. Съ Бенза мнѣ нужно было два-три урока для контура и еще при копировкѣ какого-нибудь холста, тогда какъ здѣсь все было сдѣлано въ одинъ разъ — и съ натуры

— контуръ, краски, фонъ. Я довольна собой, и если говорю это, значитъ ужъ заслужила. Я строга, и мнѣ трудно удовлетвориться чѣмъ-нибудь, особенно самой собою.

Ничто не пропадаетъ въ этомъ мірѣ. Куда же пойдетъ моя любовь? Каждая тварь, каждый человѣкъ имѣетъ одинаковую долю этого «эфира», заключеннаго въ немъ. Только, смотря по свойствамъ человѣка, его характеру и его обстоятельствамъ, кажется, что онъ обладаетъ ею въ большей или меньшей степени. Каждый человѣкъ любитъ **постоянно,** но только любовь эта обращается на разные предметы, а когда кажется, что онъ вовсе не любитъ, «эфиръ» этотъ изливается на Бога, или на природу, въ словахъ, или письменно, или просто во вздохахъ и мысляхъ.

Затѣмъ есть существа, которыя пьютъ, ѣдятъ, смѣются и ничего больше не дѣлаютъ; у нихъ этотъ «эфиръ» или совсѣмъ заглушенъ животными инстинктами, или расходится на всѣ предметы и на всѣхъ людей вообще, безъ различія, и это-то тѣ люди, которыхъ обыкновенно называютъ добродушными и которые вообще не умѣютъ любить.

Есть также люди, которые, какъ говорятъ въ общежитіи, никого не любятъ. Это не точно; они все-таки любятъ кого-нибудь, но только особеннымъ, не похожимъ на другихъ, способомъ. Но есть еще несчастные, которые дѣйствительно не любятъ, потому что они любили и больше не любятъ. И опять вздоръ! Говорятъ, они не любятъ, — хорошо. Но почему же тогда они страдаютъ? Потому что они все-таки любятъ, а думаютъ, что разлюбили, — или изъ-за неудачной любви, или изъ-за потери дорогой личности.

У меня еще болѣе, чѣмъ у кого-либо другого, эфиръ даетъ себя чувствовать и проявляется безпрестанно; если бы мнѣ нужно было замкнуть его въ себѣ, мнѣ пришлось бы разорваться.

Я изливаю его, какъ благодѣтельный дождь, на негодный, красный гераніумъ, который даже и не подозрѣваетъ этого... Это одна изъ моихъ причудъ. Мнѣ такъ нравится, и я воображаю бездну разныхъ вещей и привыкаю думать о немъ, а, разъ привыкнувъ, отвыкаю съ трудомъ.

Четвергъ, 20 января. Сегодня Фаніо заставилъ меня пропѣть всѣ мои ноты: у меня три октавы безъ двухъ нотъ.

Онъ былъ изумленъ. Что до меня — я просто не чувствую себя отъ радости. Мой голосъ, — мое сокровище! Моя мечта — выступить со славой на сценѣ. Это въ моихъ глазахъ такъ же прекрасно, какъ сдѣлаться принцессой. Мы были въ мастерской Монтеверде, потомъ въ мастерской маркиза д'Эпине, къ которому у насъ было письмо. Д'Эпине дѣлаетъ очаровательныя статуи; онъ показалъ мнѣ свои этюды, всѣ свои наброски. Madame M. говорила ему о Маріи, какъ о существѣ необыкновенномъ, какъ о художницѣ. Мы любуемся и просимъ его сдѣлать мою статую. Это будетъ стоить двадцать тысячъ франковъ. Это дорого, но зато прекрасно. Я сказала ему, что очень люблю себя. Онъ сравниваетъ мою ногу съ ногой статуи — моя меньше; д'Эпине восклицаетъ, что это Сандрильона.

Онъ чудно одѣвается и причесываетъ свои статуи. Я горю нетерпѣніемъ видѣть свою статую.

Боже мой, услышь меня! Сохрани мой голосъ; если я все потеряла, мнѣ останется мой голосъ. Господи, будь такъ же добръ ко мнѣ, какъ до сихъ поръ, сдѣлай такъ, чтобы я не умерла отъ досады и тоски. Мнѣ такъ хочется выѣзжать въ свѣтъ! Время идетъ, а я не подвигаюсь, я пригвождена къ моему мѣсту, я, которая хотѣла бы жить, жить, летѣть, жить на всѣхъ парахъ, я горю и захлебываюсь отъ нетерпѣнія.

«Я никогда не видалъ такой лихорадочной жизни», говорилъ мнѣ Дорія.

Если вы меня знаете, вы представите себѣ мое нетерпѣніе, мою тоску!

Суббота, 22 января. Дину причесываетъ парикмахеръ: меня тоже; но это глупое животное причесываетъ меня безобразнѣйшимъ образомъ. Въ десять минутъ я все передѣлываю, и мы отправляемся въ Ватиканъ. Я никогда не видѣла ничего, что можно было бы сравнить съ лѣстницами и комнатами, черезъ которыя мы проходимъ. Какъ у святого Петра, я нахожу все безупречнымъ. Слуга, одѣтый въ красное дама́, проводитъ насъ черезъ длинную галлерею, украшенную чудной живописью, съ бронзовыми медальонами и камеями по стѣнамъ. Направо и налѣво довольно жесткіе стулья, а въ глубинѣ бюстъ Пія IX, у подножія котораго стоитъ прекрасное золоченое кресло, обитое краснымъ бархатомъ. Назначенное

время было безъ четверти двѣнадцать, но только въ часъ портьера отдергивается, и, предшествуемый нѣсколькими тѣлохранителями, офицерами, въ формѣ и окруженный нѣсколькими кардиналами, появляется святой отецъ, одѣтый въ бѣлое, въ красной мантіи, опираясь на посохъ съ набалдашникомъ изъ слоновой кости.

Я хорошо знала его по портретамъ, но въ дѣйствительности онъ гораздо старше, такъ что нижняя губа его виситъ, какъ у старой собаки.

Всѣ стали на колѣни. Папа подошелъ прежде всего къ намъ и спросилъ, кто мы; одинъ изъ кардиналовъ читалъ и докладывалъ ему имена допущенныхъ къ аудіенціи.

— Русскіе? Значитъ изъ Петербурга?

— Нѣтъ, святой отецъ, — сказала мама, — изъ Малороссіи.

— Это ваши барышни? — спросилъ онъ.

— Да, святой отецъ.

Мы стояли направо; находившіеся съ лѣвой стороны стояли на колѣняхъ.

— Встаньте, встаньте, — сказалъ святой отецъ. Дина хотѣла встать.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ— это относится къ тѣмъ, которые налѣво, вы можете остаться.

И онъ положилъ руку ей на голову такъ, что нагнулъ ее очень низко. Потомъ онъ далъ намъ поцѣловать свою руку и прошелъ къ другимъ, каждому обращая по нѣсколько словъ. Когда онъ прошелъ налѣво, мы должны были въ свою очередь подняться. Потомъ онъ сталъ въ серединѣ, и тогда снова всѣ должны были стать на колѣни, и онъ сказалъ намъ маленькую рѣчь на очень дурномъ французскомъ языкѣ, сравнивая просьбы объ индульгенціяхъ по случаю приближенія юбилея, съ раскаяніемъ, которое наступаетъ въ моментъ смерти, и говоря, что нужно снискивать царствіе небесное постепенно, каждый день дѣлая что-нибудь пріятное Богу.

— Нужо постепенно пріобрѣтать себѣ отечество, — сказалъ онъ,—но отечество это—не Лондонъ, не Петербугъ, не Парижъ, а царствіе небесное! — Не нужно откладывать до послѣдняго дня своей жизни, нужно думать объ этомъ ежедневно, и не дѣлать, какъ при второмъ пришествіи. *Non e vero?* прибавилъ онъ по-итальянски, оборачиваясь къ одному

изъ своей свиты, *anché il cardinale...* (имя ускользнуло отъ меня) *lo sá.*

Кардиналъ засмѣялся, также и всѣ остальные: это должно было имѣть для нихъ особенный смыслъ, и святой отецъ ушелъ, улыбаясь и очень довольный, послѣ того, какъ далъ свое благословеніе людямъ, четкамъ, образкамъ и т. п. У меня были четки, которыя я, тотчасъ по приходѣ домой, заперла въ ящикъ для мыла.

Пока этотъ старикъ раздавалъ благословенія и говорилъ, я молила Бога сдѣлать такъ, чтобы благословеніе папы было для меня истиннымъ благословеніемъ и избавило меня отъ всѣхъ моихъ горестей.

Было нѣсколько кардиналовъ, смотрѣвшихъ на меня такъ, какъ бывало при выходѣ изъ театра въ Ниццѣ.

Воскресенье, 23 января. Ахъ, какая тоска! Если бы по крайней мѣрѣ мы были всѣ вмѣстѣ! Что за безумная идея такъ разлучаться! Нужно всегда быть вмѣстѣ, тогда всѣ непріятности легче, и лучше себя чувствуешь. Никогда, никогда не нужно больше такъ раздѣляться на двѣ семьи. Намъ было бы въ тысячу разъ лучше, если бы всѣ были вмѣстѣ: дѣдушка, тетя, всѣ, и Валицкій.

Понедѣльникъ, 7 февраля. Когда мы выходимъ изъ коляски у крыльца отеля, я замѣчаю двухъ молодыхъ римлянъ, которые смотрятъ на насъ. Сейчасъ же по возвращеніи, мы садимся за столъ, а молодые люди эти помѣщаются посреди площадки и смотрятъ къ намъ въ окна.

Мама, Дина и другіе уже начали смѣяться, но я, болѣе осторожная, изъ опасенія поднять шумъ изъ-за какихъ-нибудь негодяевъ, — потому что я вовсе не была увѣрена, что это были тѣ же самые, которыхъ мы видѣли у дверей отеля, — я послала Леони въ лавку напротивъ, приказавъ ей хорошенько разсмотрѣть этихъ людей и потомъ описать мнѣ ихъ. Леони возвращается и описываетъ мнѣ того, который поменьше. «Это совершенно приличные молодые люди», говоритъ она. Съ этой минуты наши только и дѣлаютъ разныя предположенія относительно этихъ несчастныхъ, стоящихъ подъ дождемъ, вѣтромъ и снѣгомъ.

Было 6 часовъ, когда мы возвратились, и эти два ангела простояли на площадии до безъ четверти одиннадцать, ожидая

насъ. И что за ноги нужно имѣть, чтобы простоять, не сходя съ мѣста, пять часовъ подъ рядъ!

Вторникъ, 15 февраля. Р.. приходитъ къ намъ сегодня и тотчасъ же его начинаютъ разспрашивать, кто этотъ господинъ. «Это графъ А..., племянникъ кардинала!» Чортъ возьми! Онъ и не могъ быть никѣмъ другимъ.

Графъ А... похожъ на Ж., который, какъ извѣстно, замѣчательно красивъ.

Сегодня вечеромъ, такъ какъ онъ смотрѣлъ на меня меньше, я больше могла смотрѣть на него. Итакъ, я смотрѣла на А... и хорошо разглядѣла его. Онъ хорошъ собой, но нужно замѣтить, что мнѣ не везетъ, и что тѣ, на кого я смотрю, не смотрятъ на меня. Онъ лорнировалъ меня, но прилично, какъ въ первый день. Онъ также много рисовался, а когда мы встали, чтобы выйти, онъ схватилъ свою лорнетку и не отрывалъ глазъ.

— Я спросила васъ, кто этотъ господинъ,—сказала мама Р. — потому что онъ очень напоминаетъ мнѣ моего сына.

— Это славный юноша, — сказалъ Р. — онъ нѣсколько *passerello*, но очень веселъ, остроуменъ и хорошъ собой.

Я въ восторгѣ, слыша это! Давно ужъ я не испытывала столько удовольствій, какъ сегодня вечеромъ. Я скучала и была ко всему равнодушна, потому что не было никого, о комъ мнѣ думать.

— Онъ очень похожъ на моего сына, говоритъ моя мать.

— Это славный юноша, говоритъ Р..., — и если вы хотите, я вамъ представлю его, я буду очень радъ.

Пятница, 18 февраля. Въ Капитоліи сегодня вечеромъ большой парадный балъ—костюмированный и маскированный. Въ одиннадцать часовъ мы туда отправляемся — я, Дина и ея мать. Я не надѣла домино; черное шелковое платье съ длиннымъ шлейфомъ, узкій корсажъ, черный газовый тюникъ, убранный серебряными кружевами, задрапированный спереди и подобранный сзади въ видѣ граціознѣйшаго въ мірѣ капюшона, черная бархатная маска съ чернымъ кружевомъ, свѣтлыя перчатки, роза и ландыши на корсажѣ. Это было очаровательно. Наше прибытіе производитъ величайшій эффектъ.

Я очень боялась и не смѣла ни съ кѣмъ заговорить, но всѣ мужчны окружили насъ, и я кончила тѣмъ, что взяла подъ рука одного изъ нихъ, котораго никогда и въ глаза не видыва-

ла. Это очень весело, но я думаю, что большинство меня узнало. Не нужно было одѣваться съ такимъ кокетствомъ. Ну, да все равно.

Трое русскихъ подумали, что узнали меня, и пошли сзади насъ, громко говоря по-русски въ надеждѣ, что мы какъ-нибудь выдадимъ себя. Но вмѣсто того я собрала цѣлый кругъ вокругъ себя, громко говоря по-итальянски. Они ушли, говоря, что они были глупы и что я итальянка.

Входитъ герцогъ Цезаро.

— Кого ты ищешь?

— Г. А... Онъ придетъ?

— Да; а пока останься со мной... изящнѣйшая женщина въ мірѣ!

— А! Вотъ онъ... Мой милый, я тебя искала.

— Ба!

— Но только, такъ какъ мнѣ въ первый разъ придется слушать тебя, позаботься о своемъ произношеніи, ты сильно теряешь вблизи. Позаботься о своемъ разговорѣ!

Должно быть это было остроумно, потому что Цезаро и два другихъ начали смѣяться, какъ люди чѣмъ-нибудь восхищенные. Я ясно сознавала, что всѣ они узнаютъ меня.

— Тебя узнаютъ по фигурѣ, — говорили мнѣ со всѣхъ сторонъ. Почему ты не въ бѣломъ?

— Я, ей Богу, думаю, что я играю здѣсь роль подсвѣчника,—сказалъ Цезаро, видя, что мы не перестаемъ говорить съ А...

— Я тоже это думаю, сказала я, уходя!

И взявши подъ руку молодого фата, я отправилась по всѣмъ заламъ, занимаясь всѣми остальными не болѣе, чѣмъ уличными собаками.

А... безусловно красивъ: матовый цвѣтъ лица, черные глаза, носъ длинный и правильный, красивыя уши, маленькій ротъ, недурные зубы и усы двадцатитрехлѣтняго человѣка. Я называла его притворщикомъ, молодымъ фатомъ, несчастнымъ, безпутнымъ, а онъ мнѣ разсказывалъ серьезнѣйшимъ въ мірѣ образомъ, какъ онъ въ девятнадцать лѣтъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, какъ онъ окунулся по горло въ жизнь и до какой степени онъ теперь всѣмъ пресыщенъ, далѣе — что онъ никогда не любилъ и т. д.

— Сколько разъ ты любила? спросилъ онъ.

— Два раза.

— О! О!

— Можетъ быть и больше.

— Я хотѣлъ бы, чтобы это **больше** пришлось на мою долю.

— Какая самонадѣянность... Скажи мнѣ, почему всѣ эти люди приняли меня за даму въ бѣломъ?

— Да ты на нее похожа. Оттого-то я и хожу съ тобой. Я влюбленъ въ нее до безумія.

— Это не очень-то любезно съ твоей стороны говорить такимъ образомъ.

— Что-жъ дѣлать, если это такъ!

— Ты, слава Богу, достаточно таки лорнируешь ее, а она довольна этимъ и рисуется?

— Нѣтъ, никогда. Она никогда не рисуется... Можно сказать что угодно про нее, только не это!

— Это однако очень замѣтно, что ты влюбленъ.

— Да, влюбленъ, въ тебя. Ты на нее похожа.

— Фи! Развѣ я не лучше сложена?

— Все равно. Дай мнѣ цвѣтокъ.

Я дала ему цвѣтокъ, а онъ далъ мнѣ въ обмѣнъ вѣтку плюща. Его акцентъ и его томный видъ раздражаютъ меня.

— Ты имѣешь видъ священника. Это правда, что ты будешь посвященъ?

Онъ засмѣялся.

— Я терпѣть не могу священниковъ. Я былъ военнымъ.

— Ты? Да ты былъ только въ семинаріи.

— Я ненавижу іезуитовъ; изъ-за этого-то я и ссорюсь постоянно съ моей семьей.

— Э, милый мой, ты честолюбивъ и тебѣ было бы весьма пріятно, чтобы люди прикладывались къ твоей туфлѣ.

— Что за очаровательная маленькая ручка! воскликнулъ онъ, цѣлуя, ее, — операція, которую онъ повторялъ нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ.

Я видѣла мужчинъ только на бульварѣ, въ театрѣ и у насъ. Боже, до чего они мѣняются на маскированномъ балѣ! Такіе величественные и сдержанные въ своихъ каретахъ, такіе увивающіеся, плутовскіе и глупые здѣсь!

Десять разъ я оставляла своего молодого собесѣдника и десять разъ онъ снова находилъ меня.

Доминика говорила, что пора ѣхать, но онъ насъ удерживалъ. Наконецъ, намъ удается найти два кресла и тогда разговоръ мѣняется.

Мы говоримъ о святомъ Августинѣ и аббатѣ Прево.

Наконецъ, мы спасаемся съ бала, никѣмъ не преслѣдуемыя, потому что всѣ видѣвшіе меня на улицѣ стали меня узнавать.

Я веселилась и... разочаровалась.

А... не вполнѣ нравится мнѣ, и однако...

Ахъ! этотъ несчастный сынъ священника унесъ мою перчатку и поцѣловалъ мою лѣвую руку.

— Ты знаешь, сказалъ онъ, я не скажу, что всегда буду носить эту перчатку на сердцѣ — это было бы глупо; но это будетъ пріятное воспоминаніе.

Понедѣльникъ, 21 февраля. Имѣю честь представить вамъ сумасшедшую. Посудите сами. Я ищу, я нахожу, я измышляю человѣка, я живу, я только имъ и клянусь—я замѣшиваю его рѣшительно во все, а когда онъ вполнѣ войдетъ въ мою голову, открытую всѣмъ вѣтрамъ, я начну скучать и, можетъ быть, грустить и плакать. Я далека отъ того, чтобы желать этого, но говорю это по предвидѣнью.

Когда же наступитъ настоящій римскій карнавалъ! До сихъ поръ я видѣла только балконы, убранные бѣлой, красной, голубой, желтой, розовой матеріей и нѣсколько масокъ.

Пятница, 25 февраля. Наши сосѣди появились, дама очень любезна; есть очаровательные экипажи. Тройли и Джорджіо — въ прекрасной коляскѣ съ большими лошадьми, и лакеями въ бѣлыхъ панталонахъ. Это былъ самый красивый экипажъ. Они забрасываютъ насъ цвѣтами. Дина совсѣмъ красная, и мать ея сіяетъ.

Наконецъ раздался пушечный выстрѣлъ: сейчасъ начнутся бѣга лошадей, а А... еще не пришелъ; но вчерашній молодой человѣкъ приходитъ, и такъ какъ наши балконы смежны — мы заговариваемъ. Онъ даетъ мнѣ букетъ, я даю ему камелію, и онъ говоритъ мнѣ все, что только можетъ сказать дамѣ нѣжный и влюбленный человѣкъ, не имѣвшій чести быть ей представленнымъ. Онъ клянется мнѣ вѣчно хранить ее, засушивъ въ своихъ часахъ. И онъ обѣщаетъ мнѣ пріѣхать въ Ниццу, чтобы показать мнѣ лепестки цвѣтка, который оста-

нется навсегда свѣжимъ въ его памяти. Это было очень весело.

Графъ Б... (это имя прекраснаго незнакомца) старался занимать меня, когда, опустивъ глаза на толпу, бывшую внизу, я вдругъ увидѣла А..., который мнѣ кланялся. Дина бросила ему букетъ, и руки десяти негодяевъ протянулись, чтобы схватить его на лету. Одному удалось это; но А..., съ величайшимъ хладнокровіемъ схватилъ его за горло и держалъ его своими нервными руками, пока, наконецъ, несчастный не бросилъ своей добычи. Это было такъ хорошо, что А... былъ въ эту минуту почти прекрасенъ. Я пришла въ восторгъ и, забывъ о томъ, что я покраснѣла, и краснѣя снова, я спустила ему камелію, и нитка упала вмѣстѣ съ нею. Онъ взялъ ее, положилъ въ карманъ и исчезъ. Тогда, все еще взволнованная, я обернулась къ Б..., который воспользовался случаемъ наговорить мнѣ комплиментовъ относительно моей манеры говорить по-итальянски и всякой всячины.

Barberi летятъ, какъ вѣтеръ, посреди тиканья и свистковъ народа, а на нашемъ балконѣ только и говорятъ объ очаровательной манерѣ, съ которой А... отнялъ букетъ. Дѣйствительно, онъ былъ похожъ въ эту минуту на льва, на тигра: я не ожидала такой вещи со стороны этого изящнаго молодого человѣка.

Это, какъ я сказала сначала, — странная смѣсь какой-то томности и силы.

Мнѣ все еще видятся его руки, сжимающія горло негодяя.

Вы, можетъ быть, будете смѣяться надъ тѣмъ, что я сейчасъ вамъ скажу, но я все-таки скажу.

Такъ вотъ, — такимъ поступкомъ мужчина можетъ тотчасъ же заставить полюбить себя. Онъ имѣлъ такой спокойный видъ, держа за горло этого бездѣльника, что у меня духъ захватило.

Весь вечеръ я только объ этомъ и говорю, я прерывала всѣ разговоры, чтобы еще и еще поговорить объ этомъ. — Не правда-ли, А... очарователенъ? Я говорю это, какъ будто бы смѣясь, но боюсь, что я думаю это серьезно. Теперь я стараюсь увѣрить нашихъ, что я очень занята А... и мнѣ не вѣрятъ; но стоитъ мнѣ сказать противоположное тому, что я говорю теперь, этому повѣрятъ, и будутъ правы.

Я опять горю нетерпѣніемъ, я хотѣла бы заснуть, чтобы сократить время до завтра, когда мы пойдемъ на балконъ.

Понедѣльникъ, 28 февраля. Выходя на балконъ на Корсо, я уже застаю всѣхъ нашихъ сосѣдей на своемъ посту, и карнавалъ въ полномъ разгарѣ. Я смотрю внизъ, прямо передъ собою и вижу А... съ кѣмъ-то другимъ. Замѣтивъ его, я смутилась, покраснѣла и встала, но негоднаго сына священника уже не было, и я обернулась къ мамѣ, которая протягивала кому-то руку... Это былъ А.

А! Въ добрый часъ! Ты пришелъ на мой балконъ,—тѣмъ лучше!

Онъ остается требуемое вѣжливостью время съ мамой, а потомъ садится подлѣ меня.

Я занимаю, по обыкновенію, крайнее мѣсто съ правой стороны балкона, смежнаго, какъ извѣстно, съ балкономъ англичанки. Б. опоздалъ; его мѣсто занято какимъ-то англичаниномъ, котораго англичанка мнѣ представляетъ и который оказывается очень услужливымъ.

— Ну, какъ вы поживаете? говоритъ А... своимъ спокойнымъ и мягкимъ тономъ. Вы не бываете больше въ театрѣ?

— Я была нездорова, у меня и теперь еще болитъ палецъ.

— Гдѣ? (и онъ хотѣлъ взять мою руку). Вы знаете, я каждый день ходилъ къ Аполлону, но оставался тамъ всего пять минутъ.

— Почему?

— Почему? повторилъ онъ, глядя мнѣ прямо въ зрачки.

— Да почему?

— Потому, что я ходилъ туда для васъ, а васъ тамъ не было.

Онъ говоритъ мнѣ еще много вещей въ томъ же родѣ, катаетъ глазами, бѣснуется и очень забавляетъ меня.

— Дайте мнѣ розу.

— Зачѣмъ?

Согласитесь, что я дѣлала затруднительный вопросъ. Я люблю дѣлать вопросы, на которые приходится отвѣчать глупо, или совсѣмъ не отвѣчать.

Б... приподноситъ мнѣ большую корзину цвѣтовъ; онъ краснѣетъ и кусаетъ себѣ губы; не пойму, право, что это съ нимъ. Но оставимъ въ покоѣ эту скучную личность и возвратимся къ глазамъ Піетро А...

У него чудные глаза, особенно когда онъ не слишкомъ открываетъ ихъ. Его вѣки, на четверть закрывающія зрачки, даютъ ему какое-то особенное выраженіе, которое ударяетъ мнѣ въ голову и заставляетъ биться мое сердце.

— По крайней мѣрѣ, чтобъ помучить Піетро, будь подобрѣе съ Б... говоритъ Дина.

— Помучить! Я не имѣю ни малѣйшаго желанія. Мучить, возбуждать ревность, фи! Въ любви — это похоже на бѣлила и румяна, которыми мажутъ лицо. Это вульгарно, это низко. Можно мучить невольно, естественно, такъ сказать... дѣлать это нарочно, фи!!

Да и потомъ, я несмогла бы сдѣлать это нарочно, у меня не хватило бы характера. Есть-ли какая-нибудь возможность говорить и быть любезной съ какимъ-нибудь уродомъ, когда А... тутъ и можно съ нимъ говорить!

Среда, 8 марта. Я надѣваю свою амазонку, а въ четыре часа мы уже у воротъ del Popolo, гдѣ А... ждетъ меня съ двумя лошадьми. Мама и Дина слѣдуютъ за нами въ коляскѣ.

— Поѣдемъ здѣсь, говоритъ мой кавалеръ.

— Поѣдемъ.

И мы въѣхали въ поле — славное, зеленое мѣстечко, называемое Фарнезиной. Онъ опять началъ свое объясненіе, говоря:

— Я въ отчаяніи.

— Что такое отчаяніе?

— Это когда человѣкъ желаетъ чего-нибудь и не можетъ имѣть то, чего желаетъ.

— Вы желаете луны?

— Нѣтъ, солнца.

— Гдѣ же оно? говорю я, глядя на горизонтъ; — оно, кажется, уже зашло.

— Нѣтъ, мое солнце здѣсь: это вы.

— Вотъ какъ!

— Я никогда не любилъ, я терпѣть не могу женщинъ, у меня были только интрижки съ женщинами легкаго поведенія.

— А увидѣвъ меня — вы полюбили?

— Да, въ ту же минуту, въ первый же вечеръ, въ театрѣ.

— Вы вѣдь говорили, что это прошло.

— Я шутилъ.

— Какъ же я могу различать, когда вы шутите и когда вы серьезны?

— Да это сейчасъ видно!

— Это правда; это почти всегда видно, серьезно-ли говоритъ человѣкъ, но вы не внушаете мнѣ никакого довѣрія, а ваши прекрасныя понятія о любви — еще менѣе.

— Какія это мои понятія? Я васъ люблю, а вы мнѣ не вѣрите. А! говоритъ онъ, кусая губы и глядя въ сторону, — въ такомъ случаѣ я — ничто, я ничего не могу!

— Ну, полноте, что вы притворяетесь! говорю я, смѣясь.

— Притворяюсь! восклицаетъ онъ, оборачиваясь съ бѣшенствомъ, — всегда притворяюсь! Вотъ какого вы обо мнѣ мнѣнія!

— Да еще вотъ что. Помолчите, слушайте. Если бы въ эту минуту проходилъ мимо какой-нибудь изъ вашихъ друзей, вы бы повернулись къ нему и подмигнули бы ему глазомъ и разсмѣялись бы!

— Я притворяюсь! О! Если такъ... прекрасно, прекрасно!

— Вы мучите свою лошадь, намъ надо спускаться.

— Вы не вѣрите, что я васъ люблю? — говоритъ онъ, стараясь поймать мой взглядъ и наклоняясь ко мнѣ, съ выраженіемъ такой искренности, что у меня сердце сжимается.

— Да нѣтъ, — говорю я едва слышно. — Держите свою лошадь, мы спускаемся.

Ко всѣмъ его нѣжностямъ примѣшивались еще наставленія въ верховой ѣздѣ.

— Ну можно-ли не любоваться вами? — говоритъ онъ, останавливаясь на нѣсколько шаговъ ниже и глядя на меня.— Вы такъ хороши, — опять началъ онъ, — только мнѣ кажется, что у васъ нѣтъ сердца.

— Напротивъ, у меня прекрасное сердце, увѣряю васъ.

— У васъ прекрасное сердце, а вы не хотите любить!

— Это смотря по обстоятельствамъ.

— Вы — балованное дитя, неправда-ли?

— Почему-жъ бы меня и не баловать? Я не невѣжда, я добра, только я вспыльчива.

Мы все спускались, но шагъ за шагомъ, потому что спускъ былъ очень крутой, и лошади цѣплялись за неровности земли, за пучки травы.

— Я... — у меня дурной характеръ, я бѣшеный, вспыльчивый, злой. Я хочу исправиться... Перескочимъ черезъ эти рвы, хотите?

— Нѣтъ.

И я переѣхала по маленькому мостику въ то время, какъ онъ перескакивалъ черезъ ровъ.

— Поѣдемъ мелкой рысью до коляски, — говоритъ онъ, — такъ какъ мы уже спустились.

Я пустила свою лошадь рысью, но за нѣсколько шаговъ до коляски, она вдругъ поскакала галопомъ. Я обернулась направо. А... былъ позади меня; моя лошадь неслась въ галопъ; я попробовала удержать ее, но она понесла въ карьеръ... Долина была очень велика; всѣ мои усилія удержаться были напрасны, волосы разсыпались мнѣ по плечамъ, шляпа скатилась на землю, я слабѣла, мнѣ становилось страшно. Я слышала А... позади себя, я чувствовала, какое волненіе происходило въ коляскѣ, мнѣ хотѣлось спрыгнуть на землю, но лошадь неслась какъ стрѣла.

«Это глупо, — быть убитой такимъ образомъ, — думала я, теряя послѣднія силы, — нужно, чтобы меня спасли»!

— Удержите ее!—кричалъ А..., который никакъ не могъ догнать меня.

— Я не могу, — говорю я едва слышно.

Руки мои дрожали. Еще минута,и я потеряла бы сознаніе, когда онъ подскакалъ ко мнѣ совсѣмъ близко, ударилъ хлыстомъ по головѣ моей лошади, и я схватила его руку, столько же для того, чтобы удержаться, сколько для того, чтобы коснуться ея.

Я взглянула на него: онъ былъ блѣденъ, какъ смерть; никогда еще я не видала такого взволнованнаго лица.

— Господи! — повторялъ онъ, — какъ вы испугали меня!

— О, да! безъ васъ я бы упала; я больше не могла удержать ее. Теперь — кончено. Ну, нечего сказать, это мило, прибавила я, стараясь засмѣяться. — Дайте мнѣ мою шляпу.

Дина вышла изъ коляски, мы подошли къ ландо. Мама была внѣ себя, но она ничего не сказала мнѣ: она знала, что между нами что-то было и не хотѣла надоѣдать мнѣ.

— Мы поѣдемъ потихоньку, шагомъ, до воротъ.

— Да, да.

— Но какъ вы испугали меня! А вы — не испугались?

— Нѣтъ, увѣряю васъ, что нѣтъ.

— О, право-же — да это видно.

— Это ничего, совершенно ничего.

И черезъ минуту мы принялись спрягать глаголъ «любить»на всѣ лады. Онъ разсказываетъ мнѣ все — съ самаго перваго вечера, когда онъ увидалъ меня въ оперѣ и, видя Р... выходящимъ изъ нашей ложи, вышелъ изъ своей и пошелъ ему навстрѣчу.

— Вы знаете, говоритъ онъ, — что я никогда никого не любилъ, моя единственная привязанность была къ моей матери; остальное... Я никогда не смотрѣлъ ни на кого въ театрѣ, не ходилъ на Пинчіо. Это глупо, я надъ всѣми смѣялся, а теперь я хожу туда.

— Для меня?

— Для васъ. Я обязанъ...

— Обязаны?

— Нравственной силой: конечно, я могъ бы произвести впечатлѣніе на ваше воображеніе, если бы сдѣлалъ вамъ объясненіе въ любви изъ романа, но это глупо, я только о васъ и думаю, только вами и живу. Конечно, человѣкъ — матерьяльное созданіе; онъ встрѣчаетъ массу людей, и массу другихъ мыслей занимаетъ его. Онъ ѣстъ, говоритъ, думаетъ о другихъ вещахъ, но я часто думаю о васъ — вечеромъ.

— Въ клубѣ, можетъ быть?

— Да, въ клубѣ. Когда наступаетъ ночь, я остаюсь тамъ мечтать, курю и думаю о васъ. Потомъ, особенно, когда темно, когда я одинъ, я думаю, мечтаю и дохожу до такой иллюзіи, что мнѣ кажется — я вижу васъ. Никогда, — продолжалъ онъ, — я не испытывалъ того, что испытываю теперь. Я думаю о васъ, я выхожу для васъ. Доказательство — что съ тѣхъ поръ, какъ вы не бываете въ оперѣ, я тоже не хожу туда. И особенно — когда я одинъ, я всегда думаю о васъ. Я представляю себѣ мысленно, что вы здѣсь; увѣряю васъ, что я никогда не чувствовалъ того, что теперь; отсюда я заключаю, что это любовь. Мнѣ хочется видѣть васъ, я иду на Пинчіо... Мнѣ хочется васъ видѣть, я сержусь, потомъ мечтаю о васъ. Такимъ образомъ я началъ испытывать удовольствіе любви.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать три года. Я началъ жить съ семнадцати

лѣтъ, я ужъ сто разъ могъ бы влюбиться и однако не влюблялся. Я никогда не былъ похожъ на этихъ восемнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, которые добиваются цвѣтка, портрета; все это глупо. Если бы вы знали, иногда — я думаю, и мнѣ столько хочется сказать и... и...

— И вы не можете?

— Нѣтъ, не то — я влюбился и совсѣмъ оглупѣлъ.

— Не думайте этого, вы вовсе не глупы.

— Вы не любите меня, говоритъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ.

— Я такъ мало знаю васъ, что право это невозможно, отвѣчаю я.

— Но когда вы побольше узнаете меня, говоритъ онъ потихоньку, глядя на меня очень застѣнчиво (тутъ онъ понизилъ голосъ), — вы, можетъ быть, немножко полюбите меня?

— Можетъ быть, говорю я также тихо.

Была почти ночь; мы пріѣхали. Я пересѣла въ коляску. Онъ начинаетъ извиняться передъ мамой, которая даетъ ему нѣкоторыя порученія относительно лошадей.

— До свиданія! — говоритъ А... мамѣ.

Я молча протягиваю ему руку, и онъ сжимаетъ ее не по прежнему.

Я возвращаюсь, раздѣваюсь, накидываю пеньюаръ и растягиваюсь на диванѣ, утомленная, очарованная; голова моя идетъ кругомъ. Я сначала ничего не понимаю. Въ теченіе двухъ часовъ я не могу ничего припомнить и только черезъ два часа я могу собрать въ нѣчто цѣлое все, что вы только что прочли. Я была бы на верху счастья, если бы вѣрила ему, но я сомнѣваюсь, несмотря на его искренній, милый, даже наивный видъ. Вотъ что значитъ быть самому канальей. Впрочемъ, это лучше.

Десять разъ я бросаю тетрадь, чтобы растянуться на постели, чтобы возстановить все въ своей головѣ, и мечтать, и улыбаться. Вотъ видите, добрые люди, я вся въ волненіи, а онъ, безъ сомнѣнія, преспокойно сидитъ въ клубѣ.

Я чувствую себя совсѣмъ другой; я спокойна, но еще совершенно оглушена тѣмъ, что онъ говорилъ мнѣ.

Я думаю теперь о той минутѣ, когда онъ сказалъ: «я васъ люблю», а я въ сотый разъ отвѣчала: «это неправда». Онъ покачнулся на сѣдлѣ и, наклоняясь и бросая поводья, «вы

не вѣрите мнѣ?» воскликнулъ онъ, стараясь встрѣтить мои глаза, которые я держала опущенными (не изъ кокетства, клянусь вамъ). О! въ эту минуту онъ говорилъ правду. Я подняла голову и увидѣла его безпокойный взглядъ, его темные каріе глаза — большіе, широко раскрытые, которые, казалось, хотѣли прочесть мою мысль до самой глубины души. Они были безпокойны, взволнованы, раздражены уклоненіемъ моего взгляда. Я дѣлала это не нарочно: если бы я взглянула на него прямо, я бы расплакалась. Я была возбуждена, смущена, я не знала, что дѣлать съ собой, а онъ думалъ, можетъ быть, что я кокетничала. Да, въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, я знала, что онъ не лгалъ.

— Теперь вы меня любите, а черезъ недѣлю разлюбите, — отвѣчала я.

— Ахъ, зачѣмъ вы это говорите. Я вовсе не изъ тѣхъ людей, которые всю жизнь поютъ для барышень, я никогда ни за кѣмъ не ухаживалъ, никого не любилъ. Есть одна женщина, которая во что бы то ни стало хочетъ добиться моей любви. Она назначала мнѣ пять или шесть свиданій; я всегда уклонялся, потому что я не могу ее любить, — вы теперь видите!..

Ну, да я никогда бы не кончила, если бы погрузилась въ свои воспоминанія и стала ихъ записывать. Такъ много было сказано! Ну, полно, пора спать.

Вторникъ, 14 марта. Кажется, я обѣщала Піетро опять ѣхать кататься верхомъ. Мы встрѣтили его въ цвѣтномъ платьѣ и маленькой шапочкѣ; бѣдняжка ѣхалъ на извозчикѣ.

— Почему вы не попросите лошадей у вашего отца? — говорю я ему.

— Я просилъ, но если бы вы знали, до чего всѣ А... суровы.

Мнѣ было непріятно видѣть его въ этомъ жалкомъ извозчичьемъ экипажѣ.

Сегодня мы уѣзжаемъ изъ отеля Лондонъ, мы наняли большое и прекрасное помѣщеніе въ первомъ этажѣ на *Via Babuino*. Передняя, маленькая зала, большая зала, четыре спальни, *studio* и комнаты для прислуги.

16 марта. Къ десяти часамъ приходитъ Піетро. Зала очень велика и очень хороша; у насъ два рояля — одинъ съ длиннымъ хвостомъ, другой — маленькій. Я принялась ти-

хонько наигрывать «пѣсню безъ словъ» Мендельсона, а А... запѣлъ свой собственный романсъ. Чѣмъ серьезнѣе и горячѣе онъ становился, тѣмъ болѣе я смѣялась и становилась холодна. Для меня невозможно представить А... серьезнымъ.

Все, что говоритъ любимая женщина, кажется очаровательнымъ. Я иногда могу быть забавной для людей равнодушныхъ ко мнѣ, для неравнодушныхъ — и подавно. Среди фразы, преисполненной любви и нѣжности, я говорила какую-нибудь вещь, неодолимо смѣшную для него, и онъ смѣялся. Тогда я упрекала его за этотъ смѣхъ, говоря, что я не могу вѣрить ребенку, который никогда не бываетъ серьезенъ и который смѣется, какъ сумасшедшій, отъ всякаго пустяка. И такъ — много разъ, такъ что онъ наконецъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ сталъ разсказывать, какъ это началось: съ перваго вечера на представленіи **Весталки.**

— Я такъ люблю васъ, — сказалъ онъ, — что готовъ Богъ знаетъ что сдѣлать для васъ. Скажите, чтобы я выстрѣлилъ въ себя изъ револьвера, я сейчасъ сдѣлаю это.

— А что бы сказала ваша мать?

— Мать моя плакала бы, а братья мои сказали бы: «вотъ насъ стало двое, вмѣсто троихъ».

— Это безполезно, я не хочу подобнаго доказательства.

— Ну, такъ чего же вы хотите? Скажите! Хотите, чтобы я бросился изъ этого окна вонъ въ тотъ бассейнъ?

Онъ бросился къ окну, я удержала его за руку, и онъ не хотѣлъ больше выпускать ее.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, глотая, какъ кажется, слезы, — я теперь спокоенъ; но была минута... Господи! Не доводите меня до такого безумія, отвѣчайте мнѣ, скажите что-нибудь.

— Все это — глупости.

— Да, можетъ быть глупости молодости. Но я не думаю: никогда я не чувствовалъ того, что сегодня, теперь, здѣсь. Я думалъ, что съ ума сошелъ.

— Черезъ мѣсяцъ я уѣду, и все будетъ забыто.

— Я поѣду за вами повсюду.

— Вамъ не позволятъ.

— Кто же мнѣ можетъ помѣшать? — воскликнулъ онъ, бросаясь ко мнѣ.

— Вы слишкомъ молоды, — говорю я, перемѣняя музы-

ку и переходя отъ Мендельсона къ ноктюрну, болѣе нѣжному и болѣе глубокому.

— Женимся. Передъ нами такое прекрасное будущее.

— Да, если бы я захотѣла его!

— Вотъ-те на! конечно, вы хотите!

Онъ приходилъ все въ большій и большій восторгъ; я не двигалась, даже не мѣнялась въ лицѣ.

— Хорошо, — говорю я, предположимъ, что я выйду за васъ замужъ, а черезъ два года вы меня разлюбите.

Онъ задыхался.

— Нѣтъ, къ чему эти мысли?

И, захлебываясь, со слезами на глазахъ онъ упалъ къ моимъ колѣнямъ.

Я отодвинулась, вспыхнувъ отъ досады. О, спасительный рояль!

— У васъ долженъ быть такой добрый характеръ, — сказалъ онъ.

— Еще бы! Иначе я бы уже давно прогнала васъ, — отвѣтила я, отворачиваясь со смѣхомъ.

Потомъ я встала, спокойная и удовлетворенная, и отправилась выполнить долгъ любезности съ другими.

Но нужно было уходить.

Ужъ пора? — сказалъ его вопросительный взглядъ.

— Да, — говоритъ мама.

Передавъ все вкратцѣ мамѣ и Динѣ, я запираюсь въ своей комнатѣ и, прежде чѣмъ взяться за перо, сижу цѣлый часъ, закрывъ лицо руками, съ пальцами въ волосахъ, стараясь отдать себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ ощущеніяхъ.

Кажется, я понимаю себя!

Бѣдный Піетро, — не то, чтобъ я ничего не чувствовала къ нему, напротивъ, но я не могу согласиться быть его женой. Богатства, виллы, музеи всѣхъ этихъ Рисцоли, Доріа, Торлоніа, Боргезе, Чіара — постоянно давили бы меня. Я прежде всего честолюбива и тщеславна. Приходится сказать, что такое созданіе любятъ только потому, что хорошенько не знаютъ его! Если бы его знали, это созданіе... О, полно! Его все-таки любили бы.

— Честолюбіе — благородная страсть.

И почему это именно А... вмѣсто кого-нибудь другого?

И я постоянно повторяю эту фразу, подставляя другое имя.

Суббота, 18 марта. Мнѣ никогда не приходится ни на минуту остаться наединѣ съ А... — это меня сердитъ. Я люблю, когда онъ говоритъ, что любитъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ все высказалъ мнѣ, я постоянно сижу, опершись локтями на столъ, и думаю. Я люблю, можетъ быть. Всегда, когда я утомлена и наполовину дремлю, мнѣ кажется, что я люблю Піетро. Зачѣмъ я такъ тщеславна? Зачѣмъ я честолюбива? Зачѣмъ я такъ разсудительна ?Я не способна посвятить минутѣ удовольствія цѣлые годы величія и удовлетвореннаго тщеславія.

Да, говорятъ романисты, но этой минуты удовольствія достаточно, чтобы освѣтить ея лучами цѣлое существованіе. О! Нѣтъ! Теперь мнѣ холодно, и я люблю, завтра мнѣ будетъ тепло, и я не буду любить. И отъ такихъ измѣненій температуры зависятъ судьбы людей!

Уходя, А... говоритъ: «прощайте» и беретъ меня за руку, которую не выпускаетъ изъ своей, дѣлая въ то же время десять различныхъ вопросовъ, чтобы промедлить время.

Все это я сейчасъ же разсказала мамѣ: я ей все разсказываю.

20 марта. Я преглупо вела себя сегодня вечеромъ.

Я говорила шепотомъ съ этимъ повѣсой и дала поводъ надѣяться на такія вещи, которыя никогда не могутъ исполниться. Въ обществѣ онъ нисколько не занимаетъ меня; когда же мы остаемся вдвоемъ, онъ говоритъ мнѣ о любви и бракѣ. Онъ ревнивъ, до бѣшенства ревнивъ. Къ кому? ко всѣмъ. Я слушаю его рѣчи съ высоты моего холоднаго равнодушія и въ то же время позволяю ему завладѣть моей рукой. Я беру его руку съ почти материнскимъ видомъ, и если онъ еще не совсѣмъ омраченъ своей **страстью,** какъ онъ говоритъ, онъ долженъ видѣть, что, отталкивая его своими словами, я въ то же время удерживаю его взглядами.

И, говоря ему, что я никогда не буду любить его, я его люблю, или, по крайней мѣрѣ, веду себя такъ, какъ будто бы любила его. Я говорю ему всевозможныя глупости. Другой былъ бы доволенъ, другой человѣкъ, постарше, а онъ разрываетъ салфетку, ломаетъ двѣ пары щипцовъ, прорываетъ

холстъ. Всѣ эти эволюціи позволяютъ мнѣ взять его за руку и сказать ему, что онъ сумасшедшій.

Тогда онъ глядитъ на меня съ дикой неподвижностью, и взглядъ его черныхъ глазъ теряется въ моихъ сѣрыхъ глазахъ. Я говорю ему безъ всякаго смѣха: «сдѣлайте гримасу», и онъ смѣется, а я дѣлаю видъ, что недовольна.

— Значитъ, вы меня не любите?

— Нѣтъ.

— Я не долженъ надѣяться?

— Боже мой! Да всегда можно надѣяться; надежда — въ натурѣ человѣка, но что до меня, вы ничего отъ меня не добьетесь. И такъ какъ я говорю это, смѣясь, онъ уходитъ до нѣкоторой степени удовлетворенный.

Понедѣльникъ, 27 марта. Вечеромъ у насъ были гости, между прочимъ и А...

Опять за роялемъ... «Я знаю, кто будетъ имѣть у васъ успѣхъ. Человѣкъ, который будетъ очень терпѣливъ и будетъ гораздо меньше любить васъ. Но вы, вы меня не любите».

— Нѣтъ, — говорю я еще разъ.

И наши лица были такъ близко одно отъ другого, что я удивляюсь, какъ не произошло «искры».

— Вотъ видите! — воскликнулъ онъ. — Что тутъ можно сдѣлать, когда только одинъ любитъ? Вы холодны, какъ снѣгъ, а я васъ люблю.

— Вы меня любите? Нѣтъ, но это можетъ придти.

— Когда?

— Черезъ шесть мѣсяцевъ.

— О! Черезъ шесть мѣсяцевъ!.. Я васъ люблю, я съ ума схожу, а вы надо мной смѣетесь.

— Да, дѣйствительно! Вы удивительно догадливы. Послушайте, если бы даже я любила васъ, это было бы все-таки чрезвычайно трудно устроить: я слишкомъ молода, и потомъ— еще различіе религій.

— Ну! Я такъ и зналъ! Да вѣдь у меня тоже будутъ затрудненія; вы думаете — нѣтъ?.. Вы не можете меня понять, потому что вы меня не любите. А если бы я предложилъ вамъ бѣжать со мной?

— Что за ужасъ!

— Постойте.. я вамъ этого не предлагаю. Это ужасно, я

знаю, когда не любятъ. Но если бы вы любили меня, это не было бы для васъ такъ ужасно.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Да я и не говорю. Я говорилъ бы вамъ объ этомъ, если бы вы меня любили.

— Я не люблю васъ.

Я не люблю его и въ то же время позволяю говорить себѣ всѣ эти вещи; что за нелѣпость!

Я предполагаю, что онъ говорилъ объ этомъ своему отцу, но былъ принятъ не ласково. Я не могу рѣшиться; я не знаю условій, а ни за что въ мірѣ не согласилась бы я жить въ чужой семьѣ. Довольно мнѣ и моей; что бы это было съ чужими? Не правда-ли — я полна разсудительности для моего возраста.

— Я всюду послѣдую за вами, — сказалъ онъ какъ-то разъ, прежде.

— Пріѣзжайте въ Ниццу,—сказала я ему сегодня. Онъ молча опустилъ голову, и это служитъ для меня лишнимъ подтвержденіемъ того, что онъ говорилъ съ своимъ отцомъ.

— Я совершенно ничего не понимаю. Я люблю — и не люблю.

Четвергъ, 30 марта. Сегодня, запершись на ключъ одна въ своей комнатѣ, я должна обсудить серьезнѣйшую вещь.

Вотъ уже нѣсколько дней въ положеніе мое закралась какая-то фальшь, и почему? Потому что Піетро просилъ меня быть его женой, потому что я не отказала ему окончательно, потому что онъ говорилъ объ этомъ со своими родителями, потому что съ его родителями трудно сговориться объ этомъ, и потому что Висконти сказалъ слѣдующее:

— Нужно знать, сударыня, гдѣ вы хотите выдать дочь свою замужъ,—началъ Висконти, наговоривъ похвалъ богатству и личности Піетро.

— Право, у меня на этотъ счетъ нѣтъ никакого опредѣленнаго понятія, сказала мама, и къ тому же моя дочь такъ молода!

— Нѣтъ, сударыня, тутъ нуженъ рѣшительный отвѣтъ. Хотите вы выдать ее замужъ за границей или въ Россіи?

Я предпочла бы за границей, потому что, мнѣ кажется, она была бы счастливѣе за границей, такъ какъ была здѣсь воспитана.

— Но нужно еще узнать, согласится ли вся ваша семья

видѣть ее замужемъ за католикомъ, а также, какъ взглянетъ она на то, что дѣти, родившіяся отъ этого брака, также будутъ крещены по католическому обряду.

— Наша семья съ радостью согласится на все, что только принесетъ счастье моей дочери.

— Піетро А... прекрасный молодой человѣкъ, и онъ будетъ очень богатъ, но папа вмѣшивается во всѣ дѣла семейства А... и представитъ различныя затрудненія.

— Однако, милостивый государь, къ чему вы говорите все это? Рѣчь вовсе не идетъ о бракѣ. Я очень люблю этого молодого человѣка, какъ дитя, но вовсе не какъ будущаго зятя.

Вотъ приблизительно все то, что мнѣ удалось узнать объ этомъ отъ моей матери.

Самое благоразумное было бы уѣхать, тѣмъ болѣе, что ничего не пропадетъ, если мы отложимъ все до будущей зимы.

Завтра же надо ѣхать; надо приготовиться къ этому, т. е. пойти осмотрѣть римскія достопримѣчательности, которыхъ я еще не видѣла.

Да, но что раздражаетъ меня, такъ это то, что препятствія исходятъ не съ нашей стороны, а со стороны А... Это безобразно, и гордость моя возмущается.

Уѣдемъ изъ Рима.

Не очень-то пріятно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть это нежеланіе принять меня къ себѣ, когда я сама не желаю войти къ нимъ. Римъ — городъ до того полный сплетенъ, что всѣ уже говорятъ объ этомъ, а я послѣдняя замѣчаю это! И это вѣчно такъ. Я, конечно, прихожу въ бѣшенство при мысли, что у меня хотятъ отнять Піетро, но, благодаря Бога, я желаю **большаго** для себя и стремлюсь не къ такому величію! Если бы А... былъ человѣкъ, входящій въ мою программу, я бы не сердилась; но человѣкъ, которому я въ своемъ сознаніи уже отказала, какъ неудовлетворяющему меня... И смѣютъ говорить, **что папа не позволяетъ этого.**

Я просто въ бѣшенствѣ, но... погодите немного. Наступаетъ вечеръ, а съ вечеромъ появляется А... Мы принимаемъ его довольно холодно вслѣдствіе того, что говорилъ баронъ Висконти и вслѣдствіе бездны разныхъ «предположеній», потому что съ самаго разговора съ Висконти у насъ то и дѣло предполагаютъ что-нибудь.

— Завтра, — говоритъ Піетро по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, — я уѣзжаю.

— Куда?

— Въ Террачину. Я думаю остаться тамъ восемь дней.

— Его посылаютъ туда, — шепчетъ мама по-русски.

Я такъ и думала; но что за стыдъ! Хоть плачь отъ бѣшенства!

— Да, это непріятно, — отвѣчала я.

О, гадкій попъ! Понимаете ли вы, до чего это унизительно!

Разговоръ на эотмъ останавливается. Мама до того оскорблена, до того взбѣшена, что ея головная боль усиливается, и ее уводятъ въ ея комнату. Дина удаляется еще прежде. Всѣ какъ-будто молча сговорились оставить меня съ нимъ наединѣ, чтобы добиться истины.

Оставшись одна, я приступила храбро, хотя не безъ нѣкоторой внутренней дрожи.

— Зачѣмъ вы уѣзжаете? Куда вы ѣдете?

О, какъ бы не такъ! Если вы думаете, что онъ отвѣтилъ мнѣ такъ же прямо, какъ я его спросила, то очень ошибаетесь.

Я спросила, но онъ уклонялся отъ отвѣта.

— Какой вашъ девизъ? — спросилъ онъ.

— Ничего — прежде меня, ничего — послѣ меня, ничего — кромѣ меня.

— Прекрасно. Таковъ же и мой.

— Тѣмъ хуже!

Тогда начались выраженія любви, сыпавшіяся безъ всякаго порядка — до того они были правдивы. Безсвязныя слова любви безъ начала и конца, порывы бѣшенства, упреки. Я выдержала этотъ градъ съ такимъ же достоинствомъ, какъ и спокойствіемъ.

— Я такъ люблю васъ, что умереть можно,—продолжалъ онъ, — но я вамъ не вѣрю. Вы всегда насмѣхались надо мною, всегда смѣялись, всегда были холодны со своими экзаменаторскими вопросами. Что-жъ вы хотите, чтобы я сказалъ вамъ, когда я вижу, что вы никогда не любили меня!

Я слушала непреклонно и неподвижно, не позволяя даже коснуться своей руки. Я хотѣла знать во что бы то ни стало;

я чувствовала себя слишкомъ жалкой въ своемъ безпокойствѣ, приправленномъ милліономъ подозрѣній.

— Я! Полноте! сказала я, — вы хотите, чтобы я любила человѣка, котораго я не знаю, который все отъ меня скрываетъ! Скажите, — и я повѣрю. Скажите, — и я обѣщаю вамъ дать отвѣтъ. Слышите — послѣ этого я обѣщаю вамъ дать отвѣтъ.

— Да вы будете надо мною смѣяться, если я скажу вамъ. Поймете вы, что это секретъ! Сказать его — это значитъ разоблачить себя всего! Есть вещи до того интимныя, что ихъ никому въ мірѣ нельзя сказать.

— Скажите, я жду.

— Я скажу вамъ, но вы будете смѣяться надо мной.

— Я клянусь вамъ, что нѣтъ.

Послѣ многочисленныхъ обѣщаній съ моей стороны не смѣяться и никому не говорить, онъ, наконецъ, разсказалъ мнѣ.

Въ прошломъ году, будучи солдадтомъ въ Виченцѣ, онъ надѣлалъ на тридцать четыре тысячи франковъ долговъ; съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся домой — т. е. вотъ уже десять мѣсяцевъ — онъ не въ ладахъ со своимъ отцомъ, который не хотѣлъ платить ихъ. Наконецъ, нѣсколько дней тому назадъ онъ сдѣлалъ видъ, что уѣзжаетъ, говоря, что дома съ нимъ слишкомъ дурно обращаются. Тогда его мать вышла къ нему и сказала, что отецъ заплатитъ его долгъ съ условіемъ, что онъ будетъ вести блгоразумную жизнь. «А чтобы начать ее, прежде чѣмъ онъ примирится съ родителями, онъ долженъ примириться съ Богомъ». Онъ уже давно не говѣлъ.

Словомъ — онъ отправляется на восемь дней въ монастырь San Giovani et Paolo, около Колизея.

Такъ вотъ въ чемъ секретъ!

Я облокотилась о каминъ и о стулъ, отвернувъ глаза, которые — Богъ ихъ знаетъ отчего — были наполнены слезами. Онъ облокотился подлѣ меня, и мы оставались такъ нѣсколько секундъ молча, не глядя другъ на друга. Цѣлый часъ мы простояли такимъ образомъ, говоря о чемъ? О любви, конечно. Я знаю все, что хотѣла знать, я все вытянула изъ него.

Онъ не говорилъ со своимъ отцомъ, но разсказалъ все своей матери; онъ назвалъ меня.

— Вообще, сказалъ онъ, — вы можете быть увѣрены,

что мои родители ничего не имѣютъ противъ васъ; затрудненіе только въ религіи.

— Я знаю, что они ничего не могутъ имѣть противъ меня, потому что если бы я согласилась выйти за васъ замужъ, это было бы честью для васъ, а не для меня.

Я стараюсь выказать себя суровой, щепетильной, какова я, впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ, а также выставить свои нравственные принципы безусловной чистоты, чтобъ онъ разсказалъ все это своей матери, такъ какъ онъ все говоритъ ей.

Онъ никогда еще не говорилъ со мной, какъ сегодня вечеромъ.

Тотчасъ же я бѣгу, чтобы успокоить непріятно задѣтое самолюбіе мамы, и все разсказываю ей, но смѣясь, чтобы не показаться влюбленной.

Ну, теперь довольно! Я спокойна, счастлива, особенно счастлива за моихъ, которые, было, ужъ повѣсили уши.

Уже поздно, однако, пора спать.

Пятница, 31 марта. Это замѣчательное доказательство любви, — то, что онъ все разсказалъ мнѣ. Я не смѣялась. Онъ просилъ дать ему мой портретъ, чтобы взять его съ собой въ монастырь.

— Никогда! Какъ можно — такое искушеніе.

— Все равно, я все время буду думать о васъ.

Ну, не смѣшно-ли это — восемь дней въ монастырѣ! Что сказали бы его друзья въ Caccia-Club, если бы они это знали!

Я никогда никому не скажу этого. Мама и Дина не считаются: онѣ будутъ молчать, какъ я. Монастырь для Піетро чистая пытка!

А если онъ все это выдумалъ? Это ужасно — такой характеръ! Я никому не довѣряю.

Бѣдный Піетро, — въ рясѣ, запертый въ своей кельѣ, четыре проповѣди въ день, обѣдня, всенощная, заутреня, — просто не вѣрится — такъ это странно.

Боже мой! Не наказывай свое тщеславное созданіе! Клянусь тебѣ, что въ сущности, я честна и не способна къ подлости или низости. Я — честолюбива, вотъ мое несчастье!

Красоты и развалины Рима кружатъ мнѣ голову. Я хочу быть Цезаремъ, Августомъ, Маркомъ Авреліемъ, Нерономъ, Каракаллой, дьяволомъ, папой!..

Хочу... — и сознаю, что я — ничто...

Но я всегда одна и та же; вы можете убѣдиться въ этомъ, читая мой дневникъ. Подробности, оттѣнки мѣняются, но глубокія строки его всегда однѣ и тѣ же.

---

3 апрѣля. Теперь весна. Говорятъ, что всѣ женщины хорошѣютъ, въ это время года; это вѣрно, — судя по мнѣ... Кожа становится тоньше, глаза блестящѣе, краски живѣе.

Ужъ третье апрѣля! Остается только пятнадцать дней въ Римѣ.

Какъ странно! Пока я носила фетровую шляпу, казалось, что все еще зима; вчера я надѣла соломенную, — и тотчасъ же, казалось, наступила весна. Часто какая-нибудь шляпа или платье производятъ такое впечатлѣніе, точно такъ же, какъ очень часто какое-нибудь слово или жестъ ведутъ за собой серьезную вещь, уже давно подготавливающуюся, но все не проявлявшуюся до этого маленькаго толчка.

Среда, 5 апрѣля. Я пишу и говорю о всѣхъ, кто за мной ухаживаетъ... Все это происходитъ изъ-за отсутствія удовлетворяющей меня дѣятельности. Я рисую и читаю, но этого недостаточно.

Такому тщеславному человѣку, какъ я, нужно привязаться къ живописи, потому что это вѣчно живая неизсякаемая дѣятельность.

Я не буду ни поэтомъ, ни философомъ, ни ученой. Я могу быть только пѣвицей и художницей.

Это уже очень много. И потомъ — я хочу быть популярной, это главное.

Не пожимайте плечами, строгіе умы, не критикуйте меня съ аффектированнымъ безучастіемъ. Если вы будете добросовѣстны, вы увидите, что въ сущности вы таковы же! Вы остерегаетесь выказываться, но это не мѣшаетъ вамъ сознавать передъ судомъ своей совѣсти, что я говорю правду.

Тщеславіе! Тщеславіе! Тщеславіе!

Начало и конецъ всего, вѣчная и единственная причина всего.

Что не произведено тщеславіемъ, произведено страстями. Страсти и тщеславіе — вотъ единственные владыки міра!

Четвергъ, 6 апрѣля. Я пришла къ своему журналу, прося его облегчить мою пустую, грустную, жаждущую, завидующую, несчастную душу.

Да, со всѣми моими стремленіями, со всѣми моими громадными желаніями и моей лихорадочной жизнью я вѣчно и вездѣ останавливаюсь, какъ конь, сдерживаемый удилами. Онъ бѣсится, онъ становится на дыбы, онъ весь въ мылѣ, — но онъ стоитъ!

Пятница, 7 апрѣля. Какъ это мучитъ меня! О, какъ вѣрно русское выраженіе: «кошки скребутъ на сердцѣ!» У меня кошки скребутъ на сердцѣ.

Мнѣ всегда причиняетъ невѣроятную боль мысль, что человѣкъ, который мнѣ нравится, можетъ не любить меня.

Піетро не пришелъ; только сегодня вечеромъ онъ долженъ былъ выйти изъ монастыря. Я видѣла и его брата — этого лицемѣрнаго причетника — Павла А... Что за мелкое, плоское существо: маленькій, черный, желтый, гаденькій, лицемѣрный іезуитъ!

Если все это дѣло съ монастыремъ — правда, онъ долженъ знать его, и какъ онъ долженъ смѣяться со своимъ ехиднымъ видомъ, какъ онъ долженъ разсказывать объ этомъ своимъ друзьямъ! Петръ и Павелъ терпѣть не могутъ другъ друга.

Воскресенье, 9 апрѣля. Съ горячей вѣрой, растроганнымъ сердцемъ и размягченной душой я исповѣдывалась и причастилась. Мама и Дина тоже; потомъ мы прослушали обѣдню, я прислушивалась къ каждому слову и молилась.

Не возмутительно-ли это — чувствовать себя подчиненной какой-то власти — неизвѣстной, но непреодолимой! Я говорю о власти, отнявшей у меня Піетро. Для кардинала нѣтъ ничего невозможнаго, когда дѣло касается какого-нибудь приказанія духовенству. Власть духовенства огромна, и нѣтъ возможности проникнуть въ ихъ тайныя козни.

Остается удивляться, бояться ихъ и преклоняться! Стоитъ прочесть исторію народовъ, чтобы замѣтить ихъ вліяніе во всѣхъ историческихъ событіяхъ. Ихъ виды на все такъ обширны, что для неопытнаго наблюдателя они стушевываются, расплываются въ неопредѣленномъ.

Съ самаго начала міра во всѣхъ странахъ имъ принадлежала высшая власть явно или скрытно.

Нѣтъ, послушйте, это было бы слишкомъ, если бы такъ вдругъ у насъ отняли бы Піетро навсегда! Онъ не можетъ не вернуться въ Римъ, онъ такъ увѣрялъ, что вернется!

Неужели же онъ ничего не дѣлаетъ, чтобы вернуться. Неужели онъ не ломаетъ всего окружающаго? Неужели онъ не кричитъ?

Боже мой! Я исповѣдывалась и получила отпущеніе, и уже клянусь, и сержусь до бѣшенства!

Извѣстное количество грѣховъ также необходимо человѣку, какъ извѣстное количество воздуха, чтобы жить.

Зачѣмъ люди точно привязаны къ землѣ? Тяжесть, лежащая у нихъ на совѣсти, притягиваетъ ихъ къ землѣ! Если бы совѣсть ихъ была чиста, они были бы слишкомъ легки и понеслись бы въ небеса... какъ красные воздушные шары.

Вотъ странная теорія. Ну, что-жъ за бѣда! А Піетро все не приходитъ.

Но вѣдь я же не люблю его! Я хочу быть разсудительной, спокойной и... не могу.

Это благословеніе и портретъ папы принесли мнѣ несчастье.

Говорятъ, что онъ приноситъ несчастье.

Въ груди моей — какое-то стѣсненье, у меня красныя ногти, и я кашляю.

Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ не быть въ состояніи молиться. Молитва — единственное утѣшеніе для тѣхъ, кто не можетъ дѣйствовать. Я молюсь, но не вѣрю. Это ужасно. Это не моя вина.

Среда, 12 апрѣля. Всю эту ночь я видѣла его во снѣ, онъ увѣрялъ меня, что, правда, былъ въ монастырѣ.

Наши укладываются, сегодня вечеромъ мы ѣдемъ въ Неаполь. Я терпѣть не могу уѣзжать.

Когда же я буду имѣть счастье жить у себя, постоянно въ одномъ и томъ же городѣ? Видѣть постоянно одно и то же общество и время отъ времени дѣлать путешествія, чтобы освѣжиться.

Я хотѣла бы жить, любить и умереть въ Римѣ. Нѣтъ, — я хотѣла бы жить, гдѣ мнѣ будетъ хорошо, любить вездѣ и умереть... нигдѣ.

Однако я люблю итальянскую жизнь, т. е. римскую, хотѣла я сказать: на ней еще лежитъ нѣкоторый легкій отпечатокъ древняго великолѣпія.

Очень часто составляютъ себѣ совершенно ложное понятіе объ Италіи и итальянцахъ. Ихъ воображаютъ себѣ бѣдными, какими-то подкупными, — въ полномъ паденіи. На самомъ дѣлѣ — совершенно обратное. Очень рѣдко въ другихъ странахъ можно встрѣтить такія богатыя семьи и дома, содержимые съ такой роскошью. Я говорю, разумѣется, объ аристократіи.

Римъ во время господства папъ былъ совершенно особеннымъ городомъ и въ своемъ родѣ онъ владычествовалъ надъ цѣлымъ міромъ. Тогда каждый римскій принцъ былъ какъ бы маленькимъ царькомъ, имѣлъ свой дворъ и своихъ кліентовъ, какъ въ древности. Этому-то положенію вещей и обязаны своимъ величіемъ римскія семьи. Конечно, — черезъ какія-нибудь два поколѣнія, не будетъ больше ни этого величія, ни богатствъ, потому что Римъ подчиненъ теперь королевскимъ законамъ и скоро сравняется съ Неаполемъ, Миланомъ и другими итальянскими городами.

Крупныя богатства будутъ раздроблены, музеи и галлереи — пріобрѣтены правительствомъ, римскіе князья — превращены въ мелкихъ человѣчковъ, прикрывающихъ свое ничтожество именами, какъ старой театральной мантіей. И когда эти великія имена, прежде настолько уважаемыя, будутъ низвержены въ грязь, когда король будетъ воображать себя единственнымъ авторитетомъ, сбросивъ всю знать къ ногамъ своимъ, онъ долженъ будетъ понять въ одно прекрасное мгновеніе, что такое страна, гдѣ никого нѣтъ между народомъ и королемъ. Взгляните на Францію...

Нѣтъ, взгляните лучше на Англію; — тамъ люди свободны, счастливы. Въ Англіи такъ много нищеты! — скажете вы. Но вообще, англичане — самый счастливый народъ. Я не говорю о его коммерческомъ благоденствіи, но о его внутреннемъ состояніи.

Пусть желающій учрежденія республики въ своей странѣ начнетъ съ введенія ея въ своемъ домѣ.

Но довольно диссертацій на тему о вещахъ, о которыхъ я имѣю только бѣдное понятіе и совершенно личное мнѣніе.

Неаполь, четвергъ, 13 апрѣля.—«Видѣть Неаполь и умереть»; я не желаю ни того, ни другого.

Уѣхалъ-ли онъ **самъ**, или его заставили уѣхать *That is the guestion.*

Запершись у себя, я нѣсколько разъ плакала, какъ бывало въ Римѣ. Господи, какъ я ненавижу перемѣну! Какой жалкой чувствую я себя въ новомъ городѣ!..

Ему велѣли, онъ послушался, а чтобы послушаться, надо было весьма мало любить меня.

Вѣдь вотъ же — небось онъ не послушался, когда дѣло шло о военной службѣ. Довольно, довольно, фи!

Ничтожество, фи! Низость! Я не могу больше останавливаться мысленно на такомъ человѣкѣ. **Если я жалуюсь, то на свою несчастную судьбу, на свою бѣдную жизнь, которая едва только началась и въ теченіе которой я только и видѣла, что разочарованіе.**

Конечно,—такъ же, какъ всѣ люди, можетъ быть, и больше другихъ, — я грѣшила, но во мнѣ есть также и хорошія стороны и несправедливо унижать меня во всемъ.

Я стала, было, на колѣни среди комнаты, сложивъ руки и поднявъ глаза, — но что-то говоритъ мнѣ, что молитва безполезна: я буду имѣть только то, что на мою долю назначено.

И ни однимъ горемъ не меньше, ни однимъ страданіемъ не больше, какъ говоритъ г-нъ Ф.

Остается только одно: безропотно покориться.

Я отлично знаю, что это трудно, но иначе въ чемъ же была бы и заслуга?

Я вѣрю, безумная, что порывы страстной вѣры, что горячія молитвы могутъ что-нибудь сдѣлать!

Богъ хочетъ нѣмецкой покорности, а я къ ней неспособна!

Думаетъ ли Онъ, что покоряющіеся такимъ образомъ должны были для этого преодолѣть себя?

О! Вовсе нѣтъ! Они покоряются потому, что у нихъ въ жилахъ вода, вмѣсто крови, потому что это для нихъ легче.

Развѣ это заслуга — быть спокойнымъ, если это спокойствіе въ натурѣ человѣка? Если бы я могла покориться, я добилась бы этого, потому что это было бы прекрасно. Но я не могу. Это уже не трудность, это невозможность. Въ моментъ упадка силъ я буду покорна, но это будетъ не по моей волѣ, а **просто потому, что это будетъ.**

Боже мой, сжалься надо мной, успокой меня! Дай мнѣ какую-нибудь душу, къ которой я могла бы привязаться. Я устала, такъ устала. Нѣтъ, нѣтъ, я устала не изъ-за бури, а изъ-за разочарованій.

15 апрѣля. — Чтобы провѣтрить свою комнату, полную дыма, я открыла окно. Въ первый разъ послѣ трехъ долгихъ мѣсяцевъ я увидѣла чистое небо и море, проглядывающее сквозь деревья, море, освѣщенное луной. Я въ такомъ восторгѣ, что невольно берусь за перо. Господи, какъ хорошо! Послѣ этихъ черныхъ, узкихъ улицъ Рима такая спокойная, такая чудная ночь! Ахъ, если бы онъ былъ здѣсь!

Вы, можетъ быть, принимаете это за любовь?

Невозможно спать, когда такъ чудно-хорошо.

Подлый, слабый, недостойный человѣкъ! Недостойный послѣдней изъ моихъ мыслей!

Свѣтло-Христово Воскресеніе, 16 апрѣля. — Неаполь мнѣ не нравится. Въ Римѣ дома черныя и грязны, но зато это дворцы по архитектурѣ и древности. Въ Неаполѣ — такъ же грязно, да къ тому же всѣ дома точно изъ картона на французскій ладъ.

Французы, конечно, будутъ въ бѣшенствѣ. Пусть успокоятся. Я цѣню и люблю ихъ болѣе, чѣмъ какую-либо другую націю, но я должна признать, что ихъ дворы никогда не достигнутъ мощнаго, великолѣпнаго и грандіознаго величія итальянскихъ дворцовъ, особенно римскихъ и флорентійскихъ.

Вторникъ, 18 апрѣля. — Въ полдень мы отправляемся въ путь къ Помпеѣ. Мы ѣдемъ въ коляскѣ, потому что дорога очень красива и можно любоваться Везувіемъ и городами Кастелломаръ и Сорренто. Администрація, прислуга раскопокъ превосходна. Странно и любопытно прогуливаться по улицамъ этого мертваго города.

Мы взяли стулъ съ носильщикомъ, и мама, и я, по очереди, отдыхали на немъ.

Склеты ужасны: эти несчастные застыли въ самыхъ раздирательныхъ позахъ. Я смотрѣла на остатки домовъ, на фрески, я старалась мысленно возстановить все это, я населяла въ своемъ воображеніи всѣ эти дома и улицы...

Что за ужасная сила, эта стихія, поглотившая цѣлый городъ.

Я слышала, какъ мама говорила о замужествѣ.

— Женщина создана для страданія, — говорила она, — даже съ лучшимъ изъ мужей.

— Женщина до замужества, — говорю я, — это Помпея

до изверженія, а женщина послѣ замужества — Помпея послѣ изверженія.

Быть можетъ, я права!

Я очень утомлена, взволнована, огорчена. Мы возвращаемся только къ восьми часамъ.

Среда, 19 апрѣля. — Посмотрите до чего невыгодно мое положеніе.

У Піетро и безъ меня есть кружокъ, свѣтъ, друзья, словомъ — все, кромѣ меня, а у меня безъ Піетро ничего нѣтъ.

Я для него только развлеченіе, роскошь. Онъ былъ для меня всѣмъ. Онъ заставлялъ меня развлекаться отъ моихъ мыслей — играть какую-нибудь роль въ мірѣ, и я только и думала, только и занималась, что имъ, безконечно довольная, что могу избавиться отъ своихъ мыслей.

Чѣмъ бы я ни сдѣлалась, я завѣщаю свой журналъ публикѣ. Всѣ книги, которыя читаются, — только измышленія, положенія въ нихъ — натянуты, характеры фальшивы. Тогда какъ это — фотографія цѣлой жизни. Но — скажете вы — эта фотографія скучна, тогда какъ измышленія — интересны. Если вы говорите это, вы даете мнѣ далеко нелестное понятіе о вашемъ умѣ. Я представляю вамъ здѣсь нѣчто невиданное. Всѣ мемуары, всѣ журналы, всѣ опубликованныя письма, — только подкрашенныя измышленія, предназначенныя къ тому, чтобы вводить въ заблужденіе публику. Мнѣ же нѣтъ никакой выгоды лгать. Мнѣ не надо ни прикрашивать какого-нибудь политическаго акта, ни утаивать какого-нибудь преступнаго дѣянія. Никто не заботится о томъ, люблю-ли я, или не люблю, плачу или смѣюсь. Моя величайшая забота состоитъ только въ томъ, чтобы выражаться какъ можно точнѣе.

Однако я открыла тетрадь вовсе не для того, чтобы распространяться обо всемъ этомъ, я хотѣла сказать, что еще нѣтъ полудня, а я предаюсь, болѣе чѣмъ когда-либо, своимъ мучительнымъ мыслямъ, что мнѣ тѣснитъ грудь, и мнѣ хотѣлось бы просто... рычать. Впрочемъ, это мое обычное состояніе.

Небо сѣро, и на Chiaja виднѣются только извозчики да грязные пѣшеходы. Глупыя деревья, которыми съ обѣихъ сторонъ засажена улица, заслоняютъ море. Въ Ниццѣ — съ одной стороны виллы Promenade des Anglais, а съ другой — море, свободно плещущее и разбивающееся о прибрежные

камни. А здѣсь, съ одной стороны — дома, съ другой — родъ какого-то сада, который тянется вдоль всей улицы и отдѣляетъ ее отъ моря, отъ котораго самъ онъ отдѣляется довольно большимъ пространствомъ совершенно голой земли, покрытой камнями и кое-какими постройками и представляющей картину самой безотрадной тоски.

Сѣрая погода всегда дѣлаетъ меня нѣсколько грустной; но здѣсь, сегодня, она давитъ меня.

Эта мертвая тишина въ нашихъ комнатахъ, этотъ раздражающій шумъ извозчиковъ и телѣжекъ съ бубенцами на улицѣ, это сѣрое небо, этотъ вѣтеръ, треплющій занавѣски! О! какая я жалкая! И нечего сердиться ни на море, ни на землю.

Пятница, 21 апрѣля. Послушайте, вотъ что: если душа существуетъ, если душа оживляетъ тѣло, если одна только эта прозрачная субстанція чувствуетъ, любитъ, ненавидитъ, желаетъ, если, наконецъ, одна только эта душа заставляетъ насъ жить, — какимъ же образомъ происходитъ, что какая-нибудь царапина этого бреннаго тѣла, какой-нибудь внутренній безпорядокъ, излишекъ вина или пищи, — какимъ образомъ все это можетъ заставить душу покинуть тѣло?

Положимъ, я верчу колесо: я остановлю его только тогда, когда сама пожелаю этого. Это глупое колесо не можетъ остановить мою руку. Также и душа, приводящая въ движеніе всѣ отправленія нашего тѣла, не должна быть изгнана, — она, разумная сущность, — какой-нибудь раной въ головѣ или разстройствомъ пищеваренія изъ-за какого-нибудь омара. **Не должна** быть изгнана, и изгоняется! Откуда приходится заключить, что душа — чистый вымыселъ. А это заключеніе заставляетъ рушиться одно за другимъ, какъ театральныя декораціи при пожарѣ, всѣ наши вѣрованія, самыя существенныя, самыя дорогія.

Римъ, Понедѣльникъ, 24 апрѣля. Я собиралась разсказать весь день, но ни о чемъ больше не помню. Знаю только, что на Корсо мы встрѣтили А., что онъ подбѣжалъ, радостный и сіяющій, къ нашей каретѣ и спросилъ, дома-ли мы сегодня вечеромъ. Мы дома. Увы!

Онъ пришелъ, и я вышла въ гостиную, и принялась говорить совершенно просто, какъ остальные. Онъ сказалъ, что пробылъ четыре дня въ монастырѣ, остальные — въ деревнѣ. Теперь онъ въ мірѣ со своими родителями, онъ будетъ вы-

ѣзжать въ свѣтъ, будетъ благоразумно вести себя и думать о будущемъ. Наконецъ, онъ сказалъ мнѣ, что я преспокойно веселилась въ Неаполѣ, была по своему обыкновенію кокетлива и что все доказываетъ, что я не люблю его. Онъ также сказалъ мнѣ, что видѣлъ меня въ то воскресенье подлѣ монастыря Giovanni et Paolo. И чтобы доказать, что говоритъ правду, онъ описалъ мнѣ, какъ я была одѣта и что дѣлала; я должна сказать — совершенно точно.

Вторникъ, 25 апрѣля. Мнѣ кажется, что онъ меня больше не любитъ. Что-жъ — въ добрый часъ. И отъ этой мысли мнѣ становится жарко, у меня кипитъ кровь, и холодъ пробѣгаетъ по спинѣ!

Я гораздо больше люблю это, о да, по крайней мѣрѣ я въ бѣшенствѣ, въ бѣшенствѣ, въ бѣшенствѣ,

Сегодня вечеромъ, противъ всякаго ожиданія, у насъ довольно многочисленное собраніе, между другими — А.

Все общество вокругъ стола, я съ Піетро — у другого. Мы разсуждали о любви вообще и о любви Піетро въ частности. У него на этотъ счетъ отчаянные принципы, или вѣрнѣе, онъ теперь такъ безумствуетъ, что вовсе не имѣетъ ихъ. Онъ говорилъ въ такомъ легкомъ тонѣ о своей любви ко мнѣ, что я не знаю, что и думать. Впрочемъ, онъ такъ похожъ на меня характеромъ, что это просто удивительно.

Не помню, что тутъ было сказано, но уже черезъ пять минутъ мы были въ мирѣ, объяснились и заговорили о бракѣ, — онъ, по крайней мѣрѣ, я большую часть времени молчала.

— Вы уѣзжаете въ четвергъ?

— Да, и вы меня забудете.

— О, да нѣтъ же! Я пріѣду въ Ниццу.

— Когда?

— Какъ только можно будетъ. Теперь я не могу.

— Почему? Скажите, скажите, сейчасъ же!

— Мой отецъ не позволилъ бы мнѣ.

— Но вамъ остается только сказать ему правду.

— Конечно, я ему скажу, что ѣду туда для васъ, что я люблю васъ, что я хочу жениться, но только не теперь. Вы не знаете моего отца, онъ только что простилъ меня, но я еще не смѣю ни о чемъ просить его.

— Переговорите съ нимъ завтра.

— Я не смѣю. Я еще не заслужилъ его довѣрія. Подумайте, — цѣлыхъ три года онъ не говорилъ со мной... Черезъ мѣсяцъ я буду въ Ниццѣ..

— Черезъ мѣсяцъ меня уже тамъ не будетъ.

— Куда же вы поѣдете?

— Въ Россію. И вотъ — я уѣду, и вы меня забудете.

— Ну, черезъ пятнадцать дней я буду въ Ниццѣ, и тогда... И тогда мы поѣдемъ вмѣстѣ... Я васъ люблю, я васъ люблю! — повторилъ онъ, падая на колѣни.

— Вы счастливы?—спросила я, сжимая его голову своими руками.

— О, да! Потому что я вѣрю въ васъ, вѣрю вашему слову.

— Пріѣзжайте въ Ниццу теперь же, — сказала я.

— О! Если бы я могъ!

— Люди могутъ все, чего хотятъ.

Четвергъ, 27 апрѣля. Господи! Ты былъ такъ добръ ко мнѣ до сихъ поръ, помоги, мнѣ теперь, сжалься надо мной!

И Богъ помогъ мнѣ.

На вокзалѣ я расхаживаю вдоль и поперекъ съ Піетро.

— Я васъ люблю! воскликнулъ онъ, — и я вѣчно буду любить васъ, можетъ быть, на горе себѣ.

— И вы видите, что я уѣзжаю, и вамъ это все равно.

— О, не говорите этого! Вы не можете говорить этого, вы не знаете, что я выстрадалъ! И я вѣдь зналъ все время, гдѣ вы и что вы дѣлаете... Съ той минуты, какъ я васъ увидѣлъ, я совершенно измѣнился: посмотрите хорошенько. Но вы вѣчно третируете меня, какъ я не знаю кого! Ну, если я и дѣлалъ глупости въ своей жизни, — кто же ихъ не дѣлалъ, — этого еще недостаточно, чтобы считать меня какимъ-то негодяемъ, какимъ-то взбалмошнымъ повѣсой. Для васъ я все сдѣлалъ; для васъ я примирился съ семьей.

— Ну, это не для меня! Я совершенно не понимаю при чемъ я въ этомъ примиреніи.

— Ахъ! Ну да поэтому, что я серьезно думалъ о васъ.

— Какъ?

— Вы вѣчно хотите, чтобы вамъ выкладывали все въ подробностяхъ, математически, а есть извѣстныя вещи, которыя должны подразумѣваться и отъ этого нисколько не менѣе очевидны! И вы просто смѣетесь надо мной.

— Это неправда.

— Вы меня не любите?

— Да, и послушайте, вотъ что. Я не имѣю привычки повторять два раза. Я хочу, чтобъ мнѣ вѣрили сейчасъ же. Я еще никогда никому не говорила того, что сказала вамъ. Я очень оскорблена, потому что мои слова, вмѣсто того, чтобы быть принятыми, какъ милость, приняты чрезвычайно легкомысленно и подвергаются какимъ-то толкованіямъ. И вы смѣете сомнѣваться въ томъ, что я говорю! Право, вы Богъ знаетъ до чего доведете меня.

Онъ сконфузился и извинился; мы больше почти не говорили.

— Вы мнѣ напишите? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, этого я не могу, но я позволяю вамъ написать мнѣ.

— А-а! Прекрасная любовь, нечего сказать! — воскликнулъ онъ.

— Послушайте, —сказала я серьезно,—не просите слишкомъ многаго. Это вѣдь еще очень большое снисхожденіе, если молодая дѣвушка позволяетъ написать себѣ. Если вы этого не знали, то примите къ свѣдѣнію. Но сейчасъ мы должны садиться въ вагонъ, не будемъ тратить время на пустые споры. Вы мнѣ напишите?

— Да. И что бы вы ни говорили, я чувствую, что люблю васъ, какъ никогда никого больше не буду любить. Вы любите меня?

Я сдѣлала утвердительный знакъ головой.

— Вы всегда будете любить меня?

Тотъ же знакъ.

— Ну, до свиданія же, — сказала я.

— До какихъ поръ?

— До будущаго года.

— Нѣтъ!

— Ну, прощайте же!

И, не подавая ему руки, я вскочила въ вагонъ, гдѣ уже были всѣ наши.

— Вы не пожали мнѣ руки, — сказалъ А..., подходя.

Я протянула ему руки.

— Я васъ люблю, сказалъ онъ, очень блѣдный.

— До свиданія, говорю я тихонько.

— Думайте иногда обо мнѣ, сказалъ онъ, блѣднѣя еще больше, а я только о васъ и буду думать!

— Да... До свиданія!

Поѣздъ тронулся, и въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній я еще могла его видѣть; онъ глядѣлъ на меня съ такимъ умиленнымъ видомъ, что могъ показаться спокойнымъ; потомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, но такъ какъ я была еще видна, онъ снова остановился, какъ вкопанный, потомъ надвинувъ шляпу на самые глаза, сдѣлалъ еще шагъ впередъ; потомъ мы были уже слишкомъ далеко, чтобы видѣть.

Я было бы въ отчаяніи, покидая Римъ, къ которому я такъ привыкла, если-бъ, около четырехъ часовъ, при видѣ новолунія, мнѣ не блеснула одна идея.

— Видишь ты этотъ мѣсяцъ? — спросила я у Дины.

— Да, — отвѣтила она.

— Ну, такъ этотъ серпъ будетъ прекраснѣйшей луной черезъ одиннадцать-двѣнадцать дней.

— Конечно.

— Видѣла ты Колизей при свѣтѣ луны?

— Да.

— А я не видѣла.

— Знаю.

— Но ты, можетъ быть, не знаешь, что я хочу его видѣть.

— Возможно.

— Да. Откуда слѣдуетъ, что черезъ десять или двѣнадцать дней я снова буду въ Римѣ, столько же для бѣговъ, сколько для Колизея.

— О!

— Да. Я поѣду съ тетей. И это будетъ славно; безъ тебя, безъ мамы, а съ тетей! Мы будемъ преспокойно прогуливаться, и я буду очень веселиться.

— Хорошо, — говоритъ мама, такъ это и будетъ, я тебѣ обѣщаю!

И она поцѣловала меня въ обѣ щеки.

Пятница, 28 апрѣля. Я заснула и видѣла сны ужасные, какъ кошмары.

Въ одиннадцать часовъ я уже легла, чтобъ не видѣть маслинъ и красноватой земли, а въ часъ мы уже подъѣзжали къ вокзалу Ниццы, къ величайшей радости тети, которая

очень волновалась, пришедши намъ навстрѣчу въ сопровожденіи М-lle Колиньонъ, С. и т. д., и т. д.

— Вы знаете, — кричала я имъ еще прежде, чѣмъ открыли дверцы, — мнѣ очень досадно, что я должна была возвратиться, и это только оттого, что иначе было невозможно.

И я обняла ихъ всѣхъ заразъ.

Домъ омеблированъ очаровательнѣйшимъ образомъ; моя комната ослѣпительна, обитая небесно-голубымъ атласомъ съ пуговками. Открывъ дверь на балконъ и взглянувъ на нашъ красивый садъ, бульваръ и море, я должна была высказать вслухъ:

— Что бы ни говорили, ничего не можетъ быть такого очаровательно-простого и чудно-поэтическаго, какъ Ницца!

Четвергъ, 4 мая. Настоящій сезонъ въ Ниццѣ начинается въ маѣ. Въ это время здѣсь просто до безумія хорошо. Я вышла побродить по саду при свѣтѣ еще молодого мѣсяца, пѣніи лягушекъ и ропотѣ волнъ, тихо набѣгающихъ и плещущихъ о прибрежные камни. Божественная тишина и божественная гармонія!..

Говорятъ о чудесахъ Неаполя; что до меня — я предпочитаю Ниццу. Здѣсь берегъ свободно купается въ морѣ, а тамъ оно загорожено глупой стѣной съ перилами, и даже этотъ жалкій берегъ застроенъ лавками, бараками и всякой гадостью.

«Думайте иногда обо мнѣ, а я только о васъ буду думать!»

Прости ему, Господи, онъ самъ не зналъ, что говорилъ. Я ему позволяю писать мнѣ, а онъ не пользуется даже этимъ позволеніемъ! Пошлетъ-ли онъ хоть обѣщанную мамѣ телеграмму?

Пятница, 5 мая. Итакъ, я говорила... что? — Да, что Піетро ведетъ себя непростительно по отношенію ко мнѣ.

Я не могу понять эту нерѣшительность, даже не любя его!

Я читала въ романахъ, что часто человѣкъ кажется забывчивымъ и равнодушнымъ именно потому, что любитъ.

Хотѣла бы я вѣрить романамъ.

Мнѣ скучно и хочется спать, и въ этомъ состояніи мнѣ хочется видѣть Піетро и слышать его разсужденія о любви. Мнѣ хотѣлось бы видѣть во снѣ, что онъ тутъ, мнѣ хотѣлось бы видѣть хорошій сонъ. Дѣйствительность опасна.

Мнѣ скучно, а когда мнѣ скучно, я становлюсь очень нѣжна.

Когда же, наконецъ, кончится эта жизнь тоски, разочарованій, зависти и огорченій!

Когда же, наконецъ, буду я жить, какъ бы мнѣ хотѣлось! Замужемъ за человѣкомъ очень богатымъ, съ громкимъ именемъ и симпатичнымъ, потому что я вовсе не такъ корыстолюбива, какъ вы думаете. Впрочемъ, если я и не корыстолюбива, то тоже изъ эгоизма.

Это было бы ужасно— жить съ человѣкомъ, котораго ненавидишь. Ни богатство, ни положеніе не могло бы удовлетворить меня. О, Боже мой, Святая Дѣва Марія, помоги мнѣ!

6 мая. Знаете, — я безумно хотѣла бы видѣть Піетро. Сегодня вечеромъ я даю праздникъ, какихъ уже много лѣтъ не видѣла rue de France. Вы, можетъ быть, знаете, что въ Ниццѣ существуетъ обычай **встрѣчать май,** т. е. вѣшать вѣнокъ и фонарь и плясать подъ нимъ въ хороводѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ницца принадлежитъ Франціи, обычай этотъ постепенно исчезаетъ; во всемъ городѣ едва можно было видѣть какихъ-нибудь три, четыре фонаря.

И вотъ, я даю имъ *rossigno;* я называю это такъ потому, что Rossigno che vola — самая популярная и самая красивая пѣсня въ Ниццѣ.

Я велю приготовить заранѣе и повѣсить посреди улицы громадную махину изъ вѣтвей и цвѣтовъ, украшенную венеціанскими фонариками.

У стѣны нашего сада Трифону (слуга дѣдушки) было поручено устроить фейерверкъ и освѣщать сцену время отъ времени бенгальскими огнями. Трифонъ не чувствуетъ подъ собой ногъ отъ радости. Все это великолѣпіе сопровождается музыкой арфы, флейты и скрипки и поливается виномъ въ изобиліи. Добрыя женщины пришли пригласить насъ на ихъ террасу, потому что я и Ольга смотрѣли однѣ со ступенекъ деревянной лѣстницы.

Мы отправляемся на террасу сосѣдей — я, Ольга, Мари и Дина, потомъ становимся посреди улицы, созываемъ танцующихъ и съ успѣхомъ стараемся возбудить оживленіе.

Я пѣла и кружилась съ остальными, къ удовольствію добродушныхъ горожанъ Ниццы, особенно — людей нашего

квартала, которые всѣ знаютъ меня и называютъ «mademoiselle Marie».

Не будучи въ состояніи дѣлать что-нибудь, я стараюсь быть популярной, и это льститъ мамѣ. Она не смотритъ ни на какія издержки. Особенно понравилось всѣмъ, что я пѣла и сказала нѣсколько словъ на ихъ нарѣчіи.

Въ то время, какъ я стояла на лѣстницѣ съ Ольгой, которая ежеминутно дергала меня за юбки, мнѣ очень хотѣлось произнести рѣчь, но я благоразумно удержалась, на этотъ годъ... Я смотрѣла на пляску и слушала крики, совершенно замечтавшись, какъ это часто бываетъ со мной. Когда же фейерверкъ закончился великолѣпнымъ «солнцемъ», мы вернулись домой, среди ропота удовлетворенія.

Воскресенье, 7 мая. Я нахожу извѣстное удовлетвореніе въ разумномъ презрѣніи ко всему человѣческому роду. По крайней мѣрѣ не поддаешься иллюзіямъ. Если Піетро забылъ меня, — это кровное оскорбленіе, и вотъ еще одно имя на моихъ табличкахъ ненависти и мщенія...

Нѣтъ, таковъ, каковъ онъ есть, — родъ человѣческій мнѣ нравится, и я люблю его и составляю часть его, и живу со всѣми этими людьми, и отъ нихъ зависитъ все мое богатство и все мое счастье.

Впрочемъ, все это глупо. Но въ этомъ мірѣ все, что не грустно, — глупо, и все, что не глупо, — грустно.

Завтра въ три часа я уѣзжаю въ Римъ, столько же, чтобы развлечься, сколько для того, чтобы презирать А..., если онъ подастъ къ этому поводъ.

Четвергъ, 11 мая. Я выѣхала вчера въ два часа съ тетей. Это ужасное доказательство любви, которое я, повидимому, даю Піетро.

Что же! Тѣмъ хуже! Если онъ думаетъ, что я люблю его, если онъ вѣритъ въ такую невозможно-громадную вещь— онъ просто глупъ.

Въ два часа мы уже въ Римѣ! я бросаюсь на извозчика, тетя слѣдуетъ за мной и... и... я въ Римѣ! Боже! Какая радость!

Наши вещи пріѣдутъ только завтра. Чтобы идти смотрѣть на бѣга, мы принуждены довольствоваться нашими дорожными платьями. Впрочемъ, это было очень мило — мой сѣрый костюмъ и фетровая шляпа. Я веду тетю на Корсо (что

за прелестная вещь опять увидѣть Корсо послѣ Ниццы!). Я оглушила ее всякими глупостями и объясненіями: мнѣ все казалось, что она ничего не видитъ.

А вотъ и *Caccia-Club;* мой проходъ вызываетъ волненіе; **монахъ** остается съ разинутымъ ртомъ, потомъ снимаетъ шляпу и улыбается до ушей.

Мы идемъ на виллу Боргезе, гдѣ въ настоящее время областной конкурсъ земледѣлія. Всѣ очень удивлены, видя меня, появляющейся уже третій разъ. Я очень извѣстна въ Римѣ.

Я дѣлаю знакъ Піетро подойти; онъ такъ и сіяетъ и смотритъ на меня глазами, говорящими, что онъ принимаетъ все это въ серьезъ.

Онъ заставилъ насъ очень много смѣятся, описывая свое пребываніе въ монастырѣ. Онъ согласился, говоритъ онъ, отправиться туда всего на четыре дня, а какъ только онъ попалъ туда, его продержали цѣлыхъ семнадцать дней.

— Зачѣмъ же вы лгали, говоря, что были въ Терначинѣ?

— Да мнѣ было стыдно сказать правду!

— А друзья въ клубѣ знаютъ это?

— Да. Сначала я говорилъ, что былъ въ Терначинѣ, потомъ со мной заговорили о монастырѣ, и я кончилъ тѣмъ, что все разсказалъ, и самъ я смѣялся, и всѣ смѣялись. Торлоніа былъ въ бѣшенствѣ.

— Почему?

— Да потому, что я не сказалъ ему всего сначала. Потому, что я не имѣлъ къ нему достаточно довѣрія.

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ — чтобы понравиться отцу — онъ сдѣлалъ видъ, будто бы нечаянно уронилъ изъ кармана четки: чтобы тотъ вообразилъ, что онъ всегдо носитъ ихъ на себѣ. Я осыпала его насмѣшками и дерзостями, на которыя онъ отвѣчалъ прекрасно, надо ему отдать справедливость.

Суббота, 13 мая. Я не скрываю ни чувствъ, ни мыслей своихъ, и у меня не хватаетъ даже силъ вынести свои огорченія съ достоинствомъ: я плакала. И въ то время, какъ я пишу, я слышу шорохъ отъ слезъ, падающихъ на бумагу, крупныхъ слезъ, свободно бѣгущихъ безъ всякой гримасы на лицѣ. Я легла, было, на спину, чтобы вогнать ихъ назадъ, но это не удалось.

Вмѣсто того, чтобы сказать, что заставило меня плакать, я разсказываю, какъ я плачу! Да и какъ сказать — по-

чему? Я ни въ чемъ не отдаю себѣ отчета. Какъ! — говорила я себѣ, лежа съ закинутой головой на диванѣ, — какъ же это такъ? Такъ онъ забылъ? Конечно, потому что онъ повелъ самую равнодушную бесѣду, перемѣшанную съ какими-то словами, произнесенными такъ тихо, что я даже не слыхала ихъ; да, наконецъ, еще и повторилъ, что онъ любитъ меня только вблизи, что я — ледяная, что онъ уѣдетъ въ Америку, что, видя меня вблизи, онъ меня любитъ, а какъ только я вдали — забываетъ.

Я очень сухо просила его больше не говорить объ этомъ.

Ахъ, я не могу писать, и вы сами видите, что я должна чувствовать, и какъ я оскорблена!

Я не могу писать. И однако что-то мнѣ приказываетъ. Пока я не разскажу всего, что-то внутри мучитъ меня.

Я болтала и преспокойно сидѣла за чаемъ до половины одиннадцатаго. Тогда пришелъ Піетро. С. скоро ушелъ, и мы остались втроемъ. Разговоръ зашелъ о моемъ дневникѣ, т. е. о разбираемыхъ въ немъ вопросахъ, и А... попросилъ меня прочесть ему оттуда что-нибудь относительно Бога и души. Тогда я пошла въ переднюю и, ставши на колѣни передъ знаменитой бѣлой шкатулкой, стала искать, а Піетро держалъ свѣчу... Но отыскивая, я натыкалась на многіе эпизоды общаго интереса, я прочитывала, и это продолжалось около получаса.

Потомъ, возвратившись въ гостиную, онъ сталъ разсказывать различные анекдоты изъ своей жизни, начиная съ восемнадцатилѣтняго возраста.

Я слушала все, что онъ разсказывалъ, съ нѣкоторымъ страхомъ и нѣкоторой долей ревности.

Эта полная его зависимость леденитъ меня: запрети они ему любить меня, онъ послушается — я увѣрена.

Его семья, эти священники, монахи пугаютъ меня. Хотя онъ и говорилъ мнѣ объ ихъ добротѣ, но меня охватываетъ ужасъ — при мысли объ этихъ безобразіяхъ и этой тираніи. Да! Они внушаютъ мнѣ страхъ, и оба его брата — также; но дѣло не въ этомъ, я всегда свободна согласиться или отказать.

Я благодарю Бога за то, что онъ развязалъ мнѣ перо; вчера, — это была пытка, я ни въ чемъ не могла отдать себѣ отчета.

Все, что я слышала сегодня, всѣ заключенія, которыя я отсюда вывела, и все предыдущее — какъ-то слишкомъ тяжело для моей головы. И потомъ, это просто сожалѣніе о томъ, что онъ ушелъ; до завтра — такъ долго! Я почувствовала желаніе плакать отъ неизвѣстности, а, можетъ быть, и отъ любви.

Среда, 17 мая. У меня накопилось много чего сказать, еще со вчерашняго дня, но все стушевывается передъ сегодняшнимъ вечеромъ.

Онъ опять заговорилъ со мной о своей любви; я увѣряла его, что это безполезно, потому что мои родители все равно бы никогда не согласились.

— Они въ своемъ родѣ правы, говорилъ онъ мечтательно: я не способенъ никому дать счастья. Я сказалъ это матери, я говорилъ съ ней о васъ, я сказалъ: «она такая религіозная и добрая, а я ни во что не вѣрю, я совершенно негодный человѣкъ». Подумайте сами: я пробылъ семнадцать дней въ монастырѣ, я молился, размышлялъ, и не вѣрю въ Бога, и религія для меня не существуетъ; я ни во что не вѣрю.

Я посмотрѣла на него испуганными, широко-раскрытыми глазами.

— Нужно вѣрить, говорю я, взявъ его руку, надо исправиться, надо быть добрымъ.

— Это не возможно, никто не можетъ меня любить такимъ, каковъ я есть; не правда-ли?

— Гм... Гм...

Я очень несчастливъ. Вы никогда не составите себѣ понятія о моемъ положеніи. Повидимому, я добръ со своими, но это только повидимому; я ихъ всѣхъ ненавижу — моего отца, моихъ братьевъ, даже мою мать; я очень несчастливъ. А спросятъ меня почему? Я не знаю!.. О, эти священники! — воскликнулъ онъ, сжимая кулаки и зубы и поднимая къ небу лицо, искаженное ненавистью.—Эти попы! О! если бы вы только знали, что это!..

Онъ едва пришелъ въ себя.

— И однако я люблю васъ, и васъ одну. Когда я съ вами, я счастливъ.

— А доказательство?

— Приказывайте.

— Пріѣзжайте въ Ниццу.

— Вы выводите меня изъ себя, говоря это. Вы знаете, что я не могу.

— Почему?

— Потому что мой отецъ не хочетъ мнѣ давать денегъ, потому что мой отецъ не хочетъ, чтобъ я ѣхалъ въ Ниццу.

— Я понимаю; но если вы ему скажете, зачѣмъ вы туда ѣдете?

— Онъ не захочетъ. Я говорилъ матери; она мнѣ не вѣритъ. Они всѣ такъ привыкли къ моему дурному поведенію, что больше не вѣрятъ мнѣ.

— Надо исправиться; надо пріѣхать въ Ниццу.

— Да вѣдь вы говорите, что мнѣ будетъ отказано.

— Я не сказала, что будетъ отказано мною.

— Это было бы слишкомъ, — сказалъ онъ, близко глядя на меня, — это было бы... какъ сонъ.

BIBLIOTECA
M. TA[illegible]
№
BU[illegible]

— Но хорошій сонъ, неправда-ли?

— О, да!

— Такъ вы спросите у вашего отца?

— Конечно, да; но онъ не хочетъ, чтобы я женился. Нѣтъ, я говорю, что для этого надо заставить говорить духовника.

— Ну что-жъ, заставьте его говорить.

— Боже мой! И это вы говорите?

— Да, вы понимаете, что я не держусь особенно за васъ, но я просто хочу дать это удовлетвореніе своей оскорбленной гордости.

— Я несчастный, проклятый человѣкъ въ этомъ мірѣ!

Безполезно, да и невозможно передать всѣ эти сотни фразъ. Скажу только, что онъ повторялъ сто разъ, что любитъ меня, такимъ нѣжнымъ голосомъ и съ такими умоляющими глазами, что я сама приблизилась къ нему, и мы говорили, какъ добрые друзья, о множествѣ различныхъ вещей. Я увѣряла его, что существуетъ Богъ на небѣ и счастье на землѣ. Я хотѣла, чтобы онъ повѣрилъ въ Бога, чтобы онъ увидѣлъ его моими глазами и молился ему моимъ гососомъ...

— Ну, такъ и кончено, говорю я, отодвигаясь, прощайте!

— Я васъ люблю.

— Я вамъ вѣрю, говорю, я, сжимая обѣ его руки, и мнѣ васъ жаль!

— Вы никогда не полюбите меня?

— Когда вы будете свободны.

— Когда я умру.

— Я не могу теперь, потому что я васъ жалѣю и презираю. Вамъ скажутъ, чтобы вы не любили меня, и вы послушаетесь.

— Можетъ быть!

— Это ужасно!

— Я васъ люблю, — говорилъ онъ въ сотый разъ.

Онъ заплакалъ и вышелъ. Я приблизилась къ столу, гдѣ сидѣла тетя, и сказала ей по-русски, что монахъ наговорилъ мнѣ комплиментовъ, о которыхъ я разскажу завтра.

Онъ еще разъ возвратился, и я простилась съ нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не прощайтесь.

— Да, да, да. Прощайте. Я любила васъ до этого разговора **(1881. Я никогда не любила его; все это было только дѣйствіе романически-настроеннаго воображенія, ищущаго романа)**. Да, тѣмъ хуже, я сказала, я любила васъ; я ошибалась, я знаю это.

— Но... — началъ онъ.

— Прощайте.

— Такъ вы больше не поѣдете верхомъ въ Тиволи завтра?

— Нѣтъ.

— И вы отказываетесь не изъ-за усталости?

— Нѣтъ! Усталость только предлогъ, я больше не хочу васъ видѣть.

— Но, нѣтъ! Это невозможно, говорилъ А., держа мои руки.

— До свиданія!

— Вы сказали мнѣ, чтобы я переговорилъ съ отцемъ и пріѣхалъ въ Ниццу? — говоритъ А... на лѣстницѣ передъ уходомъ.

— Да.

— Я это сдѣлаю, и я пріѣду во что бы то ни стало, клянусь вамъ.

И онъ ушелъ.

Три дня тому назадъ у меня явилась новая идея, что я скоро умру; я кашляю... Третьяго дня я сидѣла въ залѣ, было уже два часа утра; тетя торопила меня идти спать, а я не двигалась, говоря, что это доказательство тому, что я скоро умру.

— Что-жъ, — говоритъ тетя, — при такихъ условіяхъ я не сомнѣваюсь, что ты умрешь.

— И тѣмъ лучше для васъ, будетъ меньше расходовъ, не надо будетъ столько платить Лаферрьеръ!

И въ сильномъ припадкѣ кашля я откинулась на диванъ, къ великому испугу тети, которая выбѣжала изъ комнаты, дѣлая видъ, что сердится.

Пятница, 19-мая. Тетя пошла въ Ватиканъ, а я, не имѣя возможности быть съ Піетро, предпочитаю побыть одна. Онъ придетъ къ пяти часамъ; я бы такъ хотѣла, чтобы тетя къ тому времени еще не возвратилась. Я хотѣла бы остаться съ нимъ наединѣ, но такъ, чтобы это казалось невольнымъ, потому что я не могу больше показывать ему, что я ищу встрѣчи съ нимъ.

— Я только что пѣла и чувствую боль въ груди. И вотъ вы уже видите, что я позирую какъ бы въ роли мученицы! Какъ это глупо!

Я причесана, какъ Венера Капитолійская, одѣта въ бѣлое, какъ Беатриче, съ четками и перламутровымъ крестомъ на шеѣ.

Что ни говори, а есть въ человѣкѣ извѣстная потребность въ идолопоклонствѣ, въ матеріальныхъ ощущеніяхъ! Бога въ простотѣ Его величія не достаточно. Нужны образа, чтобы глядѣть на нихъ, и кресты, чтобы къ нимъ прикладываться.

Вчера вечеромъ я сосчитала буски своихъ четокъ: ихъ шестьдесятъ, и я шестьдесятъ разъ положила земной поклонъ, каждый разъ прикасаясь лбомъ къ самому полу. У меня, наконецъ, захватило дыханіе отъ этого, и мнѣ казалось, что этотъ поступокъ пріятенъ Богу. Это, конечно, вздоръ, и однако въ это вложено искреннее желаніе угодить Богу.

Придаетъ-ли Богъ цѣну этому желанію?

Ахъ да, у меня есть Новый Завѣтъ, прочтемъ... Не находя святой книги, я читаю Дюма. Это далеко не одно и то же!

Тетя возвратилась въ четыре часа, а черезъ двадцать пять минутъ я очень ловко возбудила въ ней желаніе посмотрѣть церковь Sante Maria Maggiore. Теперь уже половина пятаго. Я глупо сдѣлала: нужно было услать ее въ пять часовъ, а то боюсь, какъ бы она все-таки не пришла слишкомъ рано.

Когда доложили о приходѣ графа А., я была еще одна,

потому что тетѣ пришла мысль осмотрѣть Пантеонъ, кромѣ Sante Maria Maggiore. ердце мое стучало такъ сильно, что я боялась, какъ бы этого не было слышно, какъ говорятъ въ ъроманахъ.

Онъ сѣлъ возлѣ меня и хотѣлъ взять мою руку, которую я тотчасъ же высвободила.

Тогда онъ сказалъ мнѣ, что любитъ меня. Я отвѣчала вѣжливой улыбкой.

— Тетя сейчасъ возвратится, — сказала я, — будьте терпѣливы.

— Мнѣ столько надо вамъ сказать!

— Правда?

— Но ваша тетя сейчасъ возвратится!

— Ну, такъ поторопитесь.

— Это серьезныя вещи.

— Посмотримъ.

— Во-первыхъ, вы дурно сдѣлали, что писали обо мнѣ всѣ эти вещи.

— Нечего говорить объ этомъ. Я васъ предупреждаю, я очень нервна, такъ что вы лучше сдѣлаете, если будете говорить попроще или ужъ лучше совсѣмъ не говорите.

— Послушайте, я говорилъ съ матерью, а мать сказала отцу.

— Ну, и что же?

— Я хорошо сдѣлалъ, не правда-ли?

— Это меня не касается; то, что вы сдѣлали, вы сдѣлали для себя.

— Вы меня не любите?

— Нѣтъ.

— А я люблю васъ, какъ безумный.

— Тѣмъ хуже для васъ, — говорю я, улыбаясь и оставляя въ его рукахъ свои руки.

— Нѣтъ, послушайте, будемъ говорить серьезно; вы никогда не хотите быть серьезной... Я васъ люблю! я говорилъ съ матерью. Будьте моей женой, — говорилъ онъ.

— Наконецъ-то! воскликнула я внутренно, но ничего не отвѣтила ему.

— Ну, что же? — спросилъ онъ?

— Хорошо, — отвѣтила я, улыбаясь.

— Знайте, — сказалъ онъ, ободрившись, — надо будетъ кого-нибудь посвятить во все это.

— Какъ?

— Да; я самъ не могу устроить все это, нужно, чтобъ кто-нибудь взялъ на себя, какой-нибудь человѣкъ — почтенный, серьезный, который поговорилъ бы объ этомъ съ отцомъ, словомъ устроилъ бы все это. Кто бы напримѣръ?

— Висконти, — говорю я, смѣясь.

— Да, — отвѣчаетъ онъ совершенно серьезно. — Я и самъ думалъ о Висконти, это именно такой человѣкъ, какого нужно. Онъ такъ старъ, что только и пригоденъ для роли Меркурія... Только, — сказалъ онъ, — я не богатъ, вовсе не богатъ. О, я согласился бы быть горбатымъ, чтобы только обладать милліонами.

— Вы этимъ ничего не выиграли бы въ моихъ глазахъ.

— О! о! о!

— Мнѣ кажется, что это, наконецъ, обидно, — говорю я, поднимаясь съ мѣста.

— Да нѣтъ, я не говорю о васъ, вы — вы исключеніе.

— Ну, такъ и не говорите мнѣ о деньгахъ.

— Боже мой! Какъ вы, право... никогда нельзя понять, чего вы хотите... Согласитесь, согласитесь быть моей женой.

Онъ хотѣлъ поцѣловать мою руку, но я подставила ему крестъ моихъ четокъ, который онъ поцѣловалъ; потомъ, поднимая голову, сказалъ:

— Какъ вы религіозны, — сказалъ онъ, глядя на меня.

— А вы, вы ни во что не вѣрите?

— Я, я васъ люблю. Любите вы меня?

— Я не говорю такихъ вещей.

— Ну, ради Бога, дайте это какъ-нибудь понять мнѣ, по крайней мѣрѣ.

Послѣ минутнаго колебанія я протянула ему руку.

— Вы согласны?

— Отчасти, говорю я, вставая, — вы знаете, вѣдь у меня еще есть дѣдушка и отецъ, которые будутъ имѣть очень много противъ католическаго брака.

— Ахъ! Еще это!

— Да, еще это!

— Онъ взялъ меня за руку и посадилъ рядомъ съ собой.

противъ зеркала. Мы были очень хороши такимъ образомъ.

— Мы поручимъ это Висконти, — сказалъ А...

— Да.

— Это именно человѣкъ, какого нужно. Но такъ какъ мы еще очень молоды для брака, думаете-ли вы, что мы будемъ счастливы?

— Прежде всего еще нужно мое согласіе.

— Разумѣется. Ну, предположимъ, **если** вы согласитесь, будемъ-ли мы счастливы.

— **Если** я соглашусь, могу поклясться своей головой, что не будетъ никого въ мірѣ счастливѣе васъ.

— Ну, такъ мы женимся. Будьте моей женой.

Я улыбнулась.

— О! воскликнулъ онъ, прыгая по комнатѣ, — какъ я буду счастливъ, какъ это будетъ смѣшно, когда у насъ будутъ дѣти!

— Вы съ ума сошли!

— Да, отъ любви!

Въ эту минуту послышались голоса на лѣстницѣ; я спокойно сѣла и стала ждать тетю, которая очень скоро вошла.

У меня точно большая тяжесть отлегла отъ сердца, я развеселилась, а А. былъ просто внѣ себя.

Я была спокойна, счастлива, но мнѣ хотѣлось очень много высказать и выслушать.

За исключеніемъ нашего помѣщенія, весь нижній этажъ отеля пустой. Вечеромъ мы беремъ свѣчу и обходимъ всѣ громадные покои, еще дышащіе прежнимъ величіемъ итальянскихъ дворцовъ; но тетя была съ нами. Я не знала какъ быть.

Мы останавливаемся болѣе, чѣмъ на полчаса, въ большой желтой залѣ, и Піетро изображаетъ кардинала, своего отца и своихъ братьевъ.

Тетя забавляется тѣмъ, что пишетъ А... разныя глупости по-русски.

— Спишите это, — говорю я, взявъ книгу и написавъ нѣсколько словъ на первой страницѣ.

— Что?

— Читайте.

Я написала ему въ восьми словахъ слѣдующее:

«Уходите въ двѣнадцать часовъ, поговорю съ вами внизу».

— Поняли? — спрашиваю я, стирая.

— Да.

Съ этой минуты я почувствовала облегченіе и была какъ-то странно возбуждена. А.. каждую минуту оборачивался на часы, такъ что я боялась, какъ бы не поняли, наконецъ, причину этого. Какъ будто бы можно было отгадать! Только нечистая совѣсть способна мучить себя этими страхами. Въ двѣнадцать часовъ онъ всталъ и простился, крѣпко сжимая мнѣ руку.

— Прощайте, — сказала я ему.

Глаза наши встрѣтились, и я не сумѣю описать, какъ между ними пробѣжала искра.

— Итакъ, тетя, завтра утромъ мы уѣзжаемъ; идите къ себѣ, я васъ тамъ запру, а то вы будете мнѣ здѣсь мѣшать писать; я скоро лягу.

— Ты обѣщаешь?

— Конечно.

Я заперла тетю и, бросивъ взглядъ въ зеркало, спустилась по лѣстницѣ, куда Піетро уже раньше проскользнулъ, какъ тѣнь.

— Когда любишь, столько говорится другъ другу даже молча! По крайней мѣрѣ, я васъ люблю! — прошепталъ онъ.

Я забавлялась, разыгрывая сцену изъ романа и невольно думая о Дюма.

— Я завтра ѣду. И намъ надо серьезно переговорить, я чуть было не забыла!..

— Да, просто ничего въ голову не идетъ...

— Пойдемте, — говорю я, притворяя дверь такъ, что сквозь щель падалъ слабый лучъ свѣта.

И я сѣла на послѣдней ступенькѣ маленькой лѣсенки, въ глубинѣ коридора. Онъ сталъ на колѣни.

Каждую минуту мнѣ казалось, что кто-то идетъ, я неподвижно застывала, содрагаясь отъ каждой капли дождя, ударявшаго въ стекла.

— Да это ничего, — говорилъ мой нетерпѣливый обожатель.

— Вамъ хорошо говорить! Если бы кто-нибудь пришелъ, вы будете польщены, а я пропала бы!

Закинувъ голову, я смотрѣла на него сквозь рѣсницы.

— Со мной? — сказалъ онъ, понявъ мои слова въ другомъ смыслѣ, — со мной? Я слишкомъ люблю васъ, вы можете быть вполнѣ спокойны.

Я протянула ему руку, услышавъ эти благородныя слова.

— Развѣ я не былъ всегда приличенъ и почтителенъ.

— О, нѣтъ, не всегда. Разъ вы даже хотѣли меня обнять.

— Не говорите объ этомъ, прошу васъ. Вѣдь я такъ просилъ васъ простить меня. Будьте добрая, простите меня.

— Я простила васъ, — сказала я потихоньку.

Мнѣ было такъ хорошо!.. Такъ ли это бываетъ, думала я, когда любятъ? Серьезно ли это?.. Мнѣ все казалось, что онъ сейчасъ разсмѣется, — такъ онъ былъ сосредоточенъ и нѣженъ.

Я опустила глаза передъ этимъ необычайнымъ блескомъ его глазъ.

— Ну, видите, мы опять забыли говорить о дѣлахъ; будемъ серьезны и поговоримъ.

— Да, поговоримъ.

— Во-первыхъ, какъ быть, если вы уѣзжаете завтра? Не уѣзжайте, прошу васъ, не уѣзжайте!

— Это невозможно; тетя...

— Она такая добрая! останьтесь.

— Она добра, но она не согласится... И поэтому — прощайте... можетъ быть навсегда!

— Нѣтъ, нѣтъ же, вѣдь вы согласились быть моей женой.

— Когда?

— Въ концѣ этого мѣсяца я буду въ Ниццѣ. Если вы согласитесь на то, чтобы я удралъ, сдѣлавъ долгъ, я поѣду завтра же.

— Нѣтъ, я этого не хочу; въ такомъ случаѣ я васъ больше не увижу.

— Но вы не можете помѣшать мнѣ ѣхать безумствовать въ Ниццу.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я вамъ это запрещаю!

— Ну, такъ надо ждать, чтобы мой отецъ далъ мнѣ денегъ.

— Послушайте, я надѣюсь, что онъ будетъ разсудителенъ.

— Да онъ ничего не имѣетъ противъ, мать говорила съ нимъ; но если онъ не дастъ мнѣ денегъ? Вы знаете, какъ я зависимъ, какъ я несчастливъ!

— Потребуйте.

— Дайте мнѣ совѣтъ, вы разсуждающая какъ книга, вы, говорящая о душѣ, о Богѣ; дайте мнѣ совѣтъ?

— Молитесь Богу, — говорю я, подавая ему мой крестъ и готовая разсмѣяться, если онъ приметъ это въ шутку, и соблюсти свой строгій видъ, если онъ приметъ это серьезно.

Онъ увидѣлъ мой невозмутимый видъ, приложилъ крестъ ко лбу и опустилъ голову въ молитвѣ.

— Я помолился, — сказалъ онъ.

— Правда?

— Правда. Но дальше... Итакъ, мы поручимъ это барону Висконти.

— Хорошо.

Я говорила «хорошо», а думала: «это мы еще посмотримъ».

— Но это еще нельзя сдѣлать такъ скоро, — сказала я.

— Черезъ два мѣсяца.

— Вы смѣетесь? — спросила я, какъ будто это было совершенно невозможно.

— Черезъ шесть.

— Нѣтъ.

— Черезъ годъ?

— Да, черезъ годъ. Вы подождете?

— Если нужно; только бы я могъ видѣть васъ каждый день.

— Пріѣзжайте въ Ниццу, потому что черезъ мѣсяцъ я уѣзжаю въ Россію!

— Я поѣду за вами.

— Это невозможно.

— Почему?

— Мать моя не захочетъ.

— Никто не можетъ помѣшать мнѣ путешествовать.

— Не говорите глупостей.

— Но вѣдь я васъ люблю!

Я нагнулась къ нему, чтобы не потерять ни одного его слова.

— Я всегда буду любить васъ,—сказалъ онъ. — Будьте моей женой.

Мы входимъ въ банальности влюбленныхъ, банальности, которыя становятся божественными, когда люди дѣйствительно полюбили навсегда.

— Да, право, — говорилъ онъ, — это было бы такъ хо-

рошо прожить жизнь вмѣстѣ, у вашихъ ногъ... обожая васъ... Мы оба будемъ стары, такъ стары, что будемъ нюхать табакъ, и все-таки всегда будемъ любить другъ друга. Да, да, да... милая!..

Онъ не находилъ другъ словъ, и эти слова, такія обыкновенныя, становились въ его устахъ величайшей лаской.

Онъ смотрѣлъ на меня, сложивъ руки. Потомъ мы разсуждали, потомъ онъ бросился къ моимъ ногамъ, крича задыхающимся голосомъ, что я не могу его любить, какъ онъ меня любитъ, что это невозможно. Потомъ онъ захотѣлъ, чтобы мы признались другъ другу въ своемъ прошломъ.

— О! ваше прошлое, милостивый государь, меня не интересуетъ.

— О! скажите мнѣ, сколько разъ вы любили?

— Разъ.

— Кого?

— Человѣка, котораго я не знаю, котораго я видѣла десять или двѣнадцать разъ на улицѣ, который не знаетъ о моемъ существованіи. Мнѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ и я никогда съ нимъ не говорила.

— Это сказка!

— Это правда!

— Но вѣдь это романъ, фантазія; это не возможно, это тѣнь какая-то!

— Да, но я чувствую, что я не стыжусь этой любви и что онъ сталъ для меня чѣмъ-то въ родѣ божества. Я ни съ кѣмъ его не сравниваю и не нахожу для этого никого достойнаго.

— Гдѣ же онъ?

— Да я не знаю. Очень далеко; онъ женатъ.

— Вотъ безуміе!

И мой чудакъ Піетро имѣлъ весьма недовѣрчивый и пренебрежительный видъ.

— Да это правда. И вотъ — я и люблю васъ, но это ужъ не то.

— Я вамъ даю все мое сердце, а вы мнѣ даете только половину своего, — говорилъ онъ.

— Не просите слишкомъ многаго и постарайтесь удовлетвориться.

— Но это вѣдь не все? Есть еще что-нибудь?

— Это все.

— Простите меня, но позвольте мнѣ на этотъ разъ вамъ не повѣрить. (Какъ вамъ понравится такая испорченность!)

— Нужно вѣрить правдѣ.

— Не могу.

— Ну, тѣмъ хуже! — воскликнула я, разсердившись.

— Это превосходитъ мое пониманіе, — сказалъ онъ.

— Это потому, что вы очень испорчены.

— Можетъ быть.

— Вы не вѣрите тому, что я еще никогда не позволяла поцѣловать себѣ руку?

— Простите, но я не вѣрю.

— Сядьте подлѣ меня, — говорю я, — поговоримъ и скажите мнѣ все.

И онъ разсказываетъ мнѣ все, что ему говорили и что онъ говорилъ.

— Вы не разсердитесь? — говоритъ онъ.

— Я разсержусь только въ томъ случаѣ, если вы что-нибудь скроете отъ меня.

— Ну, такъ вотъ что! Вы понимаете — наша семья здѣсь очень извѣстна...

— Да.

— А вы иностранцы въ Римѣ.

— Что же изъ этого?

— Ну, такъ моя мать написала въ Парижъ разнымъ лицамъ.

— Это вполнѣ естественно; что же обо мнѣ говорятъ.

— Пока ничего. Но, что бы тамъ ни говорили, я буду вѣчно любить васъ.

— Я не нуждаюсь въ снисхожденіи...

— Теперь, говоритъ онъ, затрудненіе въ религіи.

— Да, въ религіи.

— О! — протянулъ онъ съ спокойнѣйшимъ видомъ. — Сдѣлайтесь католичкой.

Я остановила его **очень рѣзко**.

— Хотите, чтобы я перемѣнилъ религію? — воскликнулъ А...

— Нѣтъ, если бы вы это сдѣлали, я бы стала васъ презирать.

Въ дѣйствительности я сердилась бы только изъ-за кардинала.

— Какъ я васъ люблю! Какъ вы прекрасны! Какъ мы будемъ счастливы!

Вмѣсто всякаго отвѣта, я взяла его голову въ свои руки и стала цѣловать его въ лобъ, въ глаза, въ волосы. Я сдѣлала это больше для него, чѣмъ для себя.

— Мари! Мари! — закричала тетя наверху.

— Что такое? — спросила я спокойнымъ голосомъ, просунувъ голову въ дверь, чтобы казалось, что голосъ раздается изъ моей комнаты.

— Два часа, пора спать...

— Я сплю.

— Ты раздѣта?

— Да, не мѣшайте мнѣ писать.

— Ложись.

— Да, да.

Я спустилась и нашла пустое мѣсто: несчастный спрятался подъ лѣстницу.

— Теперь, — сказалъ онъ, возвращаясь на свое мѣсто, — поговоримъ о будущемъ.

— Поговоримъ.

— Гдѣ мы будемъ жить? Любите вы Римъ?

— Да.

— Ну, такъ будемъ жить въ Римѣ; только отдѣльно отъ моей семьи, совсѣмъ одни!

— Еще бы, да мама никогда бы не позволила мнѣ жить въ семьѣ моего мужа.

— Она была бы совершенно права. И къ тому же у моей семьи такіе странные принципы! Это была бы пытка. Мы купимъ маленькій домикъ въ новомъ кварталѣ.

— Я предпочла бы большой.

И я подавила многозначительную гримасу.

— Ну, хорошо, большой.

И мы принялись, онъ, по крайней мѣрѣ, — строить планы на будущее.

Сейчасъ видно было, что этотъ человѣкъ торопится измѣнить свое положеніе.

— Мы будемъ выѣзжать въ свѣтъ, — сказала я, — мы будемъ жить широко, не правда-ли?

— О, да! говорите, разсказывайте мнѣ все.

— Да, когда собираешься провести вмѣстѣ жизнь, нужно обставить себя какъ можно лучше.

— Я понимаю. Вы знаете все о моей семьѣ. Но дѣло еще за кардиналомъ.

— Надо будетъ какъ-нибудь поладить съ нимъ.

— Еще бы, я это непремѣнно сдѣлаю. И вы знаете: большая доля его богатства достанется тому, кто первый будетъ имѣть сына; и надо непремѣнно сейчасъ же имѣть сына. Только вѣдь я не богатъ.

— Что же такое! — сказала я, нѣсколько непріятно задѣтая, но владѣя собой настолько, чтобы не сдѣлать презрительнаго жеста; быть можетъ, это была съ его стороны ловушка.

Потомъ, какъ бы утомленный этой серьезной бесѣдой, онъ опустилъ голову.

Occhi neri, — сказала я, закрывая ихъ рукой, потому что эти глаза пугали меня.

Онъ бросился къ моимъ ногамъ и наговорилъ мнѣ столько, столько, — что я удвоила бдительность и велѣла ему сѣсть подлѣ меня.

Нѣтъ, это не настоящая любовь. При настоящей любви не могло бы быть сказано ничего мелкаго, вульгарнаго.

Я чувствовала въ глубинѣ души недовольство.

— Будьте благоразумны!

— Да, сказалъ онъ, складывая руки, — я благоразуменъ, я почтителенъ, я люблю васъ!

Любила ли я его дѣйствительно, или только вообразила это? Кто могъ бы мнѣ сказать навѣрное? Однако, съ той минуты, какъ существуетъ сомнѣніе... сомнѣніе уже не существуетъ.

— Да, я васъ люблю, — говорю я, взявъ и сильно сжимая обѣ его руки.

Онъ ничего не отвѣтилъ; быть можетъ, онъ не понялъ всего значенія, какое я придавала этимъ словамъ; быть можетъ, они показались ему совершенно естественными? Сердце мое перестало биться. Конечно, это былъ чудный моментъ, потому что онъ остался неподвиженъ, какъ я, не произнося ни одного слова. Но мнѣ стало страшно, и я сказала ему, что пора идти.

— Ужъ пора.

— Уже? Подождите еще минуту, подлѣ меня. Какъ намъ хорошо! Вы меня любите? — сказалъ онъ, — и ты всегда будешь любить меня, скажи, ты всегда будешь любить меня? Это «ты» охладило меня и показалось унизительнымъ.

— Всегда! — говорила я, недовольная, всегда, и вы меня любите?

— О! Какъ можете вы спрашивать такія вещи! О! милая, я хотѣлъ бы, чтобы отсюда никогда нельзя было выйти!

— Мы бы умерли съ голоду, — сказала я, оскорбленная этимъ ласкательнымъ именемъ, которое онъ далъ мнѣ, и не зная какъ отвѣтить.

— Но какая прекрасная смерть! Такъ значитъ черезъ годъ? — сказалъ онъ, пожирая меня глазами.

— Черезъ годъ, — повторила я болѣе для формы, чѣмъ для чего-либо другого. Я дѣйствовала въ роли влюбленной, проникнутой сознаніемъ своего чувства, опьяненной, вдохновленной, серьезной и торжественной.

Въ эту минуту я слышу тетю, которая, видя все еще свѣтъ въ моей комнатѣ, вышла изъ терпѣнья.

— Слышите? — говорю я.

Мы поцѣловались, и я убѣжала безъ оглядки. Это какъ въ сценѣ изъ романа, который я когда-то гдѣ-то читала. Фи! Я недовольна собой. Буду-ли я всегда собственнымъ критикомъ или это потому, что я не люблю по настоящему?

— Ужъ четыре часа! — кричала тетя.

— Во-первыхъ, тетя, теперь только десять минутъ третьяго, а во вторыхъ — оставьте меня въ покоѣ.

Я раздѣлась, не переставая думать: если бы кто-нибудь видѣлъ меня входящей въ залу подлѣ лѣстницы въ полночь и выходящей оттуда въ два часа, послѣ двухъ часовъ, проведенныхъ съ глазу на глазъ съ однимъ изъ самыхъ безпутныхъ итальянцевъ, да этотъ человѣкъ не повѣрилъ бы самому Господу Богу, если бы Ему вздумалось спуститься съ неба, чтобы засвидѣтельствовать, насколько это было невинно.

Я сама, на мѣстѣ этого человѣка, не повѣрила бы и, однако, видите! Или нужно не обращать вниманія на внѣшнее? Часто такимъ образомъ судятъ и дѣлаютъ рѣшительныя заключенія, когда въ сущности **почти ничего** не было.

— Это ужасно! Ты умрешь, если будешь сидѣть такъ поздно! — кричала тетя.

— Послушайте, — говорю я, открывая дверь, — не бранитесь, или я вамъ ничего не скажу.

— О! Дьяволъ! Дьяволъ!

— О! тетя, вы раскаетесь...

— Что еще такое! О! что за дѣвушка.

— Во-первыхъ, я не писала, а сидѣла съ Піетро.

— Гдѣ еще, несчастная?

— Внизу.

— Какой ужасъ!

— А! Если вы кричите, вы ничего не узнаете.

— Ты была съ А?..

— Да!

— Прекрасно, — сказала она голосомъ, который заставилъ меня содрогнуться, — я это прекрасно знала, когда только-что позвала тебя.

— Какъ?

— Я видѣла во снѣ, что мама пришла и сказала мнѣ: «Не оставляй Мари одну съ А...».

Я почувствовала холодъ въ спинѣ, понявъ, что подвергалась дѣйствительной опасности. Я выразила свои опасенія, какъ бы не пустили печатной клеветы, какъ въ Ниццѣ.

— Ну, объ этомъ нечего говорить, — сказала тетя, — если даже стали бы говорить, писать не посмѣютъ.

Ницца. Вторникъ, 23 мая. Я хотѣла бы, однако отдать себѣ отчетъ въ одномъ: люблю я или не люблю?

У меня сложился такой взглядъ на величіе и богатство, что Піетро кажется мнѣ очень ничтожнымъ человѣкомъ. О, Г..!

А если бы я подождала? Но чего ждать? Какого-нибудь милліонера-князя, какого-нибудь Г.. А если я ничего не дождусь?

Я стараюсь увѣрить себя, что А... очень **шикаренъ**, но когда я вижу его совершенно вблизи, онъ кажется мнѣ еще незначительнѣе, чѣмъ онъ, быть можетъ, есть на самомъ дѣлѣ.

Что за печальный день! Я начала портретъ Колиньонъ на фонѣ голубого занавѣса. Онъ уже набросанъ, и я очень довольна собой и своей моделью, потому что она очень хорошо позируетъ.

Я отлично знаю, что А... еще не можетъ написать мнѣ, и, однако, я безпокоюсь. Сегодня вечеромъ я люблю его. Хо-

рошо ли я поступаю, принявъ его предложеніе? Пока будетъ продолжаться любовь, это будетъ хорошо, а потомъ?

Боюсь, что золотая посредственность заставитъ меня когда-нибудь повѣситься отъ бѣшенства! Я разсуждаю и спорю, какъ будто бы была полной хозяйкой въ этомъ положеніи вещей. О, ничтожество изъ ничтожествъ!

Ждать? Чего ждать?

А если ничто не придетъ? Ба! Съ моей физіономіей всегда можно найти, и доказательство... это то, что мнѣ едва шестнадцать лѣтъ, а я уже два съ половиной раза могла сдѣлаться графиней. Я говорю «съ половиной» относительно Піетро.

Среда, 24 мая. Сегодня вечеромъ, уходя, я поцѣловала маму.

— Она цѣлуетъ, какъ Піетро, — сказала она смѣясь.

— Развѣ онъ тебя цѣловалъ? спросила я.

— А тебя онъ цѣловалъ? — сказала Дина, смѣясь, думая, что говоритъ самую невозможную вещь и заставляя меня почувствовать сильное раскаяніе, почти стыдъ.

— О! Дина! — сказала я съ такимъ видомъ, что мама и тетя обернулись къ ней съ видомъ упрека и неудовольствія.

— Чтобы Мари поцѣловалъ какой-нибудь господинъ! Гордую, строгую, высокомѣрную Мари, помилуйте! Мари, которая такъ хорошо разсуждаетъ объ этомъ!..

Все это заставило меня устыдиться. Дѣйствительно, для чего измѣнила я своимъ принципамъ? Я не хочу допустить, что это была слабость, увлеченіе. Если бы я это признала, я перестала бы себя уважать! Я не могу сказать, что это была любовь.

Достаточно прослыть за неприступную. Всѣ такъ привыкли видѣть меня такой, что не повѣрили бы своимъ глазамъ, даже я сама, столько разъ говорившая о щепетильности въ такихъ вещахъ, не повѣрила бы этому, не будь у меня этого журнала.

Къ тому же надо быть **доступной** только для такого человѣка, въ любви котораго увѣренъ и который не выдастъ; относительно же людей, которые только ухаживаютъ, надо быть покрытой иглами, какъ ежъ.

Будемъ легкомысленны съ серьезнымъ любящимъ человѣкомъ, но будемъ суровы съ человѣкомъ легкомысленнымъ.

Боже! какъ я довольна, что написала совершенно точно то, что я думаю!

Пятница, 26 мая. Тетя говоритъ, что А... еще вполнѣ ребенокъ.

— Это правда, — говоритъ мама.

Эти совершенно справедливыя слова показываютъ мнѣ, что я замаралась изъ-за ничего, такъ какъ все-таки я замаралась, безъ любви и безъ интереса... Вотъ что досадно.

Послѣ его отъѣзда въ Римъ, я посмотрѣлась въ зеркало, думая, что мои губы измѣнили цвѣтъ. Я такая недотрога, какъ никто въ мірѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ запачкано мое лицо, я чувствую себя грязной, точно послѣ двадцатичетырехчасовой ѣзды по желѣзной дорогѣ.

А... будетъ имѣть право говорить, что я его любила и была очень несчастна, что свадьба не состоялась.

Несостоявшаяся свадьба всегда пятно въ жизни молодой дѣвушки.

Всѣ будутъ говорить, что мы любили другъ друга. И никто не скажетъ, что отказала я. Для этого мы недостаточно популярны и недостаточно важны.

Притомъ, повидимому, они будутъ правы; это приводитъ меня въ бѣшенство!..

Если бы не эти нѣсколько словъ В..., я никогда бы не зашла такъ далеко... «О, молодая дѣвица! вы еще очень юны!.. Право, мнѣ было нужно, для успокоенія моего самолюбія, получить всѣ эти предложенія. Замѣтьте, что я не сказала ничего положительнаго, я позволяла говорить, но такъ же, какъ я позволяла брать мои руки и цѣловать ихъ; молодой фатъ не замѣтилъ моего тона и, вполнѣ счастливый и возбужденный, не сталъ ни въ чѣмъ сомнѣваться. Я отлично знала, что онъ относился серьезно, но хотя и ожидая, я все-таки не ожидала, что его семья и всѣ эти люди поднимутъ такой шумъ. Я этого не ожидала, потому что говорила не серьезно.

Надо вамъ сказать, что человѣкъ — это мѣшокъ, наполненный самолюбіемъ и покрытый тщеславіемъ. Одно только меня немного утѣшаетъ: передъ большимъ объясненіемъ онъ мнѣ часто повторялъ, что онъ сильно страдалъ, что моимъ кокетствомъ и моимъ ледянымъ сердцемъ я дѣлала его очень несчастнымъ.

Это меня утѣшаетъ, но не удовлетворяетъ.

Чтобы ослабить всѣ записанныя мною жалобы, я хотѣла бы воспроизвести всѣ его жалобы и его страданія, которыя мнѣ казались ничтожными, потому что не я ихъ испытывала.

Говорятъ, что бѣлокурая женщина — женщина поэтическая, а я говорю, что бѣлокурая женщина — женщина по преимуществу матеріальная.

Взгляните на эти золотистые волосы, на эти пунцовыя губы, на эти темно-сѣрые глаза, на это розовое тѣло, и скажите мнѣ, какія мысли приходятъ вамъ въ голову? Впрочемъ, мы имѣемъ Венеру у язычниковъ и Магдалину у христіанъ,— обѣ бѣлокурыя.

Между тѣмъ, какъ брюнетка, которая въ сущности такая же нелѣпость, какъ бѣлокурый мужчина, — брюнетка съ бархатными глазами, съ лицомъ цвѣта слоновой кости, можетъ оставаться чистой, дивной.

Есть во дворцѣ Борджіа чудная картина Тиціана, подъ названіемъ: **Любовь чистая и любовь нечистая.** Любовь чистая это прекрасная женщина, съ розовыми щеками, съ черными волосами, нѣжно смотрящая на своего ребенка, котораго она купаетъ въ какомъ-то бассейнѣ.

Любовь нечистая — бѣлокурая женщина, быть можетъ, рыжеватая, облокотилась, не помню уже на что, ея руки сложены надъ головой.

Нормальная женщина — блондинка, **нормальный** мужчина — брюнетъ.

Разнородности и феномены бываютъ иногда удивительные, но это нелѣпости.

Никогда не увижу я ничего подобнаго герцогу Г...; онъ высокъ, силенъ, съ пріятно рыжеватыми волосами, такими же усами, небольшими, проницательными, сѣрыми глазами, съ губами точно скопированными съ губъ Аполлона Бельведерскаго.

И во всей его личности было столько величія, даже высокомѣрія и такъ ему всѣ были безразличны!

Быть можетъ, я смотрю на него глазами влюбленной. Гм!.. Не думаю.

Какъ любить человѣка некрасиваго: брюнета, очень худого, обладающаго прекрасными глазами, но еще несмѣлою

походкой,—человѣка еще совершенно неопредѣлившагося, послѣ такого человѣка, какъ герцогъ, любить даже на разстояніи трехъ лѣтъ? И примите во вниманіе, что три года — отъ тринадцати до шестнадцати — въ жизни молодой дѣвушки это три вѣка.

Итакъ, я не люблю никого кромѣ герцога! Онъ не будетъ этимъ гордиться, ему нѣтъ дѣла до этого. Часто я разсказываю себѣ сказки, я представляю себѣ людей знакомыхъ и незнакомыхъ; и знаете: даже императору я не говорю: «я васъ люблю» съ убѣжденіемъ. Есть нѣкоторые, которымъ я совсѣмъ не могу сказать этого!.. Стой! я это сказала въ дѣйствительности!..

Боже мой, да, но я такъ мало это думала, что объ этомъ не стоитъ и говорить.

Воскресенье, 28 мая. Я вернулась съ прогулки и подошла къ окну. Странно — ничто, повидимому, не измѣнилось; мнѣ кажется, что это прошлый годъ. Никогда пѣсни Ниццы не казались мнѣ такъ прекрасны; кваканье лягушекъ, журчанье фонтана, отдаленное пѣніе, — все это теряется при прозаическомъ шумѣ кареты.

Я читаю Горація и Тибула. Послѣдній говоритъ только о любви, а это ко мнѣ подходитъ. И при томъ у меня есть при латинскомъ французскій текстъ; это служитъ мнѣ упражненіемъ. Однако, какъ бы вся эта затѣянная мною исторія съ Піетро не повредила мнѣ! Я этого очень боюсь.

Не надо было ничего обѣщать А..., надо было бы ему отвѣтить:

«Благодарю васъ, милостивый государь, за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, но безъ совѣта своихъ я не могу вамъ ничего сказать. Пусть ваши переговорятъ съ моими. Что же касается меня, — могла бы я прибавить для смягченія, — я не буду ничего имѣть противъ васъ».

Этого, въ сопровожденіи одной изъ моихъ любезныхъ, милыхъ улыбокъ и руки для поцѣлуя, было бы достаточно.

И я бы себя не скомпрометировала, и объ этомъ не болтали бы въ Римѣ, и все было бы хорошо.

У меня есть умъ, но всегда онъ является слишкомъ поздно.

Конечно я поступила бы лучше, отвѣтивъ, какъ вы сейчасъ прочли, но это убавило бы у меня столько удовольствія,

и при томъ жизнь такъ коротка!.. и при томъ, всегда есть какое-нибудь **при томъ!**

Я дурно поступила, не отвѣтивъ такъ прекрасно, но, право, я была такъ взволнована; разсудительные скажутъ, что да, чувствительные скажутъ, что нѣтъ.

Среда, 31 мая. Не говорятъ ли, что умные люди сходятся въ своихъ мнѣніяхъ? Я вотъ читаю Ларошфуко и нахожу у него многое, что у меня написано здѣсь. Я думала, что дѣлаю открытія, а это все уже извѣстно, все давнымъ-давно сказано... Затѣмъ я читала Горація, Лабрюера и еще третьяго.

Я боюсь за свои глаза. Во время рисованія я должна была нѣсколько разъ останавливаться, такъ какъ ничего не видѣла. Я ихъ слишкомъ утомляю, потому что я все время рисую, читаю или пишу.

Сегодня вечеромъ я просмотрѣла мои конспекты классиковъ, это меня заняло. И кромѣ того я открыла очень интересное сочиненіе о Конфуціи — латинскій текстъ и французскій переводъ. Нѣтъ ничего лучше, какъ занятый умъ; работа все побѣждаетъ, — особенно умственная работа.

Я не понимаю женщинъ, которыя все свободное время проводятъ за вязаньемъ и вышиваньемъ, сидя съ занятыми руками и пустой головой. Должна приходить масса ненужныхъ, опасныхъ мыслей, а если еще есть что-нибудь особенное на сердцѣ, мысль, постоянно работая надъ однимъ и тѣмъ же, должна производить прискорбные результаты.

Если бы я была счастлива и спокойна, я могла бы, я думаю, исполнять ручную работу, размышляя о моемъ счастьѣ... Нѣтъ, тогда я стала бы думать о немъ съ закрытыми глазами, я ничего не могла бы дѣлать.

Спросите всѣхъ, кто меня знаетъ, о моемъ расположеніи духа, и вамъ скажутъ, что я дѣвушка самая веселая, самая беззаботная, съ самымъ твердымъ характеромъ и самая счастливая, такъ какъ я испытываю величайшее наслажденіе казаться сіяющей, гордой и недоступной и одинаково охотно пускаюсь въ ученый споръ или пустую болтовню.

Здѣсь меня видятъ съ внутренней стороны. Съ наружной я совсѣмъ другая. Можно подумать, что у меня нѣтъ ни одной непріятности, что я привыкла къ тому, что мнѣ повинуются и люди, и обстоятельства.

Суббота, 3 іюня. Сейчасъ, выходя изъ своей уборной, я

суевѣрно испугалась. Я увидѣла съ боку женщину въ длинномъ, бѣломъ платьѣ, со свѣчей въ рукѣ, грустно наклоненной головой, похожую на призракъ нѣмецкихъ легендъ. Разувѣрьтесь, — это было ничто иное, какъ мое отраженіе въ зеркалѣ.

О! Мнѣ страшно, я боюсь, что послѣдуетъ какое-нибудь физическое нездоровье изъ-за всѣхъ этихъ нравственныхъ мученій.

Почему все обращается противъ меня же?

Господи, прости мнѣ, что я плачу! Есть люди несчастнѣе меня, есть люди, которые терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ, между тѣмъ какъ я сплю на кружевной постели; есть люди, которые ранятъ свои босыя ноги о камни мостовой, между тѣмъ какъ я хожу по коврамъ; — которымъ кровомъ служитъ только небо, между тѣмъ какъ надо мною голубой атласный потолокъ. Быть можетъ, Господи, ты меня наказываешь за мои слезы; такъ сдѣлай такъ, чтобы я болѣе не плакала!

Ко всему, мною уже выстраданному, присоединяется еще личный стыдъ, стыдъ за мою душу!

«Графъ А... просилъ ея руки, но этому воспротивились; онъ раздумалъ и ретировался».

Видите, какъ вознаграждаются добрые порывы!

О! если бы вы знали, какія отчаянныя чувства овладѣли моимъ существомъ, какая невыразимая тоска охватываетъ меня, когда я гляжу кругомъ! Все, до чего я дотрогиваюсь, вянетъ и разрушается.

И снова работаетъ воображеніе, снова, мнѣ кажется, я слышу:

«Графъ А... просилъ ея руки» и т. д., и т. д.

Воскресенье, 4 іюня. Когда Христосъ исцѣлилъ бѣсноватаго, ученики спросили его, почему тѣ, которые пробовали исцѣлить его, не могли этого сдѣлать? Христосъ отвѣчалъ имъ: это изъ-за вашего невѣрія, потому что истинно говорю вамъ, если бы вы имѣли вѣру съ горчичное зерно и сказали бы этой горѣ — «перейди сюда», она перешла бы и ничего не было бы невозможнаго для васъ.

Читая эти слова, я какъ бы прозрѣла и, быть можетъ, въ первый разъ повѣрила въ Бога. Я поднималась, я не чувствовала себя; я складывала руки, я поднимала глаза, я улыбалась, я была въ экстазѣ.

Никогда, никогда не буду я болѣе сомнѣваться,— не для того, чтобы заслужить что-нибудь, но потому, что я убѣждена, потому что я вѣрю.

До двѣнадцати лѣтъ меня баловали, исполняли всѣ мои желанія, но никогда не заботились о моемъ воспитаніи. Въ двѣнадцать лѣтъ я попросила дать мнѣ учителей, я сама составила программу. Я всѣмъ обязана самой себѣ...

Понедѣльникъ, 5 іюня. Дина, m-lle Колиньонъ и я оставались до двухъ часовъ на моей террасѣ, любуясь луной, отражавшейся въ морѣ.

Я разсуждала о дружбѣ и объ отношеніи къ ближнимъ; разговоръ произошелъ по поводу того, что С. еще не писали. Извѣстно восхищеніе, которое питаетъ къ нимъ m-lle Колиньонъ. Къ тому же она имѣетъ потребность обожать кого-нибудь; это самая романическая, самая сентиментальная женщина на свѣтѣ. Она видитъ дружбу и счастье въ довѣріи. Я — наоборотъ.

Подумайте, какъ бы я была несчастна, если бы питала большую дружбу къ С. Никогда не раскаиваются въ благодѣяніе, въ любезности, въ услугѣ, въ порывѣ, исходящемъ изъ сердца; раскаиваются только тогда, когда за это платятъ неблагодарностью. И для сердечнаго человѣка большое горе знать, что симпатія, которую чувствуешь, дружба, которую къ кому-нибудь испытываешь, потеряны!

— О! Мари, я несогласна съ вами.

— Но нѣтъ, послушайте... Вотъ я, напримѣръ, изъ силъ выбиваюсь, стараясь что-нибудь объяснить вамъ, я исчерпываю всевозможныя разсужденія и когда цѣлый часъ я говорила, убѣждала, увѣряла — вдругъ замѣчаю, что вы глухи...

— Тогда, разумѣется.

— Я васъ не обвиняю, я никогда ни въ чемъ не обвиняю, потому что я ничего и ни отъ кого не жду. Противоположность неблагодарности могла бы меня удивить. Увѣряю васъ, лучше смотрѣть на жизнь и на людей, какъ я, не давать имъ никакого мѣста въ своемъ сердцѣ и пользоваться ими какъ ступеньками лѣстницы.

— Мари! Мари!

— Что хотите! Вы созданы иначе, чѣмъ я! Послушайте, я увѣрена, что вы уже говорили С. и другимъ довольно дурно обо мнѣ. Я увѣрена въ этомъ такъ же, какъ если бы слышала

это собственными ушами. И между тѣмъ я отношусь къ вамъ какъ относилась прежде, какъ буду относиться всегда.

— Это чтеніе фолософовъ внушаетъ вамъ подобныя мысли, вы подозрѣваете весь міръ.

—Я не подозрѣваю, я только не довѣряю; а это большая разница.

— Нѣтъ, Мари, вы ни къ кому не питаете дружбы!..

— Но подумайте, что было бы, если бы я ее питала! Предположимъ, что вмѣсто того, чтобы принимать Мари и Ольгу за то, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ, т. е. за добрыхъ дѣвушекъ, которыя немало подсмѣивались надо мной, какъ и я надъ ними — что я бы нѣжно подружилась съ Ольгой. Я пишу ей изъ Рима, она отвѣчаетъ мнѣ три слова черезъ три недѣли; я пишу ей еще и на этотъ разъ она мнѣ совсѣмъ не отвѣчаетъ. Что вы скажите объ этомъ? И это не первый примѣръ.

— Но какъ вы можете требовать чего-нибудь отъ вашихъ подругъ, когда сами ничего имъ не даете?

— Мы не понимаемъ другъ друга. Я оказываю имъ всевозможное вниманіе. Я готова сдѣлать для нихъ все, что я могу; пусть онѣ попросятъ у меня, что угодно, я все сдѣлаю съ величайшимъ удовольствіемъ; но я не даю моимъ подругамъ моего сердца, потому что, повѣрьте, мнѣ досадно давать его, ничего не получая взамѣнъ.

— Никогда не можетъ быть досадно, когда поступишь хорошо, когда исполнишь свой долгъ.

— Дружба не есть долгъ. Вы не дѣлаете ни добра, ни зла, даря вашу дружбу. Такая дружба, какъ ваша, не чувствительна, потому что у васъ это постоянная потребность; но если она идетъ изъ глубины сердца, то очень прискорбно видѣть, что на нее отвѣчаютъ неблагодарностью.

—Если кто-нибудь неблагодаренъ, тѣмъ хуже для него.

— Вотъ это эгоистично. Прежде я думала, что люблю весь міръ; но я вижу, что всемірная любовь есть ничто иное, какъ всемірное равнодушіе. Я питаю величайшее расположеніе къ себѣ подобнымъ. Я вижу, какіе они дурные, и это дѣлаетъ меня въ высшей степени снисходительной... Читали вы Эпиктета? Я нахожу, что въ дружбѣ надо быть стоикомъ. Вы получаете толчокъ, и вы не можете удержать проявленія удивленія или страха, — это не отъ васъ зависитъ; но отъ васъ

зависитъ — не покориться вашимъ первымъ чувствамъ. Нельзя помѣшать себѣ почувствовать то или другое предпочтеніе, но можно помѣшать себѣ **покориться ему.**

— Эти чтенія ведутъ къ атеизму. Вы кончите полнымъ невѣріемъ.

— О, нѣтъ. Если бы вы знали мои мысли, вы бы этого не сказали.

— Философовъ вредно читать.

— Нѣтъ, не вредно, когда имѣешь солидный умъ... Но знаете, — сказала я, — если взвѣсить хорошенько, только одно на свѣтѣ стоитъ чего-нибудь (я говорю о чувствахъ) — любовь.

— Да.

— Нѣтъ на свѣтѣ бо̀льшаго наслажденія, какъ любить и быть любимой.

— Это правда.

— Но и тутъ, ради Бога, не углубляйтесь! Не будемъ искать ничего, кромѣ удовольствія, которое намъ даютъ и которое мы даемъ. Любовь сама по себѣ божественна, т. е. божественна, пока она продолжается; она дѣлаетъ человѣка совершеннымъ по отношенію къ любимому предмету; преданность, нѣжность, страсть, постоянство, искренность, — въ ней есть все. Будемъ углубляться въ любовь, но не въ человѣка. Человѣка можно сравнить съ гротомъ, въ глубинѣ котораго есть или сырость, или грязь, или выходъ, т. е. отсутствіе всякой глубины. Все это не мѣшаетъ мнѣ любить моихъ ближнихъ.

— Нельзя ничѣмъ наслаждаться, если быть ко всему равнодушнымъ.

— Постойте, постойте пожалуйста, я не равнодушна, но я цѣню людей по достоинству.

Мама сегодня плакала; у тети совсѣмъ разстроенное лицо; онѣ говорили обо мнѣ и о моихъ мученіяхъ.

Я возвращалась къ себѣ съ опущенными руками, съ устремленными впередъ глазами, съ сдвинутыми бровями; я задыхалась, несмотря на голубое небо, на брызжущій фонтанъ, на покрытый плодами кустъ кизиля, на чистый воздухъ. Я шла впередъ, сама того не замѣчая.

Почему не предположить, что я люблю его, такого недостойнаго, каковъ онъ есть.

О небо! объясните же мнѣ, что это за человѣкъ и что это за любовь?

Во мнѣ все должно быть раздавлено: самолюбіе, гордость, любовь.

Вторникъ, 6 іюня. Я прочла то, что записала вчера, и нашла одно горе и слезы.

Къ двумъ часамъ я настолько оправилась, что больше не сердилась и вздыхала только отъ презрѣнія. Эти мысли недостойны, не слѣдуетъ вспоминать объ оскорбленіяхъ, когда нельзя отомстить за нихъ. Думать о нихъ значитъ придавать слишкомъ много значенія людямъ недостойнымъ, — это униженіе; и я думаю не о людяхъ, а о себѣ, о своемъ положеніи, о беззаботности моихъ родителей.

Если бы А... подняли вопросъ о религіи, это только позабавило бы меня; и если бы они стали просить меня выйти за Піетро, я бы не согласилась.

Но меня мучитъ стыдъ и мысль, что имъ сказали про насъ дурное.

Всѣ говорили объ этомъ бракѣ и уже, конечно, не скажутъ, что отказъ идетъ отъ насъ. Впрочемъ, они будутъ правы. Развѣ я не согласилась? Чтобы тянуть, чтобы сохранить его во всякомъ случаѣ; я въ этомъ не раскаиваюсь, я хорошо поступила, и если это дурно вышло, то не по моей винѣ.

Насъ не знаютъ, слышатъ одно слово здѣсь, другое тамъ, преувеличиваютъ, придумываютъ... О, Господи Боже! И не быть въ состояніи ничего сдѣлать!

Поймите меня, я не жалуюсь, я разсказываю, — вотъ и все.

Я глубоко презираю весь міръ, и потому я не могу ни жаловаться, ни сердиться на кого бы то ни было.

Значитъ любовь такая, какой я себѣ представляла ее, не существуетъ? Это только фантазія, идеалъ.

Итакъ, высшая чистота, высшая скромность просто выдуманныя мною слова?

Когда я сошла внизъ, чтобы говорить съ нимъ наканунѣ отъѣзда, онъ въ моемъ поступкѣ видѣлъ простое любовное свиданіе?

Когда я опиралась на его руку, онъ дрожалъ только отъ желаній?

Когда я смотрѣла на него, серьзная и вдохновенная, какъ древняя жрица, онъ видѣлъ только женщину и свиданіе?

А я, — значитъ я его любила? Нѣтъ, или, вѣрнѣе, я его любила за его любовь ко мнѣ.

Но такъ какъ я не способна къ подлости въ любви, я любила или чувствовала, какъ будто я его любила.

Это отъ экзальтаціи, фанатизма, близорукости, глупости; да, отъ глупости.

Если бы я была умнѣе, я бы лучше поняла характеръ этого человѣка.

Онъ любилъ меня, какъ умѣлъ. Это ужъ я должна была распознать и понять, что не слѣдуетъ метать бисеръ передъ свиньями.

Наказаніе жестоко; надолго разрушенныя иллюзіи и упреки самой себѣ. Я была не права.

Надо быть прозаичной и вульгарной, какъ другіе.

Разумѣется, меня заставила такъ поступить моя крайняя молодость. Къ чему эти понятія изъ другого міра? Ихъ не понимаютъ, потому что свѣтъ не измѣнился...

И вотъ я опять впадаю въ общее заблужденіе, и вотъ опять я обвиняю весь свѣтъ за негодность одного. Изъ-за того, что одинъ оказался подлымъ, я отрицаю величіе души и ума!

Я отрицаю любовь этого человѣка, потому что онъ ничего не сдѣлалъ ради этой любви. И если ему даже угрожали лишить его наслѣдства, проклясть его, могло ли это помѣшать ему написать мнѣ? Нѣтъ, нѣтъ. Это подлецъ...

Четвергъ, 8 іюня. Философскія книги потрясаютъ меня. Это продукты воображенія, поворачивающіе все вверхъ дномъ. Читая много, современемъ я къ нимъ привыкну, но теперь у меня духъ захватываетъ.

Когда мною овладѣетъ лихорадка чтенія, я прихожу въ какое-то бѣшенство, и мнѣ кажется, что никогда не прочту я всего, что нужно; я бы хотѣла все знать, голова моя готова лопнуть, и я снова словно окутываюсь плащемъ пепла и хаоса.

Я спѣшу, какъ сумасшедшая, читать Горація.

О! когда я только подумаю, что есть избранные, кото-

рыя веселятся, двигаются, наряжаются, смѣются, танцуютъ, пляшутъ, любятъ, которые, наконецъ, предаются всѣмъ прелестямъ свѣтской жизни, а я — я плѣсневѣю въ Ниццѣ!

Я остаюсь еще довольно разсудительной, пока не думаю о томъ, что живутъ только одинъ разъ. Нѣтъ, вы только подумайте, **живутъ только разъ** и жизнь такъ коротка!

Когда я подумаю объ этомъ, то становлюсь безумной, и мозгъ мой кипитъ отъ отчаянія.

Живешь только разъ! А я теряю эту драгоцѣнную жизнь, запрятанная дома, никого не видя.

Живешь только разъ! А мнѣ еще портятъ эту жизнь!

Живешь только разъ! А меня заставляютъ недостойно терять мое время! А дни все бѣгутъ и бѣгутъ, они уже никогда не вернутся, они все укорачиваютъ мою жизнь!

Живешь только разъ! И неужели жизнь, безъ того короткую, нужно еще укорачивать, портить, красть, да, красть подлыми обстоятельствами.

О, Боже!

Пятница, 9 іюня. Перечитывая о моемъ пребываніи въ Римѣ и о моихъ мученіяхъ со времени исчезновенія Піетро, я очень удивлена живостью написаннаго.

Я читаю и пожимаю плечами. Я бы не должна была удивляться, зная, какъ легко мнѣ вскружить голову.

Бываютъ минуты, когда я сама не знаю, что я ненавижу, что люблю, чего желаю, чего боюсь. Тогда мнѣ все безразлично, и я стараюсь во всемъ дать себѣ отчетъ, и тогда происходитъ въ моемъ мозгу такой вихрь, что я качаю головой, зажимаю свои уши и предпочитаю состояніе отупѣнія этимъ изслѣдованіямъ самой себя.

Суббота, 10 іюня. Знаете ли, — сказала я доктору,—что я харкаю кровью, и что надо меня лѣчить?

— О! сказалъ Валицкій, если вы будете продолжать ложиться каждый день въ три часа утра, у васъ будутъ всѣ болѣзни.

— А почему я ложусь поздно, какъ вы думаете? Потому что мой умъ не спокоенъ. Дайте мнѣ спокойствіе, и я буду спокойно спать.

— Вы могли получить его. У васъ былъ случай въ Римѣ.

— Какой?

— Выходили бы замужъ за А..., не мѣняя религіи.

— О! другъ мой Валицкій, какой ужасъ! За такого человѣка, какъ А...! Подумайте, что вы говорите! За человѣка, у котораго нѣтъ ни убѣжденій, ни воли! Какую глупость вы сказали! О! Какъ это возможно!

И я тихонько засмѣялась.

— Онъ не пріѣзжаетъ, не пишетъ, продолжала я; это бѣдный ребенокъ, **значеніе котораго мы преувеличили.** Нѣтъ, голубчикъ, это не человѣкъ, и мы ошиблись, думая иначе.

Я сказала эти послѣднія слова такъ же спокойно, какъ говорила въ продолженіе всего разговора, такъ какъ была убѣждена, что говорю правдиво и вѣрно.

Я вернулась къ себѣ, и мой умъ какъ бы сразу освѣтился. Я поняла, наконецъ, что я была не права, позволивъ себѣ поцѣлуй, хотя бы и одинъ, назначая свиданіе на лѣстницѣ; что если бы я не пошла ни въ коридоръ, ни куда бы то ни было, если бы я искала *tête-a-tête*, этотъ человѣкъ имѣлъ бы ко мнѣ больше уваженія, а у меня не было бы ни досады, ни слезъ.

(Какъ я себѣ нравлюсь, когда такъ разсуждаю! Какъ я мила! Парижъ, 1877 г.).

Всегда надо держаться этого принципа: я отъ него удалилась, я сдѣлала глупость, происходящую отъ привлекательности новизны, отъ того, что легко воодушевляюсь, отъ моей неопытности.

О! Какъ хорошо начинаю я все понимать!

Что дѣлать, мои милые друзья! молодость заставляетъ дѣлать ошибки. А... научилъ меня поведенію съ ухаживателями.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Какъ я ясно вижу, какъ я спокойна, я совсѣмъ больше не испытываю любви!

Каждый день я буду выѣзжать, веселиться, надѣяться.

Я пою Миньону, и сердце мое полно!

Какъ прекрасна луна, отражающаяся въ морѣ! Какъ восхитительна Ницца!

Я люблю весь міръ! Всѣ люди проходятъ передо мной такіе милые, улыбающіеся.

Кончено! Я уже говорила, что это не можетъ продолжаться. Я хочу жить спокойно! Я поѣду въ Россію! это улучшитъ наше положеніе; я привезу въ Римъ моего отца.

Вторникъ, 13 іюня. Я, которая хотѣла бы сразу жить семью жизнями, живу только четвертью жизни. Я скована.

Богъ сжалится надо мной, но я чувствую себя такой слабой, и мнѣ кажется, что я умираю.

Я уже сказала, что или я хочу **имѣть** все то, что Богъ далъ мнѣ понять, и тогда я буду достойна достигнуть всего этого, или я умру!

Но Богъ, не будучи въ состояніи дать мнѣ, безъ несправедливости, **все**, не заставитъ жить несчастную, которой онъ далъ пониманіе и желаніе обладать тѣмъ, что она понимаетъ.

Богъ не безъ намѣренія создалъ меня такою, какъ я есть. Онъ не могъ дать мнѣ способность **все видѣть**, только для того, чтобы мучить меня, ничего не давая. Это предположеніе не согласуется съ природой Бога, который есть сама доброта и милосердіе.

Я буду имѣть все или умру. Пусть Онъ дѣлаетъ, какъ знаетъ! Я люблю Его, я въ Него вѣрю, я Его благословляю, я умоляю Его простить мнѣ мои дурные поступки.

Онъ далъ мнѣ это пониманіе, чтобы удовлетворить Его, если я буду достойна.

Если я не буду достойна, Онъ пошлетъ мнѣ смерть!..

Среда, 14 іюня. Кромѣ торжества, которое я доставляю этому итальянскому мальчишкѣ и которое такъ мучитъ меня, я еще предвижу скандалъ, какъ результатъ этого дѣла.

Я не ожидала приключенія такого рода, я не предвидѣла ничего подобнаго! Я никогда не воображала, что такая вещь можетъ случиться со мной! Я знала, что это случается, но я этому не вѣрила, я не отдавала себѣ въ этомъ отчета, какъ не даютъ себѣ отчета въ смерти, не видавъ никогда смерти. О, моя жизнь, моя бѣдная жизнь!..

Если я такъ хороша собой, какъ я говорю, отчего меня не любятъ? На меня смотрятъ, въ меня влюбляются. Но меня не любятъ! Меня, которая такъ нуждается въ любви!

Это романы возбуждаютъ мое воображеніе. Нѣтъ, я читаю романы, потому что воображеніе мое возбуждено. Я перечитываю старое, я выискиваю съ прискорбной жадностью сцены, слова любви, я ихъ пожираю, потому что мнѣ кажется, что я люблю, потому что мнѣ кажется, что меня не любятъ.

Я люблю, да, потому, что я не хочу назвать иначе то, что я чувствую.

Хорошо же, нѣтъ, не этого я хочу. Я хочу выѣзжать въ свѣтъ, я хочу блистать въ немъ, хочу занимать въ немъ выдающееся положеніе. Я хочу быть богата, хочу имѣть картины, дворцы, брилліанты; я хочу быть центромъ какого-нибудь блестящаго кружка, политическаго, литературнаго, благотворительнаго, фривольнаго. Я хочу всего этого... пусть Богъ поможетъ мнѣ!

Боже, не наказывай меня за эти безумно-честолюбивыя мысли.

Развѣ нѣтъ людей, которыя родятся среди всего этого и находятъ обладаніе всѣмъ этимъ совершенно естественнымъ, которые не благодарятъ даже за это Бога.

Виновата-ли я, если желаю быть великой?

Нѣтъ, потому что я хочу употребить мое величіе на то, чтобы благодарить Бога и чтобы стремиться къ счастью! Развѣ запрещено желать счастья?

Тѣ, кто находятъ свое счастье въ скромномъ и удобномъ домѣ, развѣ они честолюбивы менѣе меня? Нѣтъ, такъ какъ они бо́льшаго не понимаютъ.

Развѣ тотъ, кто довольствуется скромной жизнью въ кругу семьи, можетъ быть названъ человѣкомъ скромнымъ, умѣреннымъ въ своихъ желаніяхъ изъ добродѣтели, изъ убѣжденія, изъ мудрости? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Онъ таковъ потому, что счастливъ этимъ, что для него жить въ неизвѣстности есть высшее счастье. И если онъ не желаетъ извѣстности, то только потому, что, имѣя ее, онъ былъ бы несчастенъ. Есть тоже люди, которымъ не хватаетъ смѣлости, — это не мудрецы, а подлецы! они глухо стремятся и не двигаются впередъ, — не изъ христіанской добродѣтели, но изъ-за своей робкой и неспособной натуры. Боже, если я разсуждаю неправильно, научи меня, сжалься надо мной.

Четвергъ, 23 іюня. Я смѣялась, когда мнѣ хвалили Италію, и спрашивали себя, почему такъ много говорятъ объ этой странѣ, и почему говорятъ о ней, какъ о чемъ-то особенномъ. А потому, что это правда. Потому, что въ ней иначе дышется. Жизнь другая — свободная, фантастическая, широкая, безумная и томная, жгучая и нѣжная, какъ ея солнце, ея небо, ея равнина. Я поднимаюсь на крыльяхъ поэзіи (ино-

гда я бываю совсѣмъ поэтомъ, а иногда съ одной какой-нибудь стороны) и готова воскликнуть вмѣстѣ съ Миньоной:

Italia, reggio di cielo,
Sol beato!

Суббота, 24 іюня. Я ждала, чтобы меня позвали къ завтраку, когда совсѣмъ запыхавшійся докторъ пришелъ сказать мнѣ, что получено письмо отъ Піетро. Я очень сильно покраснѣла и, не поднимая глазъ отъ книги, которую читала, сказала:

— Хорошо, хорошо, что же онъ тамъ пишетъ?

Ему не даютъ денегъ; впрочемъ, я не знаю, вы сами увидите лучше.

Я очень удерживалась, чтобы не спѣшить спрашивать; мнѣ было стыдно высказать столько интереса.

Противъ обыкновенія, я была первая за столомъ, я ѣла съ нетерпѣніемъ, но ничего не говорила.

— Правда, что сказалъ мнѣ докторъ? — наконецъ спросила я.

— Да, — отвѣтила тетя, — А. ему написалъ.

— Докторъ, гдѣ письмо?

— У меня.

— Дайте его мнѣ.

Это письмо помѣчено 10-мъ іюня, но такъ какъ А... написалъ просто въ Ниццу, то оно пропутешествовало по Италіи, прежде чѣмъ пришло сюда.

«Я употребилъ все это время, — писалъ онъ, — на то, чтобы упросить моихъ родителей отпустить меня сюда, но они положительно не хотятъ слышать объ этомъ». Такъ что ему невозможно пріѣхать и ничего не остается кромѣ надежды въ будущемъ, а это всегда невѣрно...

Письмо написано по-итальянски, и всѣ ждали отъ меня перевода. Я не говорю ни слова, но съ аффектированной медлительностью подбираю шлейфъ, чтобы не подумали, что я убѣгаю, выхожу изъ комнаты, прохожу садъ съ спокойствіемъ на лицѣ, съ адомъ въ сердцѣ.

Это не отвѣтъ на телеграмму его друга изъ Монако. Это отвѣтъ мнѣ, это признаніе. И это мнѣ! мнѣ, которая вознеслась на воображаемую высоту!.. Это мнѣ онъ говоритъ все это!

Умереть? Богъ этого не хочетъ. Сдѣлаться пѣвицей? Но я не обладаю ни достаточнымъ здоровьемъ, ни достаточнымъ терпѣніемъ.

Въ такомъ случаѣ что же, что?

Я бросилась въ кресло и, устремивъ безсмысленно глаза въ пространство, старалась понять письмо, думать о чемъ-нибудь...

— Хочешь ѣхать къ сомнамбулѣ? — закричала мнѣ мама изъ сада.

— Да, — отвѣтила я, быстро поднимаясь, — когда?

— Сію минуту.

Все, все, все, чтобы не оставаться одной, не сойти съ ума, чтобы убѣжать отъ самой себя.

Сомнамбула оказалась уѣхавшей. Это поѣздка по жарѣ не принесла мнѣ никакой пользы. Я взяла горсть папиросъ и мой журналъ съ намѣреніемъ отравить себѣ легкія и написать зажигательныя страницы. Но воля, казалось, совсѣмъ покинула меня. Я прошла прямо и тихо, какъ во снѣ, къ моей кровати и сразу бросилась на нее, отодвинувъ разомъ кружевной занавѣсъ.

Невозможно передать мое горе, притомъ бываютъ минуты, когда уже не можешь жаловаться. Раздавленная, какъ я... — на что хотите вы, чтобы я жаловалась?

Невозможно себѣ представить, какое глубокое отвращеніе, какой упадокъ духа я испытываю. Любовь! о, незнакомое для меня слово! Такъ вотъ истина! Этотъ человѣкъ никогда меня не любилъ и смотрѣлъ на бракъ, какъ на средство освобожденія. Что касается его обѣщаній, я о нихъ не говорю, я ничего не говорила о нихъ вслухъ, я не придавала имъ достаточной вѣры, чтобы серьезно говорить о нихъ.

Я не говорю, что онъ всегда лгалъ: почти всегда думаютъ то, что говорятъ въ ту минуту, когда говорятъ; но... потомъ?

И, несмотря на всѣ разсужденія, несмотря на Евангеліе, я горю желаніемъ отомстить. Я дождусь своего времени, будьте спокойны, и я отомщу.

Chi lungo a tempo aspetta
Vede al fin la sua vendetta.

Я пришла къ себѣ, написала нѣсколько строкъ и затѣмъ, вдругъ потерявъ бодрость, начала плакать. О! все-таки я еще ребенокъ! Всѣ эти горести **слишкомъ тяжелы** для меня одной, и мнѣ хотѣлось пойти разбудить тетю. Но она подумаетъ, что я оплакиваю мою любовь, а я не могу этого вынести.

Сказать, что тутъ совершенно не было мѣста любви, было бы не справедливо, мнѣ теперь стыдно всего этого.

Мальчишка, горемыка, подбитый проказникомъ и покрытый іезуитомъ, ребенокъ! И это я любила! Ба! отчего нѣтъ? Любитъ же мужчина кокотку, гризетку, дрянь какую-нибудь, крестьянку. Великіе люди и великіе короли любили ничтожества и не были за то развѣнчаны.

Я были близка къ сумасшествію отъ бѣшенства и безсилія; всѣ мои нервы были напряжены; я начала пѣть; это успокаиваетъ.

Если я просижу хотя всю ночь, я не сумѣю сказать всего, что я хочу, а если я и сумѣю высказать, то не скажу ничего новаго, ничего такого, чего бы я еще не говорила.

Въ самомъ, дѣлѣ все, что я видѣла и слышала въ Римѣ, приходитъ мнѣ на умъ, и, думая объ этомъ странномъ смѣшеніи благочестія, разврата, религіозности, низости, подчиненія, разнузданности, неприступности, высокомѣрной гордости и подлости, я говорю себѣ: въ самомъ дѣлѣ, Римъ — городъ единственный въ своемъ родѣ, странный, дикій и утонченный. Все въ немъ отличается отъ другихъ городовъ. Словно находишься не на землѣ, а на другой планетѣ.

И дѣйствительно, Римъ, имѣющій баснословное начало, баснословное процвѣтаніе, баснословное паденіе, долженъ быть чѣмъ-то поражающимъ и въ нравственномъ, и во внѣшнемъ отношеніи.

Это городъ Бога, или, вѣрнѣе, городъ поповъ. Съ тѣхъ поръ, какъ тамъ король, все тамъ мѣняется, но только у мірянъ. Попы всегда одинаковы. Поэтому-то я ничего не понимаю изъ того, что говорилъ мнѣ А..., и я всегда смотрѣла на его дѣла, какъ на сказки, или на нѣчто совсѣмъ особое. Между тѣмъ это было, какъ все въ Римѣ.

Нужно же мнѣ было напасть какъ разъ на жителя луны, древней луны, древняго Рима, — хочу я сказать, — на племянника кардинала.

Ба! это интересно для меня, такъ какъ я люблю необыкновенное. Это оригинально. Нѣтъ, все-таки все это... страшно — и Римъ, и римляне.

Вмѣсто того, чтобы удивляться, я лучше разскажу, что я знаю о Римѣ и римлянахъ; это гораздо удивительнѣе, чѣмъ мои удивленія и восклицанія.

Знаете, когда шесть лѣтъ тому назадъ, Піетро почти умиралъ, мать заставляла его ѣсть бумажныя полосы, на которыхъ было написано безъ счету: Марія, Марія, Марія. Это для того, чтобы Богородица исцѣлила его. Быть можетъ, поэтому онъ и былъ влюбленъ въ Марію... хотя очень земную. Кромѣ того, вмѣсто лѣкарствъ, его заставляли пить святую воду.

Но это еще ничего. Мало-по-малу я все вспомню, и тогда обнаружатся крайне любопытныя вещи.

Кардиналъ, напримѣръ, не добръ и когда ему сказали, что племянникъ его на исправленіи въ монастырѣ, онъ смѣялся, говоря, что это глупость, что двадцатитрехлѣтній человѣкъ не сдѣлается умнѣе, просидѣвъ восемь дней въ монастырѣ, что, если онъ покажется исправившимся, значитъ ему надо денегъ.

Пятница, 30 іюня. Мнѣ жаль стариковъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ дѣдушка совсѣмъ ослѣпъ; мнѣ такъ его жалко!

Сегодня я должна была свести его съ лѣстницы и накормить. Онъ совѣстится, вслѣдствіе особаго рода самолюбія, изъ желанія всегда казаться молодымъ, такъ что надо было обращаться съ нимъ съ большой деликатностью. Дѣйствительно, онъ принималъ мои услуги съ благодарностью, потому что я ихъ предлагаю съ безцеремонной, но нѣжной, настойчивостью, которой нельзя противиться.

Воскресенье, 2 іюля. О, какая жара! О, какая скука! Я не права, говоря — скука; нельзя скучать съ тѣми внутренними рессурсами, которые есть во мнѣ. Я не скучаю, потому что я читаю, пою, рисую, мечтаю, но я чувствую безпокойство и грусть.

Неужели моя бѣдная молодая жизнь ограничится столовой и домашними сплетнями? Женщина живетъ отъ шестнадцати до сорока лѣтъ. Я дрожу при мысли, что могу потерять хоть мѣсяцъ моей жизни.

Я имѣю понятіе обо всемъ, но изучила глубже только исто-

рію, литературу и физику, чтобы быть въ состояніи читать **все, все,** что интересно. А все интересное возбуждаетъ во мнѣ настоящую лихорадку.

Ни одной живой души, съ которой можно было бы обмѣняться словомъ. Одна семья не удовлетворяетъ шестнадцатилѣтнее существо, особенно же такое существо, какъ я.

Конечно, дѣдушка человѣкъ образованный, но старый, слѣпой и раздражающій со своимъ Трифономъ и постоянными жалобами на обѣдъ.

У мамы много ума, но мало образованія, никакого умѣнія жить, отсутствіе такта, да и умъ ея огрубѣлъ и заплѣснѣвѣлъ оттого, что она говоритъ только съ прислугой о моемъ здоровьѣ да о собакахъ.

Тетя немного болѣе образована, она даже импонируетъ тѣмъ, кто ее мало знаетъ.

Понедѣльникъ, 3 іюля. Amor *) decrescit ubique crescere non possit.

«Любовь уменьшается, когда не можетъ больше возрастать».

Поэтому-то, когда люди вполнѣ счастливы, они начинаютъ незамѣтно любить меньше и кончаютъ тѣмъ, что отдаляются другъ отъ друга.

Завтра я уѣзжаю. Не знаю, почему-то мнѣ жаль покидать Ниццу.

Я отобрала ноты, которыя увезу съ собой, нѣсколько книгъ: энциклопедію, одинъ томъ Платона, Данте, Аріоста, Шекспира, затѣмъ массу романовъ Бульвера, Коллинза и Диккенса.

Я наговорила грубостей тетѣ и ушла на террасу. Я оставалась въ саду до сумерокъ, которыя такъ хороши на морѣ — фономъ служитъ безконечность, и эта роскошная растительность, эти широколистныя деревья и для контраста бамбуки и пальмы. Фонтанъ, гротъ съ каплями воды, безпрерывно падающими съ уступа на уступъ, прежде чѣмъ попадутъ въ бассейнъ; все окружающее, густыя деревья придаютъ этому уголку уютность и таинственность, располагающія къ лѣни и мечтательности.

---

*) Я говорю amor, вмѣсто dolor, потому что это изреченіе можно примѣнить и къ тому, и къ другому.

Почему вода всегда располагаетъ къ мечтательности?

Я оставалась въ саду, глядя на вазу, въ которой распускается великолѣпная, розовая саппа, представляя себѣ, какъ красивы въ этомъ прелестномъ саду мое бѣлое платье и зеленый вѣнокъ.

Неужели у меня нѣтъ другой цѣли въ жизни, какъ только одѣваться съ такимъ искусствомъ, украшать себя зеленью и думать объ эффектѣ?

Откровенно говоря, я думаю, что если бы прочли, что я пишу, меня нашли бы скучной. Я еще такъ молода! Я такъ мало знаю жизнь!

Я не могу говорить такъ авторитетно и беззастѣнчиво, какъ писатели, имѣющіе непомѣрную претензію знать людей, диктовать законы и предписывать правила.

Я выдвинула ящикъ моего стола. А! вотъ чего мнѣ особенно жаль!.. Моего журнала... Это половина меня самой!

Погода такая чудная!

Какъ хорошо: наканунѣ моего отъѣзда чудесная блѣдная луна освѣщаетъ всѣ красоты моего города!

Невольно чувствуешь себя грустной въ такую ночь!

Я прошлась два раза по комнатѣ, мнѣ чего-то недоставало, хотя я не чувствовала себя несчастной, напротивъ. Я ничего не желаю, я всегда хотѣла бы чувствовать себя такъ спокойно и хорошо. Моя душа расширялась этимъ чувствомъ тихаго счастья, она, казалось, рвалась, наружу; я сѣла за рояль, и мои длинные, блѣдные пальцы стали блуждать по клавишамъ, но мнѣ недоставало чего-то, быть можетъ, кого-то...

Я ѣду въ Россію... Мнѣ бы хотѣлось наканунѣ дня, ожидаемаго съ такимъ нетерпѣніемъ, лечь пораньше, чтобы сократить время.

Меня тянетъ въ Римъ. Римъ такой городъ, который не сразу поддается пониманію. Сначала я видѣла въ Римѣ только Pincio и Corso. Я не понимала простой и полной воспоминаній красоты равнины, лишенной деревьевъ и домовъ. Одна волнообразная равнина, словно океанъ въ бурю, усѣянная тутъ и тамъ стадами овецъ, которыхъ стерегутъ пастухи, подобные тѣмъ, о которыхъ говоритъ Виргилій.

Вѣдь только наше безпутное сословіе претерпѣваетъ ты-

сячи измѣненій, а люди простые, люди природы, не мѣняются и сходны во всѣхъ странахъ.

Рядомъ съ этой огромной пустынной мѣстностью, изборожденной водопроводами, прямыя линіи которыхъ перерѣзываютъ горизонтъ, производя захватывающій эффектъ, видны прекраснѣйшіе памятники какъ варварства, такъ и всемірной цивилизаціи. Зачѣмъ говорить варварства? Развѣ потому только, что мы, современные пигмеи, съ нашей маленькой гордостью считаемъ себя цивилизованнѣе, благодаря тому, что родились послѣдними.

Никакое описаніе не можетъ дать полнаго понятія объ этой граціозной и великолѣпной странѣ, объ этой странѣ, солнца, красоты, ума, генія, искусства, объ этой странѣ, такъ низко упавшей и лишенной возможности подняться.

Оставить здѣсь мой дневникъ, вотъ истинное горе!

Этотъ бѣдный дневникъ, содержащій въ себѣ всѣ эти порывы къ свѣту, — всѣ эти порывы, къ которымъ отнесутся съ уваженіемъ, какъ къ порывамъ генія, если конецъ будетъ увѣнчанъ успѣхомъ, и которые назовутъ тщеславнымъ бредомъ заурядnаго существа, если я буду вѣчно коснѣть.

Выйти замужъ и имѣть дѣтей? Но это можетъ сдѣлать каждая прачка!

Но чего же я хочу? О! вы отлично знаете. Я хочу славы.

Мнѣ не дастъ ея этотъ дневникъ. Этотъ дневникъ будетъ напечатанъ только послѣ моей смерти; въ немъ я **слишкомъ обнажена**, чтобы показать его, пока я жива. Къ тому же онъ будетъ ничѣмъ инымъ, какъ дополненіемъ къ замѣчательной жизни. Жизнь, исполненная славы! Это безуміе — результатъ историческаго чтенія и слишкомъ живого воображенія.

Я не знаю въ совершенствѣ ни одного языка. Моимъ роднымъ языкомъ я владѣю хорошо только для домашняго обихода. Я уѣхала изъ Россіи десяти лѣтъ; я хорошо говорю поитальянски и по-англійски. Я думаю и пишу по-французски, а между тѣмъ, кажется, дѣлаю еще грамматическія ошибки. Часто мнѣ приходится искать словъ, и съ величайшей досадой я нахожу у какого-нибудь знаменитаго писателя мою мысль, выраженную легко и изящно!

Вотъ послушайте: «Путешествіе, что бы тамъ ни говорили, одно изъ печальнѣйшихъ удовольствій жизни; если вы чув-

ствуете себя хорошо въ какомъ-нибудь чужомъ городѣ, это значитъ, что вы начинаете создавать себѣ новое отечество».

Это говоритъ авторъ **Коринны.** А сколько разъ съ перомъ въ рукахъ, я выходила изъ себя, не умѣя выразить того, что хотѣла, и кончала тѣмъ, что разражалась восклицаніями въ родѣ слѣдующихъ: я ненавижу новые города; новыя лица для меня пытка!

Всѣ чувствуютъ одинаково; разница только въ выраженіи; всѣ люди созданы изъ одного матеріала, но какъ они отличаются чертами лица, ростомъ, цвѣтомъ лица, характеромъ!

Вотъ увидите, что на этихъ же дняхъ я прочту что-нибудь въ этомъ родѣ, но высказанное умно, увлекательно и красиво.

Что я такое? Ничто. Чѣмъ я хочу быть? Всѣмъ.

Дадимъ отдыхъ моему уму, утомленному этими порывами къ безконечному. Вернемся къ А...

Бѣдный Піетро! Моя будущая слава мѣшаетъ мнѣ думать о немъ серьезно. Мнѣ кажется, что она упрекаетъ меня за тѣ мысли, которыя я ему посвящаю.

Я сознаю, что Піетро только развлеченіе, музыка, чтобы **заглушить вопли моей души...** И все-таки я упрекаю себя за мысли о немъ, разъ онъ мнѣ не нуженъ! Онъ даже не можетъ быть первой ступенью той дивной лѣстницы, на верху которой находится удовлетворенное тщеславіе.

Парижъ, 4 іюля. Amor, ut lacryma, oculo oritur in pectus capit. Publius Syrus.

Среда, 5 іюля. Вчера въ два часа я уѣхала изъ Ниццы съ тетей и Амаліей (моей горничной). Шоколада, у котораго болятъ ноги, пришлютъ намъ только черезъ два дня.

Мама уже три дня оплакиваетъ мое будущее отсутствіе, поэтому я очень нѣжна и кротка съ ней.

Любовь къ мужу, къ возлюбленному, къ другу, къ ребенку исчезаетъ и возобновляется, ибо каждаго изъ нихъ можно имѣть **дважды.**

Но мать только одна и мать единственное существо, которому можно довѣриться вполнѣ, любовь котораго безкорыстна, предана и вѣчна. Я почувствовала это, можетъ быть, въ первый разъ при прощаніи. И какъ мнѣ кажется смѣшна лю-

бовь къ Г..., Л... и А...! И какъ они всѣ мнѣ кажутся ничтожны!

Дѣдушка растрогался до слезъ. Впрочемъ, всегда есть что-то особенное въ прощаніи старика; онъ благословилъ меня и далъ мнѣ образъ Божіей Матери.

Мама и Дина провожали насъ на станцію.

По обыкновенію я старалась казаться какъ можно веселѣе; но все-таки я была очень огорчена.

Мама не плакала, но я чувствовала, что она несчастна, и у меня явился цѣлый рядъ упрековъ самой себѣ за то, что я уѣзжаю и что часто я была жестока по отношенію къ ней. Но, думала я, глядя на нее изъ окна нашего вагона, я была жестока не отъ злости, а отъ горя и отчаянія; теперь же я уѣзжаю, чтобы измѣнить нашу жизнь.

Когда поѣздъ тронулся, я почувствовала, что глаза мои полны слезъ. И я невольно сравнивала этотъ отъѣздъ съ моимъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Рима.

Оттого ли это было такъ, что мое чувство было слабѣе, и я не чувствовала, что оставляю за собою горе столь же великое, какъ горе матери?

Я начала читать **Коринну**. Это описаніе Италіи имѣетъ совершенно особую прелесть для меня. Съ какимъ счастьемъ, читая, я видѣла снова Римъ!.. мой чудный Римъ со всѣми его сокровищами!

Я признаюсь совершенно просто, что не сразу поняла Римъ. Самое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня Колизей, и, если бы я умѣла писать то, что думаю, я бы написала массу прекрасныхъ вещей, которыя пришли мнѣ въ голову въ то время, какъ я молча стояла въ ложѣ весталокъ противъ ложи цезарей.

Въ половинѣ второго мы пріѣхали въ Парижъ и, надо сознаться, что если Парижъ не самый красивый, то, по крайней мѣрѣ, самый изящный и умный изъ городовъ. Развѣ нѣтъ и у него тоже своей исторіи величія, паденія, революціи, славы и террора? О! да, но все блѣднѣетъ передъ Римомъ, такъ какъ изъ Рима произошли всѣ остальныя державы.

Римъ поглотилъ Грецію, родину цивилизаціи, искусствъ, героевъ и поэтовъ. Все, что съ тѣхъ поръ было построено, изваяно, продумано —развѣ все это не подражаніе древнимъ?

У насъ новое—только средніе вѣка. А почему? Почему

міръ такъ обветшалъ? Развѣ умъ человѣческій далъ уже все, что онъ могъ дать?

Понедѣльникъ, 10 іюля. Легко разсуждать и писать романы, но могущество и блескъ (эти ничтожныя сокровища сего міра) образуютъ какъ бы ореолъ около того, что мы любимъ и заставляютъ почти любить **то, чего мы не любимъ.**

Такъ же вѣрно и ясно, несмотря на возраженія чувствительныхъ душъ, и то, что даже самые умные люди поддавались вліянію призрачныхъ благъ.

Но отложимъ все это въ сторону и взглянемъ на дѣло съ точки зрѣнія сердца.

Не правда ли, ужасно быть въ разлукѣ по нелѣпой причинѣ, страдать отъ сомнѣній, разлуки, печали, изъ-за денегъ?.. Я презираю деньги, но знаю, что онѣ необходимы.

Когда человѣкъ счастливъ матеріально, то умъ и сердце свободны, и тогда можно любить безъ расчета, безъ заднихъ мыслей, безъ подлостей.

Почему столько женщинъ любили королей?

Потому что король есть воплощеніе могущества, потому что женщина любитъ властвовать, но ей нужно опираться на что-нибудь сильное, какъ нѣжному, хрупкому растенію, нужно прислониться къ дереву.

Не приписывайте моего поведенія ужаснымъ расчетамъ. Я не потому люблю человѣка, что онъ богатъ, но потому, что онъ свободенъ, воленъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Я хочу богатства, чтобы не думать болѣе о силѣ, не подчиняться этой грубой, но несомнѣнной, неизбѣжной силѣ.

Я хотѣла продолжать, но все, что я могу сказать, сводится всегда къ слѣдующему: полное нравственное счастье можетъ существовать только тогда, когда матеріальная сторона удовлетворена и не заставляетъ заботиться о себѣ, на подобіе пустого желудка.

Когда любовь достигаетъ высшей степени, страсть торжествуетъ надъ всѣмъ, но только на мгновеніе; и настолько сильнѣе чувствуется потомъ все то о чемъ я говорила!

Все, что я говорю, я не вычитала изъ книгъ и не испытала сама, но пусть всѣ тѣ, которые пожили, кому не шестнадцать лѣтъ, какъ мнѣ, отложатъ въ сторону ложный стыдъ, который испытываютъ, признаваясь въ такихъ вещахъ, и пусть признаются: скажутъ ли они, что мои слова неправда?

Если кто-нибудь довольствуется малымъ, то только потому, что не видитъ дальше того, что имѣетъ.

Четвергъ, 13 іюля. Вечеромъ мы были у графини М. Она говорила со мной о замужествѣ.

— О, нѣтъ! — отвѣчала я,—я не хочу; я хочу сдѣлаться пѣвицей!.. Знаете, милая графиня, надо сдѣлать вотъ что: я одѣнусь бѣдной дѣвушкой, а вы съ тетей отвезите меня къ лучшему профессору пѣнія здѣсь, въ Парижѣ, какъ итальяночку, которой вы покровительствуете и которая подаетъ надежды сдѣлаться пѣвицей.

— О! о!

— Потому что, — продолжала я спокойно, — это единственное средство узнать правду о моемъ голосѣ. У меня есть одно прошлогоднее платье, которое произведетъ такой эффектъ! — договорила я то подбирая, то вытягивая тубы.

— Въ самомъ дѣлѣ, конечно, вотъ прекрасная мысль!

Боже мой! Какая мысль тревожитъ меня? Парижъ, да, Парижъ! Центръ ума, славы! центръ всего, Парижъ! свѣтъ и тщеславіе! Голова кружится.

Боже мой! Дай мнѣ такую жизнь, какой я хочу, или пошли мнѣ смерть...

Пятница, 14 іюля. Съ утра я тщательно оберегаю свою особу, ни разу не кашляю громко, не двигаюсь, умираю отъ жары и жажды, но не пью.

Только въ часъ я выпила чашку кофе и съѣла яйцо, но такое соленое, что скорѣе это была соль съ яйцомъ, чѣмъ яйцо съ солью.

Я увѣрена, что соль полезна для гортани.

Наконецъ, мы отравляемся, заѣзжаемъ за графиней и подъѣзжаемъ къ № 37, Chausse d' Antin, къ Вартелю, первому парижскому профессору.

Графиня М. была у него и говорила объ одной молодой дѣвушкѣ, которую особенно рекомендовали въ Италіи, и о которой родители хотѣли знать, чего можно ожидать въ будущемъ отъ ея голоса.

Вартель отвѣчалъ, что будетъ ждать ее завтра и только съ большимъ трудомъ достигли того, чтобы онъ назначилъ это свиданіе въ четыре часа.

Насъ ввели въ небольшую залу, примыкавшую къ той, гдѣ находился учитель, въ это время дававшій урокъ.

— Вѣдь въ четыре часа, — сказалъ какой-то молодой человѣкъ, входя.

— Da, monsieur, но вы позволите этой молодой дѣвушкѣ послушать?

— Конечно.

Въ продолженіе часа слушали мы пѣніе англичанки; голосъ гадкій, но метода! Я никогда не слыхала, чтобы такъ пѣли.

Стѣны той комнаты, гдѣ мы сидѣли, увѣшаны портретами извѣстнѣйшихъ артистовъ съ самыми сердечными посвященіями.

Наконецъ, бьетъ четыре часа, англичанка уходитъ; я чувствую, что дрожу и теряю силы.

Вартель дѣлаетъ мнѣ знакъ, означающій: войдите! Я не понимаю.

— Войдите же, — говоритъ онъ, — войдите!

Я вхожу въ сопровожденіи моихъ двухъ покровительницъ, которыхъ я прошу вернуться въ маленькій залъ, потому что онѣ меня стѣсняютъ, и дѣйствительно мнѣ очень страшно.

Вартель очень старъ, но аккомпаніаторъ довольно молодъ.

— Вы читаете ноты?

— Да.

— Что вы умѣете пѣть?

— Ничего, но я спою гамму или сольфеджіо.

— Попробуйте сольфеджіо, M-r Chose. Какой у васъ голосъ, сопрано?

— Нѣтъ, контральто.

— Посмотримъ.

Вартель, который не встаетъ съ кресла, сдѣлалъ знакъ начать. Я начала сольфеджіо, сначала дрожа, потомъ съ досадой и довольная собой въ концѣ. Я не сводила глазъ съ длинной фигуры учителя. Это удивительно.

— Ну, — сказалъ онъ, — у васъ скорѣе меццо-сопрано. Это голосъ, который будетъ увеличиваться.

— Что же вы скажете? — спросили обѣ дамы, входя.

— Я скажу, что голосъ есть, но вы знаете, надо много работать. Это голосъ совсѣмъ молодой, онъ будетъ расти, на-

конецъ, онъ будетъ слѣдовать за развитіемъ молодой дѣвушки. Есть матеріалъ, есть органъ, надо работать.

— Такъ что вы думаете, что это стоитъ труда?

— Да, да, надо работать. О, да, надо работать!

— Я дурно спѣла сказала я наконецъ, — я такъ боялась!

— Ахъ! барышня, нужно привыкнуть, нужно превозмочь этотъ страхъ, онъ былъ бы совершенно неумѣстенъ на сценѣ!

(Но я была въ восторгѣ уже отъ того, что онъ сказалъ, потому что то, что онъ сказалъ, страшно много для бѣдной дѣвушки, которая не доставитъ ему никакой выгоды. Привыкнувъ къ лести, я приняла было этотъ холодный разсудительный тонъ за холодность, но скоро поняла, что въ сущности онъ остался доволенъ).

Онъ продолжалъ:

— Нужно работать, у васъ есть данныя... Это уже страшно много!

Между тѣмъ аккомпаніаторъ мѣрилъ меня взглядомъ съ ногъ до головы, тщательно осматривая мою талію, плечи, руки, фигуру. Я опустила глаза, прося провожавшихъ меня дамъ выйти.

Вартель сидѣлъ, я стояла передъ его кресломъ.

— Вы брали уроки?

— Никогда... то есть только десять уроковъ.

— Да. Словомъ, нужно работать. Не можетели-ли спѣть какой-нибудь романсъ?

— Я знаю одну неаполитанскую пѣсню, но у меня здѣсь нѣтъ нотъ.

— Арію Миньоны!—закричала тетя изъ другой комнаты.

— Отлично, спойте арію Миньоны.

— По мѣрѣ того, какъ я пѣла, лицо Вартеля, выражавшее сначала только вниманіе, стало выражать нѣкоторое удивленіе, потомъ прямо изумленіе и, наконецъ, онъ дошелъ до того, что сталъ качать въ тактъ головой, пріятно улыбаться и подпѣвать.

— Гм... — произнесъ аккомпаніаторъ.

— Да, да, — отвѣчалъ профессоръ наклоненіемъ головы.

Я пѣла въ большомъ возбужденіи.

— Держитесь на мѣстѣ, не шевелитесь, ну, отдохните!

— Ну, что же? — спросили мы всѣ три заразъ.

— Что-жъ! Хорошо! Заставьте-ка ее сдѣлать... (А, чортъ, я забыла слово, которое онъ сказалъ!)

Аккомпаніаторъ заставилъ меня сдѣлать... ну, все равно, какое слово; онъ заставилъ меня взять одну за другой всѣ мои ноты.

— До *si naturel*, — сказалъ онъ старичку.

— Да. Это меццо-сопрано; что-жъ, это еще лучше, гораздо выгоднѣе для сцены.

Я продолжала стоять передъ нимъ.

— Сядьте, барышня! — сказалъ аккомпаніаторъ, снова осматривая меня съ головы до ногъ.

Я присѣла на край дивана.

— Что-жъ, барышня, — сказалъ строгій Вартель, — надо работать, вы добьетесь.

Онъ говорилъ мнѣ еще много разныхъ вещей относительно театра, пѣнія, уроковъ, — все это со своимъ невозмутимымъ видомъ!

— Сколько времени потребуется, чтобы сформировать ея голосъ? — спросила графиня.

— Вы понимаете, сударыня, что это, смотря по ученицѣ; для нѣкоторыхъ нужно очень немного времени; это зависитъ отъ ея понятливости.

— Ну, у этой ея болѣе чѣмъ достаточно.

— А! Тѣмъ лучше. Въ такомъ случаѣ это легче.

— Ну, сколько именно времени?

— Чтобы вполнѣ сформироваться, чтобъ ее закончить,— нужно добрыхъ три года... да, добрыхъ три года работать, добрыхъ три года...

Я молчала, обдумывая, какъ бы отомстить негодному аккомпаніатору, выраженіе котораго говорило: «хорошо сложена и миленькая! Это будетъ занимательно!»

Сказавъ еще нѣсколько словъ, мы поднялись. Вартель, не вставая съ мѣста, снисходительно протянулъ мнѣ руку. Я искусала себѣ всѣ губы.

Какъ только мы вышли, я попросила тетю вернуться и разсказать ему, кто мы такія.

Мы снова вошли въ комнату, отъ души смѣясь. Тетя протянула свою карточку. Я объяснила строгому маэстро весь этотъ фарсъ.

Но что за мину состроилъ аккомпаніаторъ! Я никогда этого не забуду! Я была отомщена.

— Если бы вы поговорили еще нѣсколько времени, я призналъ бы васъ за русскую, — сказалъ Вартель.

— Еще бы! И однако, развѣ я не говорила!

Тетя и графиня М. объяснили ему мое желаніе узнать истину изъ его знаменитыхъ устъ.

— Я уже сказалъ вамъ, сударыня! голосъ есть; нужно только, чтобы былъ талантъ.

— Онъ будетъ! Онъ есть у меня: вы сами увидите это.

Я была такъ довольна, что согласилась идти пѣшкомъ до Grand Hôtel.

— Все равно, моя милость, — сказала графиня, — я изъ другой комнаты наблюдала за лицомъ профессора, и когда вы пѣли Миньону, онъ былъ просто изумленъ. Вѣдь онъ самъ подпѣвалъ, и это со стороны такого-то человѣка! И по отношенію къ маленькой итальянкѣ, которую онъ судилъ съ величайшей строгостью!..

Мы обѣдали вмѣстѣ. Я была очень довольна и высказалась вся, какъ есть, со всѣми своими странностями, причудами, со всѣми своими надеждами.

Послѣ обѣда мы долго оставались на балконѣ, наслаждаясь свѣжестью воздуха и зрѣлищемъ проходящихъ по двору взадъ и впередъ путешественниковъ.

Итакъ, я буду учиться съ Вартелемъ. А Римъ? Надо это обдумать...

Уже поздно, я скажу это завтра.

Вторникъ, 18 іюля. Сегодня я видѣла такъ много необык- К., княгини S., во мнѣ просыпаются всѣ мои дурные инстинкты, т. е. зависть. Она хороша, но это красота горничной, одѣтой въ причудливый костюмъ, красота женщины, предназначенной обувать и обмахивать другихъ большимъ вѣеромъ.

А между тѣмъ она королева, королева въ моментъ, неоцѣненный для честолюбивыхъ. Конечно, ея роль отмѣчена исторіей.

А я!!!

Вторникъ, 18 іюля. Сегодня я видѣла такъ много необыкновеннаго. Мы посѣтили знаменитаго сомнамбулиста Alexis. Онъ консультируетъ почти исключительно о здоровьи.

Насъ ввели въ полуосвѣщенную комнату, и такъ какъ графиня М. сказала, что мы пришли спросить не о здоровьѣ, то докторъ вышелъ, оставивъ насъ однихъ со спящимъ человѣкомъ.

То, что передо мною былъ мужчина и особенно отсутствіе всякаго **внѣшняго** шарлатанства, возбудило во мнѣ недовѣрчивость.

— Дѣло не касается вопроса о здоровьѣ, — сказала графиня, кладя мою руку въ руку Alexis.

— А! — сказалъ онъ съ полузакрытыми и стеклянными, какъ у мертвеца, глазами. — Въ ожиданіи чего другого, ваша маленькая пріятельница очень больна.

— О, — вскрикнула я испуганно и хотѣла просить его не говорить о моей болѣзни, боясь услышать что-нибудь ужасное. Но прежде чѣмъ я успѣла это сдѣлать, онъ мнѣ назвалъ мою болѣзнь — воспаленіе гортани, нѣчто хроническое: воспаленіе гортани, при очень сильныхъ легкихъ, что меня и спасло.

— Легкія были прекрасны, — сказалъ Alexis съ сожалѣніемъ, — теперь они попорчены; вамъ надо беречься.

Надо было бы записывать, такъ какъ я не запомнила всего сказаннаго о бронхахъ и гортани; для этого я вернусь завтра.

— Я пришла, — сказала я,—спросить васъ объ этой личности.

И я вручила ему запечатанный конвертъ съ фотографіей кардинала.

Но прежде чѣмъ разсказывать всѣ эти необыкновенныя вещи, надо замѣтить, что съ внѣшней стороны не было ничего, могущаго указывать на то, что я интересуюсь кардиналомъ. Я никому не говорила объ этомъ. Да и зачѣмъ бы, казалось, молодой, изящной русской дѣвушкѣ идти къ сомнамбулисту говорить о папѣ, кардиналѣ, о дьяволѣ?

Alexis держался за лобъ и соображалъ; я теряла терпѣніе.

— Я его вижу, — сказалъ онъ наконецъ.

— Гдѣ онъ?

— Въ большомъ городѣ, въ Италіи; онъ во дворцѣ; окруженъ очень многими; это человѣкъ молодой... Нѣтъ, меня обмануло его выразительное лицо. Онъ сѣдой... онъ въ формѣ... ему за шестьдесятъ...

Я, слушавшая до сихъ поръ съ возростающей жадностью, была непріятно поражена.

— Въ какой формѣ? — спросила я, это странно: онъ не военный.

— Разумѣется, нѣтъ!

— Нѣтъ, тогда какая же на немъ форма?

— Странная; не нашей страны... это...

— Это?

— Это священническая одежда... Подождите... Онъ занимаетъ очень высокій постъ, онъ управляетъ другими, онъ епископъ... нѣтъ! онъ кардиналъ.

Я вскочила и сбросила мои калоши на другой конецъ комнаты. Графиня умирала со смѣху, глядя на мое волненіе.

— Кардиналъ? — повторила я.

— Да.

— О чемъ онъ думаетъ?

— Онъ думаетъ объ очень важномъ дѣлѣ, онъ очень занятъ имъ!

Медлительность Alexis'a и трудность, съ которой онъ произносилъ слова, раздражали меня.

— Дальше, посмотрите съ кѣмъ онъ? Что онъ говоритъ?

— Онъ съ двумя молодыми людьми... военными, два молодыхъ человѣка, которыхъ онъ видитъ часто, они придворные.

Я всегда видѣла на субботнихъ аудиенціяхъ двухъ военныхъ, довольно молодыхъ, которые находились въ папской свитѣ.

— Онъ съ ними говоритъ, — продолжалъ Alexis, говоритъ на иностранномъ языкѣ... на итальянскомъ!

— На итальянскомъ?

— Э, да онъ очень образованъ, этотъ кардиналъ, онъ знаетъ почти всѣ европейскіе языки.

— Видите вы его въ эту минуту?

— Да, да. Тѣ, которые его окружаютъ, тоже духовные. Одинъ изъ нихъ очень высокій, худой, въ очкахъ, приближается и тихо говоритъ съ нимъ; онъ видитъ только вблизи, онъ долженъ подносить предметы къ самымъ почти глазамъ, чтобы видѣть... — А, чортъ! это портретъ того, имя котораго я постоянно забываю; онъ очень извѣстенъ въ Римѣ, — это тотъ, который говорилъ обо мнѣ на обѣдѣ въ виллѣ Matei.

— Чѣмъ занятъ кардиналъ,—спросила я, — что онъ намѣренъ дѣлать, кого онъ видѣлъ въ послѣднее время?

— Вчера!.. вчера у него было большое собраніе... люди, имѣющіе отношеніе къ церкви... всѣ! Да, обсуждали важный вопросъ, очень важный, вчера, въ понедѣльникъ. Онъ очень безпокоится, такъ какъ дѣло идетъ о...

— О чемъ?

— Говорили, стараются, хотятъ...

— Чего? смотрите же!

— Хотятъ его сдѣлать... папой!

— Ого!!!

Тонъ, которымъ это было сказано, удивленіе сомнамбулиста и слова сами по себѣ дали мнѣ какъ бы электрическій толчокъ; я не чувствовала ничего подъ ногами, я сбросила шляпу, растрепала волосы, вытащивъ шпильки и бросивъ ихъ на средину комнаты.

— Папой! — воскликнула я.

— Да, папой, — повторилъ Alexis, — но есть большія препятствія. У него шансовъ для этого меньше, чѣмъ у другого.

— Но онъ будетъ папой?

— Я не читаю въ будущемъ.

— Но попробуйте, вы можете, ну...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не вижу будущаго! я его не вижу.

— Но кто этотъ кардиналъ, какъ его имя? Не можете-ли вы видѣть изъ окружающаго, изъ того, что ему говорятъ?

— А... Постойте. А! — сказалъ онъ, я держу его изображеніе... и, — прибавилъ онъ съ неожиданной живостью, — вы такъ волнуетесь, что страшно утомляете меня; ваши нервы даютъ толчки моимъ; будьте спокойнѣе.

— Да, но вѣдь вы говорите вещи, которыя заставляютъ меня просто подпрыгивать. Итакъ, имя этого кардинала?

Онъ началъ сжимать голову и ощупывать конвертъ (который былъ сѣрый, двойной и очень толстый).

— Антонелли!

— Мнѣ больше нечего было сбрасывать; я откинулась въ креслѣ.

— Думаетъ онъ обо мнѣ?

— Мало... и дурно. Онъ противъ васъ... Существуетъ какое-то недовольство... политическіе мотивы...

— Политическіе мотивы?

— Да.

— Но онъ будетъ папой?

— Этого я не знаю. Французская партія будетъ разбита, то-есть французскій кандидатъ имѣетъ такъ мало шансовъ, онъ почти ихъ не имѣетъ... его партія соединяется съ партіей Антонелли, или съ партіей другого итальянца.

— Съ которой изъ двухъ? Которая восторжествуетъ?

— Я буду въ состояніи сказать это только тогда, когда они будутъ уже дѣйствовать, но многіе противъ А... это другой...

— А они скоро начнутъ дѣйствовать?

— Этого нельзя знать: папа еще есть, нельзя же убивать папу! Папа долженъ жить...

— А Антонелли долго проживетъ?

Alexis покачалъ головой.

— Значитъ, онъ очень боленъ?

— О, да!

— Что съ нимъ?

— У него болятъ ноги, у него подагра, и вчера... нѣтъ третьяго дня у него былъ страшный припадокъ. У него разложеніе крови; я не могу говорить этого дамѣ.

— Да это и не нужно.

— Не волнуйтесь, — сказалъ онъ. — Вы меня утомляете. Думайте спокойнѣе, я не могу слѣдить за вами...

Его рука дрожала и заставляла дрожать меня всѣмъ тѣломъ; я отпустила его руку и успокоилась.

— Возьмите это, — сказала я ему, подавая письмо Піетро, запечатанное въ конвертъ, совершенно подобный предыдущему.

Онъ взялъ его и точно такъ же, какъ предыдущій, прижалъ къ сердцу и ко лбу.

— Эге, сказалъ онъ, — этотъ моложе, онъ очень молодъ. Это письмо написано уже нѣсколько времени тому назадъ; оно написано въ Римѣ и съ тѣхъ поръ эта личность уже уѣхала оттуда. Она все еще въ Италіи... но не въ Римѣ... Тамъ есть море... Этотъ человѣкъ въ деревнѣ. О, конечно, онъ переселился со вчерашняго дня, не болѣе сутокъ... Но этотъ этотъ человѣкъ имѣетъ какое-то отношеніе къ папѣ, я его вижу

сзади папы... Онъ связанъ съ Антонелли; между ними близкое родство.

— Но каковъ его характеръ, каковы его наклонности, мысли?

— Это странный хракатеръ... замкнутый, мрачный, честолюбивый... Онъ думаетъ о васъ постоянно... но болѣе всего онъ хочетъ достигнуть своей цѣли... Онъ честолюбивъ.

— Онъ меня любитъ?

— Очень; но это странная натура, несчастная. Онъ честолюбивъ.

— Но тогда онъ меня не любитъ?

— Нѣтъ, онъ васъ любитъ, но у него любовь и честолюбіе идутъ рука объ руку. **Вы ему нужны.**

— Опишите мнѣ его подробнѣе съ нравственной стороны.

— Онъ противоположность вамъ, — сказалъ Alexis, улыбаясь, — хотя такой же нервный.

— Видаетъ онъ кардинала?

— Нѣтъ, они не ладятъ; кардиналъ давно уже противъ него изъ-за политическихъ мотивовъ.

— Я вспомнила, что Pietro мнѣ говорилъ всегда: «Дядя не сталъ бы сердиться на меня за клубъ или за волонтаріатъ; что ему до всего этого? это онъ изъ-за **политики.**

— Но онъ его близкій родственникъ, — продолжалъ Alexis. — Кардиналъ имъ недоволенъ.

— Въ послѣднее время они не видѣлись?

— Подождите! Вы думаете о слишкомъ многихъ вещахъ; эти вопросы трудны, я смѣшиваю этотъ листокъ съ **другимъ!** Они были въ одномъ конвертѣ.

Это вѣрно; вчера они были въ одномъ конвертѣ.

— Смотрите же, постарайтесь увидѣть.

— Я вижу! Они видѣлись два дня тому назадъ, но они были не одни: я его вижу съ дамой.

— Молодой?

— Молодой, его матерью.

— О чемъ они говорили?

— Ни о чемъ ясно; что-то стѣснило ихъ... Сказали лишь нѣсколько неопредѣленныхъ словъ, почти ничего, объ этомъ бракѣ.

— О какомъ бракѣ?

— О бракѣ съ вами.

— Кто говорилъ объ этомъ?

Они. Антонелли не говорилъ, онъ предоставлялъ имъ говорить. Онъ противъ этого брака, особенно съ самаго начала. Теперь онъ смотритъ на это лучше и нѣсколько лучше переноситъ эту мысль.

— А каковы мысли молодого?

— Онѣ уже установились; онъ хочетъ жениться на васъ... но Антонелли этого не хочетъ. Съ очень недавняго времени онъ все-таки менѣе враждебенъ.

Графиня М. очень смущала меня, но я храбро продолжала, хотя мое радостное настроеніе совершенно исчезло.

— Если этотъ человѣкъ думаетъ только о своей цѣли, то онъ не думаетъ обо мнѣ.

— О! но я же вамъ говорю, что **для него** вы и честолюбіе составляете одно и то же.

— Значитъ онъ меня любитъ?

— О! очень.

— Съ какихъ поръ?

— Вы слишкомъ волнуетесь, вы меня утомляете, вы задаете мнѣ слишкомъ трудные вопросы... я не вижу.

— Ну... постарайтесь!

— Я не вижу... давно! нѣтъ, я не вижу.

— Какое отношеніе онъ имѣетъ къ Антонелли?

— Близкій родственникъ.

— А Антонелли имѣетъ свои виды на этого молодого человѣка?

— О, да, но они разъединены политикой, хотя теперь все обстоитъ лучше.

— Вы говорите, что Антонелли противъ меня?

— Очень. Онъ не хочетъ этого брака изъ-за религіи... Но онъ начинаетъ смягчаться... о, очень мало... все это зависитъ отъ политики. Я же вамъ говорю, что Антонелли и этотъ молодой человѣкъ нѣсколько времени тому назадъ были совершенно разъединены. Антонелли былъ безусловно противъ него...

Итакъ, что скажете вы обо всемъ этомъ? Вы, считающіе всѣ эти вещи шарлатанствомъ? Если это и шарлатанство, то оно даетъ удивительные результаты!

Я записала все совершенно точно; быть можетъ, я что-нибудь пропустила, но ничего не прибавила. Развѣ это не удивительно, развѣ это не странно?

Тетя разыграла невѣрующую, такъ какъ она ужасно разсердилась на кардинала; она начала противъ Alexis цѣлый рядъ фразъ, безъ цѣли и смысла, которыя страшно раздражали меня, такъ какъ я знала, что она не думаетъ ничего изъ того, что говоритъ.

Насколько вчера мое настроеніе было **повышено,** на столько же оно **понизилось** сегодня.

Суббота, 22 іюля. Я больше не думаю о Піетро, онъ недостоенъ этого, и, славу Богу, я не люблю его.

До третьяго дня я каждый вечеръ просила Бога, чтобы Онъ сохранилъ мнѣ его и далъ возможность одержать побѣду. Я больше не молюсь объ этомъ. Но Богъ знаетъ, какъ я желала бы отомстить, хотя не смѣю просить на это Его помощи.

Месть, конечно, чувство не христіанское, но оно благородно; предоставимъ мелкимъ людямъ забвеніе оскорбленій. Да, впрочемъ, это возможно только тогда, когда ничего другого не остается дѣлать.

Воскресенье, 23 іюля. Римъ... Парижъ... Сцена, пѣніе... живопись! Нѣтъ, нѣтъ. Прежде всего — Россія! Это самое главное. Итакъ, разсуждая благоразумно, будемъ благоразумны и на дѣлѣ. Не позволимъ сбить насъ съ пути блуждающимъ огнямъ воображенія.

Прежде всего Россія! Только бы Богъ помогъ мнѣ.

Я написала мамѣ. Я отдѣлалась отъ любви и ушла по уши въ дѣла. О, только бы Богъ помогъ мнѣ, и все пойдетъ хорошо.

Да будетъ моей заступницей Святая Дѣва Марія!

Четвергъ, 27 іюля. Наконецъ, вчера въ 7 часовъ утра мы выѣхали изъ Парижа. Во время путешествія я занималась преподаваніемъ исторіи Шоколаду, и разбойникъ, благодаря этому, уже имѣетъ нѣкоторое понятіе о древнихъ грекахъ, о Римѣ во время царей, республикѣ и, наконецъ, имперіи, и изъ исторіи Франціи — начиная съ «короля, котораго свергли съ престола». Я объяснила ему сущность различныхъ теперешнихъ исторій, и Шоколадъ находится au courant всего; онъ даже знаетъ, что такое депутатъ. Я ему разсказывала, а затѣмъ спрашивала его.

Кончивъ, я спросила его, къ какой партіи примкнулъ бы онъ, и этотъ разбойникъ отвѣчалъ мнѣ:

«Я бонапартистъ!»

Вотъ какъ онъ разсказываетъ все то, чему я его научила: послѣднимъ королемъ былъ Людовикъ XVI, который былъ очень добръ, но республиканцы — люди, ищущіе денегъ и почестей, казнили какъ его, такъ и жену его Марію-Антуанету и учредили республику. Франція была въ это время очень ничтожна; а на островѣ Корсикѣ родился, между тѣмъ, человѣкъ, Наполеонъ Бонапартъ, который былъ такъ уменъ и храбръ, что его избрали сначала полковникомъ, потомъ генераломъ. Онъ покорилъ весь міръ и французы очень любили его. Но, отправляясь въ походъ на Россію, онъ забылъ взять шубы для своихъ солдатъ, и они очень страдали отъ холода; русскіе же сожгли Москву. Тогда Наполеонъ, бывшій въ это время уже императоромъ, возвратился во Францію; но такъ какъ онъ былъ несчастливъ, а французы, которые любятъ только тѣхъ, кому благопріятствуетъ счастье, больше не любили его, то и всѣ остальные государи, чтобы отомстить ему, принудили его сложить съ себя власть. Тогда онъ отправился на островъ Эльбу; потомъ на сто дней онъ возвратился было въ Парижъ, но его опять заставили спасаться бѣгствомъ. Увидѣвъ одно англійское судно, онъ сталъ умолять экипажъ его о спасеніи, но едва онъ взошелъ туда, его объявили плѣнникомъ и отвезли на островъ св. Елены, гдѣ онъ и умеръ.

Увѣряю васъ, что Шоколадъ былъ во многомъ правъ.

Наконецъ, сегодня утромъ мы прибыли въ Берлинъ. Городъ произвелъ на меня въ общемъ впечатлѣніе пріятное. Дома очень красивы.

Не могу написать сегодня ни слова толкомъ; дорога ужасно утомляетъ.

«Два чувства свойственны натурамъ гордымъ и любящимъ: величайшая чуткость къ мнѣнію о нихъ и величайшая горечь, когда мнѣніе это несправедливо».

Пятница, 28 іюля. Берлинъ напоминаетъ мнѣ Флоренцію... Позвольте — онъ напоминаетъ мнѣ Флоренцію, потому что я опять съ тетей и веду тотъ же образъ жизни.

Прежде всего мы осмотрѣли музей. Ничего подобнаго я не ожидала встрѣтить въ Пруссіи — можетъ быть по невѣжеству, можетъ быть по предубѣжденію.

По обыкновенію, статуи удержали меня всего дольше, и мнѣ кажется, что я обладаю какой-то особенной, большей, чѣмъ у другихъ людей, чуткостью въ отношеніи **пониманія** статуй.

Въ большой залѣ находится одна статуя, которую я приняла за Аталанту, вслѣдствіе пары сандалій, которыя могли бы выражать здѣсь главную идею; но надпись гласитъ, что это Психея. Все равно, Психея или Аталанта, — это замѣчательная фигура по красотѣ и естественности.

Осмотрѣвъ греческіе гипсы, мы прошли далѣе. Глаза и голова моя уже устали, и я узнала египетскій отдѣлъ только по его сжатымъ и бѣглымъ линіямъ, напоминающимъ круги, произведенные на водѣ паденіемъ какого-нибудь предмета.

Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ быть гдѣ-нибудь съ человѣкомъ, которому скучно то, что для васъ интересно. Тетя скучала, торопилась, ворчала. Правда, что мы проходили тамъ два часа!.. Что очень интересно, такъ это историческій музей: миніатюръ, статуй, древнихъ гравюръ и миніатюрныхъ портретовъ. Я обожаю это. Я обожаю эти портреты и, глядя на нихъ, фантазія моя дѣлаетъ невѣроятныя путешествія, создаетъ различныя приключенія, драмы...

Но довольно...

Затѣмъ картины.

Мы достигли времени, предназначеннаго для крайняго усовершенствованія живописи, — идеала искусства. Начали съ жесткихъ линій, съ красокъ слишкомъ яркихъ, не сливающихся между собой, потомъ перешли къ мягкости, доходящей до неясности очертаній. Полнаго подражанія природѣ, вполнѣ

вѣрнаго снимка съ нее, — что бы тамъ ни говорили и ни писали, — еще не было.

Закроемъ глаза на все, что было между самой примитивной и современной *) манерой въ живописи и сосредоточимъ на нихъ все вниманіе.

Жестокость, ослѣпительныя краски, рѣзко проведенныя линіи — вотъ въ чемъ состоитъ первая.

Мягкость, краски, настолько сплывающіяся между собой, что рисунокъ проигрываетъ въ рельефности, какое-то избѣганіе линій — вотъ вторая.

Теперь нужно было бы, такъ сказать, взять концомъ кисти слишкомъ яркія краски древнихъ картинъ и перенести ихъ на безжизненныя современныя. Тогда было бы совершенство.

Есть еще родъ живописи, еще совершенно новый, состоящій въ томъ, что пишутъ картины «пятнами». Но это ужасно, хотя такимъ образомъ и достигается нѣкоторый эффектъ.

Въ картинахъ новыхъ мастеровъ значеніе обстановки обыденныхъ предметовъ, какъ то: мебели, домовъ, церквей, — недостаточно оцѣнено. Пренебрегаютъ точностью въ передачѣ обстановки и такимъ образомъ производятъ какую-то **сбивчивость** линій; слишкомъ злоупотребляютъ ретушевкой (тогда какъ можно было бы пользоваться ею, не возводя этого въ обыкновеніе); такимъ образомъ фигуры выдѣляются недостаточно рѣзко и кажутся такими же мертвенными, какъ окружающіе ихъ предметы, которые сдѣланы не съ достаточной **точностью,** и представляются какъ бы не вполнѣ твердо стоящими и неподвижными. Въ такомъ случаѣ, дитя мое, такъ какъ, повидимому, ты столь хорошо понимаешь, что нужно для совершенства... Не безпокойтесь, я буду работать, и что еще лучше, добьюсь въ этомъ успѣха!

Я возвратилась страшно усталая, купивъ себѣ тридцать два англійскихъ тома, отчасти переводы, первоклассныхъ нѣмецкихъ писателей.

— Какъ! И здѣсь уже библіотека! — воскликнула тетя въ ужасѣ.

Чѣмъ болѣе я читаю, тѣмъ болѣе я чувствую потребность

---

*) Подъ современными я подразумѣваю здѣсь Рафаэля, Тиціана и другихъ великихъ мастеровъ.

читать, и чѣмъ болѣе я учусь, тѣмъ болѣе открывается передо мной рядъ вещей, которыя хотѣлось бы изучить. Я говорю это вовсе не изъ пустого подражанія извѣстному мудрецу древности. Я дѣйствительно испытываю то, что говорю.

И вотъ я въ роли Фауста! Старинное нѣмецкое бюро, передъ которымъ я сижу; книги, тетради, свертки бумаги... Гдѣ же Мефистофель? Гдѣ Маргарита? Увы! Мефистофель всегда со мной: мое безумное тщеславіе, — вотъ мой дьяволъ, мой Мефистофель.

О, честолюбіе, ничѣмъ не оправдываемое! Безплодный порывъ, безплодное стремленіе къ какой-то неизвѣстной цѣли!

Я ненавижу больше всего золотую середину. Мнѣ нужна или жизнь... шумная, или абсолютное спокойствіе.

Не знаю, отчего это зависитъ, но я чувствую, что совершенно не люблю А..., не только я не люблю его, но я больше и не думаю о немъ, и **все это** кажется мнѣ какимъ-то сномъ.

Но Римъ привлекаетъ меня; я чувствую, что тамъ только и буду въ состояніи работать. Римъ, — шумъ и тишина, развлеченія и тихія грезы, свѣтъ и тѣни... Позвольте... свѣтъ и тѣни... Это ясно: гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни и... *versaicev*... Нѣтъ, но я смѣюсь сама надъ собой, — серьезно! И, право, есть чего—только пожелай!.. Я хочу ѣхать въ Римъ, это единственное мѣсто, подходящее къ моимъ наклонностямъ, единственное мѣсто, которое я люблю за него самого.

Берлинскій музей прекраснъ и богатъ, но обязанъ ли онъ этимъ Германіи? Нѣтъ, Греціи, Египту, Риму! Послѣ созерцанія всей этой древности, я сѣла въ карету съ глубокимъ отвращеніемъ къ нашимъ искусствамъ, нашей архитектурѣ, нашимъ модамъ.

Я думаю, что если бы другіе, выходя изъ такого рода мѣстъ, проанализировали свои чувства, то оказалось бы, что всѣ думаютъ такъ же. Впрочемъ, къ чему желать быть во всемъ похожей на другихъ!

Я не люблю нѣмцевъ за ихъ **сухость** и матеріализмъ, но нужно отдать имъ справедливость: они очень вѣжливы, очень предупредительны. И что мнѣ въ нихъ особенно нравится, такъ это ихъ уваженіе къ государямъ и ихъ исторіи. Это зависитъ отъ того, что они еще не испорчены всѣми прелестями республики.

Ничто не можетъ сравниться съ идеальной республикой. Но республика — какъ горностай: малѣйшее пятно убиваетъ ее. А гдѣ вы найдете республику безъ единаго пятна?

Нѣтъ, эта жизнь просто невозможна, это ужасная страна! Прекрасные дома, широкія улицы, но... но ничего для души и воображенія. Самый маленькій городишко Италіи стоитъ Берлина.

Тетя спрашиваетъ меня, сколько страницъ я исписала. «Страницъ сто, я думаю», — говоритъ она.

Дѣйствительно можетъ показаться, что я все время пишу; но нѣтъ. Я думаю, мечтаю, читаю, потомъ напишу два слова,— и такъ цѣлый день.

Удивительно, какъ хорошо я стала понимать благодѣтельныя стороны республики съ тѣхъ поръ, какъ причислила себя къ бонапартистамъ.

Нѣтъ, правда, — республика это единственный счастливый родъ правленія, но только во Франціи это невозможно.

Да и потомъ французская республика выстроена на грязи и крови.

Но.. ну не будемъ же больше думать о республикѣ: вотъ ужъ недѣля, какъ я объ этомъ раздумываю, и что же? въ сущности, развѣ Франція стала несчастнѣй съ тѣхъ поръ, какъ она республика? Нѣтъ, напротивъ. Но тогда какъ же? А злоупотребленія-то! Они повсюду.

Что дѣйствительно нужно, — такъ это хорошая либеральная конституція и во главѣ ея человѣкъ, который не былъ бы вполнѣ властителенъ, но чѣмъ-то въ родѣ хорошей вывѣски, которая, не возвышая сама по себѣ цѣнности магазина, внушаетъ довѣріе и пріятно привлекаетъ зрѣніе. Впрочемъ, президентъ не можетъ быть этимъ.

Но довольно на этотъ вечеръ, другой разъ, когда буду знать больше, поговорю объ этомъ еще.

Воскресенье, 30 іюля. Ничего не можетъ быть печальнѣе этого Берлина! Городъ носитъ печать простоты, но простоты безобразной, неуклюжей. Всѣ эти безчисленные памятники, загромождающіе улицы, мосты и сады, скверно расположены и имѣютъ какой-то глупый видъ. Берлинъ похожъ на картинку въ часахъ, гдѣ въ извѣстные моменты военные выходятъ изъ казармы, лодочники гребутъ, дамы въ шляпкахъ проходятъ, держа за руку безобразныхъ дѣтей.

Наканунѣ момента, когда я пріѣду въ Россію и останусь совсѣмъ одна, безъ мамы, безъ тети, я падаю духомъ и боюсь. Безпокойство, которое я причиняю тетѣ, огорчаетъ меня.

Все это дѣло, неизвѣстность исхода, все это... и потомъ, и потомъ, — я не знаю, право, но я боюсь, что ничего не измѣню.

Мысль — начать по возвращеніи тотъ же самый образъ жизни, и теперь уже безъ надежды на перемѣну, на эту «Россію», которая утѣшала меня во всемъ и подкрѣпляла мои силы... Боже мой! Сжалься надо мной! Ты видишь состояніе моей души, будь ко мнѣ милостивъ.

Черезъ два часа мы выѣзжаемъ изъ Берлина; завтра я буду въ Россіи. И нѣтъ же, нѣтъ, я не падаю духомъ, я сильна.

Только... если я ѣду напрасно! Вотъ что ужасно. Но не слѣдуетъ отчаиваться заранѣе.

О! Если бы только кто-нибудь зналъ, что я испытываю!

Понедѣльникъ, 31 іюля. Вчера мы всѣ — тетя, я, Шоколадъ и Амалія, прибыли на станцію въ десять часовъ.

Я была довольно утомлена, но при видѣ купэ, большого и удобнаго, какъ маленькая комнатка, совсѣмъ ободрилась, тѣмъ болѣе, что вагонъ былъ освѣщенъ газомъ, и мы могли быть увѣрены, что останемся одни. Мнѣ очень хотѣлось наканунѣ предстоящей разлуки поговорить съ тетей; но я не бываю разговорчива, когда во мнѣ преобладаетъ какое-нибудь глубокое чувство, а тетя молчала, боясь огорчить или раздражить меня, если станетъ говорить со мной. Такимъ образомъ, волей-неволей, я погрузилась въ «Свѣтскій бракъ» Октава Фелье. Вотъ благотворное чтеніе! Оно внушило мнѣ самое глубокое отвращеніе ко всѣмъ этимъ гадостямъ... На этихъ разсужденіяхъ я заснула, чтобы проснуться за три часа до границы, въ Эйдкуненѣ, куда мы пріѣхали около четырехъ часовъ.

Мѣстность здѣсь низменная, деревья густы и зелены, но листья, несмотря на свою свѣжесть и яркость, производятъ грустное впечатлѣніе послѣ крупной и роскошной зелени юга.

Мы отправились въ гостиницу, которая называется «Hôtel de Russie», и помѣстились въ двухъ маленькихъ комнаткахъ съ выбѣленными известью потолками, съ деревянными полами и съ простою, свѣтлою деревянною мебелью.

Благодаря моему дорожному несессеру я тотчасъ же устроила себѣ ванну и туалетъ и, поѣвъ яицъ и напившись молока, поданнаго толстой и свѣжею нѣмкой, я принимаюсь писать.

Я нахожу, что сама я имѣю извѣстную прелесть въ этой бѣдной маленькой комнаткѣ, въ моемъ бѣломъ пеньюарѣ, съ моими красивыми, обнаженными руками, съ моими золотистыми волосами.

Я только посмотрѣла въ окно. Безконечность утомляетъ взоръ. Это полное отсутствіе холмовъ, эта равнина представляется мнѣ вершиною горы, которая возвышается надъ всею вселенной.

Шоколадъ очень тщеславный мальчикъ.

— Ты мой курьеръ, — сказала я ему, — ты долженъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ.

Мальчикъ отвѣчалъ, что говоритъ по-французски, по-итальянски, по-ниццарски, немного по-русски и что онъ будетъ говорить по-нѣмецки, если я соглашусь научить его.

Онъ пришелъ весь въ слезахъ, сопровождаемый смѣхомъ Амаліи, и сталъ жаловаться на то, что хозяинъ указалъ ему постель въ той комнатѣ, гдѣ уже помѣстился какой-то торгашъ.

Я приняла серьезную мину и сдѣлала видъ, будто нахожу вполнѣ естественнымъ, что его помѣстили вмѣстѣ съ торгашемъ. Шоколадъ такъ плакалъ, что я начала смѣяться и, чтобы его утѣшить, велѣла ему прочесть нѣсколько страничекъ всемірной исторіи, купленной спеціально для него.

Этотъ негритенокъ забавляетъ меня — это живая игрушка: я даю ему уроки, учу его прислуживать, выслушиваю его капризы — словомъ, это моя собачка и моя кукла.

Мнѣ положительно нравится жизнь въ Эйдкуненѣ; я занимаюсь воспитаніемъ молодого Шоколада, который дѣлаетъ огромные успѣхи въ нравственности и философіи.

Сегодня вечеромъ онъ отвѣчалъ мнѣ священную исторію; дойдя до того мѣста, гдѣ разсказывается о предательствѣ Іуды, онъ въ трогательныхъ словахъ передалъ мнѣ разсказъ о томъ, какъ Іуда продалъ Спасителя за тридцать серебренниковъ и выдалъ его стражѣ поцѣлуемъ.

— Шоколадъ, другъ мой, сказала я, — согласился ли бы ты продать меня врагамъ за тридцать франковъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, опуская голову.

— А за шестьдесятъ?

— Также нѣтъ.

— А за сто двадцать?

— Тоже нѣтъ.

— Ну, а за тысячу франковъ? продолжала я допрашивать его.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ Шоколадъ, теребя край стола своими обезьяньими пальцами, не поднимая глазъ и шевеля ногами.

— Ну, Шоколадъ, а если бы тебѣ дали десять тысячъ? ласково настаивала я.

— Тоже нѣтъ.

— Славный мальчикъ! Но если бы тебѣ предложили сто тысячъ франковъ? спросила я для успокоенія совѣсти.

— Нѣтъ, — сказалъ Шоколадъ, и голосъ его перешелъ въ шопотъ, — я взялъ бы больше.

— Что?!

— Я взялъ бы больше.

— Ну, милый человѣкъ, скажи, сколько же, говори же. Два, три, четыре милліона?

— Пять или шесть.

— Несчастный, вскричала я, — развѣ не все равно продать, за тридцать франковъ, или за шесть милліоновъ?

— О, нѣтъ! когда у меня будетъ столько денегъ... другіе ничего не посмѣютъ мнѣ сдѣлать.

И, вопреки всякой нравственности, я упала на диванъ, разражаясь смѣхомъ, а Шоколадъ, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, удалился въ другую комнату.

Но знаете-ли вы, кто приготовилъ мнѣ обѣдъ?—Амалія. Она зажарила двухъ цыплятъ, — а то я просто умирала съ голоду; что же касается жажды — намъ подали бутылку невозможнаго шато-лароза.

Нѣтъ, право, странно: это Эйдкуненъ! Увидимъ, что-то будетъ въ Россіи.

Вторникъ, 1-го августа. Я хотѣла бы опять приняться за рыцарскій романъ; тотъ, который я начала, брошенъ на дно бѣлой шкатулки.

Мы съ тетей все еще въ гостиницѣ Эйдкунена и ждемъ пріѣзда моего многоуважаемаго дядюшки.

Мнѣ надоѣло сидѣть взаперти, и около половины девятаго я сама пошла на станцію къ поѣзду, а такъ какъ мнѣ сказали, что мои часы идутъ на нѣсколько минутъ впередъ, то я отправилась погулять съ Амаліей.

Въ Эйдкуненѣ есть хорошенькая аллея, хорошо вымощенная и тѣнистая, съ маленькими домиками по сторонамъ; тутъ есть даже два кафе и нѣчто въ родѣ ресторана. Свистокъ поѣзда раздался во время моей прогулки и, не смотря на мои маленькія ноги и большіе каблуки, я пустилась бѣжать черезъ огороды, черезъ кучи камней, черезъ рельсы, чтобы только поспѣть къ поѣзду, и напрасно!

Что же это думаетъ мой прекрасный дядюшка?

Среда, 2-го августа. Въ ожиданіи другихъ огорченій, у меня начинаютъ падать волосы. Кто этого не испыталъ, тотъ не можетъ понять, какое это для меня горе!

Дядя Степанъ телеграфируетъ изъ Конотопа, что выѣзжаетъ только сегодня. Еще сутки въ Эйдкуненѣ — какъ вамъ это нравится? Сѣрое небо, холодный вѣтеръ, нѣсколько бѣдныхъ евреевъ на улицѣ, стукъ телѣги отъ времени до времени и всевозможныя невыносимыя безпокойства!

Сегодня вечеромъ тетя заговорила со мной о Римѣ... Давно уже я не плакала — не отъ любви, нѣтъ! но отъ униженія при воспоминаніи о нашей жизни въ Ниццѣ, которую я оплакивала еще сегодня вечеромъ!

Четвергъ, 3-го августа.

Пятница, 4-го августа (23-го іюля по русскому стилю). Вчера въ три часа я пошла къ поѣзду и, къ счастью, дядя былъ тамъ. Но онъ могъ остаться только на четверть часа: на русской границѣ, въ Вержболовѣ, онъ съ трудомъ добился позволенія пріѣхать сюда безъ паспорта и долженъ былъ дать честное слово одному изъ тамошнихъ чиновниковъ, что вернется со слѣдующимъ же поѣздомъ.

Шоколадъ побѣжалъ за тетей, когда оставалось всего нѣсколько минутъ. Когда она пріѣхала, они успѣли только перекинуться двумя словами. Тетя, въ своемъ безпокойствѣ за меня, придя въ гостиницу, вообразила, что у дяди былъ какой-то странный видъ и своими полунамеками довела меня до того, что и я начала безпокоиться. Наконецъ, въ полночь я вошла въ вагонъ; тетя плакала; я дѣлала надъ собой усиліе, стараясь, не опускать глазъ и не двигать ими, чтобы сдержать

слезы. Кондукторъ подалъ знакъ, и въ первый разъ въ жизни я осталась одна!

Я начала громко плакать; но не думайте, что я не извлекла изъ этого выгоды!.. Я изучала по опыту, какъ люди плачутъ.

Ну, довольно же, дитя мое, сказала я сама себѣ и встала. Я была уже въ Россіи. Меня приняли въ свои объятія дядя, два жандарма и два таможенныхъ чиновника. Со мною обошлись, какъ съ принцессой, даже не смотрѣли моихъ вещей. Здѣсь большая станція, чиновники изящны и замѣчательно вѣжливы. Мнѣ казалось, что я нахожусь въ идеальной странѣ — такъ все хорошо. Здѣсь простой жандармъ лучше офицера во Франціи.

Замѣтимъ, кстати, въ оправданіе нашего бѣднаго государя, котораго обвиняютъ въ томъ, что у него странные глаза, — что у всѣхъ, носящихъ каски (а ихъ немало въ Вержболовѣ), глаза такіе же, какъ у государя. Не знаю, кроется-ли причина въ каскѣ, которая падаетъ и давитъ на глаза, или же это просто подражаніе. Что касается подражанія, то вѣдь во Франціи всякому извѣстно, что всѣ солдаты похожи на Наполеона.

Мнѣ дали отдѣльное купэ, и, поговоривъ съ дядей о дѣлахъ и о прочемъ, я заснула, продолжая сердиться на себя за мою депешу къ А.

На станціяхъ въ буфетѣ очень чисто, такъ что я выходила часто.

Мои соотечественники не возбуждаютъ во мнѣ никакого особеннаго волненія или того восторга, какой я испытываю, когда снова вижу знакомыя мѣста; но я чувствую къ нимъ симпатію, и мнѣ пріятно быть съ ними.

И потомъ все такъ хорошо устроено, всѣ такъ вѣжливы, въ самой манерѣ держать себя у каждаго русскаго столько сердечности, доброты, искренности, что сердце радуетя.

Дядя явился сегодня будить меня въ десять часовъ.

Здѣсь топятъ локомотивы дровами, что избавляетъ отъ ужасающей угольной пыли. Я проснулась совсѣмъ чистая и весь день то болтала, то спала, то смотрѣла въ окно на нашу прекрасную русскую равнину, напоминающую окрестности Рима.

Въ половинѣ десятаго было еще свѣтло. Мы проѣхали Гатчину, древнюю резиденцію Павла I, котораго такъ преслѣдовали при жизни его блестящей матери; вотъ мы, наконецъ, въ Царскомъ Селѣ и черезъ двадцать пять минутъ будемъ въ Петербургѣ.

Я остановилась въ отелѣ Демутъ, въ сопровожденіи дяди, горничной, негра и многочисленнаго багажа и съ 50-ю рублями въ карманѣ. Что вы на это скажете?

Пока я ужинала въ довольно просторной гостиной безъ ковра и безъ живописи на потолкѣ, вошелъ дядя.

— Знаете-ли кто здѣсь, у меня? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, а кто?

— Угадайте, принцесса.

— Я не знаю!

— П. И. Можно позвать ее сюда.

— Да, пусть войдетъ.

И. въ Петербургѣ вмѣстѣ съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, Альбединскимъ. Онъ получилъ мою депешу изъ Эйдкунена въ минуту отъѣзда; служба не позволяла ему отлучиться, и онъ поручилъ графу Муравьеву выйти ко мнѣ навстрѣчу. Но графъ былъ потревоженъ напрасно: мы проѣзжали Вильну въ три часа ночи, и я спала, какъ праведница.

Кто станетъ отрицать мою доброту, послѣ того какъ я скажу, что я была весела сегодня вечеромъ, чувствовала, что И. радъ меня видѣть? А можетъ быть это эгоизмъ?

Я радовалась только удовольствію, которое доставляла другому. Вотъ и кавалеръ, который будетъ служить мнѣ въ Петербургѣ; вѣдь я въ Петербургѣ!

Я въ Петербургѣ, но не видѣла еще ничего, кромѣ дрожекъ — экипажа въ одно мѣсто, съ восьмью рессорами (какъ въ большихъ экипажахъ Биндера) и въ одну лошадь; замѣтила я Казанскій соборъ съ его колоннадой, сдѣланной по образцу колоннады римскаго собора св. Петра и множество «питейныхъ домовъ».

Со всѣхъ сторонъ слышатся восхваленія принцессы Маргариты, ея простоты и доброты. Никто не цѣнитъ простоты въ обыкновенныхъ женщинахъ — не принцессахъ; будьте просты и добры, и любезны, и низшіе будутъ позволять себѣ вольности, между тѣмъ какъ равные скажутъ: «славная да-

мочка», и во всѣхъ отношеніяхъ будетъ отдавать предпочтеніе женщинамъ, въ которыхъ нѣтъ ни простоты, ни доброты.

О! если бы я была королевой! Передо мной переклонялись бы, я была бы популярной!

Итальянская принцесса, ея мужъ и свита еще въ Россіи; въ настоящее время они въ Кіевѣ, въ «матери русскихъ городовъ», какъ назвалъ его Владиміръ Св., принявъ христіанство и окрестивъ половину Руси въ Днѣпрѣ.

Кіевъ богаче всѣхъ городовъ въ мірѣ церквами, монастырями, монахами и мощами; что же касается драгоцѣнныхъ камней, находящихся въ этихъ монастыряхъ, то количество ихъ баснословно; ими наполнены цѣлые погреба, точно въ сказкахъ **Тысячи и одной ночи.** Я была въ Кіевѣ лѣтъ восемь тому назадъ и еще помню подземные ходы, которые проходятъ подъ всѣми улицами и соединяютъ между собою монастыри, представляя такимъ образомъ коридоръ, тянущійся на много верстъ и уставленный по обѣ стороны гробницами святыхъ. Боже мой... прости мнѣ дурную мысль... но невозможно, чтобы ихъ было такъ много.

Воскресенье, 6-го августа. Вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, я проспала, и Нина увезла меня къ себѣ завтракать. Попугай ея говорилъ, дочери ея кричали. Я пѣла, и мы воображали, что мы въ Ниццѣ. Двумѣстная карета въ проливной дождь повезла трехъ грацій осматривать Исаакіевскій соборъ, извѣстный своими колоннами изъ малахита и изъ ляписъ-лазури. Эти колонны необычайно роскошны, но безвкусны, такъ какъ зеленый цвѣтъ малахита и голубой цвѣтъ ляписъ-лазури уничтожаютъ эффектъ другъ друга. Мозаики и картины идеальны — настоящія лица святыхъ, Богоматери, ангеловъ. Вся церковь мраморная, четыре фасада съ гранитными колоннами красивы, но не гармонируютъ съ византійскимъ позолоченнымъ куполомъ. Внѣшній видъ вообще оставляетъ непріятное впечатлѣніе, такъ какъ куполъ слишкомъ великъ, и передъ нимъ исчезаютъ четыре маленькіе купола надъ фасадами, которые безъ этого были бы такъ красивы.

Обиліе золота и украшеній внутри собора эффектно, самая пестрота гармонична, съ большимъ вкусомъ, кромѣ двухъ колоннъ изъ ляписъ-лазури, которыя были бы прелестны въ другомъ мѣстѣ.

Въ это время происходила свадьба; женихъ и невѣста,

изъ простого народа, были некрасивы, и мы смотрѣли недолго. Я люблю русскій народъ, — добрый, честный, прямой, наивный. Мужчины и женщины останавливаются передъ каждою церковью, передъ каждой часовней или иконой и крестятся на улицѣ, точно они дома.

Изъ Исаакіевскаго собора мы отправились въ Казанскій. И тутъ свадьба и прелестная невѣста. Этотъ соборъ — подражаніе Петропавловскому собору въ Римѣ, но колоннада кажется излишнею, точно не принадлежащей къ зданію; она недостаточно длинна, такъ что не образуетъ полнаго полукруга, а это невыгодно для цѣлаго и придаетъ ему незаконченный видъ.

Далѣе, на Невскомъ, памятникъ Екатерины Великой. А передъ Сенатомъ, недалеко отъ Зимняго дворца, который, скажу мимоходомъ, сильно напоминаетъ собою казармы. — конная статуя Петра Великаго, одной рукой указывающаго на Сенатъ, а другою — на Неву. Народъ своеобразно толкуетъ это указаніе. Царь, говоритъ онъ, указываетъ одной рукой на Сенатъ, а другою — на рѣку, какъ бы желая этимъ выразить, что лучше утопиться въ Невѣ, чѣмъ судиться въ Сенатѣ.

Статуя Николая замѣчательна тѣмъ, что поддерживается не тремя опорами — ногами и хвостомъ лошади, а только двумя ногами; это навело меня на мрачное разсужденіе: коммунарамъ будетъ меньше дѣла, такъ какъ недостаетъ поддержки хвоста.

Я обѣдала одна съ моими граціями; дядя Степанъ и Поль были зрителями; они серьезно называютъ себя моею свитой и сердятъ меня ужасно. Я хотѣла бы видѣть только Жиро и Мари.

Идетъ дождь, и у меня насморкъ. Я пишу мамѣ: «Петербургъ — гадость! Мостовыя — невозможныя для столицы, трясетъ на нихъ нестерпимо; Зимній дворецъ — казармы. Большой театръ — тоже; соборы роскошны, но не складны и плохо передаютъ мысль художника».

Прибавьте къ этому климатъ,—и вы поймете всю прелесть.

Я попробовала воодушевиться, глядя на портретъ Піетро А..., но онъ кажется мнѣ недостаточно красивымъ, для того чтобы я могла забыть, что онъ низкій человѣкъ, тварь, которую можно только презирать.

Я больше не сержусь на него, потому что вполнѣ его презираю, и не за личное оскорбленіе, а за его жизнь, за его слабость... Постойте, я дамъ опредѣленіе тому чувству, которое только что назвала. Слабость, влекущая за собой добро, нѣжныя чувства, прощеніе обидъ,—можетъ называться этимъ именемъ; но слабость, которая ведетъ къ злу и низости, называется **подлостью!**

Я думала, что буду живѣе чувствовать отсутствіе своихъ; я **недовольна,** но это происходитъ скорѣе отъ присутствія людей непріятныхъ и пошлыхъ, чѣмъ отъ присутствія тѣхъ, кого я люблю.

Понедѣльникъ, 7-го августа, 1876 (26-го іюля). «Оригинальны у насъ только средніе вѣка», сказала я въ послѣдней тетради моего дневника.

У кого — у насъ? У христіанъ. Дѣйствительно ли міръ возродился или же, хотя и съ другимъ оттѣнкомъ, со времени сотворенія міра все продолжаетъ течь та же самая жизнь, не переставая стремиться къ усовершенствованію?

Жизни народовъ похожи на рѣки, которыя тихо текутъ то по скаламъ, то по песку, то между двумя горами, то подъ землею, то черезъ океанъ, съ которымъ онѣ смѣшиваются, пересѣкая его, но изъ котораго онѣ снова вытекаютъ сами собой, перемѣняя названіе и даже **направленіе,** — и все это для того только, чтобы слѣдовать **одному** направленію — тому, которое предназначено и неизвѣстно...

Кѣмъ?

Богомъ? Или природой? Если Богъ и природа — одно и то же, какіе мы ничтожные глупцы: природѣ нечего дѣлать съ людьми и съ ихъ интересами.

Въ философскихъ ученіяхъ прекрасно доказывается бытіе Высшаго Существа при помощи ссылки на механизмъ вселенной; но развѣ доказано существованіе такого Бога, какимъ мы себѣ его представляемъ?

Природа заставляетъ свѣтила двигаться, **заботится** о физическомъ состояніи нашей земли. Но нашъ умъ, наша душа? Необходимо предположить существованіе иного Бога, чѣмъ неопредѣленное олицетвореніе всемірнаго механизма.

Необходимо, но зачѣмъ?

Здѣсь меня прервали, и я потеряла нить мысли.

Я заходила на почту и получила мои фотографіи и депешу отъ отца: онъ телеграфируетъ въ Берлинъ, что мой пріѣздъ будетъ для него «настоящимъ счастьемъ».

Заставъ Жиро уже въ постели, я осталась у нея на нѣсколько времени; мы заговорили о Римѣ, и я разсказала съ увлеченіемъ и съ жестикуляціей мои похожденія въ этомъ городѣ. Я останавливалась только тогда, когда смѣялась, а Жиро и Мари катились отъ смѣху въ своихъ постеляхъ. Несравненное тріо! я могу такъ смѣяться только съ моими граціями.

И по внезапной, если не естественной реакціи, я впала, по возвращеніи, въ меланхолію. Вернулась я въ полночь съ дядей и съ Ниной.

Петербургъ выигрываетъ ночью. Не могу себѣ представить ничего великолѣпнѣе Невы, съ цѣпью фонарей по набережнымъ, составляющей контрастъ съ луной и темносинимъ, почти сѣрымъ небомъ. Недостатки домовъ, мостовыхъ, мостовъ ночью скрадываются въ пріятныхъ тѣняхъ. Ширина набережныхъ выступаетъ во всей красотѣ. Шпицъ Адмиралтейства теряется въ небѣ, и въ голубомъ туманѣ, окаймленномъ свѣтомъ, виднѣются куполъ и изящныя формы Исаакіевскаго собора, который кажется какой-то тѣнью, спустившейся съ неба.

Мнѣ хотѣлось бы быть здѣсь зимою.

Среда, 9-го августа, (28 іюля) 1876. У меня нѣтъ ни копейки денегъ. Пріятное положеніе! Дядя Степанъ — отличный человѣкъ, но онъ всегда оскорбляетъ мои задушевныя чувства. Сегодня утромъ я разсердилась, но полчаса спустя уже смѣялась, точно ничего и не случилось.

Здѣсь былъ докторъ N..., и я хотѣла попросить у него средства противъ моей простуды; но у меня не было денегъ, а этотъ господинъ ничего не сдѣлаетъ даромъ. Очень щекотливое положеніе, увѣряю васъ. Но я не плачу заранѣе: непріятность уже достаточно несносна тогда, когда она разыгрывается, чтобы нужно было заранѣе плакать.

Въ четыре часа Нина съ тремя граціями поѣхала въ колескѣ на Петергофскую станцію. Мы трое были въ бѣломъ, въ длинныхъ cachepoussière.

Поѣздъ готовился отходить, мы сѣли безъ билетовъ; но насъ сопровождали четыре гвардейскіе офицера, которыхъ, безъ сомнѣнія, плѣнило мое бѣлое перо и красные каблуки

моихъ граціи. Вотъ мы и пріѣхали; я и Жиро, какъ благородныя военныя лошади, заслышавъ музыку, настораживаемъ уши, съ блестящими глазами и въ радостномъ настроеніи.

Вернувшись, я застала ужинъ, дядю Степана и деньги, которыя прислалъ мнѣ дядя Александръ. Я поужинала, отослала дядю и спрятала деньги.

И, странное дѣло, я почувствовала большую пустоту, грусть; я взглянула въ зеркало — у меня были такіе же глаза, какъ въ послѣдній вечеръ въ Римѣ. Воспоминаніе наполнило и голову, и сердце.

Въ тотъ вечеръ онъ просилъ меня остаться еще на одинъ день. Я закрыла глаза и мысленно перенеслась туда.

«Я останусь, шептала я, точно онъ былъ здѣсь, — я останусь для моей любви, для моего жениха, для моего дорогого! Я тебя люблю, я хочу тебя любить; ты этого не заслуживаешь — все равно, мнѣ нравится тебя любить»...

И, пройдясь по комнатѣ, я начала плакать передъ зеркаломъ; слезы въ небольшомъ количествѣ идутъ ко мнѣ.

Раздражившись по капризу, я успокоилась отъ усталости и сѣла писать, тихонько смѣясь надъ собою.

Часто я такимъ образомъ выдумываю себѣ героя, романъ, драму и плачу надъ вымысломъ, какъ надъ дѣйствительностью.

Я въ восхищеніи отъ Петербурга, но здѣсь нельзя спать: теперь уже свѣтло — такъ коротки ночи.

Четвергъ, 10-го августа (29-го іюля), 1876. Сегодня знаменательный вечеръ. Я окончательно перестаю смотрѣть на герцога Г... какъ на любимый образъ. Я видѣла у Бергамаско портретъ великаго князя Владиміра и не могла оторваться отъ этого портрета: нельзя представить себѣ болѣе совершенной и пріятной красоты. Жиро восхищалась вмѣстѣ со мною, и мы дошли до того, что цѣловали портретъ въ губы. Знакомо-ли вамъ наслажденіе, которое ощущаешь, цѣлуя портретъ?

Мы поступили, какъ истыя институтки: у нихъ мода обожать государя и великихъ князей; да, право, они такъ безупречно красивы, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но этотъ поцѣлуй привелъ меня въ какую-то необъяснимую меланхолію, заставившую меня промечтать цѣлый часъ. Я обожала герцога, когда могла бы обожать одного изъ русскихъ

великихъ князей; это глупо, но такія вещи не дѣлаются по заказу, и я вначалѣ смотрѣла на Г..., какъ на равнаго мнѣ, какъ на человѣка, предназначеннаго для меня. Я его забыла. Кто будетъ моимъ идоломъ? Никто. Я буду искать славы и человѣка.

Избытокъ чувства выльется, какъ онъ вылился случайно, — на дорогу, въ пыль, но сердце не опустѣетъ; оно будетъ постоянно наполняться обильными источниками, которые не изсякнутъ никогда въ его глубинѣ.

Гдѣ вы вычитали это, сударыня? — спросятъ меня. — Въ моемъ умѣ, назойливые читатели.

И вотъ я свободна, я никого не люблю, но я ищу того, кого буду боготворить. Я хотѣла бы, чтобы это было поскорѣе: жизнь безъ любви то же, что бутылка безъ вина. Но нужно, чтобы и вино было хорошее.

Воображеніе мое воспламенено; буду-ли я счастливѣе, чѣмъ тотъ грязный сумасшедшій, котораго звали Діогеномъ?

Суббота, 12-го августа (31-го іюля). Все было готово, И... простился со мною, С... вы проводили меня на станцію, какъ вдругъ... о, досада! у насъ не хватало денегъ, — мы невѣрно разсчитали. Я принуждена была ждать у Нины до 7-ми часовъ вечера, пока дядя искалъ для меня денегъ въ городѣ.

Въ семь часовъ я уѣхала, достаточно униженная этимъ происшествіемъ; но въ минуту отъѣзда я была пріятно поражена появленіемъ двѣнадцати гвардейскихъ офицеровъ и шести солдатъ въ бѣломъ со знаменами. Эта блестящая молодежь только-что проводила двухъ офицеровъ, которые, съ разрѣшенія правительства, отправляются въ Сербію. Сербія вызываетъ настоящую эмиграцію; такъ какъ государь не хочетъ объявлять войны, вся Россія подписывается и поднимается въ защиту сербовъ. Только о нихъ говорятъ, и всѣ восхищаются геройскою смертью одного полковника и двухъ офицеровъ изъ русскихъ.

Можно чувствовать только состраданіе къ нашимъ братьямъ, которыхъ мы давали душить и рѣзать на куски этимъ ужаснымъ дикарямъ-туркамъ, этой націи безъ генія, безъ цивилизаціи, безъ нравственности, безъ славы.

И я даже не могу подписаться!

За часъ до пріѣзда я отложила въ сторону книгу, чтобы видѣть Москву, нашу настоящую столицу, истинно русскій го-

родъ. Петербургъ — копія съ нѣмцевъ, но лучше нѣмцевъ, такъ какъ сдѣлана русскими. А здѣсь все русское: архитектура, вагоны, дома, мужикъ, наблюдающій на краю дороги за поѣздомъ, деревянный мостикъ, переброшенный черезъ что-то въ родѣ рѣки, грязь на дорогѣ; все это русское, сердечное, прямое, простодушное.

Церкви съ ихъ куполами, напоминающими и формою, и цвѣтомъ опрокинутыя зеленыя смоквы, производятъ пріятное впечатлѣніе при приближеніи къ городу.

Артельщикъ, пришедшій взять наши вещи, снялъ фуражку и поклонился намъ, какъ друзьямъ, съ широкой улыбкой, полной уваженія.

Здѣсь люди далеки отъ французскаго нахальства и отъ нѣмецкой положительности — и глупой, и тяжеловѣсной.

Я не переставала смотрѣть въ окно экипажа, въ которомъ мы поѣхали въ гостиницу. Было свѣжо, но не тою сырою и нездоровой свѣжестью, какъ въ Петербургѣ. Москва — самый обширный городъ во всей Европѣ по занимаемому имъ пространству; это старинный городъ, вымощенный большими неправильными камнями, съ неправильными улицами: то поднимаешься, то спускаешься, на каждомъ шагу повороты, а по бокамъ — высокіе, хотя и одноэтажные дома, съ широкими окнами. Избытокъ пространства здѣсь такая обыкновенная вещь, что на нее не обращаютъ вниманія и не знаютъ, что такое нагроможденіе одного этажа на другой.

«Славянскій базаръ»—гостиница,—какъ «Grand Hôtel» въ Парижѣ; здѣсь есть даже большой ресторанъ. «Славянскій Базаръ» хотя и не такъ роскошенъ, какъ «Grand Hôtel», но несравненно чище и дешевле, особенно по сравненію съ отелемъ Демутъ.

Дворники — въ черныхъ жилеткахъ, шароварахъ, въ высокихъ сапогахъ и фуражкахъ.

Попадается много національныхъ костюмовъ — весь народъ носитъ ихъ, и не видно этихъ противныхъ нѣмецкихъ куртокъ; нѣмецкія вывѣски здѣсь рѣже, хотя все-таки встрѣчаются, къ сожалѣнію.

Извозчики съ такою готовностью предлагаютъ свои услуги, что, отдавая предпочтеніе одному, боишься нанести смертельную обиду другому. Наконецъ, мы усѣлись въ какой-то узкій фаэтонъ, и началась скачка съ препятствіями.

Мы неслись съ быстротою вѣтра по камнямъ мостовой, по рельсамъ, среди экипажей и прохожихъ, несмотря на тряску и опасенія ежеминутно вылетѣть изъ коляски. Дядя вскрикивалъ отъ безпокойства, а я смѣялась надъ нимъ, надъ собою, надъ нашей дикой скачкой, надъ вѣтромъ, который растрепалъ мои волосы и отъ котораго разгорались мои щеки, смѣялась надъ всѣмъ и передъ каждой церковью, каждой часовней или иконой набожно крестилась, въ подражаніе встрѣчнымъ. Непріятно поразили меня только босоногія женщины.

Я была въ пассажѣ Солодовникова и шла съ поднятой головой, опущенными руками и улыбающимся лицомъ, какъ у себя дома. Я уѣду завтра; я ничего не могу купить: денегъ хватитъ только на то, чтобы доѣхать къ дядѣ Степану.

Тріумфальная арка Екатерины II краснаго цвѣта съ зелеными колоннами и желтыми украшеніями. Несмотря на яркость красокъ, вы не повѣрите, какъ это красиво; при томъ же, это подходитъ къ крышамъ домовъ и церквей, крытыхъ листовымъ желѣзомъ зеленаго или краснаго цвѣта. Самое простодушіе внѣшнихъ украшеній заставляетъ чувствовать доброту и простоту русскаго народа. А нигилисты стараются совратить его, какъ Фаустъ, погубившій Маргариту. Пропаганда дѣлаетъ свое дѣло, и день, когда возстанетъ этотъ добрый народъ, возмущенный и обманутый, будетъ ужасенъ: если въ мирное и спокойное время онъ кротокъ и простъ, какъ ягненокъ, то, возставъ, онъ былъ бы свирѣпъ до ярости, жестокъ до изступленія.

Но любовь къ Государю еще сильна, слава Богу, такъ же, какъ уваженіе къ религіи. Есть что-то трогательное въ благочестіи и простодушіи народа.

На площади Большого театра прогуливаются цѣлыя стаи сѣрыхъ голубей: они нисколько не боятся экипажей, которые проѣзжаютъ почти рядомъ съ ними, не пугая ихъ. Знаете, русскіе не ѣдятъ этихъ птицъ, потому что Духъ святой являлся въ видѣ голубя.

Я не пойду никуда сегодня. Въ Москвѣ нельзя оставаться меньше недѣли. На обратномъ пути, когда у меня будутъ деньги, я осмотрю всѣ историческія достопримѣчательности. Я видѣла только Кремль, и то мелькомъ: въ ту минуту, когда мнѣ

его показывали, все мое вниманіе было приковано къ дрожкамъ, выкрашеннымъ подъ малахитъ.

Между именами лицъ, остановившихся въ гостиницѣ, я прочла имя княгини Суворовой и немедленно послала узнать Шоколада, можетъ-ли она принять меня; оказалось, что княгини нѣтъ дома до семи часовъ.

На обѣденной картѣ напечатано отчаянное воззваніе къ русскому народу и духовенству отъ славянскаго комитета въ Москвѣ; мнѣ вручили это раздирающее душу воззваніе сегодня утромъ, какъ только я пріѣхала. Я сохраню его.

Оно взволновало меня. Отчего не просятъ войны у Государя? Если бы весь народъ сталъ умолять Государя пойти на помощь своимъ братьямъ, страдающимъ отъ неистовства дикарей, кто посмѣлъ бы отказать?

Но нигилисты, вотъ въ чемъ несчастье. Когда войска удалятся, они возмутятъ всѣхъ каторжниковъ и негодяевъ и, устроивъ небольшую коммуну, **начнутъ...**

Поймите, быть тутъ, въ центрѣ своей родины, гдѣ такъ хорошо и гдѣ является столько надеждъ, и чувствовать, что вамъ угрожаютъ всѣ эти ужасы!.. Я бы хотѣла унести ее на рукахъ, какъ ребенка, которому зажимаютъ уши и глаза, чтобы онъ не слышалъ проклятій и не видалъ грязи...

Господи! какъ могла я поцѣловать его! я, первая! Безумное, презрѣнное существо! Это заставляетъ меня плакать и дрожать отъ ярости. *Turpis, execrabilis.*

Онъ подумалъ, что для меня это обычное дѣло, что это случилось не въ первый разъ! Ватиканъ и Кремль! Я задыхаюсь отъ ярости и стыда.

Чашка бульона, горячій калачъ и свѣжая икра—таково ни съ чѣмъ несравнимое начало моего обѣда. Чтобы имѣть понятіе о калачѣ, нужно поѣхать въ Москву: московскіе калачи почти такъ же знамениты, какъ Кремль. Кромѣ того мнѣ подали телячью котлету громадныхъ размѣровъ, цѣлаго цыпленка, а блюдечко, наполненное икрой, представляло полпорціи.

Дядя засмѣялся и сказалъ человѣку, что въ Италіи этого хватило бы на четверыхъ. Человѣкъ, высокій и худой, какъ Джанетто Дорія, и неподвижный, какъ англичанинъ, отвѣчалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, что это потому, что итальянцы

янцы худы и малы ростомъ, а русскіе, прибавилъ онъ, очень любятъ плотно поѣсть и потому здоровы. Затѣмъ неподвижное существо улыбнулось и вышло изъ комнаты, какъ деревянная кукла.

Достоинство здѣшней пищи не только въ количествѣ, но и въ качествѣ. Хорошая пища вызываетъ хорошее настроеніе духа, а въ хорошемъ настроеніи болѣе наслаждаешься счастьемъ, болѣе философски переносишь несчастье и чувствуешь расположеніе къ ближнимъ. Обжорство въ женщинѣ — уродство, но любить хорошо поѣсть такъ же необходимо, какъ умъ, какъ хорошія платья, не говоря уже о томъ, что тонкая и простая пища поддерживаетъ свѣжесть кожи и округлость формъ. Доказательство—мое тѣло. Мари С... а права, говоря, что при такомъ тѣлѣ нужно было бы гораздо болѣе красивое лицо, а я далеко не безобразна. Воображая себѣ, какова я буду въ двадцать лѣтъ, я только прищелкиваю языкомъ!.. Въ тринадцать лѣтъ я была слишкомъ толста, и мнѣ давали шестнадцать. Теперь я тоненькая, хотя съ вполнѣ развившимися формами, замѣчательно стройная, пожалуй даже слишкомъ; я сравниваю себя со всѣми статуями и не нахожу такой стройности, такихъ широкихъ бедеръ, какъ у меня. Это недостатокъ? Плечи должны быть чуть-чуть круглѣе.

Русскіе и обѣ ихъ столицы совершенно новы для меня. До отъѣзда за границу я знала только Малороссію и Крымъ. Изрѣдка заходившіе къ намъ странствующіе торговцы изъ русскихъ казались намъ почти чужими, и всѣ смѣялись надъ ихъ одеждой и языкомъ.

Что бы я тамъ ни говорила, но губы мои почернѣли со времени постыднаго поцѣлуя.

Вы, мудрые люди и циничныя женщины, я прощаю вамъ улыбку презрѣнія надъ моей напускной скромностью!.. Но я уже, кажется, нисхожу до того, что допускаю мысль о недовѣріи къ себѣ? Быть можетъ, ужъ не прикажете-ли мнѣ побожиться?.. О, нѣтъ, достаточно того, что я говорю мои малѣйшія мысли, когда ничего меня къ тому не обязываетъ; но я и не считаю это достоинствомъ: мой дневникъ—это моя жизнь, и среди всѣхъ удовольствій я думаю: «Какъ много мнѣ придется разсказывать сегодня вечеромъ!» Какъ будто это моя обязанность!

Понедѣльникъ, 14 августа (2 авг.). Вчера въ часъ мы уѣхали изъ Москвы; она была полна движенія и убрана флагами по случаю пріѣзда греческаго и датскаго королей.

Всю дорогу дядя выводилъ меня изъ терпѣнія.

Вообразите себѣ чтеніе о Клеопатрѣ и Маркѣ Антоніи, ежеминутно прерываемое фразами, въ родѣ слѣдующихъ: не хочешь-ли поѣсть? Не холодно-ли тебѣ? Вотъ жареный цыпленокъ и огурцы. Не хочешь-ли грушу? Не закрыть-ли окно? Что ты будешь ѣсть, когда мы пріѣдемъ? Я телеграфировалъ, чтобы тебѣ приготовили ванну, наша царица; я выписалъ мраморную ванну, и весь домъ приготовленъ къ твоему пріѣзду.

Онъ несомнѣнно добръ, но безспорно надоѣдливъ.

За Амаліей ухаживаютъ, какъ за дамой, вполнѣ приличные люди; а Шоколадъ изумляетъ меня своей независимостью и своей неблагодарной и лукавой кошачьей природой.

На станціи Грусское насъ встрѣтили двѣ коляски, шесть слугъ-крестьянъ и мой милѣйшій братецъ. Онъ большого роста, полонъ, но красивъ, какъ римская статуя; ноги у него сравнительно невелики. До Шпатовки мы ѣдемъ полтора часа, и за это время я успѣваю замѣтить массу всяческихъ несогласій и шпилекъ между моимъ отцомъ и Бабаниными; но я не опускаю головы и не выказываю моихъ ощущеній брату, который, впрочемъ, очень радъ меня видѣть. Я не хочу принадлежать ни къ той, ни къ другой партіи. Отецъ мнѣ нуженъ.

— Грицко (малороссійское уменьшительное Григорій) двѣ недѣли ждалъ тебя, — сказалъ мнѣ Поль, — мы думали, что ты ужъ не пріѣдешь.

— Онъ ужъ уѣхалъ?

— Нѣтъ, онъ остался въ Полтавѣ и очень желаетъ тебя видѣть. «Ты понимаешь, — сказалъ онъ мнѣ, — я зналъ ее совсѣмъ маленькой».

— Такъ онъ считаетъ себя мужчиной, а меня дѣвочкой?

— Да.

— И я также. Что онъ изъ себя представляетъ?

— Онъ всегда говоритъ по-французски, ѣздитъ въ свѣтъ въ Петербургѣ. Говорятъ, что онъ скупъ; но онъ только благоразуменъ и comme il faut. Мы съ нимъ хотѣли встрѣтить тебя

съ оркестромъ въ Полтавѣ; но папá сказалъ, что такъ можно встрѣчать только королеву.

Я замѣчаю, что отецъ боится показаться хвастливымъ и тщеславнымъ, — скоро его успокою; я и сама обожаю всѣ эти пустяки, которымъ онъ придаетъ такое значеніе.

Проѣхавъ восемнадцать верстъ между обработанными полями, мы въѣхали въ деревню, состоящую изъ низкихъ и бѣдныхъ хижинъ. Крестьяне, завидѣвъ издали коляску, снимаютъ шапки. Эти добрыя, терпѣливыя и почтительныя лица умиляютъ меня; я улыбаюсь имъ, и они, удивленные этимъ, отвѣчаютъ улыбками на мои привѣтливые поклоны.

Домъ небольшой, одноэтажный, съ большимъ, довольно запущеннымъ садомъ. Деревенскія бабы замѣчательно хорошо сложены, красивы и интересны въ своихъ костюмахъ, которые обрисовываютъ формы тѣла и оставляютъ ноги незакрытыми до колѣнъ.

Тетя Мари встрѣчаетъ насъ на крыльцѣ. Я беру ванну, и мы садимся обѣдать. Происходитъ нѣсколько стычекъ съ Полемъ; онъ старается меня уколоть, быть можетъ самъ этого не желая, но невольно подчиняясь толчку, данному отцомъ. Но я искусно обрываю его, и онъ является униженнымъ, когда хотѣлъ унизить меня. Я читаю въ его душѣ. Недовѣріе къ моимъ успѣхамъ, шпильки по отношенію къ нашему положенію въ свѣтѣ. Меня называютъ царицей; отецъ хочетъ развѣнчать меня, но я заставляю покориться его самого. Я знаю его: онъ — это я во многихъ отношеніяхъ.

Вторникъ, 15 августа (3 авг.). Домъ свѣтлый и веселый, какъ фонарь. Цвѣты благоухаютъ, попугай болтаетъ, канарейки поютъ, лакеи суетятся. Около 11 часовъ звонъ колокольчиковъ возвѣщаетъ намъ прибытіе сосѣда. Это г. Гамалей. Можно подумать англичанинъ? Ничуть не бывало: это старинная малороссійская фамилія. Его жена одна изъ здѣшнихъ Броджеръ.

Такъ какъ мой багажъ еще не привезенъ (мы вышли станціей раньше, чѣмъ слѣдовало), я должна была выйти въ бѣломъ пеньюарѣ. Какая огромная разница сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ я была годъ тому назадъ! Тогда я едва осмѣливалась говорить, «не знала, что сказать». Теперь я взрослая, какъ Маргарита. Этотъ господинъ завтракалъ съ нами; но что

сказать о немъ и о тѣхъ, кого я вижу? Прекрасные люди, но за версту отдающіе провинціей.

Передъ обѣдомъ, который слѣдуетъ скоро за завтракомъ, еще посѣтитель — братъ названнаго выше: молодой человѣкъ, много путешествовавшій и очень предупредительный.

Неожиданно привезли мои восемь чемодановъ, и я могла спѣть два романса и играть на роялѣ. Наконецъ я занялась вышиваніемъ, погрузившись въ разговоръ о французской политикѣ и выказывая познанія выше моего... пола. Потомъ я пѣла до одиннадцати часовъ, утомляя свой бѣдный голосъ, едва оправившійся отъ скверная петербургскаго климата.

Второй, бородатый, Гамалей оставался до десяти часовъ.

Въ благословенной Шпатовкѣ только и дѣлаютъ, что ѣдятъ: поѣдятъ, потомъ погуляютъ полчаса, потомъ опять ѣдятъ — и такъ весь день.

Я слегка опиралась на руку Поля, и мысли мои блуждали Богъ знаетъ гдѣ, какъ вдругъ, когда мы проходили подъ вѣтвями, очень низко спускавшимися надъ нашими головами, образуя сплошной потолокъ изъ перемежающихся листьевъ, мнѣ пришло въ голову, что бы сказалъ А..., если бы я проходила по этой аллеѣ съ нимъ подъ руку. Онъ сказалъ бы, слегка наклонившись ко мнѣ, своимъ томнымъ и вкрадчивымъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ только со мною... онъ сказалъ бы мнѣ: «Какъ здѣсь хорошо и какъ я васъ люблю!»

Ничто не можетъ сравниться съ нѣжностью его голоса, когда онъ говорилъ, предназначая свои слова для меня одной. Эти движенія кошки-тигра, эти жгучіе глаза, этотъ упоительный голосъ, глухой и дрожащій, шепчущій слова любви, жалобный или умоляющій съ такой покорностью, съ такой нѣжностью, съ такой страстью! Онъ говорилъ такъ только со мною.

Но такого рода нѣжность свойственна всѣмъ, а онъ казался проникнутымъ ею потому, что это его манера: есть люди, которые всегда точно спѣшатъ куда-то, другіе какъ будто удивлены, третьи — огорчены, хотя этого и нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Какъ бы мнѣ хотѣлось узнать правду во всемъ этомъ. Я желала бы вернуться въ Римъ уже замужемъ; иначе, это было бы униженіемъ. Но я не хочу выходить замужъ, я хочу быть свободной и учиться: я нашла свою дорогу.

Къ тому же, говоря откровенно, было бы глупо выходить замужъ для того, чтобы уколоть А...

Это не то, но я хочу жить, какъ всѣ.

Я недовольна собою сегодня вечеромъ и не знаю, за что особенно.

Среда, 16 августа (4 авг.). Съѣхалась толпа сосѣдей и сосѣдокъ — все сливки здѣшнихъ благословенныхъ мѣстъ. Одна изъ дамъ была въ Римѣ, любитъ древности и имѣетъ дочь, которая не произноситъ ни слова. Совершенно неожиданно явились три амура: судебный слѣдователь, нотаріусъ и секретарь. Дядя уже семь лѣтъ мировой судья и постоянно имѣетъ дѣло съ этими чиновниками.

Черезъ два года онъ будетъ статскимъ совѣтникомъ и сгораетъ нетерпѣніемъ получить орденъ.

Я надѣла голубое шелковое платье и восхитительные башмачки.

Всѣ эти господа не раздражали меня, какъ, бывало, запыленные жители Ниццы, а заставили меня только смѣяться отъ чистаго сердца; они не посмѣли даже приблизиться ко мнѣ, и мы любовались другъ другомъ на разстояніи.

Воскресенье, 20 августа (8 авг.). Я уѣхала вмѣстѣ съ Полемъ, который отлично служитъ мнѣ. Въ Харьковѣ пришлось ждать два часа. Тамъ былъ дядя Александръ. Несмотря на мои депеши, онъ былъ изумленъ при видѣ меня. Онъ говоритъ мнѣ о безпокойствѣ отца, о его опасеніяхъ, что я къ нему не пріѣду. Отецъ постоянно присылалъ за депешами, которыя я писала дядѣ, чтобы знать, гдѣ я.

Словомъ, величайшее желаніе видѣть меня какъ можно скорѣе, если не изъ любви ко мнѣ, то изъ самолюбія.

Дядя Александръ бросилъ нѣсколько камней въ его огородъ, но моя политика — оставаться нейтральной. Онъ досталъ мнѣ карету, или, вѣрнѣе, представилъ мнѣ жандармскаго полковника Мензенканова, который уступилъ мнѣ свою.

Я хорошо себя чувствую на родинѣ, гдѣ всѣ знаютъ меня или моихъ. Нѣтъ этой двусмысленности въ положеніи: можно ходить и дышать свободно. Но я не желала бы жить здѣсь — о, нѣтъ, нѣтъ!

Въ шесть часовъ утра мы были въ Полтавѣ. На станціи ни души. Пріѣхавъ въ гостиницу, я пишу слѣдующее письмо (рѣзкость часто удается):

«Пріѣзжаю въ Полтаву и не нахожу даже коляски. Пріѣзжайте немедленно, я жду васъ въ 12 часовъ. Не могли даже встрѣтить меня прилично. Марія Башкирцева».

Едва успѣла я отправить письмо, какъ въ комнату вбѣжалъ отецъ. Я бросилась къ нему въ объятія съ благородной сдержанностью. Онъ былъ видимо доволенъ моею внѣшностью, такъ какъ счелъ первымъ долгомъ поспѣшно разсмотрѣть мою наружность.

— Какая ты большая! Я и не ожидалъ! И хорошенькая; да, да, хороша, очень хороша, право.

— Такъ-то меня принимаютъ, даже коляски не прислали! Получили вы мое письмо?

— Нѣтъ, я только-что получилъ телеграмму и примчался. Я надѣялся поспѣть къ поѣзду; я весь въ пыли. Чтобы ѣхать скорѣе, я сѣлъ въ тройку молодого Э...

— А я написала вамъ недурное письмо.

— Въ родѣ послѣдней депеши?

— Почти.

— Хорошо, да, очень хорошо.

— Ужъ я такая; мнѣ нужно служить.

— Такъ же, какъ и я; но видишь-ли, я капризенъ, какъ чортъ.

— А я, какъ два.

— Ты привыкла, чтобы за тобой бѣгали, какъ собаченки.

— За мною должны бѣгать, иначе ничего не добьешься.

— Нѣтъ, со мною такъ нельзя.

— Какъ вамъ угодно.

— Но зачѣмъ обращаться со мною, какъ со старикомъ. Я еще живой, молодой человѣкъ!

— Прекрасно и тѣмъ лучше.

— Я не одинъ. Со мною князь Мишель Э... и Павелъ Г., твой кузенъ.

— Такъ позовите же ихъ.

Э... совершенный фатъ, страшно забавный и смѣшной, низко кланяющійся, въ панталонахъ втрое шире обыкновенныхъ и въ воротничкѣ, доходящемъ до ушей. Другого называютъ Пашей; фамилія его слишкомъ замысловатая. Это сильный и здоровый малый, съ каштановыми волосами, хорошо выбритый, съ русской фигурой — широкоплечій, искренній,

серьезный, симпатичный, но мрачный или очень занятой, я еще не знаю.

Меня ждали съ невыразимымъ любопытствомъ. Отецъ въ восторгѣ. Его восхищаетъ моя фигура: тщеславному человѣку пріятно показывать меня.

Мы были готовы ѣхать, но пришлось ждать прислугу и багажъ, чтобы отправиться съ полной торжественностью. Ѣхала карета, запряженная четверкой, коляска и тарантасъ молодого князя съ бѣшеной тройкой.

Мой родитель смотрѣлъ на меня съ удовольствіемъ и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы казаться спокойнымъ и даже равнодушнымъ. Желаніе не выражать своихъ чувствъ — въ его характерѣ.

На половинѣ дороги я пересѣла въ тарантасъ, чтобы мчаться, какъ вѣтеръ. Въ 25 минутъ мы сдѣлали 10 верстъ. За двѣ версты отъ Гавронцева я опять сѣла къ отцу, чтобы доставить ему удовольствіе торжественнаго въѣзда.

На крыльцѣ встрѣтила насъ княгиня Э..., мачиха Мишеля и сестра моего отца.

— Посмотри-ка, — сказалъ отецъ, — какая она большая... и интересная, неправда ли? а?

Надо полагать, что онъ доволенъ мною, если рѣшился на такое изліяніе при одной изъ своихъ сестеръ (но эта очень милая).

Управляющій и другіе пришли поздравить меня съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Имѣніе расположено живописно: холмы, рѣка, деревья, прекрасный домъ и нѣсколько маленькихъ строеній. Всѣ зданія и садъ содержатся хорошо, домъ къ тому же былъ передѣланъ и почти весь вновь меблированъ нынѣшней зимою. Живутъ на широкую ногу, но стараются имѣть видъ простоты и какъ будто говорятъ: «это такъ каждый день».

Разумѣется, за завтракомъ шампанское. Претензія на аристократизмъ и простоту доходитъ до натянутости.

На стѣнахъ портреты предковъ, доказательства древности рода, которыя мнѣ очень пріятны. Красивая бронза, севрскій и саксонскій фарфоръ, предметы искусства. По правдѣ сказать, я не ожидала всего этого.

Отецъ мой прикидывается несчастнымъ, покинутымъ же-

ною, тогда какъ самъ онъ желалъ быть образцовымъ супругомъ.

Большой портретъ maman, сдѣланный въ ея отсутствіе, является выраженіемъ сожалѣнія о потерянномъ счастьѣ и ненависти къ моему дѣду и бабушкѣ, которые разбили это счастье... Мнѣ усиленно желаютъ показать, что мой пріѣздъ ничего не мѣняетъ въ привычкахъ.

Сѣли играть въ карты: я принялась работать по канвѣ и иногда говорила что-нибудь, что слушалось съ любопытствомъ.

Папа всталъ изъ-за картъ и подсѣлъ ко мнѣ, отдавъ карты Пашѣ. Я говорила съ нимъ, продолжая вышивать, и онъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ.

Потомъ онъ предложилъ прогулку; сначала я шла подъ руку съ нимъ, потомъ съ братомъ и съ молодымъ княземъ. Мы зашли къ моей кормилицѣ, которая сдѣлала видъ, будто утираетъ слезы; она кормила меня только три мѣсяца, а настоящая моя кормилица въ Черняковкѣ.

Меня повели довольно далеко.

— Это для того, чтобы возбудить въ тебѣ аппетитъ.

Я жаловалась на усталость и увѣряла, что боюсь травы, гдѣ есть змѣи и другія «дикія животныя».

Отецъ и дочь оба сдержаны. Если бы не было княгини, Мишеля и Паши, было бы гораздо лучше.

Онъ усадилъ меня рядомъ съ собою, чтобы видѣть гимнастическія штуки Мишеля, который изучалъ гимнастику въ циркѣ; онъ слѣдовалъ за циркомъ даже на Кавказъ изъ любви къ молодой наѣздницѣ.

Какъ только я пришла къ себѣ, я вспомнила фразу отца, сказанную случайно или нарочно и, преувеличивая ея значеніе въ моемъ воображеніи, я сѣла въ уголъ и долго плакала, не двигаясь и не моргая глазами, но упорно разсматривая цвѣтокъ на обояхъ. Я была поражена, встревожена, и отчаяніе мое доходило до равнодушія.

Вотъ въ чемъ дѣло, Говорили объ А. и спрашивали меня о немъ. Противъ обыкновенія, я отвѣчала сдержано и не рас- о немъ. Противъ обыкновенія, я отвѣчала сдержанно и не расили отгадывать, и отецъ замѣтилъ съ большимъ равнодушіемъ:

— Я слышалъ, что А... женился три мѣсяца тому назадъ.

Придя къ себѣ, я не разсуждала; я вспомнила эти слова,

легла и лежала, ничего не понимая и чувствуя себя несчастной.

Я взглянула на его письмо: «Мнѣ необходимо слово утѣшенія отъ васъ», — эти слова взволновали меня, и я чуть было не начала обвинять себя.

И потомъ... О, какой ужасъ думать, что любишь, и не любить! Я не могу любить такого человѣка — существо почти невѣжественное, слабое, зависимое. И у меня нѣтъ любви, мнѣ это только причиняетъ непріятности.

У меня зеленая спальня и голубая гостиная, не странно-ли это, когда представить себѣ мои странствованія съ этой зимы! А съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи, сколько разъ мѣнялись мои проводники, мои помѣщенія! Перемѣна помѣщеній, родныхъ, знакомыхъ не вызываетъ во мнѣ никакого удивленія, какъ это было прежде. Всѣ эти равнодушные или покровительствующіе люди, всѣ эти предметы роскоши или пользы смѣшиваются, и я остаюсь хладнокровной и спокойной.

.. **Вторникъ, 22—10 августа.** Здѣшняя жизнь далека отъ искренняго гостепріимства дяди Степана и тети Марьи, которые уступили мнѣ свою комнату и служили мнѣ, какъ негры.

Да это совсѣмъ иное дѣло. Тамъ я была у друзей, у себя; сюда же я пріѣзжаю, минуя установившіяся отношенія и попирая моими маленькими ножками сотни ссоръ и милліоны непріятностей.

Отецъ — человѣкъ сухой, съ дѣтства поломанный страшнымъ генераломъ, отцомъ своимъ. Едва сдѣлавшись свободнымъ и богатымъ, онъ набросился на все и въ половину разорился.

Полный тщеславія и гордости, онъ предпочитаетъ казаться чудовищемъ, чѣмъ показать то, что онъ чувствуетъ, особенно если что-нибудь его трогаетъ, — и въ этомъ отношеніи я на него похожа.

Слѣпой бы увидѣлъ, какъ онъ счастливъ, что я здѣсь, и онъ даже немного показываетъ это, когда мы остаемся одни.

Въ два часа мы поѣхали въ Полтаву. Сегодня утромъ у насъ ужъ была стычка по поводу Бабаниныхъ, а въ коляскѣ отецъ позволилъ себѣ бранить ихъ, вспоминая свое утраченное счастье и обвиняя во всемъ бабушку. Кровь бросилась мнѣ въ лицо, и я рѣзко просила его оставить мертвыхъ въ покоѣ.

— Оставить мертвыхъ! вскричалъ онъ. Но если бы я могъ взять прахъ этой женщины и...

— Замолчите! Вы дерзки и неблаговоспитаны

— Шоколадъ можетъ быть дерзкимъ, а не я.

— Вы также, милый папа, и всѣ тѣ, кому недостаетъ деликатности и воспитанія. Если я настолько деликатна, что молчу, странно, что другіе жалуются. Вамъ нѣтъ дѣла до Бабаниныхъ, вы имѣете дѣло съ вашей женою и дѣтьми; а о другихъ не говорите, какъ я не говорю о вашихъ родныхъ. Оцѣните мое умѣнье держать себя и берите съ меня примѣръ.

Говоря такимъ образомъ, я была очень довольна собою.

— Какъ ты можешь говорить мнѣ такія вещи?

— Я говорю и повторяю: я жалѣю, что я здѣсь.

Я сидѣла спиною къ нему; слезы и рыданія душили меня.

Отецъ смутился, сконфузился, началъ смѣяться и попытался меня поцѣловать и обнять:

— Ну, Мари, помиримся, мы никогда не будемъ говорить объ этомъ; я не буду говорить объ этомъ съ тобой, даю тебѣ честное слово.

Я приняла обычное положеніе и не выражала ни прощенія, ни расположенія, и потому папа удвоилъ свою любезность.

Дитя мое, мой ангелъ (я обращаюсь къ самой себѣ), ты ангелъ, положительно ангелъ!! Если бы ты всегда такъ умѣла держать себя! Но ты еще не могла и только теперь начинаешь прилагать къ дѣйствительности свои теоріи!

Въ Полтавѣ отецъ мой — царь, но какое плачевное царство!

Отецъ очень гордится своей парой буланыхъ лошадей; когда намъ подали ихъ, запряженныхъ въ городскую коляску, я едва вымолвила: «Очень мило».

Мы проѣхались по улицамъ... безлюднымъ, какъ въ Помпеѣ.

Какъ эти люди могутъ такъ жить?.. Но я здѣсь не для того, чтобы изучать нравы города, а потому—мимо...

— Если бы ты пріѣхала немного раньше, сказалъ отецъ, — то застала бы много народа; можно было бы устроить балъ или что-нибудь. Теперь, послѣ ярмарки, не встрѣтишь и собаки.

Мы зашли въ магазинъ заказать полотно для картины:

въ этомъ магазинѣ собираются всѣ полтавскіе франты, но мы не встрѣчали тамъ никого.

Въ городскомъ саду — то же самое.

Отецъ, неизвѣстно почему, никого мнѣ не представляетъ; можетъ быть, онъ боится слишкомъ сильной критики?

Во время обѣда пріѣхалъ М...

Шесть лѣтъ тому назадъ, въ Одессѣ maman часто видѣлась съ m-me М..., и сынъ ея, Грицъ, каждый день приходилъ играть съ Полемъ и со мною, ухаживалъ за мной, приносилъ мнѣ конфеты, цвѣты, фрукты. Надъ нами смѣялись, и Грицъ говорилъ, что онъ не женится ни на комъ, кромѣ меня; на это одинъ господинъ всякій разъ отвѣчалъ: «О, о! какой мальчикъ! онъ хочетъ, чтобы у него была жена министръ!» М... провожали насъ на пароходъ, который долженъ былъ отвезти насъ въ Вѣну. Я была большая кокетка, хотя еще ребенокъ; я позабыла свой гребень, и Грицъ далъ мнѣ свой, а въ минуту разставанія мы поцѣловались съ разрѣшенія родителей. Далеки эти счастливые дни дѣтства!

— Знаете, прелестная кузина, Грицъ глуповатъ и глуховатъ, сказалъ Мишель Э..., пока М. поднимался по лѣстницѣ ресторана.

— Я его знаю хорошо, онъ не глупѣе насъ съ вами, а глухъ онъ немного послѣ болѣзни и особенно потому, что кладетъ вату въ уши, боясь простудиться.

Нѣсколько человѣкъ вошли и пожимали руку отцу, сгорая нетерпѣніемъ быть представленными дочери, пріѣхавшей изъ-за границы, но отецъ не исполнилъ ихъ желанія, сдѣлавъ презрительную гримасу. Я боялась, что съ Грицемъ будетъ то же самое.

— Мари, позволь представить тебѣ Григорія Львовича М..., — сказалъ онъ мнѣ.

— Мы уже давно знакомы, — отвѣчала я, граціозно протягивая руку другу моего дѣтства.

Онъ совсѣмъ не перемѣнился: тотъ же прекрасный цвѣтъ лица, тотъ же тусклый взглядъ, тотъ же маленькій и слегка презрительный ротъ, крошечные усики. Отлично одѣтъ и прекрасныя манеры.

Мы смотрѣли другъ на друга съ любопытствомъ, при чемъ Мишель саркастически улыбался. Папа подмигивалъ, какъ всегда.

Я совсѣмъ не была голодна. Пора было ѣхать въ театръ, который находился въ саду, какъ и ресторанъ.

Я предложила сначала погулять. Примѣрный отецъ бросился между мною и Грицемъ и, когда пора было идти въ театръ, онъ съ живостью предложилъ мнѣ руку. Вотъ настоящій отецъ, — честное слово, какъ въ книжкахъ.

У насъ огромная ложа перваго яруса, обтянутая краснымъ сукномъ, противъ губернаторской.

Князь привезъ букетъ; онъ цѣлый день дѣлаетъ мнѣ признанія и получаетъ въ отвѣтъ: «Уйдите, пожалуйста!» или: «Вы олицетвореніе фатовства, кузенъ!»

Народу немного, и пьеса незначительная. Но въ нашей ложѣ было много интереснаго.

Паша странный человѣкъ. Искренній и откровенный до рябячества, онъ все принимаетъ за чистую монету и говоритъ все, что онъ думаетъ, съ такою простотою, что я готова подозрѣвать, что подъ этимъ добродушіемъ скрывается духъ сарказма.

Иногда онъ молчитъ десять минутъ и, если заговорить съ нимъ, онъ какъ будто пробуждается отъ сна. Если улыбнуться на его комплиментъ и сказать: «какъ вы любезны!», онъ обижается и уходитъ, бормоча: «я совсѣмъ не любезенъ; я говорю это потому, что я такъ думаю».

Я сѣла впереди, чтобы польстить самолюбію отца.

— Вотъ, говорилъ онъ, — вотъ я теперь въ роли отца. Это даже забавно. Вѣдь я еще молодой человѣкъ!

— А, папа, такъ вотъ ваша слабость! Хотите быть моимъ старшимъ братомъ, и я буду называть васъ Константиномъ? Хорошо?

— Отлично!

Намъ очень хотѣлось поговорить наединѣ съ М., но Поль, Э... или папа мѣшали намъ. Наконецъ, я сѣла въ уголъ, составляющій отдѣльную маленькую ложу, обращенную на сцену, и оттуда видны приготовленія актеровъ. Мишель, конечно, послѣдовалъ за мною, но я послала его за стаканомъ воды, и Грицъ сѣлъ рядомъ со мною.

— Я съ нетерпѣніемъ ждалъ васъ, — сказалъ онъ, раз-

сматривая меня съ любопытствомъ. — Вы совсѣмъ не перемѣнились.

— О! это меня огорчаетъ: я была некрасива въ десять лѣтъ.

— Нѣтъ, не то, но вы все та же.

— Гм...

— Я вижу, что означалъ этотъ стаканъ воды, — сказалъ князь, подавая мнѣ стаканъ, — я вижу!

— Смотрите, вы прольете мнѣ на платье, если будете такъ наклоняться.

— Вы не добры, вы моя кузена, а говорите все съ нимъ.

— Онъ мнѣ другъ дѣтства, а вы для меня только мимолетный франтъ.

Мы принялись вспоминать всякія мелочи.

— Мы были оба дѣтьми, и какъ все это остается въ памяти, когда были дѣтьми... вмѣстѣ, неправда-ли?

— Да.

М... умомъ старикъ. Какъ странно слышать, когда этотъ свѣжій, розовый молодой человѣкъ говоритъ о предметахъ серьезныхъ и полезныхъ! Онъ спросилъ, хорошая-ли у меня горничная, потомъ замѣтилъ:

— Это хорошо, что вы много учились: когда у васъ будутъ дѣти...

— Вотъ идея!

— Что же, развѣ я не правъ?

— Да, вы правы.

— Вотъ твой дядя Александръ, — сказалъ мнѣ отецъ.

— Гдѣ?

— Вонъ, напротивъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ тутъ, съ женою. Дядя Александръ пришелъ къ намъ, но въ слѣдующій антрактъ отецъ отослалъ его къ тетѣ Надѣ. Эта милая женщина рада мнѣ, я также радуюсь.

Въ одинъ изъ антрактовъ я пошла въ садъ съ Полемъ; отецъ побѣжалъ за мною и повелъ меня подъ руку.

— Видишь, — сказалъ онъ мнѣ, — какъ я любезенъ съ твоими родственниками. Это доказываетъ мое умѣнье жить.

— Прекрасно, папа; кто хочетъ быть со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, долженъ исполнять мои желанія и служить мнѣ.

— Ну, нѣтъ!

— Да! какъ вамъ угодно! Но признайтесь, что вамъ пріятно имѣть такую дочь, какъ я: хорошенькую, хорошо сложенную, хорошо одѣвающуюся, умную, образованную... Признайтесь.

— Признаюсь, это правда.

— И несмотря на то, что вы молоды и что всѣ удивлены видѣть у васъ такихъ большихъ дѣтей?

— Да, я еще очень молодъ.

— Папа, давайте ужинать въ саду!

— Это не принято.

— Но съ отцомъ, съ предводителемъ дворянства, котораго здѣсь всѣ знаютъ, который стоитъ во главѣ полтавской золотой молодежи!

— Но насъ ждутъ лошади.

— Я хотѣла просить васъ, чтобы вы отослали ихъ; мы вернемся на извозчикѣ.

— Ты на извозчикѣ? никогда! А ужинать не принято.

— Папа, когда я снисхожу до того, чтобы находить что-нибудь приличнымъ, странно, что со мной не соглашаются.

— Ну, хорошо, мы будемъ ужинать, но только для твоего удовольствія. Мнѣ все это наскучило.

Мы ужинали въ отдѣльной залѣ, которую потребовали изъ уваженія ко мнѣ. Тутъ были Башкирцевы; отецъ и сынъ, дядя Александръ съ женою, Паша, Э... М. и я. Послѣдній постоянно накидывалъ мнѣ на плечи плащъ, увѣряя, что иначе я простужусь.

Пили шампанское; Э. откупоривалъ бутылку за бутылкой и наливалъ мнѣ послѣднюю каплю.

Провозгласили нѣсколько тостовъ, и другъ моего дѣтства взялъ свой бокалъ и, нагнувшись ко мнѣ, тихо сказалъ: «за здоровье вашей матушки!» Онъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, и я отвѣчала ему также тихо взглядомъ искренней благодарности и дружеской улыбкой.

Черезъ нѣсколько минутъ я сказала громко:

— За здоровье мамы!

Всѣ выпили. М. ловилъ мои малѣйшія движенія и старался поддѣлаться подъ мои мнѣнія, мои вкусы, мои шутки. А я забавлялась тѣмъ, что измѣняла ихъ и конфузила его. Онъ все слушалъ меня и наконецъ воскликнулъ:

— Но она прелестна—съ такой искренностью, простотой и радостью, что мнѣ самой это доставило удовольствіе.

Тетя Надя вернулась въ коляскѣ съ папа; я поѣхала къ ней, и мы вдоволь наболтались.

— Милая Муся, — сказалъ дядя Александръ, — ты меня восхищаешь; я въ восторгѣ отъ твоего достойнаго поведенія съ твоими родителями и особенно съ твоимъ отцомъ. Я боялся за тебя, но если ты будешь такъ продолжать, все устроится хорошо, увѣряю тебя!

— Да, — сказалъ Поль,—въ одинъ мѣсяцъ ты покоришь отца, а это было бы счастьемъ для всѣхъ.

Отецъ взялъ комнату рядомъ со мною, направо, и въ моей передней положилъ спать своего лакея.

— Надѣюсь, что она въ сохранности, сказалъ онъ дядѣ. — Я веселый человѣкъ, но когда мать поручаетъ ее мнѣ, я оправдаю ея довѣріе и свято исполню свой долгъ.

Вчера я взяла у отца 25 рублей и сегодня имѣла удовольствіе возвратить ихъ ему.

Мы уѣхали тѣмъ же порядкомъ, какъ вчера.

Какъ только мы выѣхали въ поле, отецъ спросилъ меня:

— Что же, мы будемъ еще сражаться сегодня?

— Сколько угодно.

Онъ обнялъ меня, завернулъ меня въ свою шинель и положилъ мою голову къ себѣ на плечо.

А я закрыла глаза — я всегда такъ дѣлаю, когда хочу быть ласковой.

Мы сидѣли такъ нѣсколько минутъ.

— Теперь сядь прямо, — сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ шинель, а то мнѣ будетъ холодно.

Онъ укуталъ меня въ шинель, и я начала разсказывать о Римѣ, о заграничной жизни, о свѣтскихъ удовольствіяхъ, старалась доказать, что намъ было тамъ хорошо, говорила о г-нѣ Фаллу, о баронѣ Висконти, о папѣ. Я заговорила о полтавскомъ обществѣ.

— Проводить жизнь за картами... Разоряться въ глуши провинціи на шампанское въ трактирахъ! Погрязнуть, заплѣсневѣть!.. Что бы ни было, всегда слѣдуетъ быть въ хорошемъ обществѣ.

— Ты, кажется, намекаешь на то, что я въ дурномъ обществѣ, — сказалъ онъ, смѣясь.

— Я? нисколько, я говорю вообще, ни о комъ особенно.

Мы договорились до того, что онъ спросилъ, сколько можетъ стоитъ въ Ниццѣ большое помѣщеніе, гдѣ бы можно было устраивать празднества.

— Знаешь, сказалъ онъ, — если бы я поѣхалъ туда на одну зиму, положеніе бы совсѣмъ измѣнилось.

— Чье положеніе?

— Птицъ небесныхъ, — сказалъ онъ смѣясь, какъ будто чѣмъ-то задѣтый.

— Мое положеніе? да, правда. Но Ницца непріятный городъ... Отчего-бы вамъ не пріѣхать на эту зиму въ Римъ?

— Мнѣ? гмъ!.. Да... гмъ!

Все равно: первое слово сказано и упало на добрую почву. Я боюсь только вліяній. Мнѣ надо пріучить къ себѣ этого человѣка, сдѣлаться ему пріятной, необходимой и воздвигнуть для моей тетки Т. стѣну между ея братомъ и ея злостью.

Онъ радъ, что я могу говорить обо всемъ. Передъ обѣдомъ я говорила о химіи съ К., отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ, огрубѣвшимъ отъ жизни въ провинціи и отъ всеобщихъ насмѣшекъ. Это всегдашній посѣтитель.

Отецъ сказалъ, вставая:

— Неправда-ли, Паша, она очень ученая?

— Вы смѣетесь, папа?

— Нисколько, нисколько, но это очень хорошо, да. Очень хорошо, гмъ... очень хорошо!

..**Среда, 23 августа (11 августа).** Я пишу maman почти столько же, сколько въ мой дневникъ. Это будетъ ей полезнѣе всѣхъ лѣкарствъ въ мірѣ. Я кажусь вполнѣ довольной; но я еще не довольна; я все разсказала съ точностью, но не увѣрена въ успѣхѣ, пока не доведу дѣла до конца. Во всякомъ случаѣ увидимъ. Богъ очень добръ.

Паша мнѣ двоюродный братъ, сынъ сестры моего отца. Этотъ человѣкъ меня интересуетъ. Сегодня утромъ зашелъ разговоръ о моемъ отцѣ, и я сказала, что сыновья всегда критикуютъ поступки отцовъ, а ставъ на ихъ мѣсто, поступаютъ такъ же и вызываютъ такую же критику.

— Это совершенно вѣрно, сказалъ Паша, — но мои сы-

новья не будутъ критиковать меня, такъ какъ я никогда не женюсь.

— Еще не бывало молодыхъ людей, которые не говорили бы этого, — сказала я, послѣ минутнаго молчанія.

— Да, но это другое дѣло.

— Почему же?

— Потому, что мнѣ двадцать два года, а я не былъ влюбленъ, и ни одна женщина не была для меня привлекательна.

— Это вполнѣ естественно. До этихъ лѣтъ и не слѣдуетъ быть влюбленнымъ.

— Какъ? А всѣ эти мальчики, которые влюблены съ 14-ти лѣтъ?

— Всѣ эти «влюбленности» не имѣютъ никакого отношенія къ любви.

— Можетъ быть, но я не похожъ на другихъ; я вспыльчивъ, гордъ, т. е. самолюбивъ, и потомъ...

— Но все это качества, которыя вы называете...

— Хорошія?

— Да, конечно.

Потомъ, не знаю по какому поводу, онъ сказалъ мнѣ, что сошелъ бы съ ума, если бы умерла его мать.

— Да, на годъ, а потомъ...

— О, нѣтъ, я сошелъ бы съ ума, я это знаю.

— На годъ... все забывается, когда видишь новыя лица.

— Значитъ, вы отрицаете вѣчныя чувства и добродѣтель?

— Совершенно.

— Странно, Муся, сказалъ онъ, — какъ скоро сближаешься, когда нѣтъ натянутости. Третьяго дня я говорилъ вамъ: «Марья Константиновна», вчера «m-lle Муся, а сегодня...

— Просто Муся; я вамъ это приказала.

— Мнѣ кажется, что мы всегда были вмѣстѣ, такъ вы просты и привлекательны.

— Неправда ли?

Я заговорила съ крестьянами, которые попадались намъ на дорогѣ и въ лѣсу, и вообразите — я очень недурно говорю по-малороссійски.

Ворскла, протекающая въ имѣніи отца, лѣтомъ такъ

мелка, что ее переходятъ въ бродъ, но весной это большая рѣка. Мнѣ вздумалось войти съ лошадью въ воду; я такъ и сдѣлала, приподнявъ мою амазонку. Это пріятное чувство и прелестное зрѣлище для другихъ. Вода доходила до колѣнъ лошади.

Я согрѣвалась отъ жары и ѣзды и попробовала мой голосъ, который понемногу возвращается. Я спѣла «Lacrymosa» изъ заупокойной мессы, какъ пѣла въ Римѣ.

Отецъ ожидалъ насъ подъ колоннадой и осматривалъ насъ съ удовольствіемъ.

— Что же, обманула я васъ и плохо ѣзжу верхомъ? Спросите Пашу, какъ я ѣзжу. Хороша я такъ?

— Это правда, да, гм!.. очень хорошо, право. Онъ разглядывалъ меня съ удовольствіемъ. Я нисколько не жалѣю, что привезла тридцать платьевъ; отца можно побѣдить, дѣйствуя на его тщеславіе.

Въ эту минуту пріѣхалъ М... съ чемоданомъ и камердинеромъ. Когда онъ поклонился мнѣ, и я отвѣтила на обычные комплименты, я ушла перемѣнить платье, сказавъ: «Я сейчасъ вернусь».

Я вернулась въ платьѣ изъ восточнаго газа со шлейфомъ длиною въ два метра, въ шелковомъ корсажѣ, открытомъ спереди, какъ во времена Людовика XV, и связанномъ большимъ бѣлымъ бантомъ; юбка, конечно, вся гладкая, и шлейфъ четыреугольный.

М... говорилъ со мною о туалетахъ и восхищался моимъ платьемъ.

Его считаютъ глупымъ, но онъ говоритъ обо всемъ: о музыкѣ, объ искусствѣ, о наукѣ. Правда, что говорю я, а онъ только отвѣчаетъ: «Вы правы, это вѣрно».

Я не говорила о моихъ занятіяхъ, боясь его испугать. Но за обѣдомъ я была къ этому вынуждена; я сказала латинскій стихъ, и у меня завязался съ докторомъ разговоръ о классической литературѣ и современныхъ подражаніяхъ.

Всѣ воскликнули, что я удивительное существо, что нѣтъ ничего въ мірѣ, о чемъ бы я не могла говорить, нѣтъ такого предмета разговора, въ которомъ бы я не чувствовала себя свободно.

Папа дѣлалъ усилія, достойныя героя, чтобы не дать замѣтить своей гордости. Потомъ цыпленокъ съ трюфелями вы-

звалъ разговоръ о кулинарномъ искусствѣ, и я выказала такія гастрономическія познанія, что М... еще больше раскрылъ глаза и ротъ.

Потомъ, переходя къ «поддѣлкамъ», я начала объяснять всю пользу хорошей кухни, доказывая, что хорошая кухня создаетъ хорошихъ людей.

Я поднялась въ первый этажъ. Гостиныя очень большія, особенно бальная зала; туда только вчера поставили фортепіано.

Я начала играть. Бѣдный К. дѣлалъ отчаянные жесты, чтобы заставить Поля прекратить его болтовню.

— Боже мой, — восклицалъ этотъ добрый малый, — слушая васъ, я забываю, что уже шесть лѣтъ я ржавѣю и плѣсневѣю въ провинціи. Я оживаю.

Я нехорошо играла сегодня, я часто мазала; но нѣкоторыя вещи я играла недурно; все равно, я знала, что бѣдный К. говоритъ искренно, и удовольствіе, которое я ему доставляла, доставляло удовольствіе и мнѣ.

Капитаненко стоялъ на лѣво отъ меня, Э... и Поль сзади, а Грицъ смотрѣлъ на меня и слушалъ съ сдерживаемымъ восторгомъ; другихъ я не видѣла.

Когда я кончила играть «Ручей», всѣ они поцѣловали мнѣ руку.

Папа подмигивалъ, лежа на диванѣ. Княгиня работала, не говоря ни слова; она добрая женщина.

Я чувствую себя свободно у отца, одного изъ первыхъ лицъ губерніи, я не боюсь ни недостатка уваженія, ни легкомыслія.

Въ десять часовъ папа подалъ знакъ, что пора расходиться, и поручилъ Полю молодыхъ людей, которые помѣщаются вмѣстѣ съ нимъ въ красномъ домѣ.

Я сказала отцу: «Вотъ какъ мы сдѣлаемъ; когда я поѣду за границу, вы поѣдете со мною».

— Я подумаю объ этомъ, да, можетъ быть.

Я была довольна; наступило молчаніе; потомъ мы заговорили о другомъ, и, когда онъ вышелъ, я отправилась къ княгинѣ, чтобы посидѣть съ нею четверть часа.

Я просила отца пригласить сюда дядю Александра, и онъ написалъ ему очень любезное письмо.

Что вы обо мнѣ скажете?

Я скажу, что я ангелъ, только бы Богъ продолжалъ быть добрымъ.

Не смѣйтесь надъ моею набожностью; только начните, и вы найдете все страннымъ въ моемъ дневникѣ. И если бы я стала критиковать себя, какъ писателя, я провела бы надъ этимъ всю жизнь.

Четвергъ, 24 августа (12 авг.). Въ девять часовъ я пришла къ отцу. Я застала его безъ сюртука, завязывающаго съ усиліями галстукъ. Я завязала ему галстукъ и поцѣловала его въ лобъ.

Мужчины сошлись пить чай; пришелъ и Паша. Вчера вечеромъ его не было, и лакей объявилъ, что онъ «лежитъ, какъ больной». Другіе смѣялись надъ его медвѣжьей предупредительностью по отношенію ко мнѣ, но онъ такъ глубоко чувствуетъ малѣйшую вещь, что объ этомъ не говорили ни слова сегодня утромъ.

Э... выписалъ для моего удовольствія кегли, крокетъ и микроскопъ съ коллекціей блохъ.

Произошло нѣчто въ родѣ скандала. Впрочемъ, посудите сами. Поль вынулъ изъ своего альбома портретъ актрисы, хорошо знакомой отцу; папа, замѣтивъ это, вынулъ и свой портретъ.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? — спросилъ Поль съ удивленіемъ.

— Я боюсь, что ты бросишь и мои портреты.

Я не обратила на это вниманія, но сегодня Поль отвелъ меня въ другую комнату и показалъ мнѣ свой пустой альбомъ, съ портретомъ одной только актрисы.

— Я сдѣлалъ это для отца, но я долженъ былъ вынуть всѣ другіе портреты; вотъ они всѣ.

— Покажи мнѣ.

Я отобрала всѣ фотографіи дѣдушки, бабушки, maman и мои и положила ихъ въ карманъ.

— Что это значитъ? вскричалъ Поль.

— Это значитъ, — отвѣчала я спокойно, — что я беру назадъ наши портреты; здѣсь они въ слишкомъ дурномъ обществѣ.

Братъ чуть не заплакалъ, разорвалъ альбомъ и вышелъ. Я сдѣлала это въ гостиной, при другихъ, и отецъ это узнаетъ.

Мы долго гуляли по саду, были въ часовнѣ и склепѣ, гдѣ

лежатъ останки дѣдушки и бабушки Башкирцевыхъ. М... былъ моимъ кавалеромъ и помогалъ мнѣ подниматься и опускаться.

Мишель слѣдовалъ за мною, точно собака на заднихъ лапкахъ, и дѣлалъ Грицу отчаянные жесты.

Папа шелъ впереди и иногда смотрѣлъ на меня такъ злобно, что я отворачивалась.

Если бы мама знала, что за ужиномъ въ Полтавѣ я выпила послѣднюю каплю шампанскаго и что, когда пили за мое здоровьe, руки тети Нади, дяди Александра, мои и Грица скрестились, какъ для свадьбы! .. Бѣдная мама, какъ бы она была счастлива!

Грицъ, безъ сомнѣнія, таетъ, но я въ глубинѣ души молюсь о томъ, чтобы онъ не дѣлалъ мнѣ предложенія. Ограниченный, тщеславный, а мать настоящая вѣдьма!

Мы вспоминали наше дѣтство, общественный садъ въ Одессѣ.

— Я тогда ухаживалъ за вами.

Я отвѣчаю самыми любезными улыбками, пока нашъ фатъ съ умоляющимъ видомъ проситъ позволить ему нести мой шлейфъ. Онъ уже вчера несъ его и получилъ прозваніе пажа.

Мы сыграли партію въ крокетъ. Пріятно возбужденная, я вернулась въ китайскую гостиную (названную такъ по вазамъ и кукламъ) и, сѣвъ на полъ, начала разбирать мои кисти и краски. Отецъ не довѣряетъ моимъ талантамъ. Я усадила Мишеля въ кресло. Грица въ другое и, сидя на полу, въ четверть часа сдѣлала каррикатуру Мишеля на доскѣ, которую поддерживалъ Грицъ, служа мнѣ мольбертомъ. И пока я проводила кистью направо и налѣво, я чувствовала, что меня пожираютъ глазами.

Отецъ былъ доволенъ, а Мишель поцѣловалъ мнѣ руку.

Я взошла наверхъ и сѣла за рояль. Паша слушалъ меня издали. Скоро пришли другіе и размѣстились, какъ вчера. Но, когда перешли отъ музыки къ разговору, Грицъ и Мишель начали говорить о томъ, какъ они проведутъ зиму въ Петербургѣ.

— Воображаю, что вы тамъ будете дѣлать, — сказала я. — Хотите, я опишу вамъ вашу жизнь, а вы мнѣ скажете, правда ли это?

— Да, да!

— Прежде всего, вы меблируете квартиру самой нелѣпой

мебелью, купленной у ложныхъ антикваріевъ и украсите самыми обыкновенными картинами, выдаваемыми за оригиналы: вѣдь страсть къ искусству и рѣдкостямъ необходима. У васъ будутъ лошади, кучеръ, который будетъ позволять себѣ шутить съ вами; вы будете совѣтоваться съ нимъ, и онъ будетъ вмѣшиваться въ ваши сердечныя дѣла. Вы будете выходить съ моноклемъ на Невскій и подойдете къ группѣ друзей, чтобы узнать новости дня. Вы будете смѣяться до слезъ надъ остротами одного изъ этихъ друзей, ремесло котораго состоитъ въ томъ, чтобы говорить остроумныя вещи. Вы спросите, когда бенефисъ Жюдикъ и былъ ли кто-нибудь у m-me Дамы. Вы посмѣетесь надъ княжной Лизой и будете восторгаться молодой графиней Софи. Вы зайдете къ Борелю, гдѣ будетъ непремѣнно знакомый вамъ Франсуа, Батистъ или Дезире, который подбѣжитъ къ вамъ съ поклономъ и разскажетъ вамъ, какіе ужины были и какихъ не было; вы услышите отъ него о послѣднемъ скандалѣ князя Пьера и о произшествіи съ Констанціей. Вы проглотите съ ужасной гримасой рюмку чего-нибудь очень крѣпкаго и спросите, лучше ли приготовлено то, что подавалось на послѣднемъ ужинѣ князя, чѣмъ вашъ ужинъ. И Франсуа и Дезире отвѣтятъ вамъ: «Князь, развѣ эти господа думаютъ объ этомъ?» Онъ скажетъ вамъ, что индѣйки выписаны изъ Японіи, а трюфели изъ Китая. Вы бросите ему два рубля, оглядываясь вокругъ, и сядете въ экипажъ, чтобы слѣдовать за женщинами, смѣло изгибаясь направо и налѣво и обмѣниваясь замѣчаніями съ кучеромъ, который толстъ, какъ слонъ, и извѣстенъ вашимъ друзьямъ тѣмъ, что выпиваетъ по три самовара въ день чаю. Вы поѣдете въ театръ и, наступая на ноги тѣхъ, которые пріѣхали раньше васъ, и пожимая руки или, вѣрнѣе, протягивая пальцы друзьямъ, которые говорятъ вамъ объ успѣхѣ новой актрисы, вы будете лорнировать женщинъ съ самымъ дерзкимъ видомъ, надѣясь произвести эффектъ.

И какъ вы ошибаетесь! И какъ женщины видятъ васъ насквозь!

Вы готовы будете разориться, чтобы быть у ногъ парижской звѣзды, которая, погаснувъ тамъ, пріѣхала блистать у васъ.

Вы ужинаете и засыпаете на коврѣ, но лакеи ресторана не оставляютъ васъ въ покоѣ: вамъ подкладываютъ подушку

подъ голову и покрываютъ васъ одѣяломъ сверхъ вашего фрака, облитаго виномъ, и сверхъ вашего помятаго воротничка.

Утромъ вы возвращаетесь домой, чтобы лечь спать, или, скорѣе, васъ привозятъ домой. И какіе вы тогда блѣдные, некрасивые, всѣ въ морщинахъ! И какъ вы жалко сами себѣ!

А тамъ, тамъ... около тридцати пяти или сорока лѣтъ вы кончите тѣмъ, что влюбитесь въ танцовщицу и женитесь... Она будетъ васъ бить, а вы будете играть самую жалкую роль за кулисами, пока она танцуетъ.

Тутъ меня прервали, Грицъ и Мишель падаютъ на колѣни и просятъ позволенія поцѣловать мою руку, говоря, что это баснословно и что я говорю, какъ книга!

— Только послѣднее... — сказалъ Грицъ. — Все вѣрно, кромѣ танцовщицы. Я женюсь только на свѣтской женщинѣ. У меня есть семейныя наклонности: я буду счастливъ, когда у меня будетъ мой домъ, жена, толстыя дѣти, которыя кричатъ. Я буду безумно любить ихъ.

Мы играли въ крокетъ, папа наблюдалъ за нами. Онъ замѣчаетъ ухаживаніе Грица. И какъ ему не ухаживать? я здѣсь одна.

Онъ долженъ былъ уѣхать въ четыре часа, но въ пять часовъ онъ просилъ у меня позволенія остаться обѣдать, а послѣ обѣда объявилъ, что ему было бы пріятнѣе не пускаться въ путь ночью.

Я говорила о мебели, объ экипажахъ, о ливреяхъ, о порядкѣ дома. И мнѣ было пріятно видѣть, какъ отецъ ловилъ мои слова и дѣлалъ мнѣ всевозможные вопросы, забывая свою сдержанность и гордость.

Грицъ говорилъ много, какъ человѣкъ неумный, но свѣтскій и знакомый со всѣми.

У меня были въ рукахъ всѣ мои фотографіи, и онъ просилъ меня дать ему одну. Я не умѣю отказывать, да къ тому же это старый другъ, и я дала ему.

Но я не согласилась дать ему маленькую карточку, за которую онъ готовъ былъ отдать «два года своей жизни».

O! Dio mio!

Пятница, 25 августа (13 авг.). М... и Мишель уѣхали послѣ завтрака.

Отецъ предложилъ поѣхать въ Павловскъ, свое другое имѣніе.

Ко мнѣ онъ относится какъ нельзя лучше, но сегодня я нервна и говорила мало: малѣйшіе разговоры могли бы вызвать у меня слезы.

Но, думая о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на maman это полное отсутствіе празднествъ и блеска, я сказалу отцу, что мнѣ хочется видѣть людей и имѣть развлеченія и что я нахожу мое положеніе страннымъ.

— Если ты этого желаешь, — отвѣтилъ онъ, — твое желаніе будетъ исполнено! Хочешь, я повезу тебя къ губернаторшѣ?

— Хочу.

— Ну, хорошо.

Успокоившись на этотъ счетъ, я спокойно побывала на работахъ, на хуторѣ, и даже входила въ подробности того, что меня не занимало, но могло мнѣ пригодиться, чтобы при случаѣ сдѣлать замѣчаніе знатока о хозяйствѣ и удивить кого-нибудь разговоромъ о посѣвѣ ячменя или о качествѣ ржи, рядомъ со стихомъ изъ Шекспира и тирадой изъ философіи Платона.

Вы видите, я извлекаю пользу изъ всего.

Паша досталъ мнѣ мольбе́ртъ и передъ обѣдомъ мнѣ прислали изъ Полтавы два большихъ холста черезъ М...

— Какъ ты находишь М...? — спросилъ папа.

Я сказала, что думаю о немъ.

— Мнѣ, — сказалъ Паша, — онъ въ первый день не понравился, а потомъ я полюбилъ его.

— А я понравилась вамъ съ перваго раза?—спросила я.

— Вы? Зачѣмъ?

— Скажите же.

— Ну, хорошо, вы мнѣ понравились. Я не ожидалъ, что вы такая, я думалъ, что вы не умѣете говорить по-русски, что вы неестественны... и... и вотъ!

— Хорошо.

Я сказала ему, какое печальное впечатлѣніе производятъ на меня деревня и сжатыя поля.

— Да, — сказалъ Паша, — все желтѣетъ. Какъ время летитъ! Мнѣ кажется, что еще вчера была весна.

— Всегда говорятъ одно и то же. Мы тамъ гораздо

счастливѣе: у насъ не бываетъ такихъ замѣтныхъ перемѣнъ.

— Но зато вы не наслаждаетесь весною, — сказалъ Паша съ увлеченіемъ.

— Тѣмъ лучше для насъ. Рѣзкія перемѣны вредятъ ровности настроенія, и жизнь гораздо лучше, котда мы спокойны.

— Какъ вы говорите?

— Я говорю, что весна въ Россіи время, благопріятное для обмановъ и подлостей.

— Какъ такъ?

— Зимою, когда все вокругъ насъ холодно, мрачно, спокойно, мы сами мрачны, холодны, недовѣрчивы. Настаютъ жаркіе, солнечные дни, и мы мѣняемся, такъ какъ погода сильно дѣйствуетъ на характеръ, настроеніе и даже убѣжденія человѣка. Весною чувствуешь себя счастливѣе и потому лучше; отсюда недовѣріе къ злу и къ подлости людей. Какимъ образомъ, — когда я такъ счастливъ, такъ восторженно настроенъ къ добру, — какимъ образомъ можетъ оставаться мѣсто для дурныхъ помысловъ въ сердцахъ другихъ? Вотъ что говоритъ себѣ каждый. А у насъ не испытываешь этого опьяненія или испытываешь гораздо слабѣе; я думаю, что это состояніе болѣе нормальное и почти всегда одинаково.

Паша пришелъ въ такой восторгъ, что просилъ дать ему мой портретъ, обѣщая носить его въ медальонѣ всю жизнь.

— Потому, что я люблю и уважаю васъ, какъ никого на свѣтѣ.

Княгиня широко раскрыла глаза, а я засмѣялась и просила Пашу поцѣловать мнѣ руку.

Онъ противился, краснѣлъ и, наконецъ, повиновался.

Странный и дикій человѣкъ. Сегодня днемъ я говорила о моемъ презрѣніи къ человѣческому роду.

— А, такъ вы вотъ какъ! — воскликнулъ онъ.—Такъ я, значитъ, только жалкій подлецъ!..

И весь красный и дрожащій онъ выбѣжалъ изъ гостиной.

Суббота, 26 августа (14 авг.). Можно умереть съ тоски въ деревнѣ!

Съ изумительной быстротой я сдѣлала эскизы двухъ портретовъ отца и Поля въ тридцать пять минутъ. Сколько женщинъ, которыя не могли бы этого сдѣлать!

Отецъ, считавшій мой талантъ за тщеславное хвастовство, теперь призналъ его и остался очень доволенъ; я была въ восторгѣ, такъ какъ рисовать значитъ приближаться къ одной изъ моихъ цѣлей. Каждый часъ, употребленный не на это или не на кокетство (такъ какъ кокетство ведетъ къ любви, а любовь, можетъ быть, къ замужеству), падаетъ мнѣ на голову, какъ тяжесть. Читать? нѣтъ! Дѣйствовать? Да!

Сегодня утромъ отецъ вошелъ ко мнѣ и когда послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ, Поль вышелъ, водворилось молчаніе; я чувствовала, что отецъ хочетъ что-то сказать и такъ какъ я хотѣла говорить съ нимъ о томъ же, я нарочно молчала, сколько для того, чтобы не начинать первой, столько и для того, чтобы видѣть колебаніе и затруднительное положеніе другого.

— Гмъ... что ты сказала? — спросилъ онъ наконецъ.

— Я, папа? Ничего.

— Гмъ... ты сказала... гмъ... чтобы я поѣхалъ съ тобой въ Римъ. Такъ какъ же?

— Очень просто.

— Но...

Онъ колебался и перебиралъ мои щетки и гребни.

— Но если я поѣду съ тобою... гмъ... и maman не пріѣдетъ? Тогда... видишь ли, если она не пріѣдетъ... гмъ... то какъ же быть?

А! а! милѣйшій папа! Наконецъ-то! Это вы колеблетесь... это чудесно! Это отлично!

— Мама? мама пріѣдетъ.

— Ты думаешь?

— Мама сдѣлаетъ все, чего я хочу. Ея больше нѣтъ, существую только я.

Тогда, видимо облегченный, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно того, какъ мама проводитъ время, спросилъ и о многихъ другихъ вещахъ.

Отчего это мама предостерегала меня отъ злобнаго направленія его ума, отъ его привычки смущать и унижать людей? Потому что это правда.

Но почему же я не унижена, не сконфужена, между тѣмъ какъ это было всегда съ мамой.

Потому, что отецъ умнѣе мамы, а я умнѣе его.

Кромѣ того, онъ уважаетъ меня, потому что я всегда его побѣждаю, и разговоръ со мною полонъ интереса для чело-

вѣка, ржавѣющаго въ Россіи, но достаточно образованнаго для того, чтобы оцѣнить познанія другихъ.

Я напомнила ему о моемъ желаніи видѣть полтавское общество, но по его отвѣтамъ я видѣла, что онъ не хочетъ мнѣ показывать людей, среди которыхъ онъ блистаетъ. Но когда я сказала, что желаю этого непремѣнно, онъ отвѣтилъ, что желаніе мое будетъ исполнено и вмѣстѣ съ княгиней принялся составлять списокъ дамъ, къ которымъ нужно поѣхать.

— А m-me M... вы съ ней знакомы? — спросила я.

— Да, но я не ѣзжу къ ней; она живетъ очень уединенно.

— Но мнѣ нужно будетъ поѣхать къ ней съ вами; она знала меня ребенкомъ, она дружна съ maman и, когда она меня знала, я производила невыгодное впечатлѣніе въ физическомъ отношеніи. Я бы желала изгладить это дурное впечатлѣніе.

— Хорошо, поѣдемъ. Но я на твоемъ мѣстѣ не поѣхалъ бы.

— Почему?

— Потому... гм... что можетъ подумать...

— Что?

— Разныя вещи.

— Нѣтъ, скажите; я люблю, когда говорятъ прямо, и намеки меня раздражаютъ.

— Она подумаетъ, что ты имѣешь виды... Она подумаетъ, что ты желаешь, чтобы сынъ ея сдѣлалъ тебѣ предложеніе.

— Грицъ М..! О, нѣтъ папа́, она этого не подумаетъ. М... прекрасный молодой человѣкъ, другъ дѣтства, котораго я очень люблю, но выйти за него замужъ! Нѣтъ, папа́, не такого мужа я желаю. Будьте покойны.

Кардиналъ умираетъ.

Ничтожный человѣкъ (я говорю о племянникѣ)! За обѣдомъ говорили о храбрости, и я сказала замѣчательно вѣрную вещь: тотъ, кто боится и идетъ навстрѣчу опасности, болѣе храбръ, чѣмъ тотъ, кто не боится, чѣмъ больше страхъ, тѣмъ больше заслуга.

Воскресенье, 27 августа (15 авг.). Въ первый разъ въ жизни я наказала кого-нибудь, именно Шоколада.

Онъ написалъ свой матери, прося у нея позволенія остаться въ Россіи на болѣе выгодномъ мѣстѣ, чѣмъ у меня.

Эта неблагодарность огорчила меня за него; я позвала его, обличила его передъ всѣми и приказала ему стать на колѣни. Мальчикъ заплакалъ и не повиновался. Тогда я должна была взять его за плечи и скорѣе отъ стыда, чѣмъ отъ насилія онъ сталъ на колѣни, пошатнувъ этажерку съ севрскимъ фарфоромъ. А я, стоя среди гостиной, метала громы моего краснорѣчія и кончила тѣмъ, что грозила отправить его во Францію въ четвертомъ классѣ, вмѣстѣ съ быками и баранами, при посредствѣ консула негровъ.

— Стыдно, стыдно, Шоколадъ! Ты будешь ничтожный человѣкъ! Встань и уйди.

Я разсердилась не на шутку, а когда черезъ пять минутъ эта обезьянка пришла просить прощенія, я сказала, что, если онъ раскаивается по приказанію г. Поля, то мнѣ не нужно его раскаянія.

— Нѣтъ, я самъ.

— Такъ ты самъ раскаиваешься?

Онъ плакалъ, закрывъ глаза кулаками.

— Скажи, Шоколадъ, я не разсержусь.

— Да...

— Ну, хорошо, иди, я прощаю, но понимаешь ли ты, что все это для твоей же пользы?

Шоколадъ будетъ или великимъ человѣкомъ или великимъ негодяемъ.

Понедѣльникъ, 28 августа (16 авг.). Отецъ былъ въ Полтавѣ по службѣ. Что же касается меня, то я пыталась разсуждать съ княгиней, но скоро мы перешли на разговоръ о любви, о мужчинахъ и короляхъ.

Мишель привезъ дядю Александра, а позднѣе пріѣхалъ Грицъ.

Есть дни, когда чувствуешь себя не по себѣ. Сегодня такой день.

М... привезъ букетъ княгинѣ и, минуту спустя, началъ говорить съ дядей Александромъ о разведеніи барановъ.

— Я предпочитаю, чтобы вы говорили о букетахъ, чѣмъ о баранахъ, Грицъ, — сказалъ отецъ.

— Ахъ, папа́,—замѣтила я,—вѣдь бараны даютъ букетъ.

У меня не было никакой задней мысли, но всѣ переглянулись, и я покраснѣла до ушей.

А вечеромъ мнѣ очень хотѣлось, чтобы дядя видѣлъ, что Грицъ ухаживаетъ за мною, но не удалось. Этотъ глупый человѣкъ не отходилъ отъ Мишеля.

Впрочемъ, онъ въ самомъ дѣлѣ глупъ, и всѣ здѣсь говорятъ это. Я хотѣла было вступиться за него, но сегодня вечеромъ, вслѣдствіе ли дурного настроенія или по убѣжденію, я согласна съ другими.

Когда всѣ ушли въ красный домъ, я сѣла за рояль и излила въ звукахъ всю мою скуку и раздраженіе. А теперь я лягу спать, надѣясь увидѣть во снѣ великаго князя; можетъ быть это меня развеселитъ.

Здѣсь луна какъ-то безжизненна; я смотрѣла на нее, пока стрѣляли изъ пушки. Отецъ уѣхалъ на два дня въ Харьковъ. Пушки составляютъ его гордость: у него ихъ девять, и сегодня вечеромъ стрѣляли въ то время, когда я смотрѣла на луну.

Вторникъ, 29 августа (17 авг.). Вчера я слышала, какъ Поль говорилъ дядѣ Александру, указывая глазами на меня:

— Если бы ты зналъ, милый дядя! Она все перевернула въ Гавронцахъ! Она передѣлываетъ по своему папа! Ей все повинуется.

Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлала ли я все это? Тѣмъ лучше.

Мнѣ хочется спать и скучно съ утра. Я еще не допускаю для себя скуки отъ недостатка развлеченій или удовольствій и, когда мнѣ скучно, ищу этому причины; я убѣждена въ томъ, что это болѣе или менѣе непріятное состояніе происходитъ отъ **чего-нибудь** и не является слѣдствіемъ недостатка удовольствій или одиночества.

Но здѣсь, въ Гавронцахъ, я ничего не желаю, все идетъ согласно моему желанію, и все-таки мнѣ скучно. Неужели я просто скучаю въ деревнѣ? Nescio... Но къ чорту!

Когда сѣли за карты, я осталась съ Грицемъ и Мишелемъ въ моей мастерской. Грицъ рѣшительно измѣнился со вчерашняго дня. Въ его движеніяхъ проглядываетъ смущеніе, котораго я не могу себѣ объяснить.

Завтрашняя поѣздка откладывается до четверга, и онъ хочетъ отправиться въ далекое путешествіе.

Я задумалась, и это замѣтили другіе. Впрочемъ, уже съ нѣкотораго времени я витаю между двухъ міровъ и не слышу, когда со мной говорятъ.

Мужчины пошли купаться въ рѣкѣ, которая прелестна, глубока и осѣнена деревьями въ томъ мѣстѣ, гдѣ купаются; а я осталась съ княгиней на большомъ балконѣ, который образуетъ навѣсъ для экипажей.

Княгиня, между прочимъ, разсказала мнѣ любопытную исторію. Вчера Мишель приходитъ къ ней и говоритъ:

— Maman, жените меня.

— На комъ?

— На Мусѣ.

— Глупецъ! да тебѣ только восемнадцать лѣтъ!

Онъ настаивалъ такъ серьезно, что она вынуждена была отправить его къ чорту.

— Только не разсказывайте ему этого, милая Муся, — прибавила она, — а то онъ не дастъ мнѣ покоя.

Молодые люди застали насъ на балконѣ изнемогающими отъ нестерпимой жары; о воздухѣ нечего и говорить, а вечеромъ не было ни малѣйшаго вѣтерка. Видъ прелестный. Напротивъ — красный домъ и разбросанныя бесѣдки, направо — гора съ стоящей на ея склонѣ церковью, утонувшею въ зелени, дальше — фамильный склепъ. И подумать, что все это принадлежитъ намъ, что мы полные хозяева всего этого, что всѣ эти дома, церковь, дворъ, напоминающій маленькій городокъ, все, все наше, и прислуга, почти шестьдесятъ человѣкъ, и все!..

Я съ нетерпѣніемъ ждала конца обѣда: мнѣ хотѣлось пойти къ Полю, чтобы спросить у него объясненія нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ во время игры въ крокетъ и непріятно меня поразившихъ.

— Ты не замѣтила, — сказалъ мнѣ Поль, — что Грицъ измѣнился со вчерашняго дня?

— Я? нѣтъ, я ничего не замѣтила.

— А я замѣтилъ, и все это благодаря Мишелю.

— Какъ?

Мишель хорошій малый, но онъ встрѣчался съ женщинами только за ужиномъ и не умѣетъ держать себя; кромѣ того, у него злой языкъ, что доказываетъ эта исторія. Онъ сказалъ, что желаетъ... словомъ, онъ безумно влюбленъ въ тебя, и способенъ на всякую подлость. Я говорилъ объ этомъ съ дядей Александромъ, и онъ сказалъ, что слѣдовало бы мнѣ выдрать его за уши. Тетя Наташа того же мнѣнія... Постой! я думаю, что Грица увѣрили мать или знакомые, что его ловятъ, чтобы женить, изъ-за его богатства. Ну, вотъ... до вчерашняго дня онъ превозносилъ тебя до небесъ, а вчера... Конечно, ты не хочешь выходить за него, я знаю, что тебѣ до этого дѣла нѣтъ, но это нехорошо. Это Мишель всегда сплетничаетъ.

— Да, но что же дѣлать?

— Нужно... ты достаточно умна для этого... нужно сказать, дать понять; онъ глупъ, но это онъ пойметъ. Словомъ, это нужно... За обѣдомъ я тебѣ помогу, и ты разскажешь исторію или что-нибудь.

Это была и моя мысль.

— Мы увидимъ, братъ.

Дядя Александръ былъ въ театрѣ послѣ насъ и слышалъ, какъ говорили о пріѣздѣ дочери Башкирцева, замѣчательной красавицы.

Въ фойе онъ встрѣтилъ Грица, который отвелъ его въ сторону и говорилъ ему обо мнѣ съ увлеченіемъ.

Я не могла лишить себя удовольствія порисоваться на большой лѣстницѣ! Я сѣла посрединѣ; молодые люди, которые шли наверхъ вмѣстѣ со мною, сѣли ниже, на ступеньки, а князь сталъ на колѣни. Видѣли вы гравюру, изображающую Элеонору Гете? Это было точно такъ же, даже мой костюмъ былъ тотъ же. Только я ни на кого не смотрѣла, я смотрѣла на лампы.

Если бы Поль не потушилъ одной изъ нихъ, я бы долго такъ просидѣла.

Покойной ночи. Ахъ! какъ мнѣ скучно!

Среда, 30 августа (18 авг.). Пока молодые люди преслѣдовали экономку и бросали ей подъ ноги фейерверкъ, княгиня, дядя и я говорили о папѣ и о Римѣ.

Я дѣлала видъ, что смерть кардинала меня тревожитъ.

Я видѣла во снѣ, будто Пьетро А. умеръ; я подошла къ его гробу и надѣла ему на шею четки изъ топаза съ золотымъ крестомъ. Какъ только я это сдѣлала, я замѣтила, что мертвый человѣкъ совсѣмъ не Пьетро.

Смерть во снѣ, кажется, означаетъ бракъ. Вы поймете мое раздраженіе, а у меня раздраженіе всегда выражается неподвижностью и полнымъ молчаніемъ. Но берегись тотъ, кто меня дразнитъ или только говоритъ со мною!

Говорили о полтавскихъ нравахъ. Распущенность тамъ большая; говорятъ, что ночью встрѣтили M-me M., въ пеньюарѣ, съ М. Ж., на улицѣ, какъ о вещи весьма обыкновенной. Барышни ведутъ себя съ такой вѣтренностью... Но когда принялись говорить о поцѣлуяхъ, я начала быстро шагать по комнатѣ.

Одинъ молодой человѣкъ былъ влюбленъ въ молодую дѣвушку, и она любила, но черезъ нѣкоторое время онъ же-

нился на другой. Когда его спросили о причинѣ такой перемѣны, онъ отвѣчалъ:

— Она поцѣловала меня, слѣдовательно цѣловала или будетъ цѣловать другихъ.

— Это вѣрно, — сказалъ дядя Александръ. — И всѣ мужчины такъ разсуждаютъ.

Разсужденіе въ высшей степени ложное, но благодаря ему, я сижу у себя, раздѣтая, и внѣ себя отъ досады.

Мнѣ казалось, что говорили про меня. Такъ вотъ причина!

Но дайте же, ради Бога, возможность забыть! О, Господи, развѣ я совершила преступленіе, что ты заставляешь меня такъ мучиться?

Ты хорошо дѣлаешь, Господи, и моя совѣсть, не давая мнѣ ни минуты покоя, излѣчитъ меня.

Чему не могли научить меня ни воспитаніе, ни книги, ни совѣты, тому научитъ меня опытъ.

Я благодарю за это Бога и совѣтую молодымъ дѣвушкамъ быть немного болѣе подлыми въ глубинѣ души и опасаться всякаго чувства. Ихъ сначала компрометируютъ, а потомъ обращаютъ въ посмѣшище.

Чѣмъ выше чувство, тѣмъ легче обратить его въ смѣшное; чѣмъ оно выше, тѣмъ смѣшнѣе. И нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе смѣшного и унизительнаго, чѣмъ любовь, обращенная въ смѣшное.

Я поѣду съ отцомъ въ Римъ, буду выѣзжать, и тогда посмотримъ.

Очаровательная прогулка! Тройка князя, несмотря на тяжесть дяди Александра, летѣла какъ молнія. Мишель правилъ. Я обожаю быструю ѣзду; всѣ три лошади понесли въ карьеръ и на нѣсколько минутъ у меня захватило дыханіе отъ удовольствія и волненія.

Потомъ крокетъ задержалъ насъ до обѣда, къ которому пріѣхалъ М... Я уже думала о томъ, какую бы разсказать «исторію», когда княгиня назвала молодыхъ дѣвицъ Р.

— Онѣ очень милы, но очень несчастны, — сказалъ Грицъ.

— Чѣмъ же?

— Онѣ только и дѣлаютъ, что разъѣзжаютъ въ погонѣ за мужьями и не находятъ... Онѣ даже меня хотѣли поймать!

Тутъ всѣ засмѣялись.

— Васъ поймать? — спрашивали его. — Такъ вы имъ, значитъ, нравились?

— Я думаю... но они видѣли, что я не желаю.

— Знаете, — сказала я, — вѣдь это несчастье быть такимъ! Не говоря уже о томъ, что несносно для другихъ.

Всѣ смѣялись и обмѣнивались взглядами, вовсе не лестными для М...

Нѣтъ! какое несчастье быть глупымъ!

Въ его манерахъ я замѣтила то же смущеніе, какъ вчера. Можетъ быть, онъ думаетъ, что его желаютъ поймать.

И все это благодаря Мишелю.

Грицъ едва осмѣливался говорить со мною изъ отдаленнаго угла гостиной, и только около половины десятаго онъ рѣшился сѣсть рядомъ со мною. Я улыбалась отъ презрѣнія.

Господи, какъ глупо быть глупымъ! Я сдѣлалась холодной и строгой и подала знакъ, что пора расходиться.

Я отлично вижу, что Мишель начиняетъ его всевозможными глупостями. Княгиня говорила мнѣ: «Вы не знаете, что за человѣкъ Мишель, какой онъ злой и хитрый».

Но какое несчастье быть глупымъ!

Четвергъ, 31 августа (19 авг.). Поль въ полномъ разочарованіи; пришелъ мнѣ объявить, что папа́ не желаетъ ѣхать обѣдать въ лѣсъ.

Я накинула пеньюаръ и пошла сказать ему, что мы поѣдемъ.

Черезъ три минуты онъ уже былъ у меня. Послѣ многихъ, весьма комичныхъ недоразумѣній, мы поѣхали въ лѣсъ; я — въ отличномъ настроеніи, противъ всякаго ожиданія. Грицъ держитъ себя такъ же просто, какъ въ первый день, и нашихъ натянутыхъ и непріятныхъ отношеній больше не существуетъ.

Мы обѣдали въ лѣсу, какъ дома. Всѣ были голодны и ѣли съ большимъ аппетитомъ, насмѣхаясь надъ Мишелемъ. Это онъ долженъ былъ устроить пикникъ, но сегодня утромъ постыдно отказался, и припасы были посланы изъ Гавронцевъ.

Пустили нѣсколько ракетъ и заставляли жида говорить глупости. Жидъ въ Россіи занимаетъ среднее положеніе между обезьяной и собакой. Жиды все умѣютъ дѣлать, и ихъ употребляютъ на все. У нихъ занимаютъ деньги, ихъ бьютъ, ихъ подпаиваютъ, имъ поручаютъ дѣла, ими забавляются.

Вернувшись въ свою комнату, я почувствовала себя до того разстроенной, что готова была провести всю ночь въ слезахъ, но Амалія начала болтовню, которая направила мои мысли на другое.

Всегда нужно **прервать** чѣмъ-нибудь дурное настроеніе; это предупреждаетъ сцены со слезами и катанье по полу.

И я ненавижу дѣлать эти сцены.

Бѣдный Гриць! Теперь мнѣ стало жаль его; онъ уѣхалъ не совсѣмъ здоровый.

Суббота, 2-го сентября (21-го августа). Мнѣ сдѣлалось дурно отъ жары и когда къ обѣду пріѣхали два полтавскихъ «крокодила», я надѣла нарядное платье, но осталась въ дурномъ настроеніи. Пустили фейерверкъ, на который мы смотрѣли съ балкона, украшеннаго фонариками такъ же, какъ красный домъ и дворъ.

Потомъ отецъ предложилъ идти гулять, такъ какъ ночь была замѣчательно хороша. Я переодѣлась, и мы отправились въ село. Мы сѣли передъ шинкомъ, вызвали скрипача и дурачка, чтобы заставить его плясать. Но скрипачъ — вторая скрипка — не хотѣлъ понять, что первой скрипки нѣтъ и не хотѣлъ играть своей второй партіи. Черезъ четверть часа мы направились къ дому съ предательскимъ намѣреніемъ. Именно: отецъ, я и Поль взобрались на колокольню по ужаснѣйшей лѣстницѣ и начали бить въ набатъ. Я звонила изо всѣхъ силъ. Мнѣ никогда не случалось быть такъ близко къ колоколамъ; если заговорить во время звона, то на насъ нападаетъ какой-то ужасъ: кажется, что слова замираютъ на губахъ, точно въ кошмарѣ.

Словомъ, все это было нисколько не весело, и я была очень рада вернуться къ себѣ; ко мнѣ пришелъ отецъ, и мы имѣли съ нимъ длиннѣйшій разговоръ.

Но я была разстроена и вмѣсто того, чтобы говорить, я все время плакала. Между прочимъ, онъ говорилъ со мной объ М..., утверждая, что maman навѣрно считаетъ его прекрасной партіей, но что онъ не сдѣлаетъ и шагу, чтобы это устроить, такъ какъ М... только животное, нагруженное деньгами. Я поспѣшила его разувѣрить. Потомъ мы говорили обо всемъ. Отецъ старался высказать упорство, я не уступала ему ни въ чемъ, и мы разстались въ отличныхъ отношеніяхъ. Впрочемъ онъ былъ, какъ всегда съ нѣкоторыхъ поръ, замѣчательно деликатенъ и говорилъ мнѣ по своему обыкновенію сухо и жестко такія нѣжныя вещи, что я была тронута.

Я не стѣснялась относительно его сестры Т...; я даже сказала отцу, что онъ находится подъ ея вліяніемъ и что я поэтому не могу на него разсчитывать.

— Я! вскричалъ онъ,—о, нѣтъ! я люблю ее меньше другихъ сестеръ. Будь спокойна; увидѣвъ тебя здѣсь, она будетъ льстить тебѣ, какъ собака, и ты увидишь ее у своихъ ногъ.

Воскресенье, 3-го сентября (22-го августа). Со стороны кажется, что мнѣ весело. Меня несли на коврѣ, какъ Клеопатру, я укротила коня, какъ Александръ, и рисовала... еще не такъ, какъ Рафаэль.

Утромъ отправились большою компаніей ловить рыбу сѣтями. Лежа на коврѣ (я нарочно говорю это — я не хочу, чтобы думали, что я лежала въ пыли) на берегу рѣки, очень красивой и глубокой въ этомъ мѣстѣ, въ тѣни деревьевъ кушая арбузы, привезенные полтавскими «крокодилами», мы провели ни худо, ни хорошо два часа. При возвращеніи, я играла роль Клеопатры; до забора меня несли на коврѣ, а потомъ Мишель и Капитаненко сдѣлали носилки изъ своихъ скрещенныхъ рукъ. Наконецъ, меня несъ одинъ Паша. Испытавъ такимъ образомъ всѣ способы передвиженія, я оказалась внизу большой лѣстницы, по которой поднялась уже сама, при чемъ Мишель неизмѣнно несъ конецъ моего шлейфа.

Я явилась къ завтраку въ восхитительномъ костюмѣ: неаполитанская рубашка изъ китайскаго крепа небесно-голубого цвѣта, обшитая старинными кружевами, очень длинная юбка изъ бѣлой тафты, спереди задрапированная кускомъ полосатой восточной матеріи, состоящей изъ цвѣтовъ — бѣлаго, голубого и золотого и связанной сзади. Вся матерія падаетъ естественными складками, какъ простыня, завязанныя передникомъ. Вы не можете себѣ представить ничего болѣе красиваго и болѣе страннаго.

Пока одни играли въ карты, а другіе ворчали на жару, кто-то заговорилъ о буланыхъ лошадяхъ; восхищались ихъ молодостью, свѣжестью и силой.

Уже на-дняхъ поднимался вопросъ о томъ, чтобы осѣдлать мнѣ одну изъ нихъ; но тутъ же являлось цѣлое море опасеній, и я было оставила эту мысль. Но сегодня, досадуя ли на свою трусость или желая наполнить мѣшокъ новостей «крокодиловъ», я приказала осѣдлать лошадь.

Пока я играла, отецъ, лежа на травѣ, то и дѣло подмигивалъ и переводилъ глаза съ меня на «крокодиловъ». Онъ былъ доволенъ производимымъ мною впечатлѣніемъ.

Мой оригинальный, но прелестный костюмъ былъ дополненъ бѣлымъ фуляромъ, которымъ я повязала голову спереди и который спускался низко на лобъ, при чемъ концы завязаны были спереди, какъ у египтянки, а затылокъ и шея были закрыты. Привели лошадь, и поднялся хоръ возраженій. Наконецъ, Капитаненко сѣлъ на лошадь, вспоминая свою службу въ гвардіи; но уже съ первыхъ шаговъ его начало такъ подбрасывать, что всѣ разразились самымъ глупымъ смѣхомъ.

Лошадь становилась на дыбы, останавливалась, горячилась, и Капитаненко, среди общаго смѣха, объявилъ, что мнѣ можно ѣздить на ней... черезъ три мѣсяца. Я смотрѣла на вздрагивавшее животное, кожа котораго ежеминутно покрывалась жилами, какъ поверхность воды покрывается рябью. Я говорила сама себѣ: «Ты покажешь, что храбрость твоя была напускная, дитя мое, и «крокодиламъ» нечего будетъ о тебѣ разсказывать. Ты боишься? Тѣмъ лучше: храбрость состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать то, чего другіе боятся и что вамъ не страшно; настоящая, единственная храбрость — это заставить себя сдѣлать то, что страшно».

Перескакивая черезъ ступеньки, я поднялась по лѣстницѣ, надѣла черную амазонку, черную бархатную шапочку и сбѣжала внизъ для того, чтобы подняться... на лошадь.

Я объѣхала шагомъ вокругъ газона. Капитаненко ѣхалъ рядомъ на другой лошади. Чувствуя, что глаза присутствующихъ направлены на меня, я вернулась къ крыльцу, чтобы успокоить ихъ. Отецъ сѣлъ въ кабріолетъ съ однимъ изъ молодыхъ людей; другіе помѣстились въ тройкѣ князя, и я поѣхала по большой аллеѣ въ сопровожденіи всѣхъ этихъ экипажей. Не знаю какъ это случилось, но не дѣлая никакихъ усилій, я поѣхала галопомъ, сперва мелкимъ, потомъ крупнымъ, затѣмъ рысью и вернулась къ экипажамъ, чтобы слышать похвалы.

Я была въ восторгѣ, и мое раскраснѣвшееся лицо, казалось, метало искры, какъ и ноздри лошади. Я сіяла отъ радости; на этой лошади еще никогда не ѣздили верхомъ.

Вечеромъ пускали фейерверкъ, дома были иллюминованы, и со всѣхъ сторонъ красовался мой вензель. Крестьяне плясали подъ окнами подъ звуки деревенской музыки.

Столъ накрыли на другомъ концѣ дома, и намъ пришлось проходить черезъ толпу любопытныхъ.

— Точно крестный ходъ, — сказалъ женскій голосъ въ толпѣ, — а вотъ и плащаница.

Мы, въ самомъ дѣлѣ, были освѣщены факелами, и Мишелъ несъ мой шлейфъ, а въ страстную пятницу носятъ полотно съ изображеніемъ Спасителя.

Мишель выкидывалъ свои гимнастическія штуки, и деревенскіе мальчишки смотрѣли на него съ удивленіемъ, уцѣпившись за веревки и качели, что напоминало повѣшенныхъ, какъ они изображены на старинныхъ гравюрахъ.

Эти славные люди окружили меня; я напрасно называю ихъ славными, такъ какъ мужчины и женщины, какъ придворные, говорили мнѣ комплименты въ такомъ родѣ:

— Лошадь хороша, а наѣздница-то еще лучше.

Знаете, я очень люблю быть за панибрата съ народомъ; я говорила со всѣми и еще немного, я пустилась бы плясать. Пляска нашихъ крестьянъ, съ виду покорныхъ и простодушныхъ, но на дѣлѣ хитрыхъ какъ итальянцы, — пляска ихъ настоящій парижскій канканъ самаго соблазнительнаго свойства. Ногъ они до носа не поднимаютъ, да это и некрасиво, но мужчина съ женщиной кружатся, приближаются другъ къ другу, преслѣдуютъ другъ друга, и все это сопровождается такими движеніями, вскрикиваніями и улыбками, что дрожь пробѣгаетъ по тѣлу.

Дѣвушки пляшутъ мало и очень просто. Имъ «поднесли» и, покинувъ этихъ любезныхъ дикарей, я хотѣла идти спать; но на лѣстницѣ я остановилась, какъ наканунѣ вечеромъ, и молодые люди собрались на ступенькахъ. Шоколадъ пропѣлъ намъ, къ моему великому удовольствію, ниццскую пѣсню.

За пѣніемъ слѣдовала музыка. Я извлекла изъ скрипки самые невозможные звуки, и эти пронзительные, серьезные, крикливые, неясные звуки смѣшили меня до слезъ, а отъ моего смѣха съ этимъ ужаснымъ аккомпаниментомъ помирали со смѣху другіе, даже Шоколадъ.

Четвергъ, 7-го сентября (2-го августа). Будничный нарядъ хохлушки состоитъ изъ холщевой рубашки съ широкими, оттопыривающимися рукавами, расшитыми краснымъ и синимъ, и изъ куска чернаго крестьянскаго сукна, которымъ онѣ завертываются, начиная съ пояса; эта юбка короче рубашки, такъ что виденъ вышитый низъ ея; сукно сдерживается цвѣтнымъ шерстянымъ поясомъ. На шею надѣвается множество бусъ, а голова повязывается лентой. Волосы запле-

тены въ одну косу, въ которую вплетается одна или нѣсколько лентъ.

Я послала купить себѣ такой костюмъ, надѣла его и пошла по селу въ сопровожденіи молодыхъ людей. Крестьяне не узнавали меня, такъ какъ я была одѣта не барышней, а крестьянской дѣвушкой, женщины одѣваются иначе. На ногахъ у меня были черные башмаки съ красными каблуками.

Я кланялась всѣмъ и, дойдя до шинки, сѣла у двери.

Отецъ былъ удивленъ, но... въ восторгѣ.

— Все къ ней идетъ! — воскликнулъ онъ.

И, посадивъ насъ всѣхъ въ телѣжку, онъ началъ катать насъ по улицамъ деревни. Я громко смѣялась, къ великому изумленію добрыхъ людей, которые никакъ не могли понять, что это за дѣвушка катается съ «старымъ бариномъ» и «молодыми господами».

Успокойтесь, папа не старъ.

Китайскій тамтамъ, скрипка и шарманка увеселяли общество.

Мишель ударялъ въ тамтамъ, я играла на скрипкѣ (играла! Господи, Боже мой!), а шарманка играла одна.

Вмѣсто того, чтобы лечь рано по своему обыкновенію, мой родитель оставался съ нами до полуночи. Если я не одержала другихъ побѣдъ, то одержала побѣду надъ отцомъ. Когда онъ говоритъ, онъ ищетъ моего одобренія, слушаетъ меня со вниманіемъ, позволяетъ мнѣ говорить все, что угодно о его сестрѣ Т... и соглашается со мною.

Шарманка — его подарокъ княгинѣ; мы всѣ подарили ей что-нибудь — сегодня ея именины. Лакеи съ радостью служатъ мнѣ и очень довольны, что избавлены отъ «французовъ». Я даже обѣдъ заказываю! А мнѣ прежде казалось, что я въ чужомъ домѣ, я боялась установившихся привычекъ и назначенныхъ часовъ.

Меня ждутъ такъ же, какъ въ Ниццѣ, и я сама назначаю часы.

Отецъ обожаетъ веселье и не пріученъ къ нему своими.

Пятница, 8-го сентября (27 авг.). Проклятый страхъ, я тебя преодолѣю! Не вздумала ли я бояться ружья? Правда, оно было заряжено, и я не знала сколько Поль положилъ пороху и не знала самаго ружья; оно могло бы выстрѣлить, и это была бы нелѣпая смерть или изуродованное лицо.

Тѣмъ хуже! Трудно сдѣлать только первый шагъ; вчера

я выстрѣлила на 50-ти шагахъ и сегодня стрѣляла безъ всякаго страха; кажется, боюсь ошибиться, попадала всякій разъ.

Если мнѣ удастся портретъ Поля, это будетъ чудо, такъ какъ онъ не позируетъ, и сегодня я рисовала четверть часа одна, то-есть не совсѣмъ одна, такъ какъ противъ меня сидѣлъ Мишель, который имѣетъ смѣлость быть въ меня влюбленнымъ.

Такъ прошло время до девяти часовъ. Я тянула время, видя нетерпѣніе отца. Я знала, что онъ ждетъ только того, чтобы мы ушли изъ гостиной для того, чтобы убѣжать въ лѣсъ... какъ волкъ.

Я снова собрала свой придворный штатъ на лѣстницѣ... Я люблю лѣстницы — по нимъ поднимаешься вверхъ. Паша хотѣлъ уѣхать завтра, но я такъ старалась удержать его, что онъ вѣроятно, останется; было бы благоразумнѣе уѣхать, такъ какъ для двадцатидвухлѣтняго деревенскаго жителя и мечтателя любить меня, какъ сестру, опасно.

Я держу себя съ нимъ и съ Мишелемъ какъ нельзя лучше, и онъ меня очень любитъ. Но съ глупыми мужчинами я сама глупѣю; я не знаю, что сказать, чтобы имъ было понятно, и боюсь, что они могутъ заподозрить, что я въ нихъ влюблена. Напримѣръ, этотъ бѣдный Грицъ: онъ думаетъ, что всѣ барышни хотятъ выйти за него замужъ, и въ каждой улыбкѣ видитъ ловушку и покушеніе на его холостую жизнь...

Какъ только я услыхала, что отецъ ушелъ, я побѣжала къ княгинѣ, каталась по ея постели, причесывала Пашу, приглаживала Мишеля и наговорила столько глупостей, что до сихъ поръ въ восторгѣ отъ нихъ.

Боже мой, не допусти, чтобы я возненавидѣла Пашу! Онъ такой честный и славный.

Читали вслухъ Пушкина и говорили о любви.

Какъ бы мнѣ хотѣлось любить, чтобы знать, что это такое! Или я уже любила? Въ такомъ случаѣ любовь ничтожная вещь, которую можно поднять для того, чтобы бросить.

— Ты никогда не любишь, — сказалъ мнѣ отецъ.

— Если бы это было правда, я благодарила бы небо, — отвѣчала я.

Я и желаю и не желаю этого.

Впрочемъ, въ моихъ мечтахъ, **я люблю**. Да, но воображаемаго героя.

Но А...? Я его люблю? Развѣ такъ любятъ? Нѣтъ. Если бы онъ не былъ племянникомъ кардинала, если бы онъ не былъ окруженъ священниками, монахами, если бы не было вокругъ него развалинъ, папы, я бы его не любила.

И зачѣмъ мнѣ объяснять это? Вы знаете все лучше меня; вы знаете, что музыка оперы и А... въ «barcaccia» производили прелестное впечатлѣніе, вы знаете также силу музыки. Это была игра, а не любовь.

Когда же я буду любить? Я еще буду забавляться тѣмъ, что буду расточать избытокъ чувства, буду еще воодушевляться, плакать... и все изъ пустяковъ!..

Суббота, 9-го сентября (28 авг.) Дни уходятъ, и я теряю драгоцѣнное время въ самые лучшіе годы жизни.

Вчера въ тѣсномъ кругу, шутка, веселость, которую вношу я... Потомъ заставишь Мишеля и другого нести себя вверхъ и внизъ по большой лѣстницѣ въ креслѣ. Спускаясь, разсматриваешь въ зеркалѣ свои башмаки... и такъ всякій день.

Какая тоска! Ни одного умнаго слова, ни одной фразы образованнаго человѣка... а я, къ несчастью, педантка и такъ люблю, когда говорятъ о древнихъ и о наукѣ... Поищите-ка этого здѣсь! Карты — и ничего больше. Я бы могла уйти къ себѣ читать, но цѣль моя — заставитъ себя любить, а это былъ бы оригинальный способъ ея добиваться.

Какъ только устроюсь на зиму, я начну учиться попрежнему.

Вечеромъ у Поля была исторія съ прислугой. Отецъ поддерживалъ лакея, я **сдѣлала выговоръ** (именно выговоръ) отцу, и онъ **проглотилъ** его. Это вульгарное выраженіе, но мой дневникъ наполненъ ими. Прошу не думать, что я вульгарно выражаюсь изъ невѣжества или изъ вульгарности. Я усвоила себѣ эту манеру, какъ наиболѣе удобную и легкую для выраженія многихъ мыслей. Словомъ, раздраженіе носилось въ воздухѣ, я разсердилась, и въ головѣ у меня звучали дрожащія ноты, которыя предвѣщаютъ грозу.

Поль не умѣетъ себя держать, и я вижу изъ этого, что моя мать была **въ правѣ** быть несчастной.

Воскресенье, 10 сентября (29 авг.). Мое величество, отецъ, братъ и двое кузеновъ отправились сегодня въ Полтаву.

Я могу только восторгаться собою: мнѣ уступаютъ,

льстятъ и, что важнѣе, меня любятъ. Отецъ, сначала желавшій низвести меня съ трона, теперь почти вполнѣ понялъ, почему мнѣ оказываютъ царскія почести и, несмотря на нѣкоторую жестокость характера, оказываетъ мнѣ ихъ.

Этотъ сухой человѣкъ, чуждый семейныхъ чувствъ, ко мнѣ имѣетъ порывы отеческой нѣжности, которые удивляютъ окружающихъ. У Поля поэтому явилось ко мнѣ двойное уваженіе, а такъ какъ я добра ко всѣмъ, то всѣ меня любятъ.

— Ты такъ измѣнилась съ тѣхъ поръ, что я тебя не видалъ, — сказалъ мнѣ сегодня отецъ.

— Какъ?

— Но... гм, если ты освободишься отъ нѣкоторой незначительной рѣзкости (впрочемъ, она въ моемъ характерѣ), ты будешь совершенствомъ и настоящимъ сокровищемъ.

Это значитъ, что... Знающіе этого человѣка могутъ оцѣнить значеніе этихъ словъ.

А сегодня вечеромъ онъ обнялъ меня, поцѣловалъ (вещь неслыханная, по словамъ Поля) съ нѣжностью и сказалъ:

— Посмотри, Мишель, посмотрите всѣ, какая у меня дочь. Вотъ дочь, которую можно любить!

— Неправда-ли, папа́? Я сокровище. Мишель,—продолжала я,— я обѣщаю женить васъ на моей дочери: подумайте только о чести: это можетъ быть будетъ принцесса крови.

Я пишу изъ Полтавы.—Дождь идетъ съ утра, и лошади не хотѣли взбираться на эту ужасную гору, которая находится на половинѣ дороги. Отецъ сѣлъ на козлы, кучеръ слѣзъ и пошелъ за нами по грязи, погоняя лошадей, которыхъ нужно было пустить въ галопъ, чтобы не давать имъ задумываться передъ препятствіями. Звонъ колокольчика, удары кнута, крики лакея, кучера и папа́, нѣмое изумленіе Шоколада... это зрѣлище могло бы взволновать хоть кого. Точно скачка, возбудившая много споровъ и приближающаяся къ концу.

Въ городъ мы пріѣхали въ восемь часовъ прямо къ князю, который уѣхалъ сегодня въ пять часовъ утра, чтобы приготовить намъ домъ. Домъ маленькій и очень простой снаружи, но прелестный внутри. Еще ничего не было кончено; коверъ былъ разложенъ, зеркала, лампы, кровати были куплены и поставлены.

Во всѣхъ русскихъ домахъ входъ изъ прихожей въ залу; эта зала вся бѣлая, за ней слѣдуетъ прелестная коричневая гостиная и спальня для меня, наполненная всѣми необходимы-

ми и пріятными мелочами, на каждомъ шагу видно вниманіе... Подумайте, на туалетѣ я нашла бѣлила и румяна!

Только въ семь часовъ догадались, что намъ нечего будетъ ѣсть. Когда мы пріѣхали, Мишель сдѣлалъ видъ, что уже пересталъ ждать насъ, солгавъ очень неловко и, преслѣдуемый нашими насмѣшками, сидѣлъ за обѣдомъ совсѣмъ смущенный; обѣдъ принесли изъ клуба около десяти часовъ вечера. Я соблазнилась серебряными вызолоченными бокалами и выпила ихъ два, послѣ чего похорошѣла, и языкъ мой развязался настолько, что я оживилась. Впрочемъ, я оживлена уже съ утра.

Планъ отца не удался; всѣ тѣ, къ которымъ онъ хотѣлъ везти меня, разъѣхались. Когда Мишель ушелъ, мы говорили о глупости Грица.

— Какъ онъ глупъ!—воскликнула я.—Нѣтъ, подумайте только! Съ моими честолюбивыми планами, съ моимъ образованіемъ, выйти замужъ за г-на М...!

— Гмъ... — сказалъ отецъ,—да, онъ, конечно, глупъ.— И онъ смотрѣлъ на меня, не зная, принять ли ему презрительный видъ или высказать свою мысль, которая навѣрно была слѣдующая: «М... желательная партія, даже для тебя».

А теперь я лягу спать въ постель, сдѣланную самимъ г-мъ княземъ.

— Онъ сдѣлалъ постель!—восклицала Амалія. Un principe! Dio! Точно для королевы!

Я сейчасъ слышала пронзительные крики. Это кричитъ Амалія, потому что Поль открылъ окно въ галлерею и смотритъ, какъ она купается. Каковъ мальчикъ! Паша и князь уже давно спятъ.

На столѣ едва помѣщается тетрадь, — онъ заставленъ флаконами, коробочками для пудры, щетками, саше и т. д.

Внѣ себя отъ радости, что я сумѣла завоевать отца, я восклицаю: только грубые люди могутъ не любить меня и только подлецы могутъ любить меня не такъ, какъ слѣдуетъ.

Вторникъ, 12 сентября (31 авг.). Провести день въ Полтавѣ! Это невѣроятно! Не зная, что дѣлать, отецъ повелъ меня пѣшкомъ по городу, и мы видѣли колонну Петра Великаго, которая стоитъ среди сада.

Въ понедѣльникъ ночью уѣхали изъ Полтавы, а сегодня мы въ Харьковѣ. Путешествіе было веселое! мы завладѣли цѣлымъ вагономъ.

Около Харькова меня разбудили букетомъ отъ князя Мишеля.

Харьковъ — большой городъ и освѣщается газомъ. Гостиница, въ которой мы остановились, называется «Большой гостиницей» и оправдываетъ свое названіе. Содержатель ея Андріе. Домъ представляетъ всѣ удобства; впрочемъ, здѣсь всегда ужинаетъ, завтракаетъ, обѣдаетъ золотая молодежь, обращаясь съ содержателемъ гостиницы, какъ съ равнымъ; но онъ не забывается, вотъ что меня удивляетъ. Странные здѣсь нравы!

Меня причесалъ Луи, другой французскій живодеръ.

Потомъ пили чай съ пряниками...

Ахъ, да! я была въ звѣринцѣ; видъ этихъ бѣдныхъ животныхъ въ клѣткахъ разстроилъ меня.

Я видѣлась съ дядей Н—ъ, младшимъ въ семьѣ, который дѣлаетъ видъ, что занимается медициной. Бѣдный дядя когда-то помогалъ мнѣ играть въ куклы, я била его и дергала за уши.

Я поцѣловала его и чуть не заплакала. — Войди, безъ церемоній, — сказала я ему.— Папа тебя не любитъ, но я люблю тебя отъ души. Я все та-же, только немного побольше, вотъ и все. Милый Nicolas, я не оставляю тебя завтракать: я не одна, тутъ много чужихъ, но приходи завтра, непремѣнно.

Я пришла въ отдѣльную, только что отдѣланную, столовую.

— Сердиться не на что, — сказалъ отецъ. — Если бы ты хотѣла, ты пригласила бы его, а я ушелъ бы подъ благовиднымъ предлогомъ.

— Папá, вы не добры сегодня, и нечего объ этомъ больше говорить, довольно!

Четвергъ, 2 (14-го) сентября. Говорили о намѣреніи Паши уѣхать, пока тотъ ходилъ взадъ и впередъ и пересматривалъ ружья, такъ какъ онъ «охотникъ передъ Господомъ», какъ Нимвродъ. Отецъ просилъ его остаться, но разъ этотъ упрямый человѣкъ сказалъ «нѣтъ!», то не измѣнитъ слова ни за что на свѣтѣ.

За его молодость и мечтательность я прозвала его «зеленымъ человѣкомъ». Скажу безъ обиняковъ, такъ какъ увѣрена въ этомъ: «зеленый человѣкъ» считаетъ меня лучшимъ существомъ въ мірѣ. Я сказала ему, чтобы онъ остался.

— Не просите меня остаться, умоляю васъ, потому что я не могу васъ послушаться.

Мои просьбы были напрасны, но мнѣ пріятно бы было удержать его, особенно потому, что я знала, что это невозможно.

На станціи мы встрѣтились съ тетей Лелей, его матерью, и съ дядей Николаемъ, которые пришли проводить меня.

Толпа была огромная, по случаю отъѣзда 57-ми волонтеровъ въ Сербію. Я бѣгала по станціи то съ Полемъ, то съ Мишелемъ, съ тетей, съ Пашей, съ каждымъ поочередно.

— Право, Паша не любезенъ,—сказала тетя Леля, услыхавъ, въ чемъ дѣло.

Тогда, стараясь не смѣяться, я подошла къ Пашѣ и прочла ему внушеніе сухимъ и оскорбленнымъ тономъ, но такъ какъ у него были слезы на глазахъ, а я боялась разсмѣяться, то я ушла, чтобы не нарушить смѣхомъ произведеннаго впечатлѣнія.

Трудно было двигаться, и мы добрались до нашего отдѣленія.

Мнѣ пріятно было видѣть толпу послѣ деревни, и я подошла къ окну. Давка, крикъ... но вдругъ меня поразили молодые мужскіе голоса, которые лучше и чище женскихъ. Они пѣли церковную пѣснь, и могло показаться, что это хоръ ангеловъ. Это были архіерейскіе пѣвчіе, пѣвшіе на молебнѣ за волонтеровъ.

Всѣ обнажили головы, и у меня захватило дыханіе отъ этихъ звучныхъ голосовъ и этой божественной гармоніи. Когда молебенъ кончился, я увидѣла, какъ всѣ машутъ шляпами, платками, руками, и съ блестящими отъ одушевленія глазами, тяжело дыша, я могла только прокричать: ура! какъ кричали другіе, и плакать, и смѣяться.

Крики продолжались нѣсколько минутъ и замолкли только тогда, когда тотъ же хоръ запѣлъ «Боже, царя храни».

Но молитва за Государя показалась безсодержательной послѣ молитвы за тѣхъ, которые шли умирать и спасать своихъ братьевъ.

И Государь оставляетъ въ покоѣ турокъ! Боже!

Поѣздъ тронулся среди неистовыхъ «ура»!

Я обернулась и увидѣла Мишеля, который смѣялся, и папа́, который кричалъ: Дуракъ. Это вмѣсто того, чтобы кричать «ура»!

— Папа́, Мишель! Да какъ же можно! Кричите же! Изъ чего вы созданы, Господи!

— Вы не прощаетесь со мною? — спросилъ Паша, не перемѣнившій своего рѣшенія и весь красный.

Поѣздъ уже тронулся.

— До свиданія, Паша, — сказала я, протягивая ему руку, которую онъ схватилъ и молча поцѣловалъ.

Мишель играетъ роль ревниваго и влюбленнаго. Я наблюдаю за нимъ, когда онъ слишкомъ долго на меня смотритъ, потомъ броситъ свою шляпу и уйдетъ взбѣшенный. Я наблюдаю за нимъ и смѣюсь.

Вотъ я снова въ Полтавѣ, въ этомъ гадкомъ городѣ. Харьковъ болѣе знакомъ мнѣ: я провела тамъ цѣлый годъ передъ отъѣздомъ въ Вѣну. Я помню еще всѣ улицы, всѣ магазины и сегодня на станціи узнала даже доктора, который лѣчилъ бабушку. Я подошла къ нему и говорила съ нимъ.

Онъ былъ удивленъ, увидѣвъ меня взрослою, хотя дядя Николай уже обращался ко мнѣ при немъ.

Мнѣ хочется вернуться **туда**. «Ты знаешь край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ?». Не въ Ниццу, а въ Италію.

Пятница 15 (3) сентября. Сегодня утромъ Поль привелъ ко мнѣ маленькаго Степу, сына дяди Александра. Въ первую минуту я его не узнала. Я не обратила вниманія на большее или меньшее удовольствіе, которое доставило отцу присутствіе одного изъ Бабаниныхъ, и занялась миленькимъ мальчикомъ.

Наконецъ, отецъ поѣхалъ со мною къ полтавской знати.

Прежде всего, мы были у губернаторши. Губернаторша — свѣтская женщина, очень любезная, что можно сказать и о губернаторѣ. У него было «собраніе», но онъ вышелъ въ гостиную и сказалъ отцу, что никакое собраніе не можетъ помѣшать ему посмотрѣть на такую очаровательную барышню.

Губернаторша проводила насъ въ переднюю, и мы отправились къ другимъ порядочнымъ людямъ.

Мы были у вице-губернатора, у начальницы «института для благородныхъ дѣвицъ», у m-me Волковысской, дочери Кочубея. Потомъ я взяла извозчика и отправилась къ дядѣ Александру, который здѣсь въ гостиницѣ съ женой и дѣтьми.

Ахъ! какъ хорошо быть у своихъ! Не боишься ни критики, ни сплетенъ... Можетъ быть, семья отца кажется мнѣ холодной и злой по сравненію съ нашей, гдѣ всѣ замѣчательно дружны, согласны и любятъ другъ друга.

Въ разговорахъ о дѣлахъ, о любви, о сплетняхъ я провела очень пріятно два часа, по прошествіи которыхъ ко мнѣ на-

чали являться посланные отъ отца. Но такъ какъ я отвѣчала, что еще не расположена уѣзжать, то онъ пріѣхалъ самъ, и я промучала его еще полчаса, копалась, искала булавокъ, мой платокъ и т. д.

Наконецъ мы уѣхали, и, когда мнѣ показалось, что онъ успокоился, я сказала:

— Мы сдѣлали большое невѣжество.

— Какое?

— Мы были у всѣхъ, кромѣ m-me M..., которая знаетъ maman и знала меня ребенкомъ.

Послѣдовалъ цѣлый разговоръ, окончившійся отказомъ. Когда губернаторъ спросилъ меня, сколько времени я пробуду у отца, я сказала, что надѣюсь увезти его съ собою.

— Ты слышала, что сказалъ губернаторъ, когда ты сказала, что собираешься увезти меня? — спросилъ мой славный родитель.

— А что?

Онъ сказалъ, что на это нужно разрѣшеніе министра, какъ предводителя дворянства.

— Ну такъ хлопочите скорѣе, чтобы ничто не могло задержать насъ.

— Хорошо.

— Такъ вы ѣдете со мною?

— Да.

— Серьезно?

— Да.

Было болѣе восьми часовъ, въ каретѣ было темно, и я могла говорить, не боясь вмѣшательства моего несноснаго лица.

Суббота, 16 (4) сентября. Я все еще продолжаю быть довольной; похвалы губернатора и губернаторши еще возвысили меня въ глазахъ отца.

Впечатлѣніе, производимое мною, льститъ его самолюбію; я и сама не сержусь на то, что говорятъ: «Вы знаете, дочь Башкирцева замѣчательная красавица». (Эти бѣдные дураки ничего, значитъ, не видали!).

Гавронцы. — Воскресенье, 17 сентября. Въ ожиданіи моей будущей извѣстности, я хожу на охоту въ мужскомъ платьѣ, съ ягташемъ черезъ плечо.

Мы отправились въ шарабанѣ — отецъ, Поль, князь и я, около двухъ часовъ.

Теперь я въ состояніи описывать, не зная даже названія

всѣхъ предметовъ охоты; ежевика, тростникъ, трава, лѣсъ такой густой, что едва можно было проѣхать, вѣтки, хлеставшія насъ по лицу со всѣхъ сторонъ, чудесный чистый воздухъ и мелкій дождикъ, очень пріятный для охотниковъ..., которымъ жарко.

Мы бродили, бродили, бродили.

Я обошла съ заряженнымъ ружьемъ вокругъ маленькаго озера, готовясь выстрѣлить, если вылетитъ утка. Но... ничего! Я уже хотѣла выстрѣлить въ ящерицъ, которыя прыгали у меня подъ ногами, или въ Мишеля, который шелъ за мною, не спуская съ меня глазъ: я была въ мужскомъ костюмѣ, и это возбуждало въ немъ самыя преступныя мысли.

Я нашла золотую середину, ту золотую середину, которой никакъ не можетъ найти Франція: я убила наповалъ ворону, сидѣвшую на верхушкѣ дуба и ничего не подозрѣвавшую, тѣмъ болѣе, что отецъ и Мишель, лежавшіе на лужайкѣ, привлекли ея вниманіе.

Я вырвала перья изъ ея хвоста и сдѣлала себѣ хохолокъ.

Другіе даже ни разу не стрѣляли, а только шли впередъ.

Поль убилъ дрозда, и тѣмъ охота и кончилась.

Мать, думающая, что ребенокъ ея умеръ и умеръ по ея же винѣ, не увѣренная въ его смерти и не рѣшающаяся ничего сказать, боясь въ ней убѣдиться, — вдругъ опять находитъ этого оплакиваемаго ребенка, причинившаго столько горя, столько сомнѣній и страданій... Эта мать должна быть счастлива. Мнѣ кажется, что она должна чувствовать то, что переживаю я, когда у меня послѣ хрипоты возвращается голосъ.

Посмѣявшись въ гостиной, я остановилась на минуту и вдругъ почувствовала, что **могу** пѣть.

Я этимъ обязана лѣкарству доктора Валицкаго.

Вторникъ, 19 сентября. Меня раздражаютъ постоянные оскорбительные намеки на моихъ и невозможность обижаться. Я бы сумѣла зажать ротъ отцу, если бы не было этого опасенія потерять мое средство... Онъ добръ ко мнѣ... Съ моей стороны очень мило повторять это. Какъ могъ бы онъ относиться иначе къ умной, образованной, милой, кроткой и доброй дочери (я здѣсь такая — онъ самъ это говоритъ), которая ничего у него не проситъ, пріѣхала къ нему изъ любезности и всѣми способами льститъ его тщеславію.

Придя въ мою комнату, я почувствовала желаніе броситься на землю и плакать, но я сдержалась, и это прошло. Я

всегда такъ буду поступать. Нельзя допускать, чтобы люди, вамъ безразличные, могли заставить васъ страдать. Страданіе меня всегда унижаетъ; мнѣ противно думать, что тотъ или другой могъ меня оскорбить.

И все-таки жизнь лучше всего на свѣтѣ!

Пятница, 22 сентября. Съ меня положительно довольно такой жизни! Деревня дѣйствуетъ на меня одуряющимъ, притупляющимъ образомъ. Я сказала это отцу; а когда я сказала ему, что желаю выйти замужъ за короля, онъ сталъ мнѣ доказывать, что это невозможно, и снова началъ свои насмѣшки надъ моею семьею. Я ему не вторила (можно говорить самому извѣстныя вещи, но невозможно позволять, чтобы ихъ говорили другіе).

Я сказала, что все это выдумки его сестры Т... Я не щажу ее, эту тетку, и употребила вѣрное средство, чтобы пошатнуть ея вліяніе.

О, Римъ, Пинчіо, возвышающійся какъ островъ среди Кампаньи, пересѣкаемой водопроводами, ворота del Populo, обелискъ, церкви кардинала Гастоло по обѣ стороны Корсо, дворецъ венеціанской республики, эти темныя, узкія улицы, эти дворцы, почернѣвшіе отъ времени, развалины небольшого храма Минервы и наконецъ Колизей!.. Мнѣ кажется, что я вижу все это. Я закрываю глаза и мысленно проѣзжаю по городу, посѣщаю развалины, вижу...

Я противоположна тѣмъ людямъ, которые говорятъ: съ глазъ долой — изъ сердца вонъ. Исчезнувъ съ глазъ моихъ, предметъ получаетъ двойное значеніе: я его разбираю, восхищаюсь имъ, люблю его.

Я много путешествовала, много видала городовъ, но только два изъ нихъ привели меня въ восторгъ.

Первый — Баденъ-Баденъ, гдѣ я пробыла два лѣта ребенкомъ; я еще помню эти очаровательные сады. Второй — Римъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе, но болѣе сильное, если только это возможно.

Нѣкоторыхъ людей сначала не любишь, но чувство къ нимъ понемногу усиливается; то же и съ Римомъ. Такія привязанности прочны, полны нѣжности и не лишены страсти.

Я люблю Римъ, одинъ только Римъ! А соборъ св. Петра... Соборъ св. Петра, когда падаетъ сверху лучъ солнца, и тѣни ложатся такъ же правильно, какъ сама архитектура ко-

лоннъ и алтарей! Лучъ солнца, создающій среди этого мраморнаго храма храмъ свѣта!..

Закрывъ глаза, я переношусь въ Римъ... Но теперь ночь, а завтра пріѣдутъ полтавскіе «гиппопотамы». Нужно быть хорошенькой... и я буду хорошенькой.

Въ деревнѣ я замѣчательно поправилась; я никогда не была такой прозрачной и свѣжей.

Римъ!.. и я не поѣду въ Римъ!.. почему? Потому, что не хочу. И если бы вы знали, чего мнѣ стоитъ это рѣшеніе, вы пожалѣли бы меня. Я даже плачу...

Воскресенье, 24 сентября 1876 г. Начинаетъ становиться холодно, и я съ довольно сильнымъ неудовольствіемъ велѣла разбудить себя въ семь часовъ. Въ восемь часовъ я старалась отвоевать еще нѣсколько минутъ, а въ девять я была уже въ гостиной, въ черной бархатной шапочкѣ и въ амазонкѣ, приподнятой такъ, что видно было оружіе, вышитое на сапогахъ.

Охотники уже всѣ собрались: Каменскій, настоящій Портосъ; Волковысскій, похожій на фурію Ифигеніи въ Тавридѣ; Павелка, ужасный адвокатъ; Салько, отвратительный архитекторъ; Швабе, обладатель семнадцати охотничьихъ собакъ; Любовичъ, чиновникъ, почти такого же огромнаго роста, какъ Каменскій; господинъ, имени котораго я не знаю, отецъ, Мишель и я.

Всѣ осматривали ружья, говорили о патронахъ, пили чай и обмѣнивались пошлыми вульгарными шутками, исключая отца и нашихъ двухъ молодыхъ людей.

Я сѣла въ экипажъ съ отцомъ и нашими двумя ружьями. За нами на близкомъ разстояніи слѣдовали четыре коляски.

Знаете ли вы, какъ происходитъ охота на волка въ Россіи?

Вотъ какъ это дѣлается.

Объ охотѣ за недѣлю оповѣщаютъ общинѣ, старостѣ, чтобы онъ собралъ достаточное количество людей, но такъ какъ въ Полтавѣ ярмарка, то ихъ явилось только сто двадцать. Собралось всего человѣкъ двѣсти, и сѣти разставили на 6—8 километровъ. Князь Кочубей прислалъ свои сѣти, такъ какъ самъ не могъ пріѣхать.

Я дрожала отъ холода. Отецъ всѣхъ безъ различія размѣстилъ по обѣ стороны дороги, сосчиталъ насъ и раздѣлилъ на двѣ партіи — на вооруженныхъ и невооруженныхъ. Нашлось человѣкъ 20 съ ружьями между мужиками: другимъ

роздали багры, предназначенные для того, чтобы подлымъ образомъ убить животное, когда оно попадется въ сѣти.

Сѣти располагаются такъ, что звѣрь, преслѣдуемый криками людей, запутывается въ нихъ, сначала пробѣжавъ мимо охотниковъ, поставленныхъ въ засаду впереди.

Охота начинается. Управляющій-полякъ, верхомъ, въ клеенчатомъ колпакѣ, похожемъ по формѣ на каску, держа въ рукѣ багоръ, который то опускается до земли, то поднимается надъ его головой, ѣздитъ взадъ и впередъ въ галопъ и ничего не дѣлаетъ.

Я заряжаю ружье, поправляю мою охотничью сумку, въ которой находится носовой платокъ и пара перчатокъ, откашливаюсь, и я готова.

И вотъ я остаюсь одна въ лѣсу, съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ, съ ощущеніемъ сырости въ ногахъ, насквозь проникнутая холодомъ. Мои стальные каблуки уходили въ мокрую землю, что усиливало ощущеніе холода и мѣшало ходить. Какъ вы думаете, что я дѣлала, когда осталась одна? О, это очень просто. Сначала я посмотрѣла, не видно ли чего среди деревьевъ и увидѣла сѣрое, холодное небо, потомъ я посмотрѣла вокругъ себя и увидѣла высокія деревья, безъ листьевъ, а затѣмъ, замѣтивъ на землѣ шинель отца, я легла и стала думать. Тутъ я почувствовала что то теплое рядомъ со мною... оборачиваюсь... Господи! три кроткихъ и ласковыхъ собаки: большая черная собака и двѣ маленькихъ: — Жукъ I и Жукъ II.

Наконецъ я услышала выстрѣлъ; то былъ сигналъ. Раздались крики мужиковъ издалека. По мѣрѣ того, какъ они приближались, мысли мои разлетались, и когда мужики были настолько близко, что я могла чувствовать волненіе отъ приближающихся криковъ толпы, я вскочила на ноги, бросилась къ ружью и насторожила ужи. Крик все приближались: слышала, какъ ударяли баграми по вѣтвямъ, чтобы усилить шумъ. Каждую минуту мнѣ казалось, что я слышу трескъ въ кустарникѣ (волки любятъ густыя мѣста).

Крики становились сильнѣе и сильнѣе, и когда я увидѣла людей, сердце мое нервно забилось, я даже вздрогнула, — но люди никого не гнали передъ собою, сѣти были пусты: въ нихъ нашли только несчастнаго зайца, котораго великанъ Каменскій уложилъ на мѣстѣ, толкнувъ его ногой.

Всѣ поздравляли другъ друга съ общей неудачей и въ довольно веселомъ настроеніи направились къ долинѣ, гдѣ

подъ стогомъ сѣна или соломы расположились ѣсть соленые припасы и пить водку. Мужиковъ угощали жареной бараниной, пирогами и водкой. Все это кажется невѣроятнымъ и возможно только въ Россіи.

Эти добрыя полу-животныя, полу-люди съ любопытствомъ разсматривали меня — не то женщину, не то мужчину, или скорѣе женщину, которая улыбалась имъ во весь ротъ. Отецъ говорилъ съ ними о законахъ, касающихся лошадей. Я думала, что онъ говоритъ съ ними о Сербіи.

Отдохнувъ, мы опять углубились въ лѣсъ, но такъ какъ вмѣсто волковъ загоняли зайцевъ, пряшлось ходить, ходить, ходить, слѣдовать за двадцатью девятью собаками, за которыми шелъ охотникъ, присланный вчера княземъ Кочубеемъ.

Показалось солнце, и я бы развеселилась, если бы сыроость не смѣнилась усталостью. Пряоходивъ два часа, мы не видѣли даже заячьяго хвоста. Это вывело меня изъ себя и, отыскавъ нашу коляску, я возвратилась съ отцомъ, «al paternotetto». Я приказала натереть себя духами, одѣлась и сошла внизъ къ друзьямъ, которые принесли трехъ зайцевъ. Я была очаровательно красива (говоря относительно, насколько я могу быть красивой), но совсѣмъ напрасно; ни одинъ изъ этихъ уродовъ не похожъ на человѣка.

Съ крестьянами я разговорчива и держу себя просто; съ равными мнѣ по образованію я довольно мила кажется, но съ этими олухами! Во избѣжаніе разговоровъ съ ними, я начала играть въ карты и проиграла около сотни франковъ великану.

Сѣли играть опять а я пошла въ библіотеку писать письмо въ Петербургъ лошадиному барышнику. Какъ будто имѣя на то причину, князь послѣдовалъ за мною, попросилъ позволенія поцѣловать мнѣ руку, которую я дала ему даже безъ особеннаго отвращенія, посмотрѣлъ на меня, вздохнулъ и спросилъ, сколько мнѣ лѣтъ.

— Шестнадцать.

— Когда вамъ будетъ двадцать пять, я буду за вами ухаживать.

— Очень хорошо.

— И тогда вы оттолкнете меня, какъ теперь.

Этотъ блестящій день закончился концертомъ на лѣстницѣ. Мой голосъ, т. е. половина моего голоса, изумилъ ихъ, но мнѣ кажется, что они въ этомъ ничего не понимаютъ и восхищаются на-удачу.

Понедѣльникъ, 23 сентября. Отецъ позвалъ меня въ галлерею посмотрѣть на деревенскихъ новобрачныхъ, которые пришли къ отцу съ поклономъ. Свадьба была вчера. Мужъ одѣтъ, какъ обыкновенно: сапоги до колѣнъ, темныя шаровары и свита, родъ верхняго платья, собраннаго у пояса, изъ коричневаго крестьянскаго сукна; отъ вышитой рубашки видна только грудь, на мѣстѣ петлицы — цвѣтной бантъ.

Женщина въ юбкѣ и въ «корсеткѣ», похожей на мужской жилетъ, но изъ болѣе свѣтлой матеріи. Голова ея не убрана, какъ у дѣвушекъ, цвѣтами и лентами, а повязана шелковымъ платкомъ, такъ что закрыты волосы и даже весь лобъ, а уши и шея открыты.

Они вошли въ гостиную вмѣстѣ съ дружками, дѣвушками и сватами.

Мужъ и жена трижды поклонились отцу въ ноги.

Среда, 27 сентября. Я говорю съ отцомъ въ шутливомъ тонѣ и потому могу говорить все. Моя послѣдняя фраза третьяго дня его оскорбила.

Онъ жалуется, говоритъ, что велъ безумную жизнь, что онъ веселился, но что ему чего-то не хватаетъ, что онъ несчастливъ...

— Въ кого же ты влюбленъ? — спросила я въ насмѣшку надъ его вздохомъ.

— Ты хочешь знать это?

И онъ покраснѣлъ такъ, что захватилъ руками свою голову, чтобы скрыть свое лицо.

— Я хочу, скажи!

— Въ maman.

Голосъ его дрожалъ, и я взволновалась до того, что громко засмѣялась, чтобы скрыть свое волненіе.

— Я зналъ, что ты не поймешь меня! — вскричалъ онъ.

— Извини, но эта супружеско-романическая страсть такъ мало на тебя похожа.

— Потому что ты меня не знаешь! Но клянусь тебѣ, клянусь, что это правда, передъ образомъ, передъ этимъ крестомъ, благословеніемъ моего отца! и онъ перекрестился на образъ и крестъ, висящій надъ постелью.

— Можетъ быть, это потому, что я представляю ее себѣ молодою, какъ тогда, что въ воображеніи я вижу прошедшимъ. Когда насъ разлучили, я былъ какъ сумасшедшій, я пѣшкомъ ходилъ къ Ахтырской Божіей Матери; но говорятъ,

что она приноситъ несчастье, и это правда, такъ какъ потомъ все еще больше запуталось. И потомъ... сказать ли... ты будешь смѣяться... Когда вы жили въ Харьковѣ, я ѣздилъ туда тайкомъ одинъ, бралъ извозчика и цѣлый день ждалъ у вашего дома, чтобы видѣть, какъ она выйдетъ, и потомъ возвращался, никѣмъ не замѣченный.

— Если это правда, это очень трогательно.

— Скажи мнѣ, такъ какъ мы уже заговорили о maman. У нея... у нея нѣтъ ко мнѣ отвращенія?

— Отвращенія? Да почему же? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ.

— Иногда... бываютъ... такія непреодолимыя антипатіи.

— Да нѣтъ же, нѣтъ.

Однимъ словомъ, мы долго говорили объ этомъ.

Я говорила о ней, какъ о святой, какою помню ее съ тѣхъ поръ, какъ поняла ея положеніе.

Было поздно, я пошла спать. У себя я бы поужинала, читала, писала.

Сегодня въ восемь часовъ утра мы должны были уѣхать въ Полтаву, но явилась Елена К., мать Паши, горбатая, очень любезная, немного аффектированная.

Мы вмѣстѣ пили чай и потомъ уѣхали. Отцу моему нужно быть въ городѣ для предсѣдательства.

Холодно, по временамъ идетъ дождь. Гуляя, я зашла къ фотографу; я снялась крестьянкой, стоя, сидя, въ лежачемъ положеніи, какъ будто спящей.

Мы встрѣтили Г.

— Вы видѣли мою дочь? — спросилъ отецъ.

— Да, я видѣлъ ее...

— Лучше не найдешь, неправда ли? И нѣтъ, и не было подобной ей.

— Извините, были въ тѣ времена, когда существовалъ Олимпъ.

— Я вижу, что вы умѣете говорить комплименты.

Этотъ господинъ довольно дуренъ собою, довольно черноволосъ, довольно порядочный, довольно свѣтскій, немного авантюристъ, игрокъ и довольно честный человѣкъ. Въ Полтавѣ его считаютъ самымъ образованнымъ и порядочнымъ человѣкомъ.

При первомъ морозѣ я надѣла мою зимнюю шубу; она была уложена и еще сохранила тотъ запахъ, какой имѣла въ Римѣ, и этотъ запахъ, этотъ мѣхъ!..

Замѣтили ли вы, что для того, чтобы перенестись въ какое-нибудь мѣсто, достаточно вспомнить запахъ, воздухъ, цвѣтъ?.. Провести зиму въ Парижѣ? О! нѣтъ!..

Четвергъ, 28 сентября. Я плачу отъ скуки; мнѣ хочется уѣхать, я здѣсь чувствую себя несчастной, теряю время, жизнь, страдаю и раздражена до послѣдней степени.

Эта жизнь меня измучила. Господи Іисусе Христе, избавь меня отъ этой муки!

Пятница, 29 сентября. Вчера я была въ отчаяніи: мнѣ казалось, что я на всю жизнь заключена въ Россіи; это приводило меня въ неистовство, я готова была лѣзть на стѣну и горько плакала.

Мать Паши стѣсняетъ меня. Почему? Потому что она сказала нѣсколько фразъ, по которымъ я вижу, въ какихъ восторженныхъ выраженіяхъ ея сынъ говорилъ съ нею обо мнѣ. Когда же я стала настаивать на томъ, чтобы она уговорила его пріѣхать, она отвѣтила полушутя, полусерьезно:

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ останется тамъ. Тебѣ здѣсь скучно, тебѣ нечего дѣлать, и ты его мучишь; онъ пріѣхалъ ко мнѣ совсѣмъ разсѣянный и измученный.

На это я отвѣчала съ большой сдержанностью:

— Я не считаю Пашу такимъ человѣкомъ, который можетъ оскорбляться дружелюбными шутками. Я шучу и немножко дразню его потому, что онъ мнѣ близкій родственникъ, почти братъ.

Она долго смотрѣла на меня и сказала:

— Знаете, въ чемъ состоитъ верхъ сумасшествія?

— Нѣтъ.

— Въ томъ, чтобы влюбиться въ Мусю.

Инстинктивно связывая эту фразу съ другими, я краснѣю до ушей.

Воскресенье, 1 октября. Мы были у князя Сергѣя Кочубея.

Отецъ одѣлся отлично, даже надѣлъ слишкомъ свѣтлыя перчатки.

— Я была въ бѣломъ, какъ на скачкахъ въ Неаполѣ, только шляпа была въ черныхъ перьяхъ и такого фасона, который въ Россіи признанъ образцомъ хорошаго тона. Я не люблю этого фасона, но онъ подходитъ къ случаю.

Имѣніе князя въ 8-ми верстахъ отъ Гавронцевъ — это

знаменитая Диканька, воспѣтая Пушкинымъ вмѣстѣ съ любовью Мазепы и Маріи Кочубей.

Особенно хорошо устроено было имѣніе княземъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ, великимъ канцлеромъ имперіи, замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, отцомъ нынѣшняго князя.

По красотѣ сада, парка, строеній, Диканька можетъ соперничать съ виллами Боргезе и Доріа въ Римѣ. Исключая неподражаемыя и незамѣнимыя развалины, Диканька, пожалуй, даже богаче, это почти городокъ. Я не считаю крестьянскихъ избъ, а говорю только о домѣ и службахъ. И это среди Малороссіи! Какъ жаль, что даже не подозрѣваютъ о существованіи этого мѣста. Тамъ нѣсколько дворовъ, конюшенъ, фабрикъ, машинъ, мастерскихъ. У князя манія строить, фабриковать, отдѣлывать. Но лишь только войдешь въ домъ, всякое сходство съ Италіей исчезаетъ. Передняя убрана бѣдно въ сравненіи съ остальными комнатами, и вы входите въ прекрасный барскій домъ: этого блеска, этого величія, этого божественнаго искусства, которое приводитъ васъ въ восторгъ въ дворцахъ Италіи, нѣтъ и слѣда.

Князь — человѣкъ лѣтъ 50—55-ти, овдовѣвшій, кажется, года два тому назадъ. Это типичный русскій вельможа, одинъ изъ людей стараго времени, на которыхъ уже начинаютъ смотрѣть, какъ на существа иного рода, чѣмъ мы сами.

Его манеры и разговоръ сначала смутили меня, такъ какъ я успѣла уже отвыкнуть отъ общества, но черезъ пять минутъ я была очень довольна.

Онъ повелъ меня подъ руку показать свои лучшія картины черезъ всѣ залы. Столовая великолѣпна. Я сѣла на почетное мѣсто направо, налѣво — князь и отецъ. Дальше сѣло нѣсколько человѣкъ, которые не были представлены и скромно заняли свои мѣста, — точно средневѣковые ленники.

Все шло отлично, но вдругъ у меня закружилась голова; я встала изъ-за стола, впрочемъ, когда уже кончили.

Войдя въ мавританскую гостиную, я сѣла, и мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Мнѣ показывали картины, статуэтки, портретъ князя Василія и его забрызганную кровью рубашку, висящую въ шкапу, къ которому портретъ служилъ дверцой. Насъ повели смотрѣть лошадей, но я ничего не видѣла, и мы должны были уѣхать.

Суббота, 14 октября. Я получила изъ Парижа платья. Одѣвшись, я вышла гулять съ Полемъ.

Полтава болѣе интересный городъ, чѣмъ думаютъ. Прежде всего достойна вниманія маленькая церковь Петра Великаго. Она деревянная, и для сохраненія ея сдѣланы снаружи стѣны изъ кирпичей ,— между ними и стѣнами церкви свободно помѣщается человѣкъ.

Рядомъ съ церковью находится колонна на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ государь, выигравъ битву 1709 года, отдыхалъ, сидя на камнѣ. Колонна вылита изъ бронзы.

Я вошла въ старую деревянную церковь, стала на колѣни и три раза поклонилась въ землю. Говорятъ, что если молиться такъ въ церкви, гдѣ находишься въ первый разъ, то сбудется то, о чемъ молишься.

Продолжая осматривать достопримѣчательности, я отправилась въ большой полтавскій монастырь.

Онъ стоитъ на вершинѣ второго холма. Полтава построена на двухъ холмахъ.

Тамъ замѣчателенъ только деревянный иконостасъ, удивительной рѣзной работы.

Тутъ же похороненъ мой прадѣдъ, отецъ дѣдушки Бабанина; я поклонилась его могилѣ.

Вторникъ, 17 октября. Мы играли въ крокетъ.

— Паша, что вы бы сдѣлали съ человѣкомъ, который бы меня оскорбилъ, смертельно оскорбилъ?

— Я бы убилъ его, — отвѣтилъ онъ просто.

— У васъ прекрасная слова на языкѣ!!! Но вы смѣетесь, Паша.

— А вы?

Онъ называетъ меня бѣсомъ, ураганомъ, демономъ, бурей... Все это со вчерашняго дня.

Я только тогда становлюсь болѣе спокойной, когда выражаю противорѣчивыя мнѣнія о любви.

У моего двоюроднаго брата замѣчательно широкіе взгляды, и Данте могъ бы позаимствоваться у него божественною любовью къ Беатриче.

— Я, конечно, влюблюсь, но не женюсь, — сказалъ онъ.

— Вѣдь за такія рѣчи стоитъ высѣчь человѣка!

— Потому, — продолжалъ онъ, — что я бы желалъ, чтобы любовь моя длилась вѣчно, по крайней мѣрѣ въ воображеніи, сохраняя божественную чистоту и силу. Бракъ уничтожаетъ любовь именно потому, что даетъ ее.

— О! о! — сказала я.

— Отлично! — замѣтила его мать, пока нелюдимый ораторъ краснѣлъ, смущенный собственными словами.

А въ это время я смотрѣлась въ зеркало и подрѣзала волосы на лбу, сдѣлавшіеся слишкомъ длинными.

—Вотъ вамъ, — сказала я Пашѣ, бросая ему прядь золотистыхъ нитей, — я даю вамъ это на память.

Онъ не только взялъ ихъ, но даже голосъ у него задрожалъ; а когда я хотѣла отнять, онъ такъ уморительно посмотрѣлъ на меня, какъ смотритъ ребенокъ, завладѣвшій игрушкой, которая кажется ему сокровищемъ.

Я дала ему читать «Коринну», и онъ ушелъ. Коринна и лордъ Мельвиль пѣшкомъ переходятъ черезъ мостъ св. Ангела... «Когда я переходилъ черезъ этотъ мостъ, — говоритъ лордъ Мельвиль, возвращаясь изъ Капитоліи, — я въ первый разъ долго думалъ о васъ». Я не знаю, что есть особеннаго въ этой фразѣ... но я буквально замерла, прочитавъ ее вчера вечеромъ. Впрочемъ, я всегда бываю такъ поражена, когда прочитываю ее.

Не говорили ли и мнѣ чего-нибудь подобнаго? Въ этихъ немногихъ простыхъ словахъ заключается какая-то волшебная сила, можетъ быть, это ихъ простота? или же это ассоціація?

Пятница, 20 октября. Въ восемь часовъ утра, въ сѣрую погоду, мы уже отправились на охоту. Земля была покрыта легкимъ слоемъ снѣга, какъ лицо m-me Б. пудрой. Мишель привелъ свою стаю борзыхъ собакъ. Какъ только мы выѣхали въ поле, я сѣла верхомъ, не снимая шубки, которую я перевязала вокругъ таліи ремнемъ; мнѣ дали держать трехъ собакъ.

Иней, снѣгъ, лошади, острыя мордочки борзыхъ собакъ: все это радовало меня; я торжествовала.

Паша тоже ѣхалъ верхомъ и былъ очень любезенъ, что къ нему совсѣмъ не идетъ и смущаетъ меня. Но этими перемѣнами настроенія нельзя пренебрегать.

— Паша, есть одна личность, которая меня страшно стѣсняетъ (успокойтесь, это не тетя Т...), и мнѣ хотѣлось бы избавиться отъ этой личности приличнымъ образомъ.

— Хорошо, располагайте мною.

— Правда?

— Попытайтесь.

— Четное слово? и вы ничего не скажете?

— Честное слово, никому ничего...

Благодаря нѣсколькимъ словамъ, которыми мы обмѣнялись, между мною и «зеленымъ человѣкомъ» установилась извѣстнаго рода связь.

Мы иногда говоримъ между собою шопотомъ, по-англійски, въ отсутствіе его матери.

Паша пытался продолжать быть любезнымъ. Но я дала ему поцѣловать обѣ мои руки, прочесть стихотвореніе Виктора Гюго и вообще обращаюсь съ нимъ, какъ съ братомъ, что онъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Понедѣльникъ, 23 октября. Вчера, усѣвшись въ карету, запряженную шестерней, мы уѣхали въ Полтаву.

Переѣздъ былъ веселый. Слезы въ часъ отъѣзда изъ родительскаго дома вызвали всеобщія изліянія, а Паша воскликнулъ, что влюбленъ безумно.

— Клянусь, что это правда, но не скажу, въ кого.

— Если вы влюблены не въ меня, — воскликнула я, то я васъ проклинаю.

Моимъ ногамъ было холодно, онъ снялъ свою шубу и покрылъ мнѣ ноги.

— Паша, побожитесь, что скажете мнѣ правду.

— Клянусь!

— Въ кого вы влюблены?

— Зачѣмъ?

— Мнѣ это интересно, мы родственники, я любопытна и потомъ... это меня забавляетъ.

— Видите, это васъ **забавляетъ!**

— Конечно, но не понимайте меня въ дурномъ смыслѣ; я интересуюсь вами и вы хорошій человѣкъ.

— Вы смѣетесь, а потомъ будете насмѣхаться надо мною.

— Вотъ вамъ моя рука и мое слово, что я не смѣюсь.

Но лицо мое смѣялось.

— Въ кого вы влюблены?

— Въ васъ.

— Правда?

— Честное слово! Я никогда не говорю такъ, такъ говорятъ въ романахъ, и развѣ нужно падать на колѣни и говорить кучу глупостей.

— О! мой милый, вы подражаете кому-то, кого я знаю.

— Какъ хотите, Муся, а я говорю правду.

— Но это безуміе!

— Да, конечно, и это-то мнѣ и нравится! Это безнадежная любовь, а мнѣ этого и нужно. Мнѣ нужно страдать, мучиться, а потомъ... мнѣ будетъ о чемъ думать, о чемъ сожалѣть. Я буду терзаться, и въ этомъ будетъ мое счастье.

— Молодо-зелено!

— Молодо? зелено?

— Но мы братъ и сестра.

— Нѣтъ, мы двоюродные...

— Это одно и то же.

— О, нѣтъ!

Тогда я принялась дразнить моего поклонника. И всегда не тотъ, кого я ищу!

Я уѣхала съ Полемъ, отославъ Пашу въ Гавронцы. На станціи мы встрѣтили графа М..., и онъ оказалъ мнѣ нѣсколько незначительныхъ услугъ.

Меня разбудили на третьей станціи, и я, вся заспанная, прошла мимо графа и слышала, какъ онъ сказалъ:

— Я нарочно не засыпалъ, чтобы видѣть, какъ вы пройдете.

Меня ждали въ Черняковкѣ, но я была такъ разбита, что сейчасъ же легла спать.

Дядя Степанъ и Александръ съ женами и дѣтьми пришли ко мнѣ, когда я уже легла.

Мнѣ хочется вернуться къ моимъ! Уже здѣсь я чувствую себя лучше. Тамъ я буду спокойна.

Я видѣла мою кормилицу Марѳу.

Вторникъ, 24 октября. У меня не было дѣтства, но домъ, въ которомъ я жила ребенкомъ, мнѣ симпатиченъ, если не дорогъ. Мнѣ знакомы всѣ люди и предметы. Слуги, переходившіе отъ отца къ сыну и состарѣвшіеся въ этомъ домѣ, удивились, увидя меня такой большой, и я бы предавалась пріятнымъ воспоминаніямъ, если бы не была занята слѣдующими соображеніями.

Меня называли мухой, но я не могла выговорить **х** и горила мука. Мрачное совпаденіе.

Я видѣла во снѣ А.. въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ Ниццы.

Доминика съ дочерью пріѣхали сегодня вечеромъ; я писала имъ утромъ. Долго сидѣли въ столовой, которая соединяется съ залой посредствомъ арки, безъ всякой драпировки.

Мое платье «Agrippine» имѣетъ большой успѣхъ. Я пѣла, не переставая ходить, чтобы преодолѣть этотъ страхъ, который всякій разъ охватываетъ меня, когда я начинаю пѣть.

— Къ чему писать? О чемъ мнѣ разсказывать? Я, вѣроятно, навожу отчаянную скуку... Терпѣніе!

Сикстъ V былъ только свинопасомъ, и онъ сдѣлался папой!

Будемъ писать дальше.

Тетя Лена вноситъ струю воздуха изъ Рима... Мнѣ казалось, что мы только что вернулись изъ оперы или съ Пинчіо.

Громадная библіотека дѣдушки представляетъ большой выборъ любопытныхъ и рѣдкихъ сочиненій. Я выбрала изъ нихъ нѣсколько, чтобы читать съ тетей Лелей.

Четвергъ, 26 октября. Благословляю желѣзныя дороги! Мы въ Харьковѣ, въ знаменитой гостиницѣ Андріе, и уѣхали на тридцатилѣтнихъ дѣдушкиныхъ лошадяхъ. Отъѣздъ былъ взрывомъ искренней, простой веселости. Даже дышишь иначе съ людьми, которые желаютъ вамъ только добра.

Гнѣвъ мой прошелъ, и я опять думаю о Пьетро. Въ театрѣ я не слушала пьесы и мечтала, но я въ томъ возрастѣ, когда мечтаешь о чемъ бы то ни было, лишь бы мечтать.

Ѣхать ли мнѣ въ Римъ или работать въ Парижѣ?

Россія нестерпима въ томъ видѣ, въ какомъ я вижу ее, благодаря обстоятельствамъ. Отецъ вызываетъ меня телеграммой.

Суббота, 27 октября. Вернувшись изъ Чернякова въ наше старое гнѣздо, я нашла письмо отъ папа.

Весь вечеръ дядя Александръ и жена его совѣтовали мнѣ увезти отца въ Римъ.

— Ты можешь это сдѣлать, — сказала тетя Надя, — сдѣлай: это будетъ настоящее счастье.

Я отвѣчала односложно, такъ какъ дала себѣ нѣчто въ родѣ обѣщанія не говорить объ этомъ ни съ кѣмъ.

Придя къ себѣ, я сняла одинъ за другимъ всѣ образа, оправленные въ золото и серебро. Я поставлю ихъ въ мою образную, **тамъ.**

Воскресенье, 29 (17) октября. Я сняла также картины, какъ и образа. Говорятъ, есть одна картина Веронезе, одна Дольчи, я это узнаю въ Ниццѣ. Принявшись снимать картины, я захотѣла увезти съ собою все. Дядя Александръ ка-

зался недовольнымъ, но мнѣ трудно было сдѣлать только первый шагъ, а потомъ я продолжала спокойно.

Тетя Надя попечительница сосѣднихъ школъ. Она съ удивительной энергіей взялась за дѣло просвѣщенія здѣшнихъ крестьянъ.

Сегодня утромъ я вмѣстѣ съ тетей Надей побывала въ ея школѣ, а потомъ разбирала старыя платья и раздавала ихъ направо и налѣво.

Явилась цѣлая толпа женщинъ, надо было дать что-нибудь каждой.

Вѣроятно, я больше никогда не увижу Черняковки. Я долго бродила изъ комнаты въ комнату, и это мнѣ было очень пріятно. Обыкновенно смѣются надъ людьми, для которыхъ мебель, картины составляютъ пріятныя воспоминанія, такъ что они привѣтствуютъ ихъ и видятъ друзей въ этихъ кускахъ дерева и матеріи, которые, послуживъ вамъ, пріобрѣтаютъ частицу вашей жизни и кажутся вамъ частью вашего существованія. Смѣйтесь! Самыя нѣжныя чувства всего легче обратить въ смѣшное; а гдѣ царствуетъ насмѣшка, тамъ нѣтъ мѣста нѣжнымъ чувствамъ.

Среда, 1 ноября. Когда Поль вышелъ, я осталась наединѣ съ этимъ честнымъ и чудеснымъ существомъ, котораго зовутъ Пашей.

— Такъ я вамъ все еще нравлюсь?

— Ахъ, Муся, какъ мнѣ говорить объ этомъ съ вами!

— Очень просто. Къ чему молчать? Почему не быть прямымъ и откровеннымъ? Я не буду смѣяться; когда я смѣюсь, это нервы и ничего больше. Такъ я вамъ больше не нравлюсь?

— Почему?

— Потому, потому что... я сама не знаю.

— Въ этомъ нельзя отдать себѣ отчета.

— Если я вамъ не нравлюсь, вы можете это сказать — вы достаточно для того откровенны, а я достаточно равнодушна. Скажите, что именно, — носъ? или глаза?

— Видно, что вы никогда не любили.

— Почему?

— Потому что съ той минуты, когда начинаешь разбирать черты, когда носъ находишь лучше глазъ, а глаза лучше рта... это значитъ, что уже больше не любишь.

— Это совершенно вѣрно. Кто вамъ это сказалъ?

— Никто.

— Улиссъ?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — я не знаю, что въ васъ мнѣ нравится... скажу вамъ откровенно: вашъ видъ, ваши манеры, особенно вашъ характеръ.

— Что же, у меня хорошій характеръ?

— Да, если бы вы только не играли комедіи, чего невозможно дѣлать всегда.

— И это правда... А мое лицо?

— Есть красота, которую называютъ классической.

— Да, мы это знаемъ. Далѣе?

— Далѣе, есть женщины, которыя проходятъ мимо насъ, которыхъ называютъ красивыми и о которыхъ потомъ не думаешь... Но есть лица и красивыя и очаровательныя... которыя оставляютъ впечатлѣніе надолго, возбуждаютъ чувство пріятное... прелестное.

— Отлично... а потомъ?

— Какъ вы меня допрашиваете?

Я пользуюсь случаемъ, чтобы узнать немножко, что обо мнѣ думаютъ; я не скоро встрѣчу другого, кого мнѣ можно будетъ такъ допрашивать, не компрометируя себя.

— И какъ явилось у васъ это чувство — вдругъ или мало-по-малу?

— Мало-по-малу.

— Гмъ... Гмъ...

— Это лучше, это прочнѣе. Что полюбишь въ одинъ день, то въ одинъ день и разлюбишь.

Разговоръ длился еще долго, и я почувствовала уваженіе къ этому человѣку, для котораго любовь — религія и который никогда не замаралъ ее ни словомъ, ни взглядомъ.

— Вы любите говорить о любви? — спросила я вдругъ.

— Нѣтъ: равнодушно говорить о ней святотатство.

— Но это забавно.

— Забавно! — воскликнулъ онъ.

— Ахъ, Паша, жизнь ничтожность!.. А я была когда-нибудь влюблена?

— Никогда! отвѣчалъ онъ.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Изъ вашего характера; вы можете любить только по капризу... Сегодня человѣка, завтра платье, послѣзавтра кошку.

— Я въ восторгѣ, когда обо мнѣ такъ думаютъ. А вы, мой милый братъ, были когда-нибудь влюблены?

— Я вамъ говорилъ. Я вамъ говорилъ, и вы знаете.

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю не о томъ, — сказала я съ живостью, — но прежде?

— Никогда.

— Это странно. Иногда мнѣ кажется, что я ошибаюсь, и что приняла васъ за нѣчто большее, чѣмъ вы есть.

Мы говорили о безразличныхъ вещахъ, и я ушла къ себѣ. Вотъ человѣкъ... Нѣтъ, не будемъ думать, что онъ прекрасный — разочарованіе было-бы слишкомъ непріятно. Онъ признался мнѣ, что будетъ солдатомъ.

— Для того, чтобы прославиться, говорю откровенно.

И эта фраза, сказанная изъ глубины сердца полузастѣнчиво и полусмѣло, правдивая, какъ сама правда, доставила мнѣ огромное удовольствіе. Я, можетъ быть, преувеличиваю свои заслуги, но мнѣ кажется, что прежде честолюбіе было ему незнакомо. Я помню, какъ его поразили мои первыя слова о честолюбіи, и когда я говорила однажды о честолюбіи во время рисованія, онъ вдругъ всталъ и началъ шагать по комнатѣ, бормоча:

— Нужно что-нибудь сдѣлать, нужно что-нибудь сдѣлать.

Четвергъ, 2 ноября. Отецъ придирается ко мнѣ изъ-за всего. Сто разъ мнѣ хочется отправить все къ черту...

Только благодаря «исторіямъ», отца можно было увезти въ Полтаву сегодня вечеромъ. Въ дворянскомъ собраніи концертъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать, чтобы показать себя, но явились препятствія безъ конца.

Недостаточно еще того, что онъ не доставилъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, удалилъ людей, которые могли бы быть мнѣ равными, не обращалъ вниманія на всѣ мои намеки и даже просьбы, касающіеся ничтожнаго любительскаго спектакля. Этого недостаточно! Послѣ трехъ мѣсяцевъ ласки, вниманія, интереса, который я доставляла, любезности, я встрѣчаю... сильное сопротивленіе тому, чтобы я ѣхала въ этотъ противный концертъ. И это еще не все: вышла исторія съ моимъ туалетомъ. Требовали, чтобы я надѣла шерстяное платье, костюмъ для гулянья. Какъ это все мелко и недостойно разумныхъ существъ!

Да и мнѣ вовсе не нуженъ былъ отецъ. Со мной были те-

тя Надя и дядя Александръ, Поль и Паша, котораго я увезла изъ каприза и къ моему же великому неудовольствію.

Отецъ нашелъ меня слишкомъ красивой, и это вызвало новую исторію; онъ боялся, что я буду слишкомъ отличаться отъ полтавскихъ дамъ, и умолялъ меня на этотъ разъ одѣться иначе, — онъ, который просилъ меня одѣться такимъ образомъ въ Харьковѣ. Послѣдствіемъ этого были — пара метенокъ, разорванныхъ въ клочки, злобные глаза, невыносимое настроеніе духа и... никакой перемѣны въ туалетѣ.

Мы пріѣхали въ серединѣ концерта; я вошла подъ руку съ отцомъ съ видомъ женщины, которая увѣрена, что ею будутъ любоваться. Тетя Надя, Поль и Паша слѣдовали за мною. Я прошла мимо m-me Абаза, не поклонившись ей, и мы сѣли рядомъ съ нею въ первомъ ряду. Я была у m-lle Дитрихъ, которая, сдѣлавшись m-me Абаза, не отдала мнѣ визита. Я держалась самоувѣренно и не поклонилась ей, несмотря на всѣ ея взгляды. Насъ тотчасъ же всѣ окружили. Всѣ клубные дураки (клубъ находится въ томъ же домѣ) пришли въ залу, «чтобы посмотрѣть».

Концертъ скоро кончился, и мы уѣхали въ сопровожденіи здѣшнихъ кавалеровъ.

— Ты поклонилась m-me Абаза? — спросилъ меня нѣсколько разъ отецъ.

— Нѣтъ.

И я произнесла нравоученіе, совѣтуя поменьше презирать другихъ и прежде обращать вниманіе на себя. Я задѣла его за живое; онъ вернулся въ клубъ и пришелъ сказать мнѣ, что Абаза ссылается на всѣхъ слугъ гостиницы и увѣряетъ, что на другой же день отдалъ мнѣ визитъ съ племянницей.

Впрочемъ, папа сіяетъ: его осыпали комплиментами на мой счетъ.

Суббота, 4 ноября (23 октября). Я должна была предвидѣть, что отецъ будетъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить женѣ. Я говорила это себѣ неопредѣленно, но я вѣрила въ доброту Бога. Maman не виновата, съ такимъ человѣкомъ жить нельзя. Онъ вдругъ обнаружился, и теперь я могу судить.

Съ утра идетъ снѣгъ, земля вся бѣлая, деревья покрыты инеемъ, что вечеромъ образуетъ прелестные, неопредѣленные оттѣнки. Хотѣлось бы погрузиться въ этотъ сѣроватый туманъ лѣса; онъ кажется другимъ міромъ.

Однако, тихое колыханіе кареты, чудесный запахъ перваго снѣга, неопредѣленность, вечеръ—всѣ эти успокоительныя силы ничуть не уменьшили моего негодованія при воспоминаніи объ А... — воспоминаніи, которое преслѣдуетъ меня, преслѣдуетъ, какъ дикаго звѣря, не давая мнѣ ни минуты покоя.

Какъ только мы пріѣхали въ деревню и вошли въ гостиную, отецъ началъ дѣлать непріятные намеки, но видя, что я молчу, воскликнулъ:

— Твоя мать говоритъ, что я кончу жизнь у нея въ деревнѣ! Никогда!

Отвѣтить — значило бы сейчасъ уѣхать. «Еще одна жертва, — думала я, — и по крайней мѣрѣ я все сдѣлала и не буду себя обвинять». Я сидѣла и не сказала ни слова; но я долго буду помнить эту минуту — вся кровь во мнѣ остановилась, и сердце, на секунду переставшее биться, потомъ забилось, какъ птица въ предсмертныхъ судорогахъ.

Я сѣла за столъ, все еще молча и съ рѣшительнымъ видомъ. Отецъ понялъ свою ошибку и началъ находить все дурнымъ, бранить прислугу, чтобы потомъ оправдаться раздраженіемъ.

Вдругъ онъ сѣлъ на край моего кресла и обнялъ меня. Я тотчасъ же освободилась изъ его объятій.

— О! нѣтъ, — сказала я твердымъ голосомъ, въ которомъ на этотъ разъ не слышно было слезъ, — я не хочу сидѣть рядомъ съ тобою.

— Да нѣтъ, нѣтъ!

Онъ старался обратить все въ шутку.

— Мнѣ слѣдовало-бы сердиться! — прибавилъ онъ.

— Да я не сержусь...

Вторникъ, 7 ноября. Я разбила зеркало! Смерть или большое несчастье. Это повѣрьте бросаетъ меня въ холодъ, а если взглянуть въ окно, становится еще холоднѣе: все бѣло... свѣтло-сѣрое небо... Я давао ае видала такой картины.

Поль, съ свойственной молодости жаждою показать новымъ лицамъ новое для нихъ, велѣлъ заложить маленькія санки и съ торжествующимъ видомъ повезъ меня гулять. Эти сани недостойны своего названія: это просто нѣсколько сколоченныхъ жердей — внутри набросано сѣно, и все покрыто ковромъ. Лошадь, находившаяся совсѣмъ близко отъ насъ,

бросала намъ снѣгъ въ лицо, въ рукава, въ мои туфли, въ глаза. Снѣжная пыль покрыла мою кружевную косынку на головѣ, собиралась въ ея складкахъ и замерзала.

— Вы сказали, чтобы я ѣхалъ за границу въ одно время съ вами, — вдругъ сказалъ Паша.

— Да, и не изъ каприза; вы мнѣ оказали бы благодѣяніе, если бы пріѣхали, и не хотите! Вы ничего не дѣлаете для меня, для кого же будете что-нибудь дѣлать?

— Вѣдь вы знаете, что я не могу пріѣхать.

— Нѣтъ!

— Но вы знаете... потому что, поѣхавъ съ вами, я буду продолжать васъ видѣть, а для меня это будетъ мученіемъ.

— Почему?

— Потому, что я васъ люблю.

— Но вы оказали бы мнѣ такую услугу, если бы согласились пріѣхать!

— Я былъ бы вамъ полезенъ?

— Да.

— Нѣтъ, я не могу пріѣхать... Я буду смотрѣть на васъ издалека... И если бы вы знали, — продолжалъ онъ тихимъ и раздирающимъ душу голосомъ, — если бы вы знали, какъ я страдаю! Надо имѣть мою силу воли, чтобы не измѣнять себѣ и всегда казаться спокойнымъ. Не видя васъ больше...

— Вы меня забудете.

— Никогда.

— Но что же?

Голосъ мой потерялъ всякій оттѣнокъ насмѣшливости; я была тронута.

— Я не знаю, — сказалъ онъ, — но такое положеніе дѣлъ для меня слишкомъ мучительно.

— Бѣдный!

Я тотчасъ же спохватилась: это сожалѣніе оскорбительно.

Почему такъ пріятно слышать, когда вамъ признаются въ страданіяхъ, которымъ вы причина? Чѣмъ болѣе несчастенъ кто-нибудь изъ любви къ вамъ, тѣмъ вы счастливѣе.

— Поѣзжайте съ нами; отецъ не хочетъ брать съ собою Поля, поѣзжайте.

— Я...

— Вы не можете — мы это знаемъ. Я больше и не прошу васъ объ этомъ. Довольно!

Я приняла видъ инквизитора или человѣка, который собирается позабавиться своей злостной продѣлкой.

— Такъ я имѣю честь быть вашей первой страстью? Это чудесно! Но вы лжецъ!

— Потому что мой голосъ не измѣняется и потому, что я не плачу. У меня желѣзная воля, вотъ и все.

— А я хотѣла вамъ что-то дать.

— Что?

— Вотъ это.

И я показала ему образокъ Божьей Матери, который висѣлъ у меня на шеѣ, на бѣлой лентѣ.

— Дайте мнѣ это.

— Вы недостойны.

— Муся, — сказалъ онъ, вздыхая, — увѣряю васъ, что я достоинъ. Я чувствую привязанность собаки, безпредѣльную преданность.

— Подойдите, молодой человѣкъ, я дамъ вамъ мое благословеніе.

— Благословеніе?

— Да, и отъ чистаго сердца. Если я заставляю васъ говорить такъ, то для того, чтобы знать, что чувствуютъ тѣ, кто любятъ; вѣдь и я могу когда-нибудь полюбить... мнѣ нужно знать признаки.

— Дайте мнѣ образокъ, — сказалъ Паша, не спускавшій съ него глазъ.

Онъ всталъ на колѣни на тотъ стулъ, на спинку котораго я опираюсь руками, и хотѣлъ взять образокъ, но я остановила его.

— Нѣтъ, нѣтъ, надѣньте на шею.

Я надѣла ему на шею образокъ, еще теплый отъ моего тѣла.

— О, — сказалъ онъ,—заэто спасибо, большое спасибо!

И онъ въ первый разъ **самъ** отъ себя поцѣловалъ мнѣ руку.

Среда, 8 ноября. Снѣгъ лежитъ на аршинъ глубиною, но погода ясная и хорошая. Мы опять поѣхали кататься въ саняхъ, также дурно устроенныхъ, хотя и побольше: снѣгъ еще недостаточно твердъ, чтобы вынести тяжелыя сани, обитыя желѣзомъ.

Поль правилъ и, пользуясь минутой, когда Паша сидѣлъ наиболѣе неловко, погонялъ лошадей, осыпая насъ снѣгомъ,

вызывая крики Паши и смѣхъ моей уважаемой особы. Онъ возилъ насъ по такимъ дорогамъ и сугробамъ, что мы все время просили его сжалиться и хохотали. Прогулка въ саняхъ, какъ бы серьезны ни были люди, всегда дѣтская игра.

Поль сидѣлъ отъ меня направо, Паша налѣво; я велѣла ему протянуть сзади руку, и такимъ образомъ составилось очень удобное кресло.

Холодъ раздражалъ меня меньше; на мнѣ была только шубка и мѣховая шапочка, такъ что я могла свободно двигаться и говорить.

Вечеромъ я сѣла за рояль и сыграла «Чтеніе письма Венеры» — чудесное мѣсто изъ «Прекрасной Елены».

«Прекрасная Елена» — прелестная вещь. Тогда Оффенбахъ только начиналъ и еще не писалъ трошевыхъ оперетокъ.

Я играла долго... не знаю что — что-то тихое и страстное, нѣжное и прелестное, какъ только могутъ быть «Пѣсни безъ словъ» Мендельсона, вѣрно понятыя.

Я выпила четыре чашки чаю, говоря о музыкѣ.

— На меня она очень дѣйствуетъ, — сказалъ Паша, — я странно себя чувствую, дѣлаюсь... сентиментальнымъ... и, слушая ее, говорю, что нельзя выразить иначе.

— Это предательница, Паша. Не довѣряйте музыкѣ: подъ ея вліяніемъ дѣлаешь такія вещи, какихъ не сдѣлалъ бы въ спокойномъ состояніи. Она забираетъ васъ, запутываетъ, увлекаетъ... и это ужасно.

Я говорила о Римѣ и о ясновидящемъ Alexis. Паша слушалъ и вздыхалъ въ своемъ углу; когда же онъ подошелъ къ свѣту, выраженіе его лица сказало мнѣ яснѣе всѣхъ словъ въ мірѣ, какъ онъ страдаетъ.

(Замѣтьте это яростное тщеславіе, эту жажду видѣть страданія, которыя причиняешь. Я пошлая кокетка или... нѣтъ, я женщина, вотъ и все).

— Мы что-то грустны сегодня вечеромъ, — сказала я мягко.

— Да, — отвѣчалъ онъ съ усиліемъ, — вы играли... и я не знаю... у меня, кажется, лихорадка.

— Идите спать, мой другъ, и я также пойду наверхъ. Только помогите мнѣ отнести книги.

Четвергъ, 9-го ноября. Мое пребываніе здѣсь по крайней мѣрѣ дало мнѣ возможность познакомиться съ блестящей ли-

тературой моей родины. Но о чемъ говорятъ эти поэты и писатели? О томъ, что **тамъ**.

Сначала укажемъ на Гоголя, нашего геніальнаго юмориста. Его описаніе Рима вызвало у меня слезы и стоны и, только прочитавъ его, можно составить себѣ понятіе объ этомъ описаніи.

Завтра оно будетъ переведено. И тѣ, кто имѣли счастье видѣть Римъ, поймутъ мое волненіе.

О, когда, наконецъ, я вырвусь изъ этой страны — сѣрой, холодной, непривѣтной даже лѣтомъ, даже при солнечномъ свѣтѣ? Листья мелки, и небо не такъ сине, какъ тамъ...

Пятница, 10 ноября. До сихъ поръ я все читала... мнѣ надоѣлъ мой дневникъ, я тревожусь и унываю... **Римъ**, я ничего больше не могу сказать.

Я просидѣла минутъ пять съ поднятымъ вверхъ перомъ и не знаю, что сказать — такъ полно мое сердце. Но приближается время, когда я увижу А... Мнѣ страшно его увидѣть. И все-таки я думаю, что не люблю его, я даже увѣрена въ этомъ. Но это воспоминаніе, но мое горе, но безпокойство за будущее, боязнь оскорбленія... А..! Какъ часто я пишу это слово и какъ оно мнѣ противно!

Вы думаете, что я желаю умереть! Безумные! Я люблю жизнь такою, какова она есть, и горе, и муки, и слезы, посылаемыя мнѣ Богомъ, и я ихъ благословляю, и я счастлива.

Право... я такъ пріучила себя къ мысли, что я несчастна, что, только углубившись въ себя, запершись у себя одна, вдали отъ людей и отъ міра, я говорю, что, пожалуй, меня нечего особенно жалѣть...

Зачѣмъ же тогда плакать?

Суббота, 11-го ноября. Сегодня, въ восемь часовъ утра, я уѣхала изъ Гавронцевъ и не безъ нѣкотораго чувства сожалѣнія... нѣтъ, нарушенной привычки.

Вся прислуга вышла на дворъ; я всѣмъ дала денегъ, а экономкѣ золотой браслетъ.

Снѣгъ таетъ, но его достаточно, чтобы осыпать насъ дорогой и, несмотря на все мое желаніе не закрывать лица, чтобы дѣлать философскія наблюденія, какъ Прюдонъ, я принуждена совсѣмъ закутаться.

Я отправилась прямо къ дядѣ Александру, имя котораго я разобрала на дощечкѣ, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай.

Одинъ господинъ путешествовалъ вмѣстѣ съ офицеромъ и сѣлъ съ нимъ въ одинъ вагонъ. Разговоръ зашелъ о новомъ законѣ, касающемся лошадей.

— Это вы посланы въ нашъ уѣздъ? — спрашиваетъ военный.

— Да.

— Такъ, значитъ, вы записывали буланыхъ лошадей нашего предводителя Башкирцева?

— Да, я.

И офицеръ началъ разбирать ихъ достоинства и недостатки.

— Вы знаете дочь Башкирцева?

— Нѣтъ, не имѣю чести. Я только видѣлъ ее; но я знаю Башкирцева. Дочь его прелестная особа, настоящая красавица, но вмѣстѣ съ тѣмъ «независимая, оригинальная, наивная». Я встрѣтилъ ее въ вагонѣ около Петербурга, и она насъ положительно поразила, — меня и моихъ товарищей.

— Это мнѣ тѣмъ болѣе пріятно слышать, такъ какъ я ея дядя.

— А моя фамилія Сумароковъ. А ваша?

— Бабанинъ.

— Очень пріятно.

— Очень радъ и т. д., и т. д.

Графъ все время повторялъ, что мое мѣсто въ Петербургѣ и что непростительно держать меня въ Полтавѣ.

Такъ вотъ какъ, милѣйшій папа́!

— Но вы навѣрно все это выдумали, дядя, — сказала я Александру.

— Чтобы мнѣ никогда не видѣть жены и дѣтей, если я сочинилъ хоть одно слово, пусть громъ падетъ на мою голову!

Отецъ бѣсится, на что я не обращаю ни малѣйшаго вниманія.

Полтава. Среда, 15 ноября. Я уѣхала съ отцомъ въ воскресенье вечеромъ, повидавшись въ послѣдніе два дня моего пребыванія въ Россіи съ княземъ Мишемъ и другими.

На поѣздъ провожали меня только родные, но много чужихъ смотрѣло на насъ съ любопытствомъ.

Одинъ переѣздъ до Вѣны стоитъ мнѣ около 500 рублей. Я за все заплатила сама. Лошади ѣдутъ съ нами подъ присмотромъ Шоколада и Кузьмы, камердинера отца.

Я хотѣла взять кого-нибудь другого, но Кузьма, горя

желаніемъ путешествовать, пришелъ просить по-русскому обычаю, чтобы его взяли съ собой. Смотрѣть за лошадьми будетъ Шоколадъ, такъ какъ Кузьма что-то въ родѣ лунатика, легко можетъ забыться, считая звѣзды, и дать украсть не только лошадей, но и свою одежду.

Онъ женился на дѣвушкѣ, которая давно его любила, и послѣ вѣнца убѣжалъ въ садъ, гдѣ проплакалъ болѣе двухъ часовъ, какъ безумный. Мнѣ кажется, онъ немного тронутъ, и его замѣчательная глупость сказывается въ его растерянномъ видѣ.

Отецъ не переставалъ сердиться. Я же гуляла по станціи, какъ у себя дома. Паша держался въ сторонѣ и не спускалъ съ меня глазъ.

Въ послѣднюю минуту замѣтили, что не хватаетъ одного пакета; поднялась суматоха, начали бѣгать во всѣ стороны. Амалія оправдывалась, я упрекала ее въ томъ, что она дурно исполняетъ свои обязанности. Публика слышала и забавлялась, и я, видя это, удвоила мое краснорѣчіе на языкѣ Данта. Меня это занимало особенно потому, что поѣздъ ждалъ насъ. Вотъ что хорошо въ этой непривлекательной странѣ: тутъ можно царствовать.

Дядя Александръ, Поль и Паша вошли въ вагонъ; но раздался третій звонокъ, и всѣ столпились вокругъ меня.

— Поль, Поль, — говорилъ Паша,—пусти меня по крайней мѣрѣ проститься съ нею.

— Пустите его, — сказала я.

Онъ поцѣловалъ мнѣ руку, и я поцѣловала его въ щеку, около глаза. Въ Россіи это принято, но я еще никогда не подчинялась этому обычаю. Ждали только свистка, который не замедлилъ послѣдовать.

— Ну, что же вы? — сказала я.

— Еще есть время, — сказалъ Паша.

Поѣздъ качнулся и тихо двинулся, а Паша заговорилъ быстро, самъ не зная что.

— До свиданія, до свиданія, сходите же...

— Прощайте, до свиданія.

И онъ спрыгнулъ на платформу, еще разъ поцѣловавъ мнѣ руку: это былъ поцѣлуй вѣрной и преданной собаки.

— Что же? что же? — кричалъ отецъ изъ отдѣленія, такъ какъ мы были въ коридорѣ.

Я вошла къ отцу, но была такъ огорчена причиненнымъ

горемъ, что я тотчасъ же легла и закрыла глаза, чтобы думать свободно.

Бѣдный Паша! милый и благородный человѣкъ! Если мнѣ жаль чего-нибудь въ Россіи, то только это золотое сердце, этотъ благородный характеръ, эту прямую душу.

Дѣйствительно ли я огорчена? Да. Можно ли не чувствовать гордости при сознаніи, что имѣешь такого друга!

Эту ночь со вторника на среду я спала очень хорошо въ постели, какъ въ гостиницѣ.

Я въ Вѣнѣ. Въ физическомъ отношеніи мое путешествіе было прекрасно: я хорошо спала, ѣла, и я чувствую себя чистой. Это главное, и возможно только въ Россіи, гдѣ топятъ дровами и гдѣ въ вагонахъ есть уборныя.

Мой отецъ былъ очень милъ; мы играли въ карты и смѣялись надъ путешественниками.

Здѣсь пахнетъ Европой. Высокіе, гордые дома поднимаютъ мой духъ почти до верхнихъ этажей. Низенькія жилища Полтавы давили меня.

Суббота, 14 ноября. Сегодня утромъ въ пять часовъ мы пріѣхали въ Парижъ.

Мы нашли въ Grand-Hôtel депешу отъ мамы. Помѣщеніе взяли въ первомъ этажѣ. Я приняла ванну и стала ждать маму. Но я такъ огорчена, что ничто болѣе меня не трогаетъ.

Она пріѣхала съ Диной; Дина счастлива, спокойна и продолжаетъ исполнять роль сестры милосердія, ангела-хранителя.

Вы понимаете, что никогда еще я не была въ такомъ затрудненіи. Папа и мама! Я не знала, куда дѣваться.

Произошло нѣсколько неловкостей, но ничего особенно тревожнаго.

Мы выѣхали — мама, папа, я и Дина. Обѣдали вмѣстѣ и отправились въ театръ. Я сидѣла въ самомъ темномъ углу ложи, и глаза мои такъ отяжелѣли отъ сна, что я почти ничего не видѣла.

Я легла съ мамой и вмѣсто нѣжныхъ словъ, послѣ такого долгаго отсутствія, у меня вылился цѣлый потокъ жалобъ, который однако скоро изсякъ, такъ какъ я заснула.

Понедѣльникъ, 21 ноября. Послѣ обѣда мы отправились

смотрѣть «Павла и Виргинію», новую оперу Массэ, которую очень хвалятъ.

Парижскія ложи — орудія пытки: насъ было четверо въ лучшей ложѣ, стоющей 150 франковъ, и мы не могли двинуться. Промежутокъ въ часъ или два между обѣдомъ и театромъ, большая хорошая ложа, красивое и удобное платье: вотъ при какихъ условіяхъ можно понимать и обожать музыку. Я была въ условіяхъ какъ разъ противоположныхъ, что и мѣшало мнѣ слушать обоими ушами Энгали и смотрѣть во всѣ глаза на Капуля, любимца дамъ. Увѣренный въ успѣхѣ, счастливый артистъ ломался, какъ въ фехтовальной залѣ, испуская раздирающіе звуки.

Ужъ два часа ночи.

Мама, которая все забываетъ для моего благополучія, долго говорила съ отцомъ. Но отецъ отвѣчалъ шутками или же фразами возмутительно индифирентными.

Наконецъ, онъ сказалъ, что вполнѣ понимаетъ мой поступокъ, что даже враги мамы считали его вполнѣ натуральнымъ и что слѣдуетъ, чтобы его дочь, достигнувъ шестнадцати лѣтъ, имѣла покровителемъ отца. Онъ обѣщалъ пріѣхать въ Римъ, какъ мы и хотѣли. Если-бъ я могла вѣрить!

Пятница, 25 ноября. До вечера все шло ни хорошо, ни худо, но вдругъ начался разговоръ очень серьезный, очень сдержанный, очень вѣжливый о моей будущности. Мама выражалась во всѣхъ отношеніяхъ надлежащимъ образомъ..

Но надо было видѣть въ это время моего отца. Онъ опускалъ глаза, свистѣлъ, отговаривался.

Существуетъ малороссійскій діалогъ, который характеризуетъ націю и который, въ то же время, можетъ дать понятіе о манерѣ моего отца.

Два крестьянина.

Первый крестьянинъ. — Мы шли вмѣстѣ по большой дорогѣ?

Второй крестьянинъ. — Шли.

Первый. — Мы нашли шубу?

Второй. — Нашли.

Первый. — Я тебѣ ее далъ

Второй. — Далъ.

Первый. — Ты ее взялъ?

Второй. — Взялъ.

Первый. — Гдѣ она?

Второй. — Что?
Первый. — Шуба.
Второй. — Какая шуба?
Первый. — Да мы шли по дорогѣ?
Второй. — Шли.
Первый. — Мы нашли шубу?
Второй. — Нашли.
Первый. — Я ее тебѣ далъ?
Второй. — Далъ.
Первый. — Ты ее взялъ?
Второй. — Взялъ.
Первый. — Гдѣ же она?
Второй. — Что?
Первый. — Шуба.
Второй. — Какая шуба?

И такъ до безконечности. Только, такъ какъ сюжетъ не былъ смѣшонъ для меня, я задыхалась, что-то поднималось къ горлу и причиняло мнѣ страшную боль, особенно потому, что я не позволяла себѣ плакать.

Я попросила позволенія вернуться домой съ Диной оставивъ маму съ ея мужемъ въ русскомъ ресторанѣ.

Цѣлый часъ я оставалась неподвижна, со сжатыми губами, со сдавленной грудью, не сознавая ни своихъ мыслей, ни того, что дѣлалось вокругъ меня.

Тогда отецъ началъ цѣловать мои волосы, руки, лицо съ притворными жалобами и сказалъ мнѣ:

— Въ тотъ день, когда ты будешь дѣйствительно нуждаться въ помощи или покровительствѣ, скажи мнѣ одно слово, и я протяну тебѣ руки.

Я собирала мои послѣднія силы и твердымъ голосомъ отвѣчала:

—Этотъ день насталъ, гдѣ же ваша рука?

— Ты теперь еще не нуждаешься, — отвѣтилъ онъ поспѣшно.

— Да, я нуждаюсь.

— Нѣтъ, нѣтъ.

И онъ заговорилъ о другомъ.

— Вы, папа, думаете, что этотъ день настанетъ, когда мнѣ понадобятся деньги? Въ тотъ день я сдѣлаюсь пѣвицей или учительницей музыки, но ничего не попрошу у васъ.

Онъ не обидѣлся, ему достаточно было видѣть меня такой несчастной, какъ только я могу быть.

26-го ноября. Мой отецъ уѣхалъ! Послѣ четырехъ мѣсяцевъ, въ первый разъ я вздохнула свободно.

28-го ноября. Мама была со мной у доктора Фовеля, и докторъ этотъ осмотрѣлъ мое горло своимъ новымъ ларингоскопомъ. Онъ объявилъ, что у меня катарръ и хроническое воспаленіе гортани (въ чемъ я не сомнѣвалась, въ виду дурного состоянія моего горла) и что нужно энергически лѣчиться въ теченіе шести недѣль. Благодаря этому мы проведемъ зиму въ Парижѣ, увы!

Пятница, 1 декабря. Вчера мы покинули Парижъ. Мама со своими тридцатью шестью пакетами приводила меня въ отчаяніе. Ея крики, огорченія, ящички возмутительно буржуазны... Наконецъ!

Ницца. Суббота, 2 декабря. Тетя сама принесла мнѣ кофе; я велѣла распаковать нѣкоторые чемоданы и стала сама собой въ первый разъ со времени путешествія. Въ Россіи мнѣ недоставало солнца, въ Парижѣ платьевъ.

Я подумала о своемъ образѣ жизни. Укладывать, распаковывать, примѣрять, покупать, путешествовать... И такъ постоянно.

Сойдя въ садъ, я нашла тамъ г-на Пеликана съ его докторомъ, Иванова, окулиста дѣдушки, генераловъ Вольфа и Быховца и Аничковыхъ. Надо было показаться и удовлетворить моихъ маменекъ, которыя недовольны тѣмъ, что я потолстѣла.

Видите какое счастье! Но я ихъ всѣхъ покинула, чтобы увидать моихъ женщинъ съ улицы Франціи.

Вотъ такъ пріемъ! Мнѣ сообщили о свадьбахъ, о смертяхъ, о рожденіяхъ.

Я спросила, какъ идетъ торговля.

— Плохо, — отвѣчали мнѣ.

— Э, видимо все идетъ плохо съ тѣхъ поръ, какъ Франція республика, — воскликнула я.

И я начала разсказывать. Когда узнали, что я видѣла la Chambre, всѣ попятились съ большимъ уваженіемъ, потомъ столпились вокругъ меня. Подбоченившись, я сказала имъ рѣчь, перемѣшанную мѣстными поговорками и восклицаніями, въ которой изобразила республиканцевъ, какъ людей, запустившихъ руки въ народное золото, какъ я въ этотъ

рисъ, — и съ этими словами я погрузила мою руку въ мѣшокъ съ рисомъ.

Послѣ такого долгаго отсутствія небо Ниццы приводитъ меня въ восхищеніе. Мнѣ хочется прыгать, когда я вдыхаю этотъ чудный воздухъ, когда гляжу на это прозрачное небо.

Море слегка серебрится солнцемъ, спрятавшимся за нѣжно-сѣрое, теплое облако, роскошная зелень... Какъ хорошо бы было жить въ этомъ раю! Я отправилась гулять, не заботясь о непокрытой головѣ и о довольно многочисленныхъ прохожихъ. Потомъ я зашла надѣть шляпу и позвать тетю и Быховца. Доходила до Южнаго моста и возвращалась, объятая ни съ чѣмъ несравнимой грустью.

Да, дѣйствительно, семья имѣетъ прелесть. Играли въ карты, смѣялись, пили чай, и я чувствовала себя отлично среди своихъ, окруженная моими милыми собаками: Викторомъ, съ его большой черной головой, Пинчіо, бѣлымъ, какъ снѣгъ, Багатель, Пратеръ... Всѣ смотрѣли мнѣ въ глаза, и въ это время я видѣла и стариковъ за ихъ партіей, и этихъ собакъ и эту столовую... О, это меня давитъ, душитъ, я хотѣла бы убѣжать; мнѣ кажется, что меня приковываютъ, какъ это бываетъ въ кошмарахъ. **Я не могу!!!** Я не сотворена для этой жизни, я не могу!

Была минута, когда я гордилась тѣмъ, что разговаривала о серьезномъ со стариками... но въ концѣ концовъ это необразованные старики; на что они мнѣ?

Я такъ боюсь остаться въ Ниццѣ, что теряю разумъ. Мнѣ кажется, что и эта зима пропадетъ, что я ничего не сдѣлаю.

У меня отнимаютъ возможность работать!

Генералъ Быховецъ прислалъ мнѣ большую корзину цвѣтовъ, и вечеромъ мама полила ее, чтобы сохранить цвѣты... Право, эти мелочи выводятъ меня изъ себя; это буржуазное притворство приводитъ меня въ отчаяніе! Господи помилуй! Богомъ, сущимъ на небесахъ, увѣряю васъ, я не шучу.

Я ушла изъ павильона при чудномъ лунномъ свѣтѣ, освѣщавшемъ мои розы и магноліи...

Этотъ бѣдный садъ всегда вызываетъ во мнѣ печальныя мысли и страшную досаду.

Я вернулась къ себѣ съ мокрыми глазами и грустная, очень грустная.

Суббота, 2-го декабря. При воспоминаніи о Римѣ я почти

лишаюсь чувствъ... Но я не хочу возвращаться туда. Мы поѣдемъ въ Парижъ...

О, Римъ! Почему не могу я вновь его увидѣть или умереть здѣсь! Я задерживаю дыханіе и вытягиваюсь, какъ будто хочу дотянуться до Рима.

Воскресенье, 3-го декабря. Взамѣнъ всякихъ развлеченій наблюдаю небо. Вчера оно было чисто, и луна сіяла, словно блѣдное солнце. Сегодня вечеромъ оно покрыто черными тучами, кое-гдѣ прорванными, такъ что видны свѣтлыя и блестящія части вчерашняго неба... Я дѣлаю эти наблюденія, когда перехожу черезъ садъ изъ павильона къ себѣ. Въ Парижѣ нельзя имѣть этого воздуха, этой зелени и душистаго дождя, какой былъ сегодня.

Четвергъ, 7-го декабря. Мелкія домашнія непріятности изводятъ меня. Я погружаюсь въ серьезное чтеніе и съ отчаяніемъ вижу, какъ мало я знаю. Мнѣ кажется, что я никогда не буду знать все это. Я завидую ученымъ — желтымъ, сухимъ и противнымъ. У меня лихорадочная потребность учиться, а руководить мною некому.

Понедѣльникъ, 11-го декабря. Съ каждымъ днемъ я все болѣе увлекаюсь живописью. Я не выходила цѣлый день, я занималась музыкой, и это подняло мой духъ и сердце.

Нужно было два часа разговора о русской исторіи съ дѣдушкой, чтобы привести меня въ обычное состояніе духа. Я терпѣть не могу такой чувствительности... Въ молодой дѣвушкѣ это состояніе близко... ко многому... провинціальному... Дѣдушка — живая энциклопедія.

Я знаю человѣка, который меня любитъ, понимаетъ, жалѣетъ, полагаетъ жизнь на то, чтобы сдѣлать меня счастливою, который готовъ для меня на все и который никогда не измѣнитъ мнѣ, хотя и измѣнялъ прежде. И этотъ человѣкъ— **я сама.**

Не будемъ ничего ждать отъ людей; отъ нихъ мы получаемъ только обманутыя надежды и горести.

Но будемъ твердо вѣрить въ Бога и въ свои силы. И, право, разъ мы честолюбивы, оправдаемъ же чѣмъ-нибудь наше честолюбіе.

Понедѣльникъ, 18-го декабря. «Я въ отелѣ Люксембургъ съ моими сестрами; если можешь, пріѣзжай сейчасъ же».

По совѣту моихъ матерей, ровно въ часъ, я отправляюсь по этому приглашенію и прежде, чѣмъ выйти, я спрашиваю

себя опять, **прилично ли это?** Вмѣсто всякаго отвѣта, тетя Елена и мой злополучный отецъ подошли къ моей каретѣ и нѣжно увели меня къ себѣ.

Санъ-Ремо. Суббота, 23 декабря. Если я увезу моего отца? Онъ согласенъ, но вмѣстѣ съ мамой и на два дня. Ожидая маму, которой я телеграфировала, я провожу нѣсколько часовъ въ виллѣ Рокка у княгини Эристовой. Моя тетя Романова, это героическое существо, остается одна скучать въ отелѣ. Она, конечно, не хочетъ смѣшиваться съ людьми, которыхъ я часто посѣщаю. Но посмотрите, какую роль играетъ эта женщина изъ-за моего каприза? Я ее обожаю.

Понедѣльникъ, 25-го декабря. Вчера мы уѣхали изъ Санъ-Ремо — отецъ, мама и я. Что я думала во время путешествія?.. Но прелестныя мечты, заоблачныя фантазіи заглушали всѣ другія чувства и создали, какъ обыкновенно, жизнь, не имѣющую ничего общаго съ людскими дѣлами.

Это пріятное состояніе было прервано остановкой поѣзда вслѣдствіе поврежденія пути. Надо было выйти, взять свой багажъ и идти нѣсколько минутъ навстрѣчу поѣзда, который пріѣхалъ за нами. Все это происходило при колеблющемся свѣтѣ факеловъ, и на темномъ фонѣ, при яростномъ шумѣ морского прилива, было весьма живописно.

Этотъ случай заставилъ насъ начать разговоръ съ нашими спутниками, изъ которыхъ одинъ былъ военный. Они несли наши вещи и поддерживали насъ самихъ во время этого труднаго перехода. Офицеръ былъ довольно образованный и интеллигентный человѣкъ. Къ его удивленію, я вела серьезный и даже необычайный разговоръ — о политикѣ.

Съ утра я была у окна, чтобы ни на минуту не терять изъ виду Римскую Кампанью.

Зачѣмъ не умѣю я высказать все то прекрасное, что она мнѣ внушаетъ и что такъ многіе уже столько разъ и такъ прекрасно высказали!

Я такъ занялась узнаваніемъ мѣстъ!.. Начало нашего поѣзда уже было подъ стеклянной крышей станціи, а я все еще искала крышу San Giovani de Laterano.

Мы остановились въ томъ же отелѣ, въ томъ же помѣщеніи. Я взошла на лѣстницу и оперлась на шаръ въ углу перилъ, какъ опиралась на него въ другой памятный вечеръ.

Я взглянула съ досадой на выходную дверь и заняла

комнату, обитую краснымъ дама́, повѣрите ли? съ мыслью о Пьетро.

1877.

Ницца. Среда, 17 января. Когда же я узна́ю, наконецъ, что такое эта любовь, о которой такъ много говорятъ?

Я бы любила А..., но я его презираю. Ребенкомъ я любила до экзальтаціи герцога Г... Я любила его за богатство, знатность, за его эксцентричность и благодаря моему воображенію, не знавшему границъ.

Вторникъ, 24 января. Вчера вечеромъ у меня былъ припадокъ отчаянія, доходившій до стоновъ и побудившій меня потопить въ морѣ столовые часы. Дина побѣжала за мною, опасаясь какого-нибудь мрачнаго намѣренія, но дѣло касалось однихъ только часовъ. Эти часы были бронзовые съ изображеніемъ Павла безъ Виргиніи, удившимъ въ хорошенькой шляпѣ. Дина пришла ко мнѣ; часы, кажется, очень забавляютъ ее; я также много смѣялась.

Бѣдные часы!

Къ намъ пріѣхала княгиня Суворова.

Четвергъ, 1 февраля. Наши дамы собирались ѣхать въ Монако, чтобы проиграть пріятнымъ образомъ нѣсколько презрѣнныхъ сотенъ франковъ. Я отговорила ихъ, сказавъ исполненную горечи рѣчь, и мы съ мамой отправились съ визитомъ къ графинѣ Б., которая такъ любезна и у которой мы давно не были, словно какія-нибудь невѣжи.

Въ «Théatre-Français» Агарь изъ «Comédie-Française» даетъ представленія. Я видѣла «Гораціевъ». Слово Римъ двадцать разъ раздалось въ моихъ ушахъ, прозвучавъ, прекрасно, чудесно.

Вернувшись домой, я читала Тита Ливія. Герои, складки тогъ... Капитолій... Куполъ... маскарадъ, Пинчіо!..

О, Римъ!

Римъ. Четвергъ, 8 февраля. Я заснула въ Винтимилѣ и проснулась только въ Римѣ какъ физически, такъ и нравственно. Противъ моего желанія, мнѣ пришлось остаться до вечера, такъ какъ поѣздъ въ Неаполь отходитъ только въ 10 часовъ. Цѣлый день въ Римѣ!

Въ девять часовъ вечера я покидаю Римъ, засыпаю, и я въ Неаполѣ. Впрочемъ, я недостаточно хорошо спала, чтобы не слышать, какъ какой-то несговорчивый господинъ жаловался кондуктору на присутствіе въ вагонѣ моей собаки. Любезный кондукторъ однако оставилъ нашу собаку въ покоѣ.

И вотъ я въ Неаполѣ. Такъ-ли бываетъ съ вами? При приближеніи къ большому и красивому городу, я волнуюсь, безпокоюсь, я чувствую желаніе овладѣть городомъ.

Больше часа ѣдемъ мы въ гостиницу Лувръ. Суматоха, крики и чудовищный безпорядокъ.

У здѣшнихъ женщинъ огромныя головы; точно это женщины, какихъ показываютъ въ звѣринцахъ вмѣстѣ со змѣями, тиграми и т. п.

Въ Римѣ я люблю только то, что сохранилось отъ древнихъ временъ. Въ Неаполѣ красиво только то, что ново.

Воскресенье, 11 февраля. Чтобы понять наше положеніе, надо знать, что такое день, когда бросаютъ coriandoli (конфеты съ известью или съ мукою). Но кто этого не видѣлъ, тотъ не можетъ себѣ представить эти тысячи протянутыхъ рукъ, черныхъ и худыхъ, эти лохмотья, эти великолѣпныя колесницы, эти движущіяся руки, эти пальцы, бѣглости которыхъ позавидовалъ бы самъ Листъ. Среди этого дождя муки, среди этихъ криковъ, среди этой кишащей толпы, Альтамура почти донесъ насъ до своего балкона. Тамъ мы застали множество дамъ... Всѣ эти люди предлагаютъ мнѣ кушать, пить, улыбаются мнѣ, говорятъ любезности! Я пошла въ полутемную гостиную и, задрапировавшись съ ногъ до головы въ мой бедуинъ, принялась проливать слезы, любуясь въ то же время античными складками шерстяной ткани. Я была очень огорчена, но мое горе было изъ тѣхъ, которыя доставляютъ удовольствіе. Находите ли вы, подобно мнѣ, прелесть въ печали?

Неаполь. Понедѣльникъ, 26 февраля. Я продолжаю мои экскурсіи. Мы ѣдемъ въ Санъ-Мартино: это древній монастырь. Никогда не видала я ничего прелестнѣе. Музеи вообще оставляютъ меня холодной, но музей Санъ-Мартино забавляетъ и привлекаетъ къ себѣ. Старинная карета синдика и галера Карла III особенно понравились мнѣ. И эти коридоры съ мозаичными полами, и эти потолки съ грандіозной лѣпной работой! Церковь и часовни просто чудесны; ихъ небольшіе размѣры позволяютъ оцѣнить частности. Это со-

браніе блестящихъ мраморовъ, драгоцѣнныхъ камней, мозаикъ, въ каждомъ углу, сверху до низу, на потолкѣ и на полу... Я немного видѣла замѣчательныхъ картинъ — впрочемъ, да, были картины Гвидо Рени, Спаньолетто, страдальческія произведенія Фра Бенавентура. Тутъ же старинный фарфоръ Капо ди Монте, портреты, сдѣланные шелкомъ, и одна картина на стеклѣ, изображающая эпизодъ съ женою Пентефрія. Дворъ изъ бѣлаго мрамора съ шестьюдесятью колоннами рѣдкой красоты.

Нашъ проводникъ сказалъ намъ, что въ монастырѣ осталось только пятеро: три монаха и два мірянина, живущіе наверху, въ пустомъ флигелѣ.

Насъ повели на какую-то башню съ двумя балконами, висящими надъ другими мѣстами, которыя кажутся пропастями. Видъ оттуда такъ хорошъ, что просто можно обезумѣть. Видны горы, виллы, неаполитанскія равнины сквозь синеватый туманъ, который есть ничто иное, какъ далекое разстояніе.

— Что происходитъ сегодня въ Неаполѣ? — спросила я, прислушиваясь.

— Да ничего, это неаполитанскій народъ, — улыбаясь, отвѣчалъ проводникъ.

— И всегда такъ бываетъ?

— Всегда.

Отъ этой груды крышъ поднимался крикъ и непрерывный вой, словно постоянные взрывы голосовъ, о которыхъ нельзя себѣ составить понятія въ самомъ городѣ. Вамъ становится какъ-то жутко, и этотъ шумъ, и этотъ голубой туманъ какимъ-то небывалымъ образомъ заставляютъ васъ чувствовать, на какой вы высотѣ, и у васъ голова кружится.

Мраморныя часовни привели меня въ восторгъ. Страна, обладающая тѣмъ, чѣмъ обладаетъ Италія, можетъ считаться самой богатой въ мірѣ. Италія въ сравненіи съ остальнымъ міромъ то же, что великолѣпная картина въ сравненіи съ выбѣленной стѣной.

Какъ смѣла я судить о Неаполѣ въ прошломъ году? Развѣ я его видѣла!

Суббота, 3 марта. Сегодня вечеромъ я отправилась въ церковь, которая находится въ самомъ зданіи гостиницы. Есть безконечная прелесть въ любовныхъ размышленіяхъ внутри церкви. Вы видите священника, образа, сіяніе свѣчей, мерцающихъ мерцающихъ во мракѣ. и я вспомнила Римъ! Бо-

жественный восторгъ, небесное благоуханіе, восхитительные порывы! Какъ писать? Чувство, овладѣвшее мною, можно выразить развѣ только пѣніемъ.

Колонны собора св. Петра, его мраморы, мозаики, таинственная глубина храма, великолѣпіе и величіе искусства, древность, средніе вѣка, великіе люди, памятники, — тутъ соединено все...

Суббота, 31 марта. Къ чему жаловаться? Мои слезы ничему не помогутъ, и я осуждена на то, чтобы быть несчастной. Еще это, а потомъ слава художника... А если... мнѣ не удастся! Будьте спокойны, я не стану жить для того, чтобы плѣсневѣть гдѣ-нибудь въ семейныхъ добродѣтеляхъ.

Я не хочу говорить о любви, потому что я употребляла это слово изъ-за пустяковъ. Я не хочу призывать Бога, я хочу умереть.

Господи Іисусе Христе, дай мнѣ умереть! Я мало жила, но испытала много: все было противъ меня. Я хочу умереть, все во мнѣ такъ же безсвязно и противорѣчиво, какъ мое писаніе, и я ненавижу себя, какъ всякое ничтожество.

Умереть... Боже мой! Умереть! Довольно съ меня!

Умереть тихой смертью съ прекрасной аріей Верди на устахъ... Теперь ничего злого не пробуждается во мнѣ, какъ прежде, когда я хотѣла жить **на зло,** чтобы **другіе** не радовались и не торжествовали. Теперь мнѣ это безразлично: я слишкомъ страдаю.

Воскресенье, 1 апрѣля. Я похожа на терпѣливаго, неутомимаго химика, проводящаго ночи надъ своими ретортами, чтобы не упустить ожидаемаго, желаннаго мгновенія. Мнѣ кажется, что **это** можетъ случиться каждый день, и я думаю и жду... и какъ знать? Я съ любопытствомъ наблюдаю за собой съ широко раскрытыми глазами, я съ тревогой спрашиваю себя, не то ли **это?** Но составила себѣ такое мнѣніе объ **этомъ,** что почти не вѣрю въ существованіе **этого** или думаю, что **это** уже было и не заключаетъ въ себѣ ничего необычайнаго.

Но къ чему же тогда мои мечты и книги, и поэты?.. Неужели они имѣли смѣлость выдумать что-нибудь несуществующее, чтобы прикрыть естественную грязь? Нѣтъ... иначе нельзя было бы объяснить предпочтенія однихъ другимъ...

Неаполь. Пятница, 6 апрѣля. Король (Викторъ Эммануилъ) пріѣхалъ вчера, и сегодня, въ десять часовъ утра, сдѣ-

лалъ визитъ прусскому принцу. Въ минуту его пріѣзда я находилась на лѣстницѣ, и когда онъ былъ лицомъ къ лицу со мною, я сказала:

— Два слова, ваше величество, сдѣлайте милость.

— Что вамъ угодно?

— Рѣшительно ничего, ваше величество; я хочу только имѣть право всю жизнь гордиться тѣмъ, что со мной говорилъ лучшій и любезнѣйшій изъ королей.

— Вы очень добры, благодарю васъ.

— Это все, ваше величество.

— Я очень благодарю васъ, я не знаю, какъ благодарить васъ, вы очень добры.

И онъ обѣими руками пожалъ мою лѣвую руку.

Благодарю этому, я буду носить перчатки въ теченіе недѣли. Я и пишу такъ оттого, что я въ перчаткахъ. Хороши будутъ черезъ недѣлю мои ногти!

Что скажете вы обо мнѣ? Я не слишкомъ испугалась.

Дѣлая то, что я сдѣлала, я предвидѣла все, кромѣ **себя самой.** Всякой другой такая выходка доставила бы кучу удовольствій, мнѣ же кучу непріятностей. Я обречена на несчастія.

Денгофъ пріѣхалъ изъ дворца, гдѣ принцъ отдалъ визитъ королю. Адъютантъ короля сказалъ: «какъ странно было со стороны молодой дѣвушки стать на дорогѣ короля!» А принцъ сказалъ королю, что дѣвушки въ Россіи восторженно любятъ царскую фамилію, что для императора онѣ готовы на все и что онѣ такъ же чисты, какъ ангелы небесные. Благодарю васъ, колбасники!

Денгофъ разсказалъ массу вещей — словомъ, онъ успокоилъ насъ.

Послѣ безумнаго волненія, оцѣпенѣнія и страха, я начинаю приходить въ себя. Никогда въ жизни я такъ не боялась. Въ одинъ часъ я прожила цѣлыхъ два года! Какъ счастливы всѣ тѣ, кто не говорилъ съ королемъ!

Всѣ гуляютъ. Пріѣхали принцесса Маргарита и Гумбертъ. Денгофъ тамъ, противъ нашихъ оконъ, съ приближенными къ королю.

(Я сняла перчатки).

Вернувшись съ прогулки, мы застали въ передней какого-то господина. Я хотѣла спросить, кто это, какъ вдругъ Розалія побѣжала ко мнѣ и сказала, отводя меня въ сторону:

— Идите скорѣе, только не волнуйтесь.

— Въ чемъ дѣло?

— Это адъютантъ короля; онъ приходитъ уже въ третій разъ: онъ пришелъ отъ короля, чтобы передать вамъ его извиненіе.

Я подошла къ господину, и мы всѣ вошли въ гостиную. Онъ говорилъ по-итальянски, и я говорила на томъ же языкѣ съ такою легкостью, что сама себѣ удивлялась.

— Mademoiselle, — началъ онъ, — я пришелъ отъ короля, который нарочно прислалъ меня, чтобы выразить вамъ сожалѣніе о тѣхъ непріятностяхъ, которыя могли случиться съ вами вчера. Его величество узналъ, что вы... получили выговоръ отъ вашей матушки, которая, можетъ быть, думала, что король былъ недоволенъ. Но это несправедливо: король въ восторгѣ, въ восхищеніи, онъ все время говорилъ о встрѣчѣ съ вами, а вечеромъ онъ позвалъ меня и сказалъ: «Пойди и скажи этой барышнѣ, что я благодарю ее за ея любезный поступокъ; скажи ей, что ея любезность и великодушный порывъ очень тронули меня, что я благодарю и ее, и все ея семейство. Я далекъ отъ того, чтобы быть недовольнымъ, я въ восторгѣ, скажи это ея мамѣ, «sua mamma», скажи, что я всегда буду это помнить». Король видѣлъ, что этотъ порывъ исходилъ изъ вашего добраго сердца, и это польстило ему; король знаетъ, что вы ни въ чемъ не нуждаетесь, что вы иностранка — именно этимъ-то онъ и тронутъ. Онъ все время говорилъ объ этомъ и послалъ меня извиниться передъ вами за непріятности, которыя вы имѣли.

«Мама» увѣрила графа Денгофа, что она заперла меня на цѣлыя сутки въ наказаніе за мое бѣгство, и этотъ слухъ тотчасъ же распространился, тѣмъ болѣе, что я сидѣла за стеклами балкона въ то время, какъ мама гуляла съ Диной.

Я десять разъ перебивала его и, наконецъ, разразилась потокомъ словъ радости и благодарности.

— Король слишкомъ, слишкомъ добръ, желая успокоить меня. Я поступила, какъ безумная, воображая, что я у себя на родинѣ... и вижу императора, съ которымъ я говорила (это правда). Я была бы въ отчаяніи, если бы король хоть сколько-нибудь былъ недоволенъ моимъ поступкомъ. Я ужас-

но боялась, что оскорбила короля. Можетъ быть, я испугала его своею рѣзкостью...

— Его величество не можетъ никогда испугаться красивой дѣвушки, «bella ragazza», и я повторяю вамъ отъ имени короля, — это его слова, я ничего не прибавляю, — что онъ далекъ отъ того, чтобы быть недовольнымъ, что онъ въ восторгѣ, въ восхищеніи и благодаритъ васъ. Вы доставили ему огромное удовольствіе. Король замѣтилъ васъ въ прошломъ году въ Римѣ и въ Неаполѣ на карнавалѣ... и король очень сѣтуетъ на графа Денгофа, имя котораго онъ запомнилъ, за то, что онъ что-то сказалъ вамъ и помѣшалъ вамъ быть тутъ, когда король выходилъ.

Надо вамъ сказать, что Денгофъ въ испугѣ заперъ дверь, чего я и не замѣтила, такъ какъ была слишкомъ взволнована, чтобы мечтать снова увидѣть короля.

— Я говорилъ все время отъ имени его величества, повторяя собственныя его слова.

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, повторите ему и мои: скажите королю, что я въ восторгѣ, что для меня это слишкомъ большая честь, что такое вниманіе трогаетъ меня глубоко, что я никогда не забуду доброты и изумительной деликатности короля, что я слишкомъ счастлива и слишкомъ польщена. Скажите королю, что я поступила, какъ безумная, но такъ какъ онъ не слишкомъ недоволенъ...

— Онъ въ восхищеніи...

— То это будетъ моимъ лучшимъ воспоминаніемъ. И какъ не боготворить королевской фамиліи, когда она такъ добра, такъ привѣтлива? Я понимаю общую любовь къ королю, къ принцу Гумберту и къ принцессѣ Маргаритѣ!

Въ концѣ концовъ адъютантъ просилъ маму дать ему свою карточку, чтобы передать ее королю.

Теперь я больше не боюсь, что объ этомъ станутъ говорить, напротивъ. Гремите трубы!

Если король не сердится, то я на седьмомъ небѣ.

Въ гостиницѣ говорятъ, что онъ поцѣловалъ мнѣ руку.

Денгофъ пріѣхалъ изъ дворца, гдѣ былъ обѣдъ на 130 персонъ. Король говорилъ обо мнѣ и повторилъ нѣсколько разъ: «Она замѣчательна красива».

Король хорошій судья, и его сужденіе дѣлаетъ меня гораздо красивѣе въ глазахъ Денгофа и всѣхъ другихъ.

Вторникъ, 17 апрѣля. Каждый гражданинъ долженъ отбыть воинскую повинность; точно также каждый человѣкъ долженъ любить. Я отбыла свои восемь дней и свободна до новаго приказа.

Remituntur ei peccata multa quare dilfit multum (Zuc.).

Dulciores sunt lacrimae orantium quam gaudia theatrorum (Augustin).

Флоренція. Вторникъ, 8 мая. Хотите знать истину? Вотъ она, только помните хорошенько, что я скажу вамъ: я не люблю никого и я полюблю только того, кто будетъ пріятно щекотать мое самолюбіе... мое тщеславіе.

Когда чувствуешь себя любимой, то дѣйствуешь для другого и не стыдишься; напротивъ, считаешь свои поступки геройскими.

Я знаю, что ничего не стану просить для себя, но для другого я сдѣлала бы сотню низостей, такъ какъ эти низости возвышаютъ.

Этимъ я хочу вамъ доказать, что величайшія дѣла совершаются изъ эгоизма... Просить для себя было бы выше всего, такъ какъ это мнѣ стоило бы... о! даже подумать объ этомъ страшно!.. Но для другого это даже удовольствіе и придаетъ вамъ видъ самоотреченія, преданности и милосердія.

И въ эту минуту самъ вѣришь въ свою заслугу. Наивно считаешь себя и добрымъ, и преданнымъ, и возвышеннымъ!

Пятница, 11 мая. Говорила ли я о томъ, что у насъ былъ Гордиджіани, ободрялъ меня и предсказывалъ мнѣ артистическую будущность, что онъ остался доволенъ моими эскизами и выразилъ желаніе написать мой портретъ?

Флоренція. Суббота, 12 мая. Сердце мое сжимается при мысли, что я покидаю Флоренцію.

Ѣхать въ Ниццу! Я готовлюсь къ этому, какъ къ переѣзду черезъ пустыню, я хотѣла бы обриться, чтобы не трудиться надъ прической.

Укладываются, уѣзжаютъ! Чернила высыхаютъ на моемъ перѣ прежде, чѣмъ я рѣшусь написать слово, — такъ я исполнена сожалѣній.

Ницца. Среда, 16 мая. Я пробѣгала все утро по магазинамъ, отыскивыя недостающія бездѣлушки для моей комнаты, но въ этой дурацкой странѣ рѣшительно ничего нѣтъ. Я была даже у живописца, разрисовывающаго церковныя окна, у жестянника и еще у многихъ другихъ.

Меня мучаетъ мысль, что мой дневникъ не будетъ интересенъ, что невозможно придать ему интересъ, избѣгая неожиданностей. Если бы я писала съ перерывами, можетъ быть, я могла бы... но эти ежедневныя замѣтки заинтересуютъ развѣ какого-нибудь мыслителя, какого-нибудь глубокаго наблюдателя человѣческой природы... Тотъ, у кого не хватитъ терпѣнія прочесть все, не прочтетъ ничего и ничего не пойметъ.

Я счастлива въ моемъ прелестномъ и нарядномъ гнѣздышкѣ, въ моемъ цвѣтущемъ саду. Ницца для меня не существуетъ, я точно у себя на дачѣ.

Ницца, Среда, 23 мая. О! когда я думаю, что живешь только одинъ разъ и что всякая прожитая минута приближаетъ насъ къ смерти, я просто съ ума схожу!

Я не боюсь смерти, но жизнь такъ коротка, что растрачивать ее подло!

Четвергъ, 24 мая. Двухъ глазъ слишкомъ мало, и приходится ничего не дѣлать. Чтеніе и рисованіе страшно утомляетъ меня, и я засыпаю, когда вечеромъ пишу эти несчастныя строки.

Какое чудное время молодость!

Съ какимъ восторгомъ буду я вспоминать эти дни ученія и искусства! Если бы я такъ жила круглый годъ, а то случайно выпадаетъ такой день, недѣля... Натуры, которымъ Богъ далъ такъ много, расходуются въ бездѣліи...

Я стараюсь успокоиться, думая, что эту зиму я навѣрно примусь за работу. При мысли о томъ, что мнѣ 17 лѣтъ, я краснѣю до ушей; мнѣ почти 17 лѣтъ, а что я сдѣлала? Ничего... Это меня убиваетъ.

Между знаменитостями я ищу такихъ, которыя начали поздно, — для того, чтобы утѣшиться; да, но мужчина въ 17 лѣтъ еще ничего, тогда какъ 17-тилѣтней женщинѣ было бы 23, если бы она была мужчиной.

Жить въ Парижѣ... на сѣверѣ, послѣ этого чуднаго солнца, послѣ этихъ чистыхъ и мягкихъ ночей! Чего можно желать, что можно любить послѣ Италіи!.. Въ Парижѣ какъ въ цен-

трѣ цивилизованнаго міра, интеллигенціи, ума, модъ, конечно, можно жить, и жить съ удовольствіемъ; туда даже слѣдуетъ поѣхать ради... многаго, чтобы вернуться съ большимъ удовольствіемъ въ страну Бога, въ страну блаженныхъ, въ очаровательную, чудесную, божественную страну, дивную красоту и таинственную прелесть которой нельзя высказать никакими словами!

Пріѣхавъ въ Италію, вы смѣетесь надъ ея домишками, надъ ея лаццарони, смѣетесь даже остроумно и справедливо, но забудьте на минуту, что вы умный человѣкъ и весело надъ всѣмъ надсмѣхаетесь, и вы, подобно мнѣ, будете въ восхищеніи, будете плакать и смѣяться отъ восторга...

Я хотѣла сказать, что луна свѣтитъ чарующимъ блескомъ, и что въ огромномъ Парижѣ я буду лишена этой тишины, этой поэзіи, этихъ божественныхъ радостей, доставляемыхъ природой и небомъ.

Вторникъ, 29 мая. Чѣмъ болѣе я приближаюсь къ старости моей молодости, тѣмъ болѣе я ловлю себя на равнодушіи. Меня волнуетъ немногое, а прежде волновало все; перечитывая мое прошедшее, я придаю слишкомъ большое значеніе мелочамъ, видя, какъ онѣ меня волновали.

Довѣрчивость и впечатлительность, составляющія основу характера, были быстро утрачены.

Тѣмъ болѣе жалѣю я объ этой свѣжести чувства, что оно уже не вернется. Дѣлаешься спокойнѣе, но зато и не такъ наслаждаешься. Разочарованія не должны бы были такъ рано постигать меня. Если бы у меня не было разочарованій, изъ меня вышло бы что-нибудь сверхъестественное, я это чувствую.

Только что проглотила книгу, которая внушила мнѣ отвращеніе къ любви. Прелестная принцесса, влюбленная въ художника! Фи! этимъ я не хочу сказать ничего оскорбительнаго художникамъ, напустить на себя глупость, но... по моему, это не подходитъ. У меня всегда были аристократическіе взгляды, и я признаю породы людей, какъ и породы животныхъ. Часто, или, вѣрнѣе, всегда роды становились благородными, вслѣдствіе нравственнаго и физическаго воспитанія, результаты котораго передавались отъ отца къ сыну. Къ чему доискиваться причины?

Среда, 30 мая. Я перелистовала время моихъ близкихъ отношеній съ А... Право, удивительно, какъ я тогда разсужда-

ла. Я изумлена и исполнена восхищенія. Я позабыла всѣ эти вѣрныя, правдивыя разсужденія, я безпокоилась, чтобы не повѣрили въ мою любовь (прошлую) къ графу А... Слава Богу, этому нельзя повѣрить, благодаря моему дорогому дневнику. Нѣтъ, право, я не думала, что высказала столько истинъ и особенно не думала, что онѣ приходили мнѣ въ голову. Прошелъ ужъ годъ, и я боялась, что написала глупости; нѣтъ, право, я довольна. Не понимаю только, какъ могла вести я себя такъ глупо и разсуждаю такъ умно?

Должна повторить себѣ, что никакіе совѣты не помѣшали бы мнѣ сдѣлать что бы то ни было и что мнѣ нужна была опытность.

Мнѣ непріятно, что я такая ученая, но это нужно и, привыкнувъ къ этому, я буду находить, что это весьма естественно; я снова возвышусь въ той идеальной чистотѣ, которая всегда затаена гдѣ-то въ глубинѣ души, и тогда будетъ еще лучше; я буду болѣе спокойна, болѣе горда, болѣе счастлива, потому что будутъ цѣнить это, хотя теперь меня это оскорбляетъ, словно дѣло идетъ о другой.

Ибо женщина, которая пишетъ, и женщина, которую я описываю,—двѣ вещи разныя. Что мнѣ до ея страданій? Я записываю, анализирую! я изображаю ежедневную жизнь моей особы; но **мнѣ, мнѣ самой** все это весьма безразлично. Страдаютъ, плачутъ, радуются моя гордость, мое самолюбіе, мои интересы, моя кожа, мои глаза; но я при этомъ только наблюдаю, чтобы записать, разсказать и холодно обсудить всѣ эти ужасныя несчастныя несчастья, какъ Гуливеръ смотрѣлъ на своихъ Лиллипутовъ.

Мнѣ еще многое нужно сказать, чтобы объясниться, но довольно.

Безумная, безумная, не видящая чего хочетъ Богъ. Богъ хочетъ, чтобы я отъ всего отказалась и посвятила себя искусству! Черезъ пять лѣтъ я буду еще совсѣмъ молодая, быть можетъ, я буду прекрасна, прекрасна моей красотой... но если я буду только артистической посредственностью, которыхъ такъ много?

Для выѣздовъ въ свѣтъ этого было бы достаточно, но посвятить на это всю жизнь и не достигнуть!.. Въ Парижѣ, какъ повсюду, есть русская колонія!!

Не эти пошлыя соображенія бѣсятъ меня, но то, что какъ

они ни пошлы, они приводятъ въ отчаяніе и мѣшаютъ мнѣ заботиться о моемъ величіи.

Что такое жизнь безъ окружающаго, что можно сдѣлать въ полномъ одиночествѣ? Это заставляетъ меня ненавидѣть весь міръ, мою семью, ненавидѣть себя, богохульствовать! Жить, жить!.. Святая Марія, Матерь Божія, Господи Іисусе Христе, Боже мой, помогите мнѣ!

Но, если посвящаешь себя искусству, надо ѣхать въ Италію!!! Да, въ Римъ. Это гранитная стѣна, о которую я постоянно разбиваю голову!..

Я остаюсь здѣсь.

Пятница, 17 августа. Я увѣрилась, что не могу жить внѣ Римѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я просто чахну, но по крайней мѣрѣ мнѣ ничего не хочется. Я отдала бы два года жизни, чтобы поѣхать въ Римъ въ первый разъ.

Къ несчастью, мы научаемся, какъ намъ надо бы поступить, когда уже дѣло непоправимо.

Живопись приводитъ меня въ отчаяніе! Потому что я обладаю данными для того, чтобы создавать чудеса, а между тѣмъ я, въ отношеніи знаній, ничтожнѣе первой встрѣчной уличной дѣвчонки, у которой замѣтили способности и которую посылаютъ въ школу.

Покрайней мѣрѣ я надѣюсь, что, взбѣшенное потерей того, что, могла бы создать, потомство обезглавитъ всѣхъ членовъ моей семьи.

Вы думаете я еще имѣю желаніе **выѣзжать?** Нѣтъ, это прошло. Я недовольна, раздосадована, и дѣлаюсь артисткой какъ недовольные дѣлаются республиканцами.

Кажется, я клевещу на себя.

Суббота, 18 августа. Читая Гомера, я уподобляла тетю, когда она сердится, Гекубѣ во время пожара Трои. Какъ бы ни была я глупа, какъ бы ни стыдилась высказывать восхищеніе классиками, но никто, мнѣ кажется, не можетъ избѣгнуть этого восхищенія. Какое бы ни было ваше отвращеніе вѣчно повторять одно и то же, какъ бы вы ни боялись заимствовать вашихъ восторговъ у почитателей по профессіи или повторять слова вашего профессора, но въ Парижѣ не смѣютъ говорить объ этихъ вещахъ, не осмѣливаются.

А между тѣмъ ни одна современная драма, ни одинъ романъ, ни одна комедія, производящая впечатлѣнія, ни Дюма, ни Жоржъ Зандъ не оставляли во мнѣ такого чистаго воспо-

минанія, такого глубокаго, непосредственнаго впечатлѣнія, какъ описаніе взятія Трои.

Мнѣ кажется, что я присутствовала при этихъ ужасахъ, слышала эти крики, видѣла пожаръ, была съ семьей Пріама, съ несчастными, прятавшимися за алтарями боговъ, гдѣ зловѣщій огонь, пожиравшій городъ, достигъ и обнаружилъ ихъ... И кто можетъ удержаться отъ легкой дрожи, читая о появленіи призрака Креузы?

Но когда я думаю о Гекторѣ, о сошедшемъ съ городскихъ стѣнъ съ такими хорошими намѣреніями, бѣгущемъ передъ Ахилломъ и три раза обѣгающемъ городъ, не переставая быть преслѣдуемымъ... я смѣюсь!..

И герой, который пропускаетъ ремень черезъ ноги, или вокругъ ногъ мертваго врага, тащитъ его вокругъ тѣхъ же укрѣпленій; я представляю его себѣ въ видѣ ужаснаго уличнаго мальчишки, скачущаго на палкѣ съ огромной деревянной саблей съ боку.

Не знаю, право, но мнѣ кажется, что только въ Римѣ я могла бы найти удовлетвореніе моимъ всемірнымъ мечтамъ... Тамъ находишься словно на вершинѣ міра.

Я бросила къ чорту «Journal d'un diplomate en Italie»; эта французская элегантность, эта вѣжливость, это банальное восхищеніе оскорбляютъ меня за Римъ. Французъ всегда мнѣ представляется разсѣкающимъ все по косточкамъ длиннымъ инструментомъ, который онъ деликатно держитъ двумя пальцами, и съ лорнетомъ на носу.

Римъ, какъ городъ, долженъ быть тѣмъ, чѣмъ я въ моемъ представленіи была, какъ женщина. Всѣ слова, употребляющіяся и приложимыя къ другимъ, для насъ... профанація.

Воскресенье, 19 августа. Я прочла «Ariane» Уйда. Эта книга меня опечалила, и въ то же время я почти желаю себѣ такой же участи, какъ судьба Жіойи.

Жіойя была воспитана на Гомерѣ и Виргиліи; послѣ смерти отца, она пѣшкомъ отправилась въ Римъ. Такъ ее ждало страшное разочарованіе. Она думала, что увидитъ Римъ временъ Августа.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ она занималась въ мастерской Марикса, знаменитаго въ то время скульптора, который, самъ того не зная, любитъ ее. Она занята только искусствомъ до появленія Илларіона, поэта, который своими поэмами заставляетъ плакать весь свѣтъ, который надо всѣмъ смѣется, мил-

ліонеръ, прекрасенъ, какъ богъ, и вездѣ обожаемъ. Пока Марикссъ любитъ молча, Илларіонъ заставляетъ полюбить себя изъ каприза.

Конецъ романа меня опечалилъ, и между тѣмъ я тотчасъ бы согласилась на судьбу Жіойи. Во-первыхъ, она обожала Римъ; затѣмъ она любила всей душой. И если она и была брошена, то брошена, **имъ,** если она и страдала, то изъ-за него. Я не понимаю, какъ можно быть несчастной отчего бы то ни было, если причиной тому тотъ, кого любишь... какъ она любила и какъ могла бы любить я, если бы я когда-нибудь любила!..

Она никогда не узнала, что онъ взялъ ее изъ одного каприза.

— Онъ меня любилъ, — говорила она, — но я не сумѣла удержать его.

Она пріобрѣла славу. Ея имя повторялось съ удивленіемъ и восторгомъ.

Она никогда не переставала любить его. Онъ для нея никогда не сошелъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей, она всегда считала его безукоризненнымъ, почти безсмертнымъ, не хотѣла умереть **тогда,** «потому что онъ живетъ». Какъ можно убить себя, когда тотъ, кого любишь, не умираетъ? — говорила она.

И она умерла у него на рукахъ, слыша, какъ онъ говорилъ: я васъ люблю.

Но чтобы такъ любить, надо найти Илларіона. Человѣкъ, котораго вы будете такъ любить, не долженъ быть Богъ знаетъ какого происхожденія.

Илларіонъ былъ сынъ австрійскаго дворянина и греческой принцессы. Человѣкъ, котораго вы будете такъ любить, никогда не долженъ нуждаться въ деньгахъ, никогда быть слабымъ игрокомъ или бояться чего бы то ни было.

Когда Жіойя становилась на колѣни и цѣловала его ноги, мнѣ хочется думать, что ногти у него на ногахъ были розовые и что у него не было мозолей.

Вотъ она, ужасная дѣйствительность! Наконецъ, этотъ человѣкъ не долженъ никогда испытывать смущенія при входѣ во дворецъ или въ общество, никакого стѣсненія при видѣ мрамора, который онъ хочетъ купить или неудовольствія отъ невозможности сдѣлать что бы то ни было, хотя бы даже самое сумасшедшее. Онъ долженъ быть выше оскорбленій, трудностей, непріятностей прочихъ людей. Онъ можетъ быть ни-

зокъ въ любви, но низокъ, какъ Илларіонъ, который, смѣясь, разбиваетъ сердце женщины и въ то же время плачетъ при видѣ женщины, терпящей въ чемъ-нибудь недостатокъ.

Это очень понятно. **Какъ разбиваютъ сердца?** Не любя или переставъ любить? Намѣренно ли это? Вольны ли въ этомъ? Нѣтъ. Ну, такъ нечего и дѣлать; эти упреки такъ глупы и въ то же время такъ банальны. Всѣ осуждаютъ, не давъ себѣ труда понять.

Такой человѣкъ долженъ всегда для отдыха находить на своемъ пути дворецъ, яхту, чтобы перевезти его туда, куда влечетъ его фантазія, брилліанты, чтобы украсить женщину, — слугъ, лошадей даже флейтистовъ, чортъ возьми.

Но это сказка! Отлично, но въ такомъ случаѣ такая любовь тоже выдумка. Вы мнѣ скажете, что любовь людей, зарабатывающихъ 1.200 франковъ въ годъ или имѣющихъ 25.000 франковъ дохода, которые экономничаютъ на перчаткахъ, обдумываютъ приглашенія, но тогда уже это совсѣмъ не то, совсѣмъ, совсѣмъ!

Тогда бываютъ влюблены, любятъ, приходятъ въ отчаяніе, удушаютъ себя угаромъ, убиваютъ соперниковъ или даже самихъ себя. Иногда безропотно покоряются. Но это не то, совсѣмъ не то. О! Совсѣмъ!

Я такъ щекотлива, что каждая мелочь меня оскорбляетъ.

Марикса и Криспэнъ поклялись его убить, но она не понимала, какъ можно мстить.

— Мнѣ мстить, за что? — говорила она, — мстить не за что. Я была счастлива, онъ меня любилъ.

И когда Марикса бросился къ ея ногамъ и поклялся ей быть ея другомъ и мстителемъ, она отвернулась съ ужасомъ и отвращеніемъ.

— Моимъ другомъ? — сказала она, — и вы желаете ему зла?

Я понимаю, что можно желать смерти человѣку, **котораго любила,** но не тому, котораго **любишь.** Я никогда не полюблю **такъ,** или найду только то, что я уже видѣла... Я буду слишкомъ унижена въ немъ. Подумайте только: если онъ живетъ во второмъ этажѣ, у своихъ родителей, я держу пари (послѣ того, что извѣстно черезъ Висконти), что мать только два раза въ мѣсяцъ мѣняетъ ему простыни.

Но обратитесь лучше къ Бальзаку за этими микроскопи-

ческими анализами, — мои слабі несчастныя усилія не могутъ заставить понять меня.

Четвергъ, 23 августа. Я въ Шлангенбадѣ. Какъ и почему? Потому, что я не знаю, зачѣмъ я скучаю въ разлукѣ съ другими и разъ надо страдать, лучше страдать вмѣстѣ.

Мы съ тетей взяли двѣ комнаты въ Бадегаузѣ ради моихъ ваннъ; это удобно.

Фовель назначилъ мнѣ отдыхъ, и я его имѣю. Только мнѣ кажется, я еще не поправилась, — въ непріятныхъ вещахъ я никогда не обманываюсь.

Скоро мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ. Это мало для тѣхъ, кому тридцать пять, но это много для меня, которая въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ жизни, въ качествѣ молодой дѣвушки, имѣла мало удовольствій и много горестей.

Искусство? Если бы меня не манило издали это магическое слово, я бы умерла.

Но для этого нѣтъ надобности ни въ комъ, зависишь только отъ себя, а если не выдерживаешь, то значитъ ты ничто и не долженъ больше жить. Искусство! Я представляю его себѣ какъ громадный свѣточъ тамъ, очень далеко, и я забываю все остальное и пойду, устремивъ глаза на этотъ свѣтъ... Теперь, о нѣтъ, нѣтъ! теперь, о Боже, не пугай меня! Что-то ужасное говоритъ мнѣ, что... Нѣтъ! Я этого не напишу, я не хочу навлекать на себя несчастія! Боже мой... сдѣлаютъ все, чтобы его избѣгнуть и, если... Объ этомъ нечего говорить... и... да будетъ воля Божія!

Я была въ Шлангенбадѣ два года тому назадъ. Какая разница!

Тогда у меня были всевозможныя надежды: теперь никакихъ.

Дядя Степанъ съ нами, какъ и тогда: съ нами попугай, какъ два года тому назадъ. Тотъ же переѣздъ черезъ Рейнъ, тѣ же виноградники, тѣ же развалины, замки, старыя легендарныя башни...

И здѣсь, въ Шлангенбадѣ, чудные балконы, какъ гнѣздышки изъ зелени; но ни развалины, ни хорошенькіе новенькіе домики меня не плѣняютъ. Я сознаю достоинство, прелесть, красоту, разъ они есть, но не могу ничего любить, что не тамъ.

Да и дѣйствительно, что есть подобнаго на свѣтѣ! Я не

умѣю это разсказать, но поэ[illegible] убѣждали, а ученые доказывали это раньше меня.

Благодаря привычкѣ возить съ собой «кучу ненужныхъ вещей», черезъ какой-нибудь часъ я всюду устраиваюсь, какъ дома; мой несессеръ, мои тетради, моя мандолина, нѣсколько славныхъ толстыхъ книгъ, **моя канцелярія** и мои портреты. Вотъ и все. Но съ этимъ какая угодно комната, гостиница дѣлается удобной. Что я особенно люблю, это мои четыре толстыхъ красныхъ словаря, зеленый толстый Титъ-Ливій, совсѣмъ маленькій Данте, Ламартинъ средняго размѣра и мой портретъ, величиной съ кабинетный, написанный масляными красками въ темно-синей бархатной рамѣ и въ ящичкѣ изъ русской кожи. Со всѣмъ этимъ мой столъ тотчасъ же становится элегантнымъ, и двѣ свѣчи, освѣщающія эти теплые и мягкіе для глазъ цвѣта, почти примиряютъ меня съ Германіей.

Дина такъ добра... такъ мила! Я бы такъ хотѣла видѣть ее счастливой.

Вотъ слово! Какая отвратительная ложь — жизнь нѣкоторыхъ личностей!

Понедѣльникъ, 27 августа. Я прибавила одно прошеніе къ моей вечерней молитвѣ: Боже, благослови наше оружіе!

Я бы сказала, что я безпокоюсь, но въ такихъ важныхъ вещахъ, могу ли я говорить что бы ни было? Я ненавижу праздныя состраданія. Я не стала бы говорить о нашей войнѣ, если бы я могла что-нибудь сдѣлать. Я довольствуюсь, **несмотря ни на что,** тѣмъ, что упорно восхищаюсь нашей Императорской фамиліей, нашими великими князьями и нашимъ бѣднымъ милымъ Императоромъ.

Говорятъ, что мы плохо дѣйствуемъ. Хотѣла бы я посмотрѣть на пруссаковъ въ этой скудной, дикой наполненной предателями и засадами странѣ! Эти чудесные пруссаки шли по богатой и плодородной странѣ, какъ Франція, гдѣ каждую минуту они находили города и деревни, гдѣ они могли ѣсть, пить и грабить сколько угодно. Желала бы я видѣть ихъ на Балканахъ.

Не говоря уже о томъ, что мы сражаемся, а они по большей части покупаютъ и затѣмъ устраиваютъ человѣческую бойню.

Наши храбрецы умираютъ, «какъ дисциплинированные скоты», — говорятъ люди противной партіи, — «какъ герои», — говорятъ честные люди.

Но всѣ согласны, что никогда еще не дрались такъ, какъ дерутся теперь русскіе. Исторія подтвердитъ это.

Среда, 29 августа. Такъ какъ меня давно мучилъ непонятный для меня переходъ отъ имперіи къ царской власти, къ окончательному раздробленію Италіи, я взяла книгу Амедея Тьерри и ушла въ лѣсъ, гдѣ я читала и спала, и узнавала, что было нужно, бродя на удачу, не зная, куда я иду, и напрасно воображая себѣ встрѣчи, подобныя той, что я описала въ прошломъ году.

Русскимъ не везетъ. Читали военныя новости: Шипкинскій проходъ, впрочемъ, еще въ нашихъ рукахъ, завтра мы узнаемъ результатъ рѣшительныхъ дѣйствій. Я дала обѣтъ молчать до завтра, только бы наши побѣдили.

Мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ, это нелѣпо! Мои незрѣлые таланты, мои надежды, мои привычки, мои капризы сдѣлаются смѣшны въ восемнадцать лѣтъ. Начинать живопись въ восемнадцать лѣтъ, стремясь все дѣлать раньше и лучше другихъ!

Нѣкоторые обманываютъ другихъ, я же обманула себя.

Четвергъ, 30 августа. Я молчала, и сегодня вечеромъ въ Висбаденѣ мы узнали, что Шипка за нами, и турки разбиты (по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту), и что къ нашимъ идутъ большія подкрѣпленія.

Суббота, 1 сентября. Я много бываю одна, думаю, читаю безъ всякаго руководства. Быть можетъ, это хорошо, но, быть можетъ, и худо.

Кто можетъ поручиться, что я не полна софизмовъ и ложныхъ идей? Объ этомъ будутъ судить послѣ моей смерти.

Прощеніе, простите. Вотъ очень употребительныя на свѣтѣ слова. Христіанство насъ учитъ прощенію.

Что такое прощеніе?

Это отказъ отъ мщенія и наказанія. Но если не было намѣренія ни мстить, ни наказывать, можно ли **простить?** И да, и нѣтъ. Да потому, что такъ говорятъ себѣ и другимъ и поступаютъ, какъ будто бы обиды и не существовало!

Нѣтъ потому, что никто не властенъ надъ своей памятью, мятью, и пока **помнятъ,** еще **не простили.**

Я весь день провела дома вмѣстѣ съ нашими, собственными руками чинила башмакъ изъ русской кожи для Дины; затѣмъ я вымыла большой деревянный столъ, какъ горничная, и на этомъ столѣ я начала дѣлать вареники. Мои забавлялись,

глядя, какъ я мѣсила муку съ засученными рукавами и съ черной бархатной ермолкой на головѣ «какъ Фаустъ».

Четвергъ, 6 сентября. Остаться въ Парижѣ. Я окончательно остановилась на этомъ, и мама тоже. Я была съ ней весь день. Мы не ссорились и все было бы хорошо, если бы она не была больна, особенно вечеромъ. Со вчерашняго дня она не покидаетъ постели.

Я рѣшила остаться въ Парижѣ, гдѣ буду учиться и откуда лѣтомъ для развлеченія буду ѣздить на воды. Всѣ мои фантазіи изсякли: Россія обманула меня, и я исправилась. Я чувствую, что наступило наконецъ время остановиться. Съ моими способностями въ два года я нагоню потерянное время.

Итакъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и да будетъ надо мною благословеніе Божіе. Это рѣшеніе не мимолетное, какъ многія другія, но окончательное.

Воскресенье, 9 сентября. Я плакала сегодня. Безпорядочное начало моей жизни мучитъ меня. Сохрани меня Богъ видѣть въ себѣ непризнанное божество, о право я несчастна. Уже сколько разъ я была склонна признать себя существомъ, «преслѣдуемымъ злымъ рокомъ», но каждый разъ возмущалась при этой ужасной мысли:

Nunquam anuthematis vinculis exuenda! Есть люди, которымъ все удается, а другимъ — наоборотъ. И противъ этой истины нельзя ничего возразить. И въ этомъ-то и заключается весь ужасъ положенія.

Вотъ уже три года, какъ я могла бы серьезно работать, но въ тринадцать лѣтъ я гонялась за тѣнью герцога Г..., какъ ни плачевно въ этомъ признаться... Я не обвиняю себя, потому что нельзя сказать, чтобы я сознательно расходовалась на все это. Я жалѣю себя, но не могу во всемъ упрекать себя. Обстоятельства во взаимодѣйствіи съ моей полной свободой, постоянно стѣсняемой однако, съ моимъ невѣжествомъ, моя экзальтированность, да еще воображающая себя скептицизмомъ, выработаннымъ опытностью сорокалѣтняго человѣка, — все это бросало меня изъ стороны въ сторону. Богъ знаетъ куда и какъ! Другіе, въ подобныхъ обстоятельствахъ, могли бы встрѣтить какую-нибудь солидную поддержку, а это дало бы возможность приняться за работу въ Римѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, или, наконецъ, привело бы къ браку. У меня— ничего.

Я не сожалѣю о томъ, что жила все время по своему

благоусмотрѣнію; странно было бы сожалѣть объ этомъ, зная, что никакой совѣтъ мнѣ ни къ чему не служитъ. Я вѣрю только тому, что испытываю сама.

Понедѣльникъ, 10 сентября. Завтра утромъ мы выѣзжаемъ. Я очень люблю Шлангенбадъ. Здѣсь такія прекрасныя деревья, воздухъ такой мягкій... Можно ни съ кѣмъ не встрѣчаться, если хочешь.

Я знаю всѣ тропинки, всѣ аллеи. Человѣкъ, умѣющій удовольствоваться Шлангенбадомъ, можетъ быть вполнѣ счастливъ.

Мои матери не понимаютъ меня. Въ моемъ желаніи поѣхать въ Римъ онѣ усматриваютъ только прогулки на Пинчіо, оперу и «уроки живописи». Если бы я всю жизнь потратила на разъясненіе имъ своего энтузіазма, онѣ, можетъ быть, поняли бы его, но какъ нѣчто «безполезное», какъ какую-нибудь мою причуду... Мелочи обыденной жизни поглощаютъ ихъ, и потомъ, говорятъ, надо ужъ родиться съ любовью ко всему этому, иначе ничего не поймешь, будь тамъ хоть какимъ хочешь умнымъ, благороднымъ и прекраснымъ человѣкомъ. Или это я, можетъ быть, глупа?

Хотѣла бы я быть фаталисткой.

Парижъ. Среда, 19 сентября. Я перечитала всю передрягу съ А... и очень боюсь, что меня примутъ или за идіотку, или за особу довольно легкомысленную, нѣтъ. Я принадлежу къ порядочной семьѣ... однако, что я говорю!..

Я просто была глупа. Не подумайте, что называю себя глупой изъ кокетства или желая казаться милой. Я говорю это съ глубочайшей грустью, такъ какъ я убѣждена въ этомъ.

И это я, которая хотѣла поглотить міръ?.. Въ семнадцать лѣтъ я уже блазированное существо, и никто даже не знаетъ, что я существую. Я знаю, что я глупа. А. служитъ тому доказательствомъ.

А между тѣмъ, когда я говорю, я говорю умно; никогда во время — это правда, но...

Четвергъ, 20, пятница, 21 сентября. Глубокое отвращеніе къ самой себѣ. Я ненавижу все, что я дѣлаю, говорю и пишу. Я ненавижу себя, потому что не оправдала ни одной изъ своихъ надеждъ. Я обманулась.

Я глупа, у меня нѣтъ такта, и никогда не было. Укажите мнѣ хоть на одно мое умное слово или разумный поступокъ. Ничего кромѣ глупостей! Я считала себя умной, а я нелѣпа. Я

считала себя смѣлой, а я боязлива. Я думала, что у меня талантъ, и не знаю, куда я его дѣла. И при всемъ этомъ претензія писать прелестныя вещи! Вы, можетъ быть, сочтете умнымъ то, что я только что высказала, это только такъ кажется, но на самомъ дѣлѣ не умно. У меня недостаетъ ловкости судить о себѣ вѣрно, что заставляетъ предполагать скромность и массу другихъ качествъ. Я ненавижу себя!

Суббота, 22 сентября. Не знаю, какъ это произошло, но мнѣ кажется, что я хочу остаться въ Парижѣ. Мнѣ кажется, что годъ въ мастерской Жуліана будетъ для меня хорошимъ основаніемъ.

Вторникъ, 2 октября. Сегодня мы переѣзжаемъ на новую квартиру на Champs Elysées, 71. Несмотря на всю эту суматоху, у меня нашлось время съѣздить въ мастерскую Жуліана, единственную серьезную школу для женщинъ. Тамъ работаютъ каждый день отъ восьми часовъ до полудня и отъ часу до пяти. Когда Жуліанъ ввелъ меня въ залу, то позировалъ какой-то обнаженный человѣкъ.

Среда, 3 октября. Такъ какъ среда счастливый день для меня, и кромѣ того сегодня не четвертое число, которое для меня всегда несчастливо, то я спѣшу начать сегодня какъ можно больше дѣлъ.

Я набросала у Жуліана карандашомъ эскизъ головы en trois quarts, и, судя по его словамъ, онъ не ожидалъ, что выйдетъ такъ хорошо у начинающей. Я уѣхала рано, мнѣ хотѣлось только начать сегодня. Мы поѣхали въ Булонскій лѣсъ; я сорвала пять дубовыхъ листьевъ и отправилась къ Дусэ, который въ полчаса сдѣлалъ мнѣ прелестную голубую накидку на плечи. Но чего пожелать?.. Быть милліонершей? Чтобы вернулся мой голосъ? Получить римскій призъ, скрываясь подъ мужскимъ именемъ? Выйти за Наполеона IV? Войти въ высшій свѣтъ? **Я желаю скораго возвращенія моего голоса.**

Четвергъ, 4 октября. День проходитъ скоро, когда рисуешь отъ восьми часовъ до полудня и отъ часу до пяти. На одни переѣзды идетъ почти полтора часа, и кромѣ того я немного опоздала, такъ что работала только шесть часовъ.

Когда я только подумаю о годахъ, цѣлыхъ годахъ, которые потеряны мною! Отъ гнѣва испытываешь желаніе послать все къ чорту... Но это было бы еще хуже. Итакъ, ничтожное и отвратительное существо, будь довольна и тѣмъ, что, нако-

нецъ, принялась за дѣло! Я могла бы начать въ тринадцать лѣтъ! Четыре года!

Я бы писала уже историческія картины, если бы начала четыре года тому назадъ. То, что я знаю, только вредитъ мнѣ. Все это надо передѣлывать.

Я принуждена была два раза начинать голову en face, прежде чѣмъ нарисовала удовлетворительно.

Что же касается рисунка съ живой натуры, называемаго «академіей», то я сдѣлала его безъ труда, и Жуліанъ не поправилъ ни одной линіи. Его не было, когда я пріѣхала, и одна изъ ученицъ показала мнѣ, какъ начать; я никогда раньше не видала такихъ рисунковъ.

Все, что я ни дѣлала до сихъ поръ, было никуда не годное **вранье!**

Наконецъ я работаю съ артистами, съ настоящими артистами, произведенія которыхъ выставляются въ салонѣ, которымъ платятъ за картины и портреты, которые даже даютъ уроки.

Жуліанъ доволенъ моимъ началомъ. «Къ концу зимы вы будете дѣлать очень хорошіе портреты», — сказалъ онъ мнѣ.

Онъ говоритъ, что его ученицы иногда не слабѣе его учениковъ. Я бы стала работать съ послѣдними, но они курятъ, да къ тому же нѣтъ никакой разницы. Разница еще была, когда женщины рисовали только одѣтыхъ; но съ тѣхъ поръ, какъ онѣ рисуютъ съ голой натуры, это все равно.

Служанка при мастерской такая, какія описываются въ романахъ.

— Я всегда была съ артистами, — говоритъ она,—я уже болѣе не мѣщанка, я артистка.

Я довольна, довольна!

Пятница, 5 октября.

— Вы сами это сдѣлали? — спросилъ Жуліанъ, войдя въ мастерскую.

— Да.

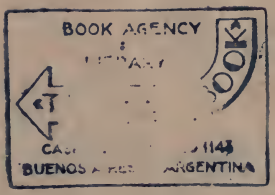
Я покраснѣла, точно сказала неправду.

— Ну... я очень доволенъ, очень доволенъ.

— Да.

— Очень доволенъ.

А я-то! Слѣдуютъ совѣты... я еще не ослѣплена превосходствомъ другихъ, но я уже не такъ боюсь. Все это женщины, которыя учатся уже три, четыре года въ мастерской, въ Луврѣ, занимаются серьезно.


BOOK AGENCY
BUENOS
ARGENTINA

CT
1218
B3A319
19--
kn.1

Bashkirtseva Mariia
Konstantinovna
Dnevnik
kn. 1

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY